

Андрей Тепляков
ЧЕРНЫЕ НЕБЕСА
Заповедник

В этом мире только два цвета. Белый снег и Черные небеса. То, что раньше называлось цивилизацией, похоронено под снегом. Посреди Пустой Земли - Город. Город умирает. Люди еще живут в нем, но время на исходе. Надвигаются орды мутантов, для которых люди - просто еда. Здесь трудно жить. И просто умирать. Поэтому сын погибшего ученого Ной и идет работать в "Поиск" - единственную организацию, которая ведет разведку за пределами Города.

М.: АСТ, СПб.: Астрель-СПб, 2010 год

Серия: Фантастика настоящего и будущего

ISBN: 978-5-17-070134-6

Тип обложки: твёрдая

Формат: 84x108/32 (130x200 мм)

Страниц: 413

Андрей Тепляков
ЧЕРНЫЕ НЕБЕСА
Заповедник

Пролог

— Оставайтесь на улице! Ни в коем случае не заходите в дома! Отойдите от дверей и канализационных люков! Держитесь большой группой!

Яркий белый луч прожектора разрезал темноту. Он взметнулся к небу, описал дугу и запрыгал по толпе, выхватывая перепуганные лица разбуженных посреди ночи людей. Холодный ветер взвыл, бросая вверх колючие облака снежной пыли. Прожектор повернулся и зашарил по серым обшарпанным стенам домов.

Мужчина в длинном тулупе размахивал над головами шапкой:

— Софья! Ты где, Софья?

Его крик потонул в многоголосом гомоне толпы.

Два милиционера тащили от двери рыдающую в голос женщину. Она вырывалась, изо всех сил цепляясь за ручку, и подгибала ноги. Сквозь толпу к ним проталкивался третий. Народ расступался, словно боясь коснуться его, и с любопытством провожал взглядом. Добравшись до своих, милиционер быстро заговорил, стараясь перекрыть вопли женщины.

— Они уже в центре! В здании Администрации! Кишмя кишат!

— И что теперь делать?

— Ноги делать! Ноги!

Он повернулся и снова бросился в толпу. Его коллеги чуть помедлили, потом отпустили женщину и устремились за ним. Она упала, охнула, но тут же поднялась, распахнула дверь и исчезла в темноте прихожей.

Луч прожектора снова взмыл в небо, замерцал и погас. Длинный неуклюжий грузовик выплунул вверх черное облако и осторожно пополз сквозь толпу. Двигатель ревел, и люди испуганно прижимались к стенам, давая дорогу. Выбравшись на свободное пространство, машина увеличила скорость и скрылась за поворотом.

На улице стало неожиданно тихо. Только ветер по-прежнему выл и носился между человеческих фигур, трепя волосы и унося прочь теплые облачка пара. Где-то далеко грохнул выстрел, потом еще один.

— Нас бросили! — закричал кто-то. — Они сбежали!

Толпа вновь загудела.

Худой человек в широкой рясе забрался на ржавый автомобильный каркас. Полы рясы хлопали, словно черные крылья.

— Люди! — взревел он, перекикивая шум, и раскинул в стороны руки. — Это кара Божья! Город погряз во грехе, и явились бесы! Они входят в наши дома! Они ждут нас в темноте! Кайтесь, люди! Кайтесь, пока не поздно!

Он еще возвысил голос.

— На колени!

Пару минут толпа не двигалась. Потом вдруг зашевелилась, закачалась, раздалась в стороны: люди опускались на покрытую льдом мостовую.

— В руки Твоего милосердия, Господи, вручаю душу и тело мое! — закричал проповедник. Его слова прогремели над головами, как колокол, и, словно эхо, толпа повторила:

— Вручаю душу и тело!

— Вход и исход мой! Начало и конец жизни моей! Упокое души и тела моего!

— Упокое души и тела моего!

— Ты же, Господи, всего мира Благодать — избавь от всякого зла!

— Избавь от всякого зла!

За спиной проповедника появился человек в расстегнутой толстовке. Он схватил попа за плечи и толкнул в сторону.

— Жили баранами, так и сдохните! — закричал он. — Берите продукты, берите сколько унесете и уходите из города! Идите на восток! В сорока километрах есть база Поиска! Идите по колее!

Толпа зароптала. Испуганно оглядываясь, люди поднимались на ноги.

— Бог не допустит! — крикнул проповедник.

— Бог ушел из города! Он ушел до вас!

— Чертов служка! Не слушайте его! Бейте бесова поводыря!

Несколько человек забрались на кузов машины и стянули человека в толстовке вниз. Завязалась драка.

— Кайтесь! — заорал проповедник.

Но его больше не слушали. Толпа пришла в движение, забурилась: люди бросились к домам.

— По грехам вашим грядет расплата!

Одно из окон на втором этаже распахнулось.

— Они уже здесь!

Людей охватила паника. Человеческий поток хлынул из домов и устремился вверх по улице, подгоняемый, словно бичом, криками боли и ужаса, летящими из открытых окон. Через несколько минут пространство между домами опустело и стало тихо. Только редкие камни тел остались лежать на свежем снегу.

Глава 1. Город Ветров

— Ной, ты не забыл свои бумаги? Здесь на столе какая-то папка.

— Сейчас посмотрю, мам!

Ной поставил сумку на подоконник и, подперев ее животом, стал перебирать листы. Он знал, что ничего не забыл, и что со стороны матери эта задержка была последним протестом против его выбора. Она не могла ничего изменить, но и себя изменить тоже не могла. Ной добился своего и теперь должен подарить ей эти несколько минут. «Но не больше, мама. Не больше». Пальцы перебирали бумаги: аттестат высшей школы, характеристика, карточка Комитета по Выбору Профессии, запечатанный конверт с оценкой личных склонностей, письмо из школы.

— Все на месте, мам! Я пошел!

Она появилась в прихожей — невысокая, полная, всегда настороженная, с седыми волосами, аккуратно убранными в пучок.

— Будь осторожен, Ной, — сказала она. — Храни тебя Бог!

Она перекрестила сына, придерживая на плечах теплый платок.

— Да, мама, — ответил Ной, поцеловал ее сухую щеку и вышел.

Утро выдалось морозным и ветреным. По небу, едва не задевая редкие тусклые фонари, плыли тяжелые тучи. Ной поднял воротник, сунул руки в карманы и пошел вперед, осторожно ступая по укрытому снегом льду дорожки.

Возле калитки маячила нескладная, долговязая фигура Алона. Он опирался на изогнутый дугой лом и раскачивался в такт порывам ветра. Ной недолюбливал старика — тот был глупым и назойливым, а изо рта у него воняло дикой смесью помойки и выгребной ямы. Алон жил в конце Квартала в убогой, продуваемой всеми ветрами лачуге, кое-как собранной из всевозможного мусора. Как ему удавалось выживать в таких условиях, никто не знал. Достоверно было известно лишь то, что он никогда не болел. Если приходилось работать в тепле настоящих домов, он не раздевался — лишь стягивал большие, подбитые мехом рукавицы и, подобрав длинные полы тулупа, размеренно и неторопливо делал свое дело.

Алон был такой же неотъемлемой частью Квартала, как Дорога или огромный ветряк, посреди площади. Он жил здесь всегда, и, насколько помнил Ной, со временем нисколько не менялся. Почти глухой с тусклыми, затянутыми бельмами глазами, он

удивительным образом знал обо всем, что происходит в Квартале. Иногда Ною казалось, что старик и есть Квартал.

Алон забирал мусор, чинил канализацию, убирал снег и выполнял еще много разной работы. Он выносил ночной горшок за сливками общества, обитающими вокруг, поэтому его терпели, и старались просто не замечать, общаясь с ним через прислугу. В доме Ноя прислуги не было, поэтому он знал о старике немного больше остальных. И больше, чем хотел бы знать. Он знал о здоровенной бурой крысе, которая жила у Алон в лачуге. Тот кормил ее отбросами из мешков с мусором и подолгу беседовал с ней, усадив на колени и поглаживая маленькую вертлявую голову.

Это было невыразимо мерзко.

— Храни тебя Бог, Алон.

— Храни тебя Бог, Ной!

Старик пожевал толстыми лиловыми губами и неожиданно спросил:

— У вас есть связь с Городом?

— Не знаю, а что?

— У Тверинских не работает аппарат. Меня звали, да я не понимаю в этом ничего.

Хотят ехать разбираться, вот я и подумал — давай у Ноя спрошу. У него как?

Ной пожал плечами: связь у них не работала давно — слишком дорогое удовольствие. Работали только экстренные номера, но их нельзя было набирать без необходимости. Алон знал об этом, но, наверное, уже успел позабыть. Они замолчали. Старик отвернулся и уставился в темноту.

— Ладно, Алон, — сказал, наконец, Ной. — Я пойду...

— Младший Декер сегодня будет гоняться по Дороге. Я сам слышал, как он говорил об этом.

Ной поджал губы. Декер тоже был воплощением Квартала — его парадным лицом. Отец парня сидел в Совете, мать занимала высокую должность в Лабораториях. Их отпрыск мог позволить себе все, что угодно. В том числе и машину — огромную, уродливую, мощную машину, на которой он время от времени гонял по Дороге, когда не был занят просиживанием штанов в школе.

Декер был вонючкой. Но очень влиятельной вонючкой. Ной презирал его и немного побаивался.

— Спасибо! — сказал он с чувством. — Я буду осторожным!

— Может переждешь? От греха.

— Не могу. Мне назначено.

— О-о... Назначено.

— Я иду на собеседование.

— На собеседование, — эхом отозвался Алон. — В Лабораторию?

Ной ждал этого вопроса. Ему очень хотелось, чтобы старик задал его. Ни мама, ни учитель в школе — никто не одобрял его выбор. Они относились к этому, как к чему-то несерьезному. Тому, что, со временем, обязательно пройдет. Сожалили об упрямстве Ноя, о напрасной потере времени. Но жизнь, которую они планировали для молодого способного парня, казалась Ною не настоящей. Она казалась ролью, целиком наполненной условностями. А Поиск — Поиск был настоящим. И Алон наверняка знал об этом.

Старик молчал, глядя вдаль подслеповатыми глазами.

— Странные времена наступают, — сказал, наконец, он. — Я желаю тебе удачи, Ной. Храни тебя Бог.

И все-таки Ной не любил старика. Глупым был Алон. И странным.

— Храни тебя Бог, Алон.

Ной зашагал прочь. За спиной раздался глухой удар, еще один, еще — Алон принялся колоть лед возле калитки.

Впереди медленно вырастала черная громада ветряка — первого из череды гигантов, питающих Город и Квартал электричеством. На легком ветру большие лопасти вращались величественно и плавно, толстые железные балки основания напоминали расставленные ноги. Вот уж чему не было дела до того, что происходит внизу — на земле.

Ной миновал ветряк, пересек небольшую площадь и повернул на Дорогу.

Говорили, что когда-то здесь был канал. Он разрезал Город на две неравные части, плавной линией проходя между окружающими холмами. Потом, когда на Землю опустилась вечная зима, его стали использовать, как дорогу. Стены и русло год за годом покрывались льдом, образуя прямое, продуваемое всеми ветрами ущелье. И год за годом оно становилось все уже.

Ной шел, опустив голову, и думал о матери. Он не разделял ее чувств по отношению к Кварталу. Мать из последних сил цеплялась за возможность жить здесь, все время рассуждая о статусе. На деле же это доставляло сплошные неудобства. И главное среди них — Дорога. Бесконечное ледяное ущелье с поверхностью настолько скользкой, что каждый шаг грозил обернуться падением и сломанной ногой. Ной ненавидел Дорогу. Уже в печенках сидело ползти по ней почти два километра до Центра; вставать в пять утра, чтобы иметь в запасе достаточно времени и расходиться с машинами, нетерпеливо мигающими фарами. Кроме него, никто не ходил по Дороге пешком. У каждого в Квартале была машина. Ной искренне считал, что после смерти отца, им следовало бы переехать поближе к Центру, но не решался сказать об этом матери.

О каком статусе тут можно говорить? Пока они остаются в Квартале пропасть между ними, живущими на пенсию отца и остальными — богатыми и успешными — только ярче бросается в глаза. Всем, кроме матери.

Неожиданно, среди свиста и завывания ветра Ной различил еще один звук — натужный рев двигателя. И звук этот быстро нарастал.

— О Господи — Декер!

Ной быстро огляделся, выискивая глазами укрытие. Как назло, вокруг возвышались лишь гладкие ледяные стены; разве что впереди, метрах в двадцати от него, был «карман».

«Хорошо бы успеть до него добраться, пока не появился Декер».

Ной попытался идти быстрее, сильно ударяя по скользкой поверхности ледунцами, похожими на калоши с шипами. Из снежной темноты впереди проступил рассеянный свет фар, рев двигателя сменил октаву и сделался похож на визг огромного злого животного.

«Он меня не видит! А, когда увидит, то просто не успеет затормозить!»

Ной побежал.

Ослепляющий свет фар воспламенил лед и буквально пригвоздил Ноя к месту. Декер выходил из длинного поворота и, судя по завыванию мотора, даже не думал сбрасывать скорость. Машину занесло, она ударилась в ледяную стену широкими выступающими колесами, двигатель снова заревел, и Декера швырнуло в противоположную сторону.

«Он не смотрит вперед! — в панике подумал Ной. — Он занят только тем, чтобы не перевернуться!»

Декер несся на Ноя, перегоняя метель. Его мотало от стены к стене, и нельзя было определить, к какому краю ущелья прижаться. Расстояние быстро сокращалось. Истошно заорал клаксон.

Охваченный паникой Ной одновременно понял две вещи: Декер не будет тормозить; болтающаяся из стороны в сторону машина все равно размажет его по Дороге, куда бы он ни побежал.

И тут произошло то, чего Ной от себя совсем не ожидал. Тело среагировало быстрее, чем бьющийся в истерике мозг принял решение. Ной прыгнул на ближайшую стену и

подтянулся. Пальцы, обхватившие толстую ледяную «пику» хрустнули. Он успел поднять вверх ноги, когда Декер пронесся мимо, со скрежетом ударившись в противоположный склон Дороги. В следующую секунду габаритные огни уже растворялись в утреннем сумраке.

Ной разжал пальцы и мешком сполз вниз. Встав на ноги, он неуверенно сделал несколько шагов, а потом остановился и стал ощупывать куртку. Прочная ткань выдержала, а вот штаны в коленях пострадали. Ной представил себе, как мама будет смотреть на них и ничего не скажет. Потом возьмет их и усядется у окна чинить.

Очень захотелось расплакаться от злобы и бессилия, но он только сжал зубы.

— Гнев — это грех!

Ной решил, что будет выше этого идиота, будет сильнее, не даст вывести себя из равновесия. Господь велел терпеть, и он будет терпеть. Но обида уже спряталась глубоко внутри, и Ной знал, что она еще долго будет грызть его, как неуловимый паразит, заставляя вновь и вновь возвращаться в это утро и заново переживать унижение. И, как всегда, в голове появится сотня планов отмщения, и, как всегда, главную роль в них будут играть неожиданно открывшиеся сверхспособности, которые Господь дарует Ною, чтобы наказать этого вонючку.

Он вздохнул и подумал, что, возможно, стоило бы вернуться домой. Идти на собеседование в дырявых штанах — не самое удачное начало карьеры. Но перед глазами сразу возникло лицо мамы, печальное и постаревшее. Она снова заведет разговор о том, что эта работа не для него, скажет, что утреннее происшествие — это знак свыше. Нет, не стоило возвращаться. К тому же, так он, наверняка, опоздает.

Ной потер саднящие колени и быстро, насколько позволял лед, зашагал вперед.

Дорога свернула в сторону, и ее очертания растворились в утренних сумерках. Ной оказался на вершине холма, полого спускающегося к Городу. Отсюда тот был виден почти целиком — блоки невысоких, в четыре-пять этажей, домов с желтыми пятнами освещенных окон. Трещины улиц змеились во все стороны, сходились к Центру и снова разбегались; по ним плыли яркие огоньки машин. Над домами, словно древние языческие истуканы, возвышались ветряки. Иногда эти громады падали, давя людей и машины, и целые улицы надолго погружались в темноту. С вершины холма было хорошо видно несколько таких темных пятен.

На склоне примостилось приземистое и длинное здание теплиц. К нему, сквозь темноту, брели люди, и собирались перед входом под единственной яркой лампой без плафона. В Городе их считали счастливчиками: в теплицах всегда было светло и тепло, а работники получали свежие овощи.

Ной спустился с холма, миновал здание теплиц и вошел в Город. Редкие фонари едва освещали скользкий тротуар, а скоро их должны были погасить совсем — день начался, и электричество пойдет на нужды заводов и Лаборатории. Не смотря на ледунцы, идти было трудно — приходилось все время смотреть под ноги.

— Машина, работающая на нефти, — с отвращением произнес громкий голос над головой. Он изливался из динамика на стене. Таких в Городе было множество, их использовали для административных объявлений, срочных новостей и важных сообщений. — Машина, работающая на нефти — это шум, это смрад, это грязь и варварство.

В окне рядом с динамиком появился свет, в желтом пятне мелькнула темная фигура. «Не повезло им, — подумал Ной. — Он орет, как иерихонская труба». В Квартале тоже была система городского оповещения, но она располагалась в стороне от домов и никого не беспокоила.

— Электрический двигатель! — радостно продолжал диктор. — Вот ваш выбор! Не теряйте времени — приезжайте в мастерскую механического завода. Все необходимые

работы для вас сделают бесплатно! Дым и копоть — для подземелий, светлому Городу — светлое будущее!

Динамик остался позади, и эстафету перехватил следующий.

Впереди показалась обширная площадь Совета. Людей вокруг значительно поубавилось. Большая часть рабочих повернула раньше, теперь рядом шли представители более редких социальных групп: мелкие чиновники, лавочники, общественные няньки. Среди них нельзя было встретить врача или учителя. Те никогда не показывались на скользких, продуваемых всеми ветрами тротуарах. Их автомобили вальяжно проползали мимо, разрезая сумрак яркими фарами: некоторые тихо — на них уже установили электродвигатели, другие — с грохотом изрыгая из труб смрадный черный дым.

Пересекая площадь по диагонали, Ной повернул направо, миновал ледяной памятник предыдущему Главе и пошел вниз по улице Правды. Судя по схеме, которую он срисовал в кабинете Выбора Профессии, городское отделение «Поиска» располагалось на углу Святого Варфоломея, всего в паре сотен метров от Центра.

Вдоль стен тянулись обмотанные теплоизоляцией трубы. Никакого тепла они не излучали, но, не смотря на это, Ной старался держаться ближе к ним. Раз в месяц работники теплостанции обходили свои сети и вытаскивали из щелей между трубами бездомных. Некоторые были еще живы, другие замерзали насмерть, и приходилось применять инструменты.

Ной не понимал, откуда берутся эти бедолаги. У каждого человека должен быть дом. Даже у Алона была своя лачуга. Любому, получившему работу от Города, предоставляли жилье. Так говорили в школе. Но тогда откуда брались эти бездомные?

Тротуар почти опустел. В этой части города не было крупных учреждений. Уныло завывал ветер.

Пройдя серый куб теплостанции, Ной повернул и увидел, наконец, то, что искал: длинное двухэтажное здание с темными окнами, глядящими на безлюдную улицу. Было без четверти восемь. До назначенного срока оставалось пятнадцать минут.

На широкой двери висела выцветшая от непогоды табличка «ЭКСПЕДИЦИОННОЕ УПРАВЛЕНИЕ», а ниже — эмблема «Поиска», которая так подействовала на воображение Ноя несколько месяцев назад — окруженный пустынной равниной вездеход. Ной вдруг представилось, будто он у особой черты: за этой дверью ждала новая жизнь, а детство должно было остаться на пороге. Он нажал на кнопку звонка.

Прошло несколько минут, прежде чем заскрипели металлические петли, и яркий свет хлынул в образовавшуюся между стеной и дверью щель. На пороге показался человек высокого роста в штанах, рубашке с закатанными рукавами и без пальто. Пронизывающий ветер с улицы теребил его короткие темные волосы. Он молча смотрел на Ноя.

— Храни вас Бог! — поспешно сказал тот и протянул свою карточку Комитета по Выбору Профессии. — Мне назначено.

Глава 2. Собеседование

Ной вошел в большую квадратную прихожую, освещенную яркой лампой на потолке. Помещение было теплым и совершенно пустым, не считая вешалки в углу, на которой висели старые куртки и телогрейка. Он в нерешительности остановился.

Позади с лязгом захлопнулась дверь.

— Ледунцы здесь оставь, а пальто — на вешалку.

«Хам, — подумал Ной и принялся раздеваться. — Не поздоровался даже. В свинарнике рос».

Он аккуратно повесил пальто на свободный крючок, стараясь, чтобы оно не касалось прочей рухляди, от которой исходил слабый неприятный запах отсыревшей шерсти. Несколько обшарпанных дверей, выходящих в прихожую, были закрыты. Ни одной таблички на них не оказалось. В целом комната производила удручающее впечатление;

совсем не таким Ной представлялся этот момент. Совсем не таким. Он перехватил сумку, прикрыв ей прореху на штанах, и обернулся к встретившему его человеку. Тот кивнул и отворил ближайшую дверь.

— Давай. Тебе сюда.

Комната, в которую вошел Ной, выглядела по-домашнему уютной: вдвое меньшая, с аккуратно выбеленными стенами, окном, закрытым желтой занавеской и двумя столами, за одним из которых, напротив Ноя сидела молоденькая девушка-секретарь в коричневом платье и смотрела на него поверх монитора. Она показалась ему очень милой — она ему улыбалась. Ной улыбнулся в ответ.

— Вот, — раздалось у него из-за спины. — Еще один.

Белобрысый захлопнул дверь, уселся за свободным столом и шумно отхлебнул из кружки.

Брови девушки вопросительно приподнялись.

— Храни вас Бог! — поспешно сказал Ной. — Мне назначено.

Выставив колено и уложив на него сумку, он принялся рыться в ней в поисках бумаги с назначением.

— Храни вас Бог, — отозвалась девушка. — Вы садитесь. Так удобнее будет.

Ной уселся и вытащил документы.

— Вот.

Пока девушка читала, он принялся разглядывать рисунки, занимающие почти всю стену у нее за спиной. Среди них преобладали пейзажи, написанные углем или карандашом — Ной затруднялся определить, он плохо разбирался в технической живописи. Одно он мог сказать точно: написаны они были хорошо. Очень похоже на правду. Большинство мест, изображенных на рисунках он не узнавал, скорее всего, они были сделаны за пределами Города. На центральной картине его взгляд задержался, и сердце отозвалось радостью узнавания. На ней был нарисован огромный вездеход. То самое чудо, которое красовалось на эмблеме «Поиска». Только здесь, писанный с натуры, он выглядел настоящим и производил куда большее впечатление. Вездеход стоял боком к художнику, опираясь на землю шестью широкими колесами, похожий на броненосца: панцирь — грузовой отсек, голова — кабина. Возле колес расположились люди в толстых неуклюжих комбинезонах. «Оперативная группа», — благоговейно подумал Ной.

— Нравится? — неожиданный вопрос застал его врасплох.

— Что?

— Картины. Нравятся?

— Да! — с жаром ответил Ной. — Очень!

Девушка положила перед собой направление и наклонилась вперед. Ее грудь коснулась стола, и Ной поспешно отвел взгляд в сторону.

— Здесь написано, что вы претендуете на место в оперативной группе «Поиска», — сказала она.

— Да. В комитете по выбору профессии сказали, что там есть вакансия.

— О да. У них всегда есть вакансия. Я просто хотела уточнить, нет ли здесь ошибки.

— Нет. Здесь все правильно.

— Ага, — сказала девушка, разогнулась и посмотрела в угол, где устроился хамоватый парень, встретивший Ноя.

— Колотун, это к вам.

Сердце подпрыгнуло у Ноя в груди. Колотун!

Ходили непроверенные слухи, будто в оперативной группе «Поиска» вместо имен у сотрудников приняты прозвища. Говорили, что это особая привилегия — знак принадлежности к группе, который нужно заслужить. Как именно заслужить, никто не знал, но сам Ной полагал, что это непременно должен быть какой-нибудь героический поступок. Этот парень с чашкой оказался одним из тех, к кому Ной так мечтал

присоединиться. Все обиды тут же вылетели у него из головы. Теперь он смотрел на Колотуна совсем другими глазами. И в них сквозило восхищение.

Колотун заметил это, осклабился и, глядя на Ноя с преувеличенным изумлением, сказал:

— Да ну!

— Здесь написано, что вы окончили высшую школу... — задумчиво проговорила девушка. — Это... верно?

— Да, все верно.

— И вы хотите устроиться в оперативную группу?

— Да!

Колотун перестал ухмыляться и теперь сам смотрел на Ноя с искренним удивлением.

— В бумагах все написано правильно, — твердо сказал тот.

— Хорошо, — кивнула девушка и быстро застучала по клавиатуре.

Несколько минут в комнате царил неуютная тишина. За окном едва слышно завывал ветер.

— Колотун, Караско на месте? — спросила вдруг молоденькая секретарша, не отрывая взгляда от монитора.

— Угу.

— Проводишь молодого человека?

Колотун снова отхлебнул и молча уставился на нее печальными глазами. Пару минут девушка продолжала печатать, но, не дождавшись ответа, подняла голову.

— Ты взываешь о помощи? — мягко, по-отечески, спросил Колотун. Не смотря на явную насмешку, его тон напомнил Ноем отца Михаила, сидящего в темной клетушке исповедальни. Это был мягкий голос священника, предлагающего не бояться и раскрыть душу перед Господом. — Ты просишь меня сопроводить этого отрока в пасть льву? Ты хочешь, чтобы я взял его с собой в подземелье?

Девушка улыбнулась с кокетливым недовольством.

— Колотун, брось паясничать!

— Кто паясничает? Ты подумай, на что обрекаешь парня!

— А ты подумай, что будет, когда Караско узнает, где ты торчишь в рабочее время!

Колотун поднял вверх руки.

— Сдаюсь. Твое красноречие меня убедило.

— Вот и умница.

Девушка собрала бумаги в стопку и протянула Ноем.

— Желаю удачи.

Они двигались по широкому коридору сквозь чередующиеся полосы света и тени от редких потолочных ламп. Колотун торопился, и Ной едва поспевал за ним. Путь все время шел под уклон, видимо значительная часть здания находилась под землей. Мимо проплывали двери с табличками-указателями, некоторые из них Ноем удалось прочесть: «Склад», «Архив», «Аналитический отдел», «Разработка».

Он думал о том, насколько непохожи эти люди на тех, с кем ему доводилось общаться в школе или церкви. Как много вольности было в их речи, как мало благоговения. А ведь сказано: «каждым словом своим воздавай Богу благодарность за то, что имеешь». Ной не мог решить нравится ему это или отталкивает. Он был шокирован тем, что увидел и с противоречивыми чувствами ожидал продолжения.

Коридор, казавшийся бесконечным, уперся в бетонную стену с широкими железными воротами и маленькой дверцей без таблички в одной из створок. Колотун пошарил в кармане, вытащил связку ключей и быстро перебрал их одной рукой, пока не нашел нужный. Лязгнули петли, дверца отворилась, и хлынул свет.

Ошеломленный, Ной застыл у порога. Еще никогда в жизни он не видел такого огромного помещения. Лампы под высоким потолком горели ярче солнца, выделяя

необыкновенно контрастно черные направляющие подъемника с тяжелым крюком на цепях. Хитросплетения труб, словно застывшие змеи, спускались на стены и исчезали в полу. Пахло машинным маслом и дымом. Посреди ангара стоял вездеход. Тот самый легендарный вездеход, который Ной впервые увидел на эмблеме «Поиска», потом на картине у девушки-секретаря, и, наконец, теперь он смотрел на него по-настоящему и мог бы коснуться его, если бы захотел. «Прикоснуться к своей мечте, — подумал он. — Кто может похвастаться этим?». Машина выглядела устрашающе большой: в три человеческих роста в высоту и длиной метров двадцать. Люди, стоящие возле нее, казались карликами, и даже звук их голосов, как будто, слабел, придавленный громадой вездехода.

— Нам туда, — сказал Колотун, указывая на дверь в правой стене ангара.

Табличка на ней была лаконична. «Самсон Караско», — прочитал Ной. Ни названия отдела, ни должности — просто «Самсон Караско».

— Подожди здесь.

Колотун приоткрыл дверь и наполовину просунулся внутрь.

— Я привел новенького.

Ему что-то ответили, но слов было не разобрать. Колотун подался назад и подтолкнул Ноя в комнату.

Первое, что бросилось ему в глаза, это беспорядок. В комнате царил полумрак, вдоль стен частоколом стояли тусклые металлические трубы, под которыми, в переплетении проводов валялась какая-то рухлядь и деревянные ящики, на вид очень старые — дерево частично сгнило. Стены сплошь покрывали схемы, карты и рисунки, которые тоже выглядели старыми — пожелтевшие, с изорванными краями. Напротив входа стоял большой стол, за которым восседал сам Самсон Караско, начальник оперативного отдела. Он молча смотрел на Ноя.

На вид ему было лет пятьдесят. Плотный, с крупной головой, правая щека обезображена следом от ожога. Большие руки со сплетенными пальцами лежали на столе, поверх исписанного листа бумаги.

— Садись, — сказал он, указывая на табурет, такой же старый и ветхий, как и все в этой комнате.

Ной осторожно сел.

Вид этого человека заставил его оробеть. Было в нем что-то демоническое, пугающее и, одновременно, притягивающее к себе, словно магнит. Что-то смутно казалось неправильным, как будто незавершенным, как в картине — яркой, талантливой, живой, но лишенной какой-то объединяющей все детали. От него исходила почти физически ощутимая сила. Ной чувствовал ее, как давление где-то в районе лба.

— Храни вас Бог, — тихо сказал он. — Я пришел на собеседование.

Караско нахмурился. Ной молчал, не зная, как поступить: отдать свои документы сейчас или подождать, пока его попросят.

— Сколько тебе лет? — спросил Караско.

— Двадцать.

— Где ты работал?

Ной смутился.

— Я не работал. В этом году я окончил высшую школу. В комитете по выбору профессии я узнал про «Поиск» и решил посвятить себя этому труду.

Караско хмыкнул.

— Давай свои бумаги.

Ной принялся поспешно рыться в сумке, вытащил стопку документов, уронил ее и, нагнувшись, стал собирать листы с холодного бетона. Подобрал все, он, красный, как огонь, выпрямился и положил бумаги на стол. Сердце колотилось, как бешенное. Караско отвел от него тяжелый взгляд, придвинул стопку к себе и стал читать.

«Демон, — подумал Ной. — Демон во плоти».

Потянулись минуты тягостного ожидания. Снаружи слышались крики и смех, заскрежетало железо. Наконец, Караско отложил документы и посмотрел на Ноя. Тот непроизвольно выпрямился.

— Ты нам не подходишь, — сказал начальник оперативного отдела без всяких предисловий.

От неожиданности и обиды у Ноя слезы навернулись на глаза. Он часто заморгал.

— Почему?

Караско подался вперед, всматриваясь в лицо парня.

— Я думаю, ты знаешь почему. Иначе не дрожал бы, как куст на ветру.

— Я не дрожу...

— Если ты решил попробовать себя в нашем деле, то это не та контора. У нас так нельзя. Никаких случайных людей в Поиске нет и не будет.

— Но я не хочу пробовать. То есть, я хочу сказать, что я принял решение.

Ной пытался говорить твердо, но прежней уверенности уже не ощущал. Она исчезала на глазах, тая под обжигающим взглядом Караско.

— Принял говоришь... Давай я обрисую тебе свое видение ситуации, чтобы ты лучше осознал мою мысль. Вот смотри — в Городе живет около пяти тысяч народу. Большинство из них имеют за плечами только начальную школу, и для них открыто множество дверей: заводы, теплица, коммунальные службы, милиция. У их ног — великое богатство возможностей. Некоторые окончили среднюю или специальную школу. Таких значительно меньше, и дверей перед ними открыто меньше — общественные няньки, инженеры, администраторы. И совсем немного в Городе таких, как ты. Понимаешь — каждому свое. Нянька не может быть учителем, а инженер — милиционером. Потому что это будут хреновые милиционер и учитель. Каждый человек должен войти в свою дверь. Глупо ломиться в чужую. Вот ты — ошибся дверью.

Ной подавленно молчал.

— В Поиске есть аналитический отдел — это как раз для тебя. Я скажу Колотуну, он проводит.

Караско отвернулся, и тут Ной почувствовал злость. У него даже руки задрожали от возбуждения.

— Если бы я хотел в аналитический, я бы пошел в аналитический! — заявил он и тут же замолк, испуганный собственным тоном.

Караско снова посмотрел на Ноя, но, на этот раз, с интересом. Он снова взял анкету, некоторое время глядел в нее, а потом спросил.

— Твоя фамилия Коштун?

Ной кивнул.

— Петр Коштун твой отец?

— Да. Вы его знали? — с жадностью спросил Ной.

Он почти ничего не знал об отце и не помнил его. Тот умер, когда сыну едва исполнилось три года. Единственное, что осталось, это портрет над кухонным столом. Мама редко рассказывала о нем. Ной знал, что отец работал в Лаборатории, работал над чем-то секретным. Однажды он, как всегда, ушел на работу и не вернулся. Поговаривали, будто Петр Коштун сбежал из Города. Но почему он так поступил, почему ушел на Пустую Землю, где не было ничего, кроме мертвой снежной пустыни, бросив жену и маленького сына — никто этого не знал. Он вошел в свой кабинет и не вышел из него. Никогда. Просто исчез.

— Да, — сказал Караско. — Я его знал.

— По работе?

Караско долго не отвечал, задумчиво и внимательно разглядывая Ноя. Наконец, он сказал:

— Петр был моим другом, поэтому я возьму тебя. Хотя, я не уверен, что ты удержишься здесь надолго. В любом случае, у тебя будет шанс.

— Я задержусь!

— Ты получил хорошее образование, и, если мозгами пошел в отца, сможешь многого добиться. Но не здесь, Ной. Не здесь. Ты не глупый парень, и я дам тебе время. Надеюсь, оно того стоит.

— Спасибо! — горячо поблагодарил Ной, вскочив со стула.

— Не за что. Сядь.

Караско пошевелил сухими тонкими губами и спросил:

— Ты машину водишь?

— Нет. У нас нет машины.

— Нет машины? Почему у вас нет машины?

Ной рассказал ему. Теперь, после того, что он узнал, Караско стал ему едва ли не родным человеком. Ной рассказал о матери, о Декере и добрососедских отношениях в Квартале. Рассказал о Дороге и Статусе. Он старался говорить сдержанно, не обличать и не иронизировать. Это удавалось не всегда, но Караско не обращал внимания на пылкие речи, только слушал и кивал с таким видом, будто все это давно знает. Когда Ной замолчал, он поднялся из-за стола.

— Хорошо. Оставь здесь сумку, и пойдем — я покажу тебе наше хозяйство.

Они вышли в ангар. Теперь там не было ни души: люди, стоявшие возле вездехода, куда-то исчезли.

— В столовой торчат, дармоеды, — сказал Караско.

В этих грубых словах Ной уловил оттенок нежности, будто отец говорил о детях, и снова удивился, как порой внешняя оболочка может не соответствовать внутреннему содержанию. Грубость и нигилизм вовсе не делали этих людей плохими. Наоборот, в этом проглядывала искренность — редкий товар в Городе, в котором обязательная благопристойность, словно ширма, скрывала все — и хорошее, и мерзкое.

Караско подошел к вездеходу и оперся на бронированный бок.

— По официальной формулировке наша основная задача — разведка и освоение территорий за пределами Города. Вспомогательная — обеспечение внешней безопасности. Это, как я понимаю, ты уже слышал.

Ной кивнул.

— Да.

— На деле мы — прослойка между Городом и всем тем, что Городом не является. Для тебя сейчас это звучит непонятно, но, со временем, ты поймешь, о чем я говорю. Когда я упоминаю Город, то имею в виду не только дома и улицы. Город — это мировоззрение, это система отношений, мораль. Мы стоим на тонкой грани, между моралью и тем, что за пределами городских стен. Живя здесь, мы остаемся вне Города, и Город знает об этом. Теперь он будет знать и о тебе.

Караско убрал руку с вездехода.

— Пошли, познакомлю тебя с командой.

Он быстро зашагал через огромный зал к противоположной стене. Ной поспешил следом, едва сдерживаясь, чтобы не бежать. Его так и распирало от восторга и предвкушения. Караско открыл широкую стеклянную дверь, и они оказались в чистом просторном помещении, наполненном запахами макки и горячих пищевых концентратов. Вдоль всей правой стены тянулась стойка, уставленная подносами, тарелками и стаканами, слева стояли столы, а за столами расположились люди, которых Ной видел возле вездехода. Оперативная группа завтракала.

Как только Караско вошел, стало тихо.

— Так, ребята, знакомьтесь с новеньким. Ной Коштун.

Ной натянуто улыбнулся и кивнул, чувствуя на себе оценивающие взгляды.

— Колотун, возьми его к себе. Будет помогать пока с вездеходом.

Тот кивнул.

— Так. Парень, рядом с Колотуном — Ушки.

Ушки тоже кивнул и поднял в приветственном жесте чашку. Он являл собой почти полную противоположность здоровяку соседу — невысокий, светловолосый, тонкой кости с правильными, почти женственными чертами лица. Только серые глаза смотрели холодно и хватко. «Странное прозвище — Ушки», — подумал Ной и сказал:

— Храни вас Бог.

— Привет.

Караско указал на плотного, почти квадратного человека, сидевшего за соседним столом. Он выглядел старше всей остальной команды: почти лысый, с покрытым глубокими морщинами лицом. Но, в отличие от Ушки, взгляд его казался мягким. Он улыбался.

— Это Танк.

— Приветствую.

— Храни вас Бог.

— А вон там из кухни выглядывает Мамочка.

Ной повернул голову и увидел девушку в синем комбинезоне и клеенчатом фартуке. Ее волосы цвета меди были стянуты в хвост, а покрытое веснушками лицо напоминало маленькую племянницу Кадочниковых, которую Ной учил арифметике — неугомонную проказницу. Мамочка улыбалась, и он невольно улыбнулся в ответ. Она подняла руку и пошевелила пальцами.

— Храни вас Бог! — сказал Ной, смущенный монотонностью своего приветствия. Здесь оно звучало как-то неискренне, излишне напыщенно, и он не мог понять почему. Раньше у него никогда не возникало таких мыслей.

— Так, хорошо, — сказал Караско. — Теперь...

Громкий голос из динамика на стене прервал его на полуслове.

— Оперативники, внимание. Проблемы в коллекторе связи Квартала. Есть один выживший — везут к вам. Возможно, тараканы. Самсон Караско, зайдите в комнату связи.

Голос умолк. Команда смотрела на начальника, ожидая распоряжений.

— Вы все слышали, — сказал он. — Заканчивайте. Мамочка — возьми бумагу и карандаши. Через пятнадцать минут всем собраться в штабе.

Глава 3. Лайла

Караско вышел, вслед за ним потянулись и остальные. Ной остался один, растерянный и озадаченный.

Какие-то тараканы. Что за тараканы? Почему такой ажиотаж вокруг маленьких насекомых? Или это что-то другое? Проблемы со связью, выживший...

Ной неуверенно подошел к двери. С одной стороны, он в Поиске всего несколько минут, но с другой — Караско сказал, что ждет всех. Всю команду. А, значит, и его тоже.

Штаб располагался в дальнем конце ангара и представлял собой просторную комнату с длинным столом посередине. Как и в кабинете Караско, стены здесь сплошь покрывали карты, схемы, рисунки и чертежи. Длинным рядом стояли высокие шкафы для документов. Когда Ной вошел, все уже расселись. Ушки и Колотун о чем-то тихо переговаривались. Мамочка раскрыла коробку с карандашами, вытащила несколько штук и стала точить их, ловко орудуя маленьким ножом. Ной озираясь, соображая, куда сесть, чтобы никому не помешать и вдруг почувствовал, как кто-то тянет его за рукав. Он обернулся и увидел Танка. Тот кивнул и указал на стул рядом с собой.

— Сейчас начальник придет, — шепнул он. — Будет у нас работенка.

— Да уж, — ответил Ной.

Минут десять они ждали, потом снаружи послышались невнятные крики, раздался топот, дверь распахнулась, и на пороге появился Караско.

— Все в дальний конец стола! — приказал он. — Давайте! Быстренько!

Не дожидаясь, пока команда снова рассядется, он отступил в сторону, пропуская вперед двух санитаров в синих халатах.

И выжившего.

Он был одет в серый форменный комбинезон коммунальной службы. Только теперь серым тот был лишь на половину — вся правая сторона почернела от крови; кровь пропитала бинты на шее и сочилась из глубоких порезов на руке. Взгляд пострадавшего беспорядочно метался по залу, прыгая с одного на другое и ни на чем не останавливаясь. Он громко стонал. Санитары усадили его на свободный стул.

Вслед за ними вошли двое милиционеров.

— Братцы, не могу терпеть! Дайте хоть что-нибудь! Христом-богом прошу! Ну будьте людьми! — причитал раненый, привалившись к одному из санитаров.

— Нельзя тебе больше — загнешься совсем. Ты потерпи. Сейчас подействует, и полегчает.

— А вдруг они заразные? — не унимался тот. — О Боже, как больно!

Он перестал причитать и хрипло зарыдал, держась здоровой рукой за бок.

— Терпи, парень! — приказал один из милиционеров. — Давай, рассказывай, что случилось. Реветь потом будешь!

Пострадавший закашлялся, и тут же заорал, схватившись за шею. На губах выступила кровь и тонкой струйкой потекла на стол.

Ной смотрел на эту сцену широко раскрытыми глазами. Он весь застыл от ужаса, к горлу поднялся тугой комок. Он сжал переплетенные пальцы, чувствуя, как лоб покрывается холодной испариной, а глаза заволакивает туманом.

— Подыши, — послышался возле самого уха шепот Танка. — Глубоко и медленно.

Ной послушался. Раненый тоже немного успокоился и заговорил хрипло и глухо, будто у него заложило нос.

— Мы спустились вдвоем. Андрей и я. Наряд на шесть двадцать. Кабель не прозванивался. Спустились и пошли по проводу. Далеко уже ушли. А потом...

Он судорожно вздохнул и снова закашлялся.

— Спокойно, Фома, спокойно, — вновь заговорил милиционер. — Не время сейчас. Там люди в опасности.

— Да. Да... Ну вот, мы шли. Темно там. Фонарь метра на четыре только бьет. Андрей первым шел. Понимаете — за секунду! Раз — и нет его. Только что спину ему мог тронуть, а тут как закричит из темноты! Я фонарь направил — он на полу, а они вокруг. Белые, голые, аж кровь стынет!

Он задрожал и снова зарыскал глазами.

— Один из них на меня уставился. Потом зажмурился и, как сидел на карачках, так и бросился. С ног меня повалил и давай рвать. Как собака вцепился! Зубами, когтями — я думал, надвое раздерет.

— Почему он тебя отпустил? — спросил Караско.

— Не знаю. Отпустил и все. Я потом приподнялся, вперед посветил, а там никого — ни гадов этих, ни Андрея. Унесли они Андрюшу. С собой... С собой забрали. Я к теплице пошел. Там ближе.

— Они за тобой не увязались?

— Бог миловал. Сгинули.

— Это правда, — сказал милиционер. — Он один был.

— Вы видели, как он вылезал? — настаивал Караско.

Милиционер нахмурился.

— Нет.

— Ясно. Ладно, опиши их.

Караско повернулся к Мамочке. Она кивнула и приготовилась рисовать.

— Ну, давай.

— Описать... Так. Описать. Да я толком не рассмотрел — темно там. И...

— Сколько их было?

— Штуки четыре, не меньше. Может, еще были в темноте.

— Мужчины или женщины?

— А пес их знает! Худые очень. Бледные.

— Одеты во что?

— Да голые вроде. Только грязные. И еще — мокрые. И воняло от них — смердело просто. Люди, а на людей не похожи.

— Волосы были?

— Волосы? Были. Такие... черные.

Ной слушал эти путанные описания и ничего не понимал. О чем он говорит? При чем тут тараканы? Или эти люди там — эти существа — и есть тараканы? Голые... В коллекторе отрицательная температура. Кто может ходить голышом при отрицательной температуре?

Мамочка быстро работала карандашом. Шуршала бумага.

Вопросы о внешности сыпались и сыпались один за другим, и, казалось, им не будет конца.

— Глаза? Глаза большие — темные... Рот? Тонкий, будто вовсе без губ... Руки — длинные. Твердые. И ужасно холодные... А пальцы...

Ной едва сдерживал тошноту.

— Ладно, — сказал, наконец, Караско. — Достаточно.

— Я вот только никак в толк не возьму, откуда они вообще там взялись? — раздраженно сказал милиционер. — Коллектор всегда под замком.

Он посмотрел на раненого. Тот притих и понуро разглядывал покалеченную руку.

— Вы дверь за собой заперли?

— Да. По инструкции. Чтобы не сунулся кто.

Ушки подошел к шкафам для документов, выдвинул ящик и вытащил план.

Некоторое время он молча изучал его, и, наконец, сказал:

— Есть. Боковой ход.

Он ткнул пальцем в бумагу.

— Узкий какой-то, — с сомнением произнес милиционер.

— Сантиметров двадцать в диаметре, — сказал Ушки. — Им хватит. Пластиковая труба, если схема не врет.

— Да как же хватит? Там и ребенок не пролезет! Они что — резиновые что ли?

Ушки проигнорировал раздраженную реплику и уставился на Караско.

— Меня другое волнует, — сказал он. — Зачем они провод повредили? Почему людей оставили? Они будто нарочно все подстроили.

Он повернулся к ремонтнику.

— Ты уверен, что они за тобой не вышли?

— Не знаю, — буркнул тот. — Вон как они меня изукрасили. Не до того мне было.

— До хоть бы они тебя совсем порвали, — едва слышно произнес Ушки.

Ной услышал.

— Начальник, надо туда спуститься. Если тело все еще там, значит, они боковым ходом ушли. Так быстро им труп не разделить. А если нет...

Ушки многозначительно замолчал.

— Значит они в Городе, — закончил за него Колотун.

Ной вздрогнул. Над столом повисла тяжелая тишина.

— Вот что, — заговорил милиционер, повернувшись к напарнику. — Проводишь этого парня в клинику. А то он здесь, поди, кровью истечет.

Раненый снова застонал.

— И смотри, чтобы ни звука о том, что случилось! Ни одного слова! Это касается всех. Ну! Чего ждете? Выполняйте!

Санитары подхватили парня и выволокли из комнаты. Когда дверь в штаб закрылась, милиционер повернулся к Караско.

— Значит, ты уверен, что это они?

— Они это. Они.

— Ну хорошо. Хотя, чего тут хорошего... Ты возьми своих орлов, и сходите-посмотрите. Теперь это дело особенное. Политическое дело. Отцы города обеспокоены. До сих пор в Квартале было тихо, а тут такое... В общем, сам понимаешь, как это важно. Тебе людей дать?

— Нет. Вниз мы сами пойдем. А людей ты у выходов поставь. Если что — на них погоним.

— Поставлю.

Караско посмотрел на подчиненных.

— Ушки, Танк, Колотун — собирайтесь. Через полчаса встречаемся в гараже.

Они встали. Танк тихонько хлопнул Ноя по плечу и подмигнул. Милиционер тоже поднялся.

— И вот еще, Самсон, по дружбе прошу — никакой пощады. Получится взять живого — хорошо, а нет — не жалейте. Ты меня понимаешь? Нам под землей проблем достаточно, не раздражай Совет... Ну ладно. Храни вас Бог!

Он пожал руку Караско и вышел. В штабе остались только Ной и Мамочка. Она все еще продолжала рисовать, хмурясь и закусывая губу.

— Ной, идем со мной.

В кабинете Караско еще раз перебрал бумаги, нашел нужную и стал быстро писать. Не поднимая головы, он заговорил.

— Рот держи на замке. Все, что здесь происходит, здесь же и остается. Ни маме, ни девушке, ни на исповеди — никому ничего не говори. Ты понял?

— Да.

Ной подумал о том, что сказала бы мама, расскажи он ей обо всем. На дальнейшей работе в Поиске можно было бы смело ставить крест.

— Вот, — Караско протянул ему бумаги. — Иди, оформляйся. Придешь завтра в девять. На сегодня ты свободен.

В кабинет вошла Мамочка.

— Готово, — сказала она и положила рисунок на стол.

Караско даже не взглянул на него, встал и пошел к двери.

— Дождись нас. Остаешься за главную.

Они остались одни.

Ной складывал бумаги в сумку, и взгляд его случайно упал на рисунок. Мамочка очень точно передала все то, о чем рассказывал раненый. С листа смотрело мерзкое существо, словно бы сошедшее с картин, изображающих ад: истощенное, с раскрытым тонкогубым ртом и вытянутой вперед костлявой рукой. На одно жуткое мгновение Ной показалось, будто оно сейчас вырвется наружу, и длинные сильные пальцы вопьются ему в плечо. И в эту же самую секунду он прочел в глазах нарисованной твари страх. И боль.

Мамочка выполнила рисунок быстрыми короткими линиями, и они складывались в неуловимый переменчивый образ хищника — живого воплощения кары небесной и, одновременно, в облик измученного напуганного существа, протягивающего руку в жесте полном отчаяния.

«Она настоящий художник, — подумал Ной. — И она... жалеет их».

— Страхоморда, а? — спросила Мамочка.

Ной вздрогнул и оторвал взгляд от листа.

— Да. Но вам ведь жалко его, правда?

Мамочка нахмурилась.

— С чего ты взял?

— Я увидел это здесь. Настоящий художник не может врать.
Она взяла со стола рисунок и поднесла ближе к глазам. Ее щеки порозовели.
Ной повесил сумку на плечо.
— Я пойду, — сказал он. — Храни вас Бог!
Он дошел до двери, когда Мамочка окликнула его.
— Ной!
— Да?
— Ты. Говори мне — ты.

Практика! Ной не верил своим глазам. В форме зачисления отдельной строкой Караско вписал, что принимает его на практику. Ни на работу, ни в команду — на практику...

Ной стоял перед девушкой, которая занималась утром его бумагами, и уши его пылали. Она быстро стучала по клавишам, избегая смотреть на молодого человека, который, казалось, вот-вот готов был сорваться и закричать. Она помнила, каким гордым и высокомерным он вошел в кабинет десять минут назад, и как изменился в лице, услышав из ее уст то, что написал Караско. Хорошо еще, что в обморок не упал.

Ной почувствовал дрожь в ногах и сел. Это было немыслимо. Караско сам говорил, что Поиск не нуждается во временных людях. Ведь это он говорил, что не надо пробовать. И тут — на тебе! — практика. Можно было списать все на ошибку, на спешку, в которой Караско заполнял бумаги, но эта отдельная строка... Он написал отдельной строкой.

Ной не знал, как к этому относиться, в какой-то момент он решил просто взять и молча выйти, хлопнув дверью. Но что-то удержало.

«Говори мне — ты», — сказала Мамочка.

Из здания Поиска Ной вышел в крайнем раздражении.

Бессмысленная бюрократическая волокита высшей школы подействовала на него успокаивающе. В отличие от девушки в приемной Поиска, там никто не удивился направлению на практику. Глава отдела выпускников даже отечески хлопал Ноя по плечу, утверждая, что тот принял правильное решение. Не стоит торопиться с выбором. Нужно осмотреться, попробовать себя, приобрести опыт. Жизненный опыт, которого так не достает современным молодым людям. Ной ходил из отдела в отдел, и постепенно обида на Караско слабела, отступала на второй план, сменяясь мрачной решимостью заставить злокозненного начальника оперативного отдела понять, какую ошибку тот совершил, поступив с Ноем так подло. Он поймет, с кем имеет дело. И раскается. И примет Ноя в команду.

Постепенно его мысли все больше уходили в сторону. Ной подумал о мрачном, жутком подземелье, в которое предстояло спуститься оперативной группе. Что они там найдут? Какие еще кошмары поджидают их там — в темноте? Эти тараканы — они так похожи на людей. Так кощунственно похожи. Было бы лучше, если бы они выглядели так же мерзко, как и их поступки. А еще этот рисунок Мамочки. Страх и жалость. Ной почувствовал, что окончательно запутался.

«Надо будет порасспросить Танка», — подумал он. Танк казался добрым. Он мог бы ответить. Мог бы объяснить.

Смеркалось, когда Ной вышел из школы. В душе все еще было беспокойно, и возвращаться домой не хотелось. Мама наверняка почувствует неладное и начнет расспрашивать, он сорвется, и пойдет-поедет. Глядя на редкие, крупные, как перья снежинки, Ной подумал, что вот уже неделю не был на исповеди. Его группа собиралась недалеко от школы, всего в двух кварталах. Мысль показалась привлекательной — нет ничего более успокаивающего, чем групповая исповедь. Истории, звучащие там —

скучные, обыденные метания подростков из хороших семей — всегда навевали на него сон. А это как раз то, что надо.

Скучные люди со скучными историями.

Ной с сомнением взглянул на дырявую штанину, покачал головой и стал осторожно спускаться по скользким ступеням.

Он пришел раньше на полчаса. Обычно в это время еще никого не было, кроме батюшки Михаила. Ной намеревался поговорить с ним без помех, излить душу, умалчивая, разумеется, о происшествии в коллекторе. Выслушать слова утешения и окончательно оставить позади обиду на Караско. Но, когда он вошел в комнату, где собиралась группа, там уже сидела девушка. Незнакомая девушка.

Семь стульев стояли кругом в пустом помещении. Она устроилась на том, что ближе к окну и смотрела на улицу. Ной застыл на пороге, пораженный тем, что увидел. Слова застряли у него в голове, перемешались, и он все никак не мог выбрать нужное — то, которое подходило бы ей. Красивая? Нет, не то. Прекрасная? Опять не то! Ее вид завораживал, даже пугал; и вдруг стало тепло и пусто в груди.

Узкое лицо с огромными глазами и маленьким тонким носом; яркие губы. Темные волосы не доставали до плеч и в желтом, разбавленном свете лампы казались почти черными. Одной рукой она опиралась на спинку стула, другая лежала на коленях; под тонким свитером проступала грудь. Круглые бедра, маленькие кисти. Она была совершенной. Ной никогда не видел такой красоты, и не знал, что она такая бывает.

Почувствовав чье-то присутствие, девушка повернула голову и улыбнулась.

— Храни вас Бог, — сказала она.

Ной судорожно рванул сумку к коленям.

— Храни вас Бог!

— Вы из группы батюшки Михаила?

— Да.

— Очень приятно с вами познакомиться. Меня зовут Лайла. Я новенькая. Сегодня мой дебют.

— Ной, — представился Ной.

От растерянности он не знал, что сказать. Не было слов. С таким существом можно было говорить только стихами, а стихов он не знал.

— Я чувствую себя немного скованно, — продолжала Лайла. — Батюшка говорил, что ваша группа очень хорошая — и я уверена в этом! — но я волнуюсь.

Лайла внимательно рассматривала Ноя, чуть склонив голову набок. От нее почти ощутимыми волнами исходила благожелательность.

— У нас действительно очень хорошая группа, — проговорил Ной. — Очень... хорошая.

Неожиданно он разозлился на себя. Лайла наверняка подумает, что он глупый. Что не может двух слов связать. Что он — неотесанный увалень. Нужно было расслабиться и взять себя в руки.

— Вы давно в группе? — спросила она.

— Да. Почти полтора года. С третьего класса.

— Значит, вы уже закончили школу! Как это волнительно, наверное — оставить учение и выйти в большую взрослую жизнь. Я вам завидую, Ной. Мне осталось учиться всего год, а я никак не могу решить, чему посвятить себя. Столько путей впереди, столько поприщ! — Лайла улыбнулась. — Забавное слово, не так ли?

Ной улыбнулся в ответ, и промолчал.

— Иногда я думаю, что могла бы остаться в школе. Учить детей. Я и живу здесь недалеко, на улице Десяти Заповедей. А вы где живете? Быть может, мы с вами соседи?

— Я живу в Квартале, — произнес Ной с гордостью, зная, какое впечатление это производит на людей. И тут же смутился, испугавшись, что она почувствует в его словах высокомерие и обидится.

Но Лайла не обиделась.

— Как интересно! Я никогда там не была. Наверное, там очень славно. Столько замечательных и интересных людей!

— Да, там хорошо...

Повисла пауза, в течение которой Лайла смотрела на Ноя каким-то особенным, неподвижным мечтательным взглядом. На ее губах появилась улыбка. Ной шагнул вперед. От девушки исходил очень слабый и очень приятный аромат. Мыло. Настоящее мыло. Теперь Лайла казалась ему ангелом.

Заскрипела дверь и, в ключья разрывая сладкое мгновение, в комнату ввалился Иосиф Багуцкий. Увидев Ноя и Лайлу, он заулыбался и замахал рукой.

— Храни вас Бог!

— Храни тебя Бог, Иосиф.

— Храни вас Бог.

Иосиф хотел сказать что-то еще и даже открыл рот, но вдруг зажмурился, его толстое лицо сморщилось; он поспешно прижал ладонь ко рту и оглушительно чихнул. Он был аллергиком, и с ним часто происходило нечто в таком духе. Ной к этому давно привык, но Лайла вздрогнула от неожиданности.

Вслед за Иосифом в комнату вошел батюшка.

— Храни вас Бог!

В течение последующих десяти минут собралась почти вся группа — пять человек. Не хватало только долговязого, всегда раздражительного Торопова, но, по мнению Ноя, это было к лучшему. Он подозревал, что все они знали о Лайле заранее и пришли посмотреть: юноши — предвкушая, девушки — настороженно: с появлением новенькой, одной из них предстояло покинуть группу.

Батюшка Михаил — маленький плотный человек с венчиком седеющих волос на лысой голове встал, поднял руки, призывая к молчанию, и заговорил. Его голос — глубокий, низкий и властный, совершенно неожиданный у человека такой внешности, сразу успокоил шумных подростков, превратив их из галдящих воронят в кротких овечек.

— Дети мои, сегодня в нашей семье появилась новая сестра. Давайте все вместе поприветствуем ее и примем в наш круг.

Лайла поклонилась. Щеки ее тронул слабый румянец.

— Храни вас Бог, Лайла! Храни вас Бог! — раздалось со всех сторон.

— Давайте сядем, и Лайла расскажет нам немного о себе, — предложил батюшка.

Иосиф рванулся было к стулу рядом с новенькой, однако Ной успел первым. Смерив его презрительным взглядом, Багуцкий устроился напротив.

— Меня зовут Лайла, мне девятнадцать лет. Я учусь в третьем классе высшей школы. У меня есть мама и папа. Папа работает в центральном Архиве, мама — член комитета христианской помощи при Совете Города. Я живу на улице Десяти Заповедей. Люблю чтение и рукоделие. Вхожу в общество содействия молодым семьям. В людях больше всего ценю набожность, честность и доброту. И мне очень приятно находиться с вами.

Слова были до зубовой боли стандартны, бесцветны и безличны, и подобное Ной слышал уже много раз. Таким речам учили еще на первой групповой исповеди желторотых шестилеток. Потом дети вырастали, а слова нет.

Однако, на этот раз, Ной слушал внимательно, жадно ловя звуки ее голоса — живые, как музыкальные ноты.

Лайла села, и все хором произнесли:

— Храни тебя Бог!

— Очень хорошо, — сказал батюшка Михаил. — Нам тоже очень приятно принять тебя в семью. Мы надеемся, что твои визиты будут частыми, ибо люди вашего возраста находятся на пике противоречивых страстей и обуреваемы сомнениями. В такое время особенно важно сохранить душу свою в чистоте.

— Обещаю не пропускать собраний группы.

— Не давай скорых обещаний, дитя.

Лайла, потупившись, промолчала.

Официальная формула приема завершилась. Батюшка потер сухие ладони и сказал:

— Вот мы и познакомились с новой сестрой Лайлой. А теперь я спрашиваю вас, кто хочет раскрыть свою душу на исповеди?

Руки подняли Иосиф и Пичугин — заика и зануда, тоже выпускник высшей школы. Батюшка медлил. Он выразительно глянул на Ноя, и тот поспешил отвести глаза.

— Давай начнем с тебя, Иосиф.

Багуцкий встал, победоносно оглядел аудиторию и уставился на Лайлу колючими блестящими глазами.

— Меня зовут Иосиф Багуцкий. Мне восемнадцать лет. Я учусь...

Ной не слушал исповедь. Он сидел, краем глаза любясь на новенькую. Заметив ее взгляд, он поспешно отвернулся и стал думать о том, какая из девушек покинет их. Наверное, Софья. Она в группе уже год, но так и не нашла общий язык с остальными. Софья была колючей, очень набожной и не особенно красивой. Пару раз они с Ноем гуляли по городу после исповеди. Говорила большей частью она, даже не говорила — негодовала. На подруг в школе, которые взяли слишком много воли в одежде и речах, на братьев и сестер по группе, которые думали на собраниях о чем угодно, кроме спасения собственной души и так далее. Ноя, который почти все время молчал, она считала правильным, и испытывала к нему странную наполовину материнскую, наполовину романтическую привязанность. Им с Лайлой не ужиться, это было ясно, как Божий день. Скорее всего, батюшка будет говорить именно с ней.

Иосиф все бубнил и бубнил, конца-края его речам не было. До Ноя доносились обрывки фраз:

— Я подглядывал за своей сестрой, когда она была в ванной. Я смотрел в маленькое окошко. Там наверху...

«О Боже! — думал Ной. — Опять началось! И почему его никто не остановит?». Ему было противно, будто он сам говорил сейчас эти гадости. Ему было стыдно за то, что вся эта грязь касается слуха Лайлы.

У каждого в группе был любимый грешок. У Багуцкого — сестра. Он мучался неотступными позывами похоти, даже пытался рисовать ее голую и тайно показывал свои рисунки. Рисовал он плохо, а потому на картинке сестра выглядела еще более непристойно и отвратительно, чем на словах. И в этом он тоже каялся и приносил рисунки батюшке Михаилу.

Лайла слушала спокойно, не выказывая никакого отношения к сказанному. Она продолжала поглядывать на Ноя, и тот каждый раз отворачивался, сладко замирая и потупив взор. Он не замечал, что и остальные играют в переглядку. И никто не слушал Иосифа.

Собрание группы закончилось, все разошлись. Ной задержался в туалете, обматывая ногу шарфом на месте прорехи в штанах: путь предстоял неблизкий, нога успеет окоченеть, а для шеи сгодится и воротник, нужно только застегнуть его на пуговицу. Пару раз в дверь стучался Иосиф, настойчиво и зло предлагая составить Ною компанию хотя бы до Центра, но, не дождавшись ответа, ушел. Стало тихо.

На улице бушевала метель. Облака снега обрушились на Город, запруживая улицы и сбиваясь в большие сугробы у стен. Снежинки мелькали в свете фонарей, бились в лицо,

обжигая холодом. Ной поднял воротник повыше, сунул руки в карманы и начал спускаться по ступенькам, когда его вдруг окликнули:

— Ной!

Он обернулся. На крыльце, кутаясь в длинную шубу, стояла Лайла. Удостоверившись, что он ее услышал, она медленно пошла по лестнице, придерживая полы шубы одной рукой. Ной взял ее за другую, с гордостью чувствуя, как доверчиво, без кокетства, она отдалась его помощи. На тротуаре они остановились.

— Спасибо, — сказала Лайла. — Как метет! Дорогу, наверное, совсем занесло. Тебе придется ехать очень осторожно.

— Я пешком, — сказал Ной. — Пойду по подветренной стороне, там снега меньше.

— Пешком? — удивленно переспросила Лайла. — До Квартала?

Ной кивнул, привычно ожидая давно осточертевшие вопросы. Но их не последовало.

— Идем к моей машине, я тебя подвезу.

Он энергично замотал головой.

— Не стоит! Я доберусь! Это не так далеко. Тут всего то...

— Не надо спорить. Мне не трудно. Идем. А то я уже замерзаю.

Она снова оперлась Ноем на руку, и ему ничего не оставалось, как поддерживать ее на скользком тротуаре, пока они шли к машине.

В кабине было холодно и тихо. Машина, как маленький дом, укрыла молодых людей от всех невзгод, создав вокруг них отдельный уютный мирок, предназначенный только для них.

— Я люблю машину, — сказала Лайла. — Это моя территория. Только моя.

Она включила двигатель, и тот заработал ровно и бесшумно, только ветер снаружи выл и бился в окна.

— Электрический? — спросил Ной.

— Да. Поменяла неделю назад. Светлomu Городу — светлое будущее!

Она весело улыбнулась.

— Ну что? Поехали?

— Поехали, — сказал Ной и улыбнулся в ответ.

Лайла повернула руль, машина отделилась от тротуара и медленно покатила по занесенной снегом улице. Кабину заливал свет фонарей; он гас и снова разгорался. Работали щетки.

— В вашей группе есть пары?

— Нет, — ответил Ной, глядя в темноту за окном. — Ну, то есть — были, но сейчас нет.

Сначала он хотел объяснить, рассказать о причинах: о нетерпимости Софьи и срамных фантазиях Багуцкого, о том, что Мария страшна, как смертный грех, а Торопов вообще не может говорить без крика больше трех минут. Но потом решил промолчать. Не хотелось выглядеть сплетником и зубоскалом. Лайла не стала его расспрашивать. Казалось, короткий ответ ее вполне удовлетворил.

Она включила в печку и сказала:

— У нас было две пары. Очень хороший показатель.

— А почему ты ушла? — спросил Ной.

Лайла улыбнулась и оттянула шарф вниз.

— Я портила хорошую картину.

Машина миновала оживленный Центр и начала взбираться на холм. Ной слышал, как загремели цепи на колесах. Навстречу, появляясь словно призраки в свете фар, шли работники теплицы. Огни машины выхватывали их на секунду — темных, с опущенными головами, вязнувших в глубоком снегу и снова теряли в кружащейся мгле.

Ной подумал, что, не будь Лайлы, он был бы там — с ними, среди них, как один из них, и не имело никакого значения, где он живет и куда идет. Он был бы точно таким же.

Наконец, тяжелый подъем остался позади, и машина въехала в широкое, гудящее от ветра ущелье Дороги.

— Ты уже выбрал, чему себя посвятить? — спросила Лайла.

Врать Ною не хотелось, а придумывать отговорки не было сил. Этот день, тяжелый и переполненный эмоциями вымотал его, и только сейчас он почувствовал насколько.

— Я выбрал Поиск, — просто сказал он.

— Поиск? — переспросила Лайла. — Что это?

Ной удивленно уставился на нее. Как могло случиться, что она не слышала о Поиске? Пустышкам из Квартала простительно было не знать о нем, они вообще не интересуются ничем, что выходит за рамки их Круга, но Лайла — городская девушка! С какой планеты она прилетела?

Неожиданно он ощутил прилив вдохновения, как бывает, когда собираешься посвятить новичка во что-то очень важное, новое, значительное.

— Поиск, — сказал он с жаром, — это исследовательская организация. Они занимаются территориями за пределами Города.

— Пустой Землей? — удивленно спросила Лайла. — Зачем?

Ной не знал ответа, и понял, что Лайла отнюдь не захвачена романтикой далеких путешествий.

— Ну, для того, чтобы знать. Знать, что там.

Лайла замолчала и стала внимательнее вглядываться в снежную темноту перед машиной. Ее лицо неумовимо изменилось. Оно стало как будто тверже, сосредоточеннее.

— Я этого не понимаю, — наконец сказала она. — Зачем ехать куда-то непонятно куда? Где-то что-то искать, когда в самом Городе столько достойных и интересных занятий? Пустая Земля, там только холод, грех и смерть, и больше ничего. Посвящать себя этому...

— Вообще-то, я там на практике, — поспешно сказал Ной.

Лицо Лайлы расслабилось и снова приняло обычное благожелательное выражение.

Они замолчали, погруженный каждый в свои мысли. Тихо шелестел теплый воздух из печки, где-то вдали выл ветер.

Лайла вдруг подалась вперед.

— Смотри, что это там?

Ной посмотрел. Среди метели в неярком свете фар проступил огромный черный силуэт, похожий на сказочное чудовище с четырьмя широко расставленными ногами.

— Это ветряк! — сказал он. — Мы в Квартале!

— Куда теперь?

— Вперед. Вон к тем фонарям. Наш дом — первый.

Лайла медленно подкатила к калитке и остановила машину. В доме горел свет.

— Это мама. Ждет. Спасибо, что подвезла меня.

— Не за что. До встречи на собрании. Думаю, теперь мы будем часто видеться.

Ной, который обычно посещал группу всего раз или два в неделю, кивнул.

— Да. Лайла, я... Я очень рад, что ты теперь с нами. Я имею в виду — в группе.

Я...

Она дотронулась ему до плеча.

— Я тоже, Ной. Очень рада. А теперь иди, не заставляй маму волноваться. И храни тебя Бог!

— Храни тебя Бог!

Он открыл дверцу и выбрался из машины. Ветер тут же подхватил его, ударил в спину, разметав полы пальто. Ной пригнул голову, скрючился и поспешно, насколько

позволял глубокий снег, заковылял к дому. У самой двери он обернулся. Машина все еще стояла у калитки. Он помахал рукой, в ответ ему мигнули фары.

Глава 4. Среди трудов праведных

Разговор с Караско по поводу практики был коротким:

— Я хотел спросить, что значит практика? Сколько она продлится?

— Об этом говорить еще рано. Иди и займись делом.

Вот и все. И весь разговор.

Позже, когда эмоции отступили, Ной решил для себя так: ему готовят испытание. С какой стати его должны принять в команду сразу? Его — человека с улицы. Наверняка, Караско хочет прежде проверить новичка, увидеть в деле. Это выглядело логичным.

А пока Ной поступил в распоряжение Колотуна.

— Прежде, чем делать что-то серьезное, научись работать вообще, — сказал тот. — Работать — не языком трепать.

Ной сменил штаны и свитер на старый комбинезон и принялся работать: драить «приборы» — длинные железные цилиндры, очень тяжелые и очень грязные. Дело продвигалось медленно, вонючая жидкость из большой банки, которой его снабдил Колотун пахла нефтью, и от нее болела голова. Каждые полчаса приходилось делать перерыв и уходить на противоположный край ангара подышать свежим воздухом.

— Созидательный труд удерживает человека от превращения в скота, — говорил Колотун. — Полезная работа дарит радость.

Ной, отдохавшей на куче «приборов» особенной радости не чувствовал, о чем и сообщил новоявленному начальнику. А чувствовал он, наоборот, усталость и головную боль. Колотун хохотнул и заявил, что этому тоже нужно учиться.

— Ты свою жизнь волочешь, как ярмо. У тебя каждый час повисает на шее. Но ты не переживай, все такими были. Излечишься, сын мой.

Отмытые приборы следовало относить в мастерскую к Танку, который укладывал их на длинном столе, разбирал и, нацепив очки, приступал к работе. Выглядел он при этом очень комично — этакий интеллигентный тролль. Свое священнодействие он называл «профосмотром». Ной восхищенно наблюдал за его короткими толстыми пальцами, которые с необыкновенной ловкостью перебирали тоненькие провода, вытаскивали электронные платы, прощупывали крошечные пружинки подвески. Заметив интерес Ноя, Танк попытался посвятить его в особенности процесса, но обучение других явно не было его сильной стороной. В конце концов, он запутался сам, умолк и посмотрел на Ноя, как бы говоря: «Я не хочу тебя обидеть, но все это слишком сложно». Потом пришел Колотун и предложил им не маяться дурью, а заниматься каждому своим делом.

Караско исчез еще утром первого дня и больше не появлялся, назначив вместо себя Ушки. Тот тоже своим присутствием не баловал, целыми днями просиживая в штабе или скитаясь по многочисленным отделам «Поиска». Команда оказалась предоставлена самой себе: Колотун копался в вездеходе, Танк занимался «профосмотром», Ной драил. Ибо выходит человек на дело свое и на работу свою до вечера.

На второй день рабства к Ною подошла Мамочка. Она немного постояла возле него, задумчиво рассматривая едва уменьшившуюся кучу «приборов», покачала головой и повернулась к ногам Колотуна, торчащим из-под вездехода.

— Колотун, милый, у меня к тебе просьба, — сладким голосом произнесла она. — Большая человеческая просьба.

Ноги дернулись, их владелец выбрался из-под машины и сел на пол. По лицу у него стекал пот, оставляя тоненькие полоски чистой кожи в слое серой копоты.

— Заинтригован.

— Дай мне Ноя попользоваться. Я верну!

— Не дам, — нагло отозвался Колотун и принялся вытирать грязные руки грязной тряпкой. — Он постигает радость плодотворной работы.

— И это ты называешь работой? — удивилась Мамочка. — Смотри, какого парня тебе дали — умного, образованного — а ты?

У Ноя покраснели уши.

— А ты им гвозди забиваешь!

— Я им мою приборы, — миролюбиво поправил ее Колотун.

— Ну пожалуйста! Пожалуйста! У Танка этих бандур полон стол, он и до послезавтра с ними не управится. А? А мне срочно нужна умная голова!

Колотун задумался.

— Пирог хочу.

— Завтра, — быстро ответила Мамочка. — Из концентрата.

— Ладно. Бери. Только запомни — вернуть в том же виде! Мне из него еще человека делать.

Он снова залез под вездеход.

Мамочка перевела взгляд на грязного Ноя. Зрелище было жалкое.

— Ну, трудяга, давай в душ. Я буду ждать тебя в столовой.

Ной долго тер руки и лицо жесткой мочалкой, крутился, подставляя то один, то другой бок струе горячей воды, старательно пытаясь смыть с себя резкий запах «плодотворной работы». Спустя полчаса, он красный и распаренный предстал перед Мамочкой. Увидев его, она заулыбалась.

— Ты моешься, как девушка, — сказала она.

— Что значит: как девушка?

— Долго! Мужчины моются быстро.

Она поправила волосы у него на лбу.

— Ты красивый, когда чистый. Просто грех занимать тебя такой работой. Колотун выпендривается, но ты не обижайся, на самом деле он очень хороший.

— А я и не обижаюсь.

— Вижу. Садись.

Они устроились друг напротив друга за одним из столов.

— У меня есть двоюродный бват, — начала Мамочка. — Неплохой павень, но не очень-то умный. Вчева им ваздали задания для певеводного тестивования... Впрочем, он не спавится. Если не помочь, его так и выкинут с начальной школой в аттестате. Так и будет! И куда он пойдет? Они итак едва концы с концами сводят, а тепевь и надеяться будет не на что. Помоги мне, Ной. Пожалуйста!

Мамочка говорила очень быстро и заметно картавила. Она волновалась, мяла и разглаживала листы бумаги, которые держала в руках. Ною стало ее жалко.

— А что делать нужно?

Мамочка положила на стол измятые листы.

— Вот, четыве стваницы.

Ной посмотрел. Там были арифметические примеры, вопросы по естествознанию, Закону Божию и правописанию — простые, не требующие умения думать задания. Мамочка могла бы и сама на все ответить.

Или не могла?

— Я сделаю, — сказал Ной.

— Спасибо!

Мамочка привстала и поцеловала его в щеку.

— Можешь устваиваться на кухне, там никто не помешает. А я к плите — сделаю что-нибудь вкусенькое!

По Кварталу тяжелой походкой Алон бродили слухи и милиционеры с собаками. Небольшая кубическая будка нового поста возникла на центральной площади, словно по волшебству. Алон говорил, будто ищут какого-то убийцу, сумасшедшего, который задумал известить весь Квартал подчистую, начиная с наиболее уважаемых людей.

Утверждал, что сам видел его раз ночью возле дома Декеров, да, пока дошел, тот уже успел скрыться. Напуганная мать Ноя ходила говорить с милиционерами, но они только вежливо слушали ее пересказ алоновых бредней и коротко отвечали: «Мы здесь для вашей безопасности». Ной успокаивал ее, как мог, но у самого на душе было беспокойно. Тараканы. Они могли прийти в Квартал, и тогда не помогут никакие посты — ничто не поможет. Но день шел за днем, и все было спокойно. Постепенно волнения улеглись, к посту привыкли, а Алону велели помалкивать и не плодить глупые слухи.

Ной рассказал матери про Лайлу, и та отнеслась к его словам с большим энтузиазмом. Милая, набожная, обеспеченная девушка из хорошей семьи, которая в это беспокойное время возит ее сына домой на машине — просто ангел, и непременно с ней нужно познакомиться. Она сразу же начала уговаривать Ноя пригласить ее в гости, но тот упрямо отказывался. Ему не хотелось, чтобы Лайла приходила в их умирающий дом, не хотелось, чтобы она видела все эти скатерти, ковры и занавески, покрытые шрамами починенных дыр; видела старую мебель, скрипучую и потемневшую и слушала маму, рассуждающую о будущем детей и статусе. Он бы просто сгорел от стыда.

Они еще дважды встречались с Лайлой на собраниях группы. Как Ной и предполагал, место для нее освободила Софья. Впрочем, никто по этому поводу не переживал — замена произошла спокойно и безболезненно. Появляясь на каждом собрании, Лайла быстро сделалась всеобщей любимицей. С девушками она держалась на равных, была разговорчива и мила; с юношами вела себя сдержанно. Постепенно страсти улеглись, и все пошло своим чередом.

На собраниях Лайла много говорила, безжалостно обличая свои пороки: лень, нетерпимость, гнев. Она каялась, опускала глаза, заливалась краской. Ной слушал всю эту благую чушь и молчал, не принимая никакого участия в обсуждениях. В последнее время он все чаще сравнивал Лайлу и Мамочку. Они обе нравились ему, но при этом были настолько разными, что он терялся и путался в своих чувствах. Красивая, умная, воспитанная Лайла, умеющая нравиться людям, и всегда знающая, что и когда надо говорить и Мамочка, которая картавит от волнения, не умеет притворяться и обладает чудесным талантом видеть и рисовать то, что видит. Две девушки. Два полюса. И он где-то посередине.

Лайла уговаривала Ноя не отмазываться на собраниях. Она просила его выступить, хотя бы ради приличия. Совсем необязательно выворачивать душу наизнанку — Ной не ребенок и должен знать, чего от него ожидают. Всего одно маленькое усилие, чтобы соблюсти формальность. Ной, который и раньше не отличался разговорчивостью на групповых исповедях, с приходом Лайлы замолчал вовсе. И сам не знал, почему молчит.

Это произошло во время их третьей встречи. Они сидели в машине возле дома Ноя, когда Лайла сказала:

— Приходи к нам в гости.

— Когда?

— Завтра. Вечером, в шесть. Придешь?

— Да.

— Вот и отлично. Родители давно хотят с тобой познакомиться. Мы устроим семейный ужин. Ничего помпезного.

— Я думаю, это будет очень интересно — познакомится с твоими родителями.

«А как интересно это будет матери».

Лайла улыбалась, и у Ноя снова защемило сердце.

— Спасибо за приглашение, — сказал он.

— Мы тебя ждем, — нежно сказала Лайла и слегка сжала его ладонь. — До завтра. И храни тебя Бог!

Весь следующий день Ной промаялся, поминутно поглядывая на часы. Колотун, которому надоело по несколько раз повторять свои распоряжения, отпустил его раньше, и ровно в шесть Ной прибыл по назначенному адресу.

В подъезде обыкновенной городской пятиэтажки было темно и пахло сыростью. Держась за перила, Ной поднялся на второй этаж и остановился перед единственной обшарпанной дверью. Тусклая лампочка едва разгоняла тьму, на стенах чернели проплешины, отвалившаяся краска большими кусками валялась на полу и похрустывала под ногами. После аккуратных, ухоженных домов Квартала, жилище Лайлы производило гнетущие впечатление: в Городе предпочитали не демонстрировать благополучие.

Ной постучал. С минуту было тихо, потом за дверью раздались торопливые шаги, звякнул замок, и в лицо ударил сноп яркого света. На пороге стоял невысокий полный мужчина в костюме и очках, со старомодной бабочкой на шее.

— Храни вас Бог, — сказал Ной.

— Храни вас Бог. Вы...

— Ной.

— Ах да! Конечно! Разумеется. Прошу вас, проходите!

Мужчина посторонился.

Контраст между мрачной, загаженной лестничной клеткой и квартирой поражал воображение: вместо старой краски на стенах красивая темно-синяя ткань; резная вешалка для одежды; картины, преимущественно фантастические пейзажи, пропитанные солнечным светом и густой зеленью деревьев; затейливая люстра на потолке, а под ногами — ковер с вышитым синим небом и редкими призрачными облаками. Глядя на него, Ной в нерешительности остановился, не смея топтать такую красоту острыми ледунцами.

— Прошу вас, — раздался голос у него за спиной. — Не смущайтесь. Я вынужден извиниться за Лайлу, она немножко задерживается — общественные обязанности. Она вот-вот вернется.

— Ничего страшного, — поспешно сказал Ной.

— Ледунцы можете оставить здесь, а тапочки я вам сейчас выдам.

Мужчина скрылся в одной из комнат, а Ной стал поспешно раздеваться, чувствуя себя не в своей тарелке — он терпеть не мог играть роль чужака. Кто знает, какие правила приличия приняты в этом доме? Без поддержки Лайлы можно легко сесть в лужу.

— Храни вас Бог!

Он поднял голову. В коридоре стояла невысокая женщина в тяжелом темно-синем платье под цвет стен, как две капли воды похожая на Лайлу. В голове Ноя мелькнула мысль, что именно так та будет выглядеть лет в сорок. Молодая прелесть не померкнет, она только созреет, нальется в спокойную зрелую красоту уверенной в себе женщины.

— Храни вас Бог!

— Меня зовут Руфь, я мама Лайлы.

— Ной.

— Я рада видеть вас, Ной. Прошу меня извинить, я должна ненадолго вас оставить — на мне кухня.

Она улыбнулась и стала еще больше похожа на дочь.

— Илион, пожалуйста, займи нашего гостя!

— Да, милая. Конечно!

Гамов сокрушенно качал головой.

— Ной, извините меня ради Бога — я слишком много времени провожу среди книг и порой забываю о приличиях. Меня зовут Илион Гамов.

— Ной Коштун.

— Очень, очень приятно! Прошу вас, идите за мной.

Они прошли в небольшую комнату, которую Гамов гордо назвал «мой скромный кабинет». Поедая почти все невеликое пространство над вошедшими довели шкафы с

книгами. Возле окна стоял массивный письменный стол, в центре комнаты — два кресла, разделенные столиком поменьше на тонких паучьих лапах.

— Располагайтесь, Ной.

— Спасибо. У вас много книг.

— Да. Эта библиотека — моя гордость. Я всю жизнь собираю книги. Они — единственная настоящая ценность, все остальное только материал для них.

— Никогда не думал об этом так.

Гамов оживился.

— Видите ли, Ной, я историк и на все смотрю с этой позиции. Века стирают все лишнее и незначительное, остается то, что действительно ценно: идеи, мировоззрения, нравственные задачи — книги. Люди стареют и умирают, а они живут.

— В школе я любил историю, — сказал Ной.

— Очень похвально! Школьная история — хороший старт для думающего человека, но, к сожалению, очень многие на ней останавливаются. С одной стороны это удобно — у людей создаются одинаковые ценности и оценки. Школьная история дает нам надежный тыл. Она безопасная и простая. Но, с другой стороны, она — искусственный суррогат, призванный не учить, а служить.

— Я не очень хорошо понимаю. Как может быть одна история и другая история? Это же противоречие, как одна правда и другая правда. История есть история — что было, то было.

— Было. Разумеется. Исторические факты одни и те же, но отношение к ним может быть разным. Если смотреть с этой точки зрения, то никакого противоречия нет. Каждое поколение, каждый общественный строй может иметь — и имеет — свою собственную историю.

Ной поерзал в кресле. Станные вещи говорил Гамов. Станные и спорные.

— Наверное, — осторожно сказал он.

— Если угодно, я продемонстрирую на примере.

Историк все больше воодушевлялся, словно прорвалось наружу что-то долго не имевшее выхода. Не дожидаясь реакции Ноя, он приступил к демонстрации.

— Начнем с самого начала — с истории Армагеддона. Все ее знают. Ее проходят уже в начальных классах, не так ли?

Ной кивнул.

— Могу я попросить вас рассказать то, что вам говорили об этом в школе?

— Ну...

Ной принялся лихорадочно копаться в воспоминаниях.

— Э-э... Мера грехов человеческих переполнила чашу. Настала пора искупления. И послан был Первый Ангел. Он потряс землю и закрыл небо темной пеленой.

Память исправно выдавала зазубренные прописные истины, и Ной оживился.

— Но грешники не желали каяться. В гордыне они противопоставили себя Богу. И послан был Второй Ангел. Он поднял океан и обрушил его волны на земную твердь. И снова не было раскаяния. Тогда сошел Третий Ангел, и небеса стали черными, и каждый нераскаявшийся умер. Праведные остались жить на земле, в смирении и нищете неся свое покаяние. И повелел им Господь созидать новый мир, в котором не будет места греху. И было сказано, что придет день, и небо очистится, и будут теплые реки, зеленая трава и тучные стада.

Гамов энергично закивал.

— Великолепно! А теперь давайте посмотрим на эти же события с другой точки зрения. Существует такая наука — геология. Согласно этой науке, Армагеддон начался с извержения гигантского вулкана Тоба. В учебнике он назван Первым Ангелом. Это извержение спровоцировало целый ряд других, и среди них — вулкан на Камчатке. Это был Второй Ангел. А третий, тот, что уничтожил старое человечество, назывался —

Йеллоустоун. Вроде бы то же самое, просто другие названия. Но самое интересное в том, что, по утверждению науки геологии, эти вулканы взорвались вовсе не из-за того, что чаша терпения Божия переполнилась нашими грехами. Они взорвались просто потому, что пришло их время. Понимаете? Грешники жили бы на земле или праведники — Армагеддон был неизбежен. Вот вам и другая история. Только в этом случае, в такой трактовке, вся система общественно-религиозного устройства, принятая сейчас, теряет опору и просто рушится.

Заметив настороженный взгляд Ноя, Гамов поспешно добавил.

— Вы только не подумайте, что я атеист! Я очень верующий человек, и считаю наш Город величайшей нравственной вершиной, на которую когда-либо поднималось людское племя. Я лишь продемонстрировал вам, как может видоизменяться история в зависимости от точки зрения. Факты в ее основе одинаковы, но стоит лишь чуть сместить акценты, изменить терминологию, и перед нами уже иное прошлое, которое, естественно, повлечет за собой и иное будущее, как причина влечет следствие. Вот, о чем я хотел сказать.

— По-моему, я понял. А откуда вы знаете про эту геологию и вулканы? А еще — что такое Камчатка и... Йелоустон? Нам в школе ничего такого не говорили.

— Конечно, не говорили!

Гамов все больше возбуждался. Он уже не отвечал на вопросы Ноя — он ораторствовал.

— Это величайшее достижение системы воспитания в Городе! Нет ничего запретного. Вся информация открыта и, в принципе, доступна. Любой человек может прийти в библиотеку и зайти в Архив, а дальше — читай, думай, делай выводы. Но парадокс в том, что это никому не нужно. Не пойдет труженик с завода или милиционер в библиотеку, не будет искать. И высоколобый ученый из Лаборатории — тоже не пойдет. Им в голову не придет это сделать. А потому — в Городе мир и благообразие. И никаких запретов, просто вовремя заданное направление. С молодых ногтей, еще в начальной школе.

Тут он неожиданно помрачнел и умолк. Ной тоже молчал, не зная, что сказать и как относиться к тому, что услышал. Нехорошая повисла пауза — неудобная, тяжелая.

В коридоре раздались шаги, хлопнула дверь. Ной и Гамов, как по команде, подняли головы и нацепили улыбки. На пороге кабинета появилась Лайла.

— Храни вас Бог, — сказала она, улыбаясь. — Извините за опоздание!

Ной встал.

— Мы очень интересно беседовали, дочь, — отозвался Гамов.

— В этом я не сомневаюсь. Ной, надеюсь, папа не утомил тебя?

— Нет! Совсем нет!

— Вот и замечательно. А теперь, я прошу всех к столу!

Они перебрались в большую светлую гостиную. На блюде посреди длинного стола лежала свежая зелень. Ужасно дорогая и восхитительно пахнущая. Возле блюда возвышались две бутылки вина. Тарелки и чашки блестели так, что глазам больно было смотреть.

Гамов, как-то боком, примостился на стуле возле двери и молчал, глядя на гостя. С кухни доносились неразборчивые голоса. Что-то глухо стукнуло, послышались торопливые шаги, и в комнату вошла маленькая худенькая женщина. Одета она была с той тщательной нарядностью, которую можно встретить среди необразованной массы обитателей заводских общежитий, когда у тех возникает необходимость приодеться. Все вещи «почти новые», аккуратно чиненные и яркие. Седые волосы она собрала в пучок на затылке, отчего черты лица, и без того тонкие, неестественно обострились. Она напоминала разодетую мышь.

— Храни вас Бог, — сказала она Ною, распахнула створки двери, потревожив Гамова, и застыла, придерживая их.

Ной набрал в грудь воздуха, чтобы ответить на приветствие, но в этот момент на пороге появилась Руфь Гамова с дымящимся подносом в руках. Ной поспешил к ней, помогая водворить поднос на указанное женщиной-мышкой почетное место. Опуская его, он успел поймать одобрителный взгляд Лайлы. Руфь, оглядев собравшихся, произнесла:

— Думаю, мы можем начать наш торжественный ужин.

Все расселись. Гамов занял место во главе стола, Ноя посадили рядом с Лайлой, а ее мать и маленькая седая женщина устроились напротив.

— Это — Варвара, — шепнула Лайла, указывая на женщину-мышку. — Она нам помогает.

Варвара напомнила Ною об Алоне. Никому в Квартале не пришло бы в голову посадить его за общий стол. Он подумал, что Руфь должно быть человек широких взглядов, если не гнушается слабыми и убогими.

— Я предлагаю выпить за новых друзей! — сказала Руфь. — Ной, поухаживаете за Лайлой?

Ной схватил ближайшую бутылку и налил девушке вина. Едва оно прикрыло донышко бокала, как та остановила его руку.

— За новых друзей! — провозгласил Гамов.

Все выпили.

Варвара едва пригубила свой напиток, встала и принялась накладывать в тарелки горячее мясо.

— Ной, — сказала Руфь. — Пожалуйста, расскажите нам о себе. Нам очень интересно!

— Ну, я недавно закончил школу...

— О ваших успехах мы наслышаны, и они достойны восхищения. Чем вы планируете заниматься?

— Я уже устроился на практику, — нехотя сказал Ной.

— Очень интересно. Куда?

Взгляд Руфи был тяжелый, буравящий; очень захотелось соврать, выдумать что-нибудь благообразное. Но он не стал.

— В Поиск.

Лайла подвинула к нему блюдо с салатом.

— Возьми. Очень вкусно!

— Вот как? — сказала Руфь. — И что же вас там привлекло?

— Там интересно.

— Руфь, милая, дай Ною спокойно поесть, — вступился за Ноя Гамов.

— Дорогой, я думаю, что беседа за столом еще не мешает.

— И практика в Поиске молодому человеку вряд ли повредит. Мне кажется, подобная школа могла бы быть очень полезна.

— Да, пожалуй, — согласилась Руфь. — Она могла бы стать основой для будущей карьеры. Как вы думаете, Ной?

— Да. Наверное, это так.

— Варвара, милая, посмотри, как там пирог.

Женщина-мышка молча встала из-за стола и, не говоря ни слова, вышла.

«Боже мой — пирог! Хлеб!»

Практически весь Город, исключая Квартал, питался концентратами. Мама Ноя тоже покупала их почти всегда. Только в праздники они позволяли себе роскошь натуральной пищи. Сам Ной не видел в концентратах ничего плохого, они были питательными и недорогими. А что до вкуса, то к нему быстро привыкаешь. Но так думали далеко не все.

— Завтра в Совете танцы, — сказала Лайла. — Ной, ты пойдешь на танцы?

- Я плохо танцую.
- Я тебя научу! Это просто!
- Лайла прекрасно танцует, — сказала Руфь.
- Не сомневаюсь!

Они немного поговорили о танцах, потом Гамов принялся рассказывать о проблемах с крысами в библиотеке. Крысы жрали книги и, сколько бы их не травили, хитрых бестий не становилось меньше. Лайла скорчила рожицу и попросила отца не рассказывать такое за столом. Они еще выпили — за таланты Лайлы, за будущее Ноя. Непривычный к спиртному, тот немного захмелел, расслабился и улыбался всем подряд.

Кусок пирога, который положили ему на тарелку, исчез с неожиданной быстротой, и Лайла отрезала новый, а Руфь заметила, что молодые люди должны иметь хороший аппетит — это признак здоровья.

— Сейчас так мало здоровых людей, — сказала она. — Эти концентраты, с которыми все так носятся, на самом деле — настоящий яд. Ной, вы когда-нибудь ели концентраты?

— Да.

— Я вам советую не злоупотреблять ими. Не говоря о том, что они причиняют вред вам, они плохо скажутся и на вашем потомстве. Разумеется, всех уберечь нельзя, но те, кто может позволить себе натуральные продукты, должны питаться только ими.

— Я не знал, что они такие вредные, — расстроено произнес Ной.

— Кстати, работникам Лаборатории теперь полагается паек. Очень хороший, — сказала Руфь. — Распоряжение Совета. Доказано, что концентраты подавляют нервную систему, а это плохо сказывается на умственной деятельности.

Ной отложил пирог. После таких слов кусок не лез в горло.

— Мапочка, не пугай Ноя, — проворковала Лайла.

— Я не пугаю. Я рассказываю, как обстоят дела. Он должен знать. Вот ты вскормлена на натуральных продуктах, и какая красавица!

— Ма-ам!

Под этими словами Ной был готов подписаться. Лайла и правда отличалась от большинства жительниц Города — ладная, полнокровная, гладкая — хоть картины с нее рисуй.

— Лайла действительно очень красивая.

Эти слова как-то сами собой сорвались с языка. Ной покраснел и принялся жевать пирог.

— Спасибо! — кокетливо сказала Лайла. — Ной, а давай я поучу тебя танцевать?

Он быстро проглотил кусок.

— Прямо сейчас?

— Конечно!

— И правда, дети, потанцуйте, — поддержала Руфь. — Молодые должны веселиться. А мы с отцом посидим здесь.

Лайла легко вспорхнула со стула, схватила Ноя за руку и повлекла за собой. Вставая, он окинул взглядом стол. Гамов выглядел сонным и отстраненным, он лениво ковырял ложкой свой пирог; Руфь улыбалась.

Лайла включила старинный магнитофон — еще одно яркое свидетельство достатка семьи — и повернулась к Ною. За ее спиной, словно пробуждающийся лес, всколыхнулась музыка: закачались тонкие ветви скрипок, задули трубы, отдаленно и глухо зарокотал барабан.

— Вальс, — сказала Лайла. — Этот танец называется вальс.

Она взяла Ноя за руку и положила ее себе на талию, ладонь опустила ему на плечо. Его пальцы ощутили теплое тело, и Ной с трудом подавил желание прижать Лайлу к себе. Она вскинула голову, и ее темные глубокие глаза вдруг оказались близко-близко. Если бы Ной склонил голову, он мог бы коснуться ее лба. Губы девушки едва уловимо

пахли вином, а от кожи исходил слабый свежий аромат травы. Ной почувствовал, как комната дрогнула и стала медленно поворачиваться вокруг, весь мир сосредоточился в нем и в ней, на какое-то мгновение они стали его центром, точкой притяжения. Закружилась голова, и он с усилием отвел взгляд в сторону. Лайла тоже отвернулась, и все снова вернулось на свои места. Ощущение близости, единства, погружения друг в друга исчезло.

— Тебе нужно встать так. Теперь правую ногу ты двигаешь на меня, а я отступаю. Вот так.

Она потянула его к себе, он сделал неуклюжий шаг, скользя в мягких тапочках по гладкому полу. Лайла ловко порхнула назад, не давая ему наступить себе на ногу.

— А теперь левую назад! Раз-два-три. Раз-два-три.

Она считала шепотом, двигая губами возле его губ, задевая лицо волосами; ладонью он чувствовал движение мышц на ее спине, чувствовал тонкую грань ее белья.

Ной вспотел, у него закружилась голова, он почти задышался в ее руках, она тянула его к себе и раз за разом отступала, а он снова и снова стремился вперед, погружаясь в тихое «раз-два-три, раз-два-три».

Они танцевали около часа, и оторвались друг от друга лишь тогда, когда Гамов тихо и деликатно постучался в дверь. Ной отступил от Лайлы, и едва не замотал головой, чтобы снова вернуться в реальность. Он был похож на рыбу, которую вытащили на воздух, его переполняли чувства, желание говорить, как-то выразить словами то, что он чувствовал. Но слов было так много, что они застряли в горле, мешая друг другу вырваться, и он молчал. Лайла тоже молчала. Они вместе вернулись к столу, щурясь на свет ламп, как два крота.

На кухне лилась вода, и позвякивали столовые приборы — Варвара мыла посуду. Руфь что-то читала с большого листа, раскрытая Гамовым книга лежала на столе страницами вниз. Ной посмотрел на часы — десять. Он перевел взгляд на Гамова, потом на Руфь.

— Кажется, мне пора идти, — сказал он. — Уже поздно. Мама будет волноваться.

Руфь отложила свой лист.

— Может быть, выпьете макки на дорогу? Осталось еще немного пирога.

— Нет, спасибо. Мне и вправду пора идти.

— Еще несколько минут, — попросила Лайла. — Я тебя довезу. После танцев так хочется пить!

— Варвара, милая, вскипяти воды! — крикнула Руфь.

Ной сел. Он был рад, что не надо уходить. Он не хотел уходить. Здесь ему было хорошо. Здесь все было правильным и приятным. Этот дом и Лайла — остров сладкой неги среди безликого, равнодушного Города.

Лайла завела мотор и плавно тронула машину с места. «Дворники» взметнули снег, и он брызнул во все стороны, подхваченный ветром. На ноги подул теплый воздух.

— Хороший вечер, — сказала Лайла.

— Да. Прекрасный!

— Мы обязательно должны сходить вместе на танцы.

Ной замялся. Танцевать с ней, когда вокруг полутьма, когда только он и она, когда молодое, красивое тело податливо следует за его движениями, когда она принадлежит ему, а он ей — это было прекрасно. Но танцы в Совете совсем другое дело. Там они уже не будут вдвоем. Будут другие — лучше его, смелее его. Волшебство этого вечера там не повторится.

— Да, было бы хорошо, — кисло сказал он.

Лайла почувствовала его настроение.

— Если ты не хочешь, мы можем танцевать дома. Только дома. Мне и самой так больше нравится. Я не очень люблю танцы в Совете.

— Зачем же ты туда ходишь?

— Ной, милый, туда нужно ходить. Там лучшие люди, там цвет Города. С ними нужно общаться, нужно быть у них на виду. Это очень важно.

Она немного помолчала и добавила:

— Хотя они мне не очень нравятся.

— Правда? — Ной оживился. То, что сказала Лайла, буквально повторяло его собственные суждения.

— Правда. Они хорошие, они интересные, но они... Они какие-то неживые. Ненастоящие. А ты настоящий. Ты мне нравишься, Ной.

Она бросила на него быстрый взгляд и снова стала смотреть на темную дорогу.

— Ты мне тоже! Ты самая лучшая девушка из всех, что я встречал!

Ной так разволновался, что едва не плакал.

— Ты замечательная! Ты...

Проклятая немота снова заткнула ему рот. Он хотел сказать, и не получалось, он давился этими «ты... ты...» и не мог исторгнуть из себя проклятую паутину слов, которая опутывала, прятала, искажала то, что он действительно хотел сказать.

Машина затормозила и остановилась. Лайла приложила палец к его губам.

— Тшшшш... — прошептала она.

Глава 5. Происшествие на улице Святого Варфоломея

Заснул Ной поздно — засиделся глубоко за полночь, рассказывая и пересказывая матери историю своего похода к Лайле. Ее интересовали всякие мелочи: сколько комнат в квартире, какая мебель, как отнеслись к Ною родители девушки — Илион и, особенно, Руфь, как они держали себя с Варварой и как сама Варвара обращалась к Ною. Мать сидела на старом скрипучем стуле с высокой спинкой, чинила школьную рубашку Ноя и спрашивала, спрашивала, спрашивала... Среди бесчисленных вопросов не было только одного, самого важного — что чувствует ее сын, впервые встречаясь с девушкой? Поняв, что этого вопроса не будет, Ной решительно заявил, что устал и пойдет спать.

Утром мать разбудила его ни свет ни заря.

— Просыпайся!

— Мам, ну что такое? Рано еще!

— Алон заходил. Говорит, что милиционеры с поста собираются в город. Я пойду договорюсь, чтобы они тебя взяли. А ты давай — вставай и быстрее завтракай. Все уже на столе.

— На работе в такую рань еще никого не будет. Что мне там делать?

Он попытался повернуться на другой бок, но мать удержала его.

— Ничего, подождешь. Лучше в прихожей посидишь, чем пойдешь один по Дороге. Времена сейчас сам знаешь какие. Ну давай, давай — собирайся!

Они вышла из комнаты. Ной еще минуту лежал, потом вылез из-под одеяла и, пританцовывая на холодном полу, стал одеваться.

— Вот, гостинчик им передашь, — говорила мать, всучивая Ною бумажный сверток. — Пусть полакомятся. И поблагодарить не забудь. Главного у них Захарией звать.

Ной вздохнул и взял сверток. Ужасно не хотелось совать им мамин гостинец.

«Почему она сама не отдала? И откуда у нее эти простецкие замашки? Декер вот, небось, не снизошел бы. Но у Декера есть собственная машина. И не одна».

Ной легко представил себе, что подумают о нем милиционеры. Вслух, наверное, не скажут, но это и не обязательно.

— Хорошо, мам — я передам, — сказал он.

— Иди — они ждут. И храни тебя Бог!

— Храни тебя Бог, мам.

В ответ на смущенный лепет Ноя: «Вот — это вам», Захария просто сказал: «Спасибо» и положил сверток между передними сидениями. Никто из милиционеров не выказал своего отношения к гостинцу — они спешили. Едва Ной коснулся задом кресла, как машина сорвалась с места и, выбрасывая в темноту клубы вонючего дыма, понеслась по Дороге.

Ехали молча. Ной смотрел в окно и думал о том, где станет дожидаться прихода кого-нибудь из команды. Может быть, постучаться к девушке в секретариате? Но, скорее всего, ее тоже еще не будет. А что если он не попадет в здание? Вот если бы у него был ключ. Но кто даст ключ практиканту?

Они остановились на площади в центре. Ной, суетливо благодаря за помощь, вылез из машины. В ответ ему был быстрый кивок, и милиционеры уехали.

Площадь была пустынна. Несколько человек с лопатами чистили снег. Какой-то мужчина, подняв высокий воротник пальто и переминаясь с ноги на ногу, стоял возле памятника. «Пойду кружным путем, — решил Ной. — Не буду дожидаться под дверью».

Город спал. Было морозно и тихо. Динамики на стенах молчали. В школе Ною говорили, что ночная тишина — признак здоровья Города. Если так, то с ним все в полном порядке. На тротуарах громоздились высокие сугробы, некоторые из них доходили до окон первого этажа. Напротив дверей в сугробах темнели узкие коридоры. Завтра ночью, если не случится сильного бурана, ворча, как голодные чудовища, на улицы выползут механические уродцы-снегоуборщики и заберут вчерашний снег.

Погруженный в свои мысли, Ной повернул на улицу Святого Варфоломея. Раньше он каждый день проходил здесь по пути в школу — тихое место, почти всегда безлюдное. Но на этот раз, все было иначе: посреди улицы собрался народ. Люди негромко переговаривались, тревожно глядя куда-то вперед, на их лицах читался страх. Ной подошел и осторожно, стараясь никого не задеть, пробрался ближе к месту событий.

Улицу перекрыли веревочными ограждениями с двух концов. Возле них стояли мрачного вида милиционеры. «Уж не сюда ли направлялся Захария с командой?» — подумал Ной. Все смотрели в центр огороженного участка, где возле одной из дверей лежала на земле неясная темная куча, вроде как ворох тряпья. Возле нее стояли несколько человек в форме и в штатском. Один из них — художник — что-то рисовал, поминутно высовываясь из-за холста и склоняясь почти к самой земле. Как Ной не приглядывался, он так и не смог разобрать, что такое тот рисует, и стал прислушиваться к разговорам людей.

Говорили об убийстве. В Городе очень редко случались подобные преступления, разве что по неосторожности человек мог убить человека или кто-то слишком усердствовал, направляя на путь спасения. Мама говорила Ною, что еще лет десять назад известие об убийстве повергало Город в шок. Раскрыв уши пошире, Ной узнал, что убита целая семья с первого этажа. Дверь осталась нетронутой, окно тоже. Узнал, что трупы сильно обезображены. В оценке того, насколько обезображены, мнения расходились: кто-то утверждал, что у отца семейства оторвана голова, а у его жены нет обеих ног; кто-то говорил, что у нее вырвано сердце и сломана шея. Утверждали, что пропал ребенок, а второй... Ной почувствовал дурноту. Все, что он слышал, тут же возникало перед глазами страшными живыми картинами. В паре шагов от него какая-то женщина тихо плакала; ее утешали. Несколько голов, одни покрытые, другие простоволосые, высовывались из окон и глазели вниз. Время от времени кто-то из милиционеров кричал: «Закрывать окна!» Головы исчезали, хлопали ставни.

За спиной у Ноя рывкнул автомобильный гудок. К толпе медленно приближалась медицинская машина.

— Разойдитесь! — закричали милиционеры и принялись энергично теснить людей в стороны. — Разойдитесь! Пропустите машину! Вы препятствуете работе официальных служб!

Последний аргумент подействовал лучше всего. Воспрепятствование деятельности администрации Города, равно как и неподчинение требованиям ее официальных представителей строго наказывалось. Никому не хотелось долгих объяснений в участке, да и смотреть было уже не на что: художник закончил и теперь стоял, грея под мышками замерзшие ладони, тела упаковали в большие черные мешки.

Толпа заколыхалась и стала рассыпаться. Ной тоже счел за лучшее уйти. Ему стало страшно. Убийства в Городе участились — все об этом говорили, но пугало не это, пугала бессмысленная, чудовищная жестокость, с которой они совершались. Ей не было объяснений.

Настроение прогуляться по сонным улицам пропало, и Ной направился прямо к конторе Поиска.

Танк и Колотун оказались на месте. Они сидели возле вездехода и разговаривали. Ной пошел к ним, собираясь рассказать о том, что видел на улице Святого Варфоломея, но Колотун опередил его:

- Сдается мне, будет у тебя сегодня выходной.
- Храни вас Бог, — автоматически сказал Ной и спросил:
- Почему?
- По малолетству твоему.

Ной обиженно замолчал. Едва ли Колотун был намного старше. Конечно, дело не в возрасте, и Ной прекрасно понимал, что тот имеет в виду, но формулировки Колотуна его задевали.

— Ушки запретил использовать детей на тяжелой работе? — спросил он, чувствуя, как сердце зло застучало в груди.

Колотун осклабился.

— Ты растешь, мальчик! Растешь на глазах! — он смахнул несуществующую слезу. — Еще немного, и я смогу честно сказать — моя миссия на земле выполнена. Я воспитал человека!

Танк беззвучно смеялся, сотрясая широкими плечами. При последних словах Колотуна он опрокинулся на колесо вездехода и загоготал в полный голос. Ной тоже заулыбался. На Колотуна нельзя было долго злиться.

Когда Танк успокоился, Ной сказал:

— Я только что был на улице Святого Варфоломея. Там что-то случилось — что-то ужасное!

Втайне наслаждаясь общим вниманием, Ной рассказал о том, что видел. Его слушали молча и хмуро. Когда он закончил, Колотун сказал:

— Ты умеешь предвосхищать события — что есть, то есть. Ушки как раз там. Ты его случаем не видел?

— Нет. А почему он там?

— Как ты думаешь, кто виновники торжества? Кто порезвился на улице Святого Варфоломея?

Это слово — порезвился — покорило Ноя. Оно никак не подходило к телам в черных мешках и плачу женщины. Оно звучало глупой издевкой.

— Это тараканы?

— Они это, — подтвердил Танк.

— Они, — эхом отозвался Колотун. — Посему быть тебе сегодня без дела. А нам светит очередная грязная работа. На этот раз действительно грязная.

— А можно я тут побуду? — спросил Ной.

— А где ж тебе еще быть? Побудешь, если Ушки домой не отправит. Он начальник — ему решать.

Время тянулось медленно. Колотун что-то напевал себе под нос, тягучее и монотонное, Танк закрыл глаза и, казалось, задремал. Но, не смотря на внешнее спокойствие, Ной хорошо чувствовал их напряжение. Они знали, что будет впереди, и им это не нравилось.

Ушки появился незаметно. Он успел преодолеть половину расстояния от двери до вездехода, когда Колотун увидел его.

— Привет, начальник.

Ушки застыл буквально на секунду — не больше, только Ной успел заметить, как окаменело и напряглось все его тело, словно он изготавился к броску. Но уже в следующий момент он расслабился и подошел к ним своей обычной скользящей походкой.

— Все, народ, собираемся. Погоны перекрыли половину квартала, говорят, что ни одной щели не оставили. Врут, конечно, но шанс есть. Мы можем поймать гаденышей.

— Ага, истребим вражью силу, — сказал Колотун и встал.

Танк тоже поднялся. Они пошли к раздевалке возле кабинета Караско. Отойдя на несколько шагов, Ушки повернулся к Ною и сказал:

— Вставай. Пойдешь с нами.

Ной побледнел. Он встал, чувствуя, как по телу расползается гадкая слабость. До сих пор все ужасы, связанные с Поиском — тараканы, окровавленные и покалеченные люди, все они были чем-то нереальным, они не касались его. Он никогда не думал о том, что может сам оказаться среди этого. Ной испугался. До дрожи в коленках, до потери голоса, до слез испугался.

— Эй, эй, Ушки — стой, погоди, — вмешался Колотун. — Ты это серьезно?

— Разумеется.

— Да он же новичок! Он же школьник!

— И что? Пусть учится.

— Чему учиться?

— Тому, чему должен. Это говно — и есть наша работа, — Ушки произнес это почти весело. Он полагал, что это звучит забавно.

Колотун так не считал.

— Иногда мне кажется, что ты слишком любишь эту работу, — мрачно сказал Колотун.

Улыбка мгновенно исчезла с лица Ушки, он весь подобрался. Он стоял перед здоровенным Колотуном — тонкий, высокий, напряженный, как змея. Его пальцы подрагивали, казалось, еще секунда, и он бросится. Колотун отступил и поднял руки.

— Он будет в порядке, — сказал Ушки. — Все будут в порядке. И мы обойдемся без соплей. На семью достаточно одной мамочки.

Он повернулся и пошел в раздевалку. Колотун оскалился ему вслед и повернулся к Ною.

— Давай, пошли.

Ной плохо помнил дальнейшее. В раздевалке ему показали шкафчик, кто-то, кажется Танк, вручил полевой комбинезон, оказавшийся великоватым и висевший на Ное, как мешок. Ушки долго возился с какими-то железками, перебирая их и складывая в большую сумку. Потом была долгая дорога к машине и быстрая поездка к месту происшествия. Ной пришел в себя лишь тогда, когда они прибыли на улицу Святого Варфоломея.

Теперь здесь было пустынно. Кордон милиции растянулся, на этот раз перегородив ее целиком. Они прошли мимо охранников у двери, поднялись по маленькой, вонючей и темной лестнице на первый этаж, миновали еще пост и, наконец, оказались в квартире, где случилось несчастье. Смерд здесь был намного сильнее, чем в подъезде. Пахло чем-

то кислым, сыростью и выгребной ямой. Ной почувствовал тошноту и остановился. Танк придержал его за плечо, пропустив вперед Ушки и Колотуна.

— Не переживай так, — шепнул он. — Они уже мертвые. И это не поправишь. А что до тараканов — ты не паникуй и, главное, Ушки слушайся. Все будет хорошо.

Ной рассеянно кивнул. Он не переживал за погибших людей. В этот момент сочувствие ему было не доступно. Его трясло от отвращения, мутило от запахов, и никак не удавалось побороть парализующий страх.

В ванную комнату вел кровавый след, будто волоком тащили ободранную тушу. В дверь заглядывал молодой милиционер, нервно постукивая по косяку тяжелой дубинкой. Было слышно, как внутри переговариваются Ушки и Колотун.

— Идем, — сказал Танк. — Надо работать.

Если бы не короткая передышка, предоставленная им, Ноя вырвало бы прямо на пороге. Ванна представляла собой бойню, все было залито кровью, даже стены. Чернеющими отвратительными потеками она застыла повсюду. На полу осталось множество следов.

— Их было трое, — сказал Ушки. — И все ушли.

Он показал на сливное отверстие. Решетка с него была сорвана и лежала в противоположном углу, вокруг валялись осколки плитки, словно внизу что-то взорвалось.

Ушки поставил сумку на унитаз, вытащил из нее несколько гладких металлических деталей и принялся ловко прилаживать одну к другой. Через минуту в его руках оказался маленький арбалет, который он передал Колотуну и принялся за следующий. За арбалетами последовали длинные широкие ножи, один из которых Ушки вручил Ною. Нож оказался очень тяжелым, но хорошо сидел в ладони, и с ним Ной почувствовал себя немного лучше. Последним из сумки был извлечен большой фонарь.

— Первым иду я, — сказал Ушки. — Потом Танк, Ной, Колотун. Внизу — ни звука. Ной, смотри и запоминай, если сделаю вот так — остановишься; вот так — внимание...

Инструктаж занял пять минут. Покончив с ним, Ушки натянул тонкие перчатки, взял фонарь и, шумно выдохнув, быстрым движением просунулся в пролом на полу. Колотун придержал его за ноги. Пару минут оба не двигались, потом, повинаясь какому-то невидимому знаку, Колотун втянул его обратно.

— Все тихо, — сказал Ушки. — Двинулись.

Он сел на пол, свесив ноги в дыру, подвинул к краю сумку, а потом прыгнул вниз. Это было сделано настолько ловко и быстро, что Ною показалось, будто Ушки просто исчез. Еще секунду назад он сидел перед ним, а теперь словно растворился в густом зловонии комнаты. Следующим спускался Танк. Кряхтя, он повис на руках, неловко согнул их и, ударившись плечом о край проема, упал вниз. Ной почувствовал тычок Колотуна.

— Давай.

Он отдал нож, сел на краю отверстия, как это делал Ушки, оттолкнулся и, вытянув вверх руки, скользнул в темноту. Высота была небольшая, его тут же подхватили и оттащили в сторону. В дыру просунулся нож, а потом голова Колотуна. Он быстро огляделся, исчез, появились его ноги и, наконец, он сам грузно плюхнулся на мокрый пол туннеля. Ушки повернул фонарь и посветил вперед.

Стены, выложенные из старых, потемневших от сырости кирпичей, покрывала блестящая испарина. Кое-где кладка частично разрушилась, образовав черные, покрытые лишайником оспины. Было холодно. Где-то гулко капала вода. Туннель уходил вперед на пару десятков метров, а потом сворачивал в сторону.

Ушки двигался беззвучно, он будто парил над полом. Колотун, тоже шел тихо, и только шаги Ноя и неуклюжего грузного Танка нарушали мертвую тишину. Ной смотрел на ноги Ушки, стараясь скопировать его походку, и скоро ему это удалось — он исчез и

растворился в тишине, чувствуя, как плавное неслышное движение изменяет его восприятие — страх померк, уступив место сосредоточенности. Ной словно растекался по туннелю, витая одновременно и впереди и позади своего собственного тела. Лучи фонарей плясали по стенам, изо рта поднимались прозрачные облачка пара.

Не дойдя нескольких шагов до поворота, Ушки сделал знак остановиться, повернул голову вбок, чуть приоткрыл рот и застыл. «Он слушает, — подумал Ной. — Слушает туннели». Немного погодя, они снова двинулись вперед.

Яркие круги света обшаривали пол, выхватывали из темноты толстые вены ржавых труб. Дорога шла под уклон; Ною начало казаться, что стены становятся все ближе, а потолок — ниже. Он мог ощутить растущее давление на голову, словно погружался в глубину.

В левой стене показалась узкая прямоугольная амбразура с неровными, словно обгрызенными краями. Под ней лежала горка битого кирпича. Ушки остановил их, подошел к дыре и посветил внутрь. Некоторое время он не двигался и слушал, потом вытащил из нагрудного кармана бумагу, бросил на нее быстрый взгляд, погасил фонарь и довольно долго, не шевелясь, простоял в темноте. Его поведение действовало Ною на нервы. Он не понимал, что делает Ушки, зачем он это делает и насколько опасно то, что он обнаружил. Но никто из спутников волнения не проявлял.

Прошло не меньше десяти минут, прежде чем Ушки пошевелился. Он сгорбился, уперся руками в края дыры, а потом быстро просунул голову внутрь. Ной похолодел. Он вдруг представил себе необыкновенно отчетливо, как Ушки подается назад, а над плечами у него нет ничего. Обезглавленное тело качается, потом оседает вниз и падает к его ногам. А там, в темноте пролома, блестят большие круглые глаза.

Ушки высунулся из дыры и посмотрел на Ноя. Тот облегченно вздохнул — голова была на месте. Ушки поманил его пальцем. Положив руку Ною на плечо и наклонившись к самому уху, он зашептал:

— Мы с Танком подсадим тебя, и ты пролезешь внутрь. Там никого нет, но могут быть следы. Отсюда не видно. Если что — ори как можно громче и свети им прямо в глаза. Понял?

Ной кивнул.

Ушки кивнул в ответ, включил фонарь и бросил его в пролом. Подошел Танк. Ной подтолкнули вперед, подхватили под мышки, и ему ничего не оставалось, как просунуть ноги в дыру. Танк и Ушки принялись толкать его, Ной попытался повернуться лицом вниз, задержался и неуклюже плюхнулся на землю, ободрав лоб о край дыры.

Присев на корточки, он вытер кровь и осмотрелся.

Закуток за стеной напоминал по форме букву «Г». Фонарь освещал изгиб, за которым, словно вода, собралась густая темень. Ной опустил на колени и стал внимательно осматривать пол. Тихое дыхание за спиной придавало ему смелости. Земля оказалась сырой и очень твердой. Даже, если здесь кто-то был, нечего и надеяться заметить следы. Сзади послышался тихий свист. Ной оглянулся. Просунув руку в дыру, Ушки указывал ему на дальний конец помещения. Ной поднялся и послушно пошел вперед, стараясь унять дрожь в руках. Чуткий световой конус скакал по стенам. Ной добрался до поворота, сделал еще шаг и остановился.

Ушки не мог разглядеть лица мальчишки, наполовину скрытого выступом стены, но по тому, как тот резко остановился, по бешеной скачке света от фонаря сразу понял — есть! Что-то есть. Ной качнулся назад, потом быстро отпрянул, отступил на пару шагов и упал на колени. Его вырвало.

— Ш-ш-ш, — едва слышно прошелестел Ушки.

Ной поднял голову, повернулся и уставился на него остекленевшими удивленными глазами. Ушки поманил его пальцем, парень поднялся и подошел к пролому, на ходу вытирая губы. Он не видел, куда идет — перед глазами все еще стояло темное, тусклое пятно на полу с отпечатком босой ступни; еще один отпечаток, точнее — его половина;

человеческая рука, рукав рубашки разорван, обнажая мясо и кость, а в углу, вытянув вперед оставшуюся руку — объединенный труп, покрытый красными тряпками.

Ушки указал на фонарь. Ной отдал его и неуклюже полез в дыру. Снаружи его подхватили и потащили вперед. Он задержался, стараясь быстрее выбраться из комнаты, в горле захлопало. Чья-то ладонь сжала ему губы. Выбравшись, Ной уперся спиной в стену, сполз на корточки и поджал руки к груди. Ушки опустился рядом, схватил его за подбородок и повернул к себе.

— Смотри на меня. На меня смотри!

Зрачки Ноя сместились.

— Что ты видел?

Ной ответил.

— Руками кладку разобрали, — прошептал Колотун.

— Она здесь хлипкая, — отозвался Танк. — И я бы смог.

Ушки поднялся и потянул за собой Ноя. Тот встал. Они двинулись дальше.

Туннель впереди разошелся на два рукава. Ушки остановился на развилке и, сделав знак ждать, скрылся в левом коридоре. Свет фонаря постепенно тускнел, а потом исчез вовсе. Стало темно и тихо. Через несколько минут свет возник вновь. Ушки вышел из коридора и, ни слова не говоря, повернул в другой.

На этот раз он отсутствовал дольше. Над самым ухом Ноя глубоко и шумно дышал Танк. Этот звук успокаивал. Он был безопасным. Он был обыкновенным.

Ушки появился и сделал знак следовать за собой. Они прошли пару десятков метров, потом он остановился и указал на стену. В ярком круге света они увидели едва заметный отпечаток маленькой ладони.

«Ребенок», — апатично подумал Ной.

Туннель сужался. Они миновали несколько поворотов. Пол стал сырым, появились лужи. По стенам, тихо журча, сбегали ручейки воды. Следы теперь появлялись чаще: отпечатки босых ног — влажные, хорошо различимые; бороздки на размякшем земляном полу. Следуя им, Ушки уводил группу все глубже и глубже. Они шли мимо холодных, мокрых стен, тщательно обходя лужи. Шли до тех пор, пока не оказались в тупике.

Когда луч света выхватил длинную узкую щель в глухой стене, сердце Ноя едва не выпрыгнуло из груди. Он смотрел на нее расширившимися глазами, будто видел черных ход в Ад. Щель напоминала полумесяц, под ней на полу валялись осколки кирпичей и почерневшая цементная крошка. По краям мелкими точками рассыпались отпечатки тех рук, что разбирали кладку. Ной ясно представил себе, как сильные пальцы впиваются в кирпич, тянут его, толкают, длинные ногти чертят глубокие полосы, выскабливая, крошку за крошкой, старый цемент. Ему стало нехорошо, и он отвернулся.

Прижав голову к трещине, Ушки слушал. Его лицо было сосредоточено и хмуро. Он водил пальцем по отпечаткам и царапинам; он принюхивался, больше напоминая животное, чем человека. Попадая под землю, он словно обрел целостность. Исчезла рассеянность, исчезла отстраненность — здесь он стал самим собой.

Ной снова посмотрел на щель. Они были там, он чувствовал. Там, в темноте за стеной. Те, кто убил людей на улице Святого Варфоломея, те, кто испортил кабель в коллекторе — отвратительные хищники, охотники на людей. Но теперь на них охотился Ушки. А он не упустит добычу. Он найдет их и убьет. Всех до единого. И кошмар закончится.

Ушки отошел от щели на несколько шагов и опустился на колени. Перед собой он поставил фонарь и направил его на стену тупика. Снял с пояса плоскую коробочку, вытащил из нее короткую металлическую стрелу и вложил в арбалет.

Отстранив Ноя, к щели подошел Танк. Он вставил широкое лезвие ножа в ближайшую щель, надавил и вытолкнул кирпич из кладки. На ровной границе полумесяца появилась щербинка. Танк приступил к следующему кирпичу, потом к следующему. На пол полетели осколки, в лучах фонаря закружилась пыль. Он работал

молча. По туннелю разносились глухие удары и тяжелое дыхание. Когда он закончил, Ушки подошел к расширенному проходу, прислушался и скользнул в темноту. Через минуту он появился снова и махнул рукой, приказывая следовать за собой.

Шли медленно, часто останавливаясь и слушая тишину туннеля. Ной потерял счет времени. Однообразные стены, отсутствие звуков и света гипнотизировали его. Он смотрел на спину Танка и размеренно переставлял ноги, ничуть не беспокоясь о плавности походки, молясь, чтобы все это скорее закончилось.

Ушки вдруг остановился и поднял арбалет. Овернулся и посмотрел на Колотуна. Тот подошел к нему, и они вместе направились вперед — туда, где туннель делал плавный изгиб. Они шли очень медленно и абсолютно бесшумно, шаг за шагом приближаясь к цели. Ной затаил дыхание, слыша, как гулко бьется сердце.

Ушки прыгнул вперед, резко звякнула тетива, раздался крик и тут же смолк. Это произошло так быстро, что Ной не успел осознать, что происходит. Танк схватил его за руку и потащил за собой.

Они стояли кружком и смотрели на труп.

— Детеныш, — сказал Ушки. — Бросили его.

Глядя на маленькое скрюченное тельце с короткой стрелой, торчащей из головы, Ной почувствовал, как защипали глаза подступающие слезы. Он видел не чудовище, он видел детское лицо, перемазанное кровью и грязью, испуганное и удивленное. Впервые с того момента, как он услышал о тараканах, Ной подумал, что они могут ошибаться. То, что здесь произошло, не имело оправдания. Это было убийство. Обыкновенное, жестокое убийство.

Ушки наклонился и выдернул стрелу. Потом указал вперед.

— Они там. Все. Я их слышу.

Группа выстроилась в шеренгу; все приготовили оружие. Ноя Колотун отпихнул назад, себе за спину. Танк крутил головой и разминал плечи. Выждав пару минут, они побежали.

Тараканы собрались у железной решетки, перегородившей туннель. Четверо. Белые, болезненно худые фигуры. Они сидели на корточках, опустив головы. «Яркий свет», — успел подумать Ной, а в следующее мгновение твари синхронно, словно по команде бросились на людей. Ной наблюдал за этим словно во сне: рывок, головы поднимаются, руки вытягиваются вперед, из-под босых ног разлетаются блестящие брызги. Нестройно звякают арбалеты. Крики. Две фигуры падают, еще одна шарахается в сторону, ударяется об стену, хватаясь руками за плечо, из которого торчит стрела. Последняя тварь несется на Колотуна. Его рука опускается и отбрасывает бесполезный арбалет. Тварь прыгает.

Колотун успел выгнуться назад: времени на удар ножом не оставалось. Громко вереща, чудовище врезалось в него, он толкнул его дальше в направлении движения и опрокинулся на спину. Тварь не успела ухватиться, перелетела через Колотуна и упала, ударившись о ногу Ноя. Тот вскрикнул, в ответ раздался окружающий визг. Она вскочила на ноги.

Ее лицо оказалось рядом. Женское лицо. Широкое, худое с глубокими неподвижными глазами. Кожа блестела, мокрые волосы облепили щеки и шею. Она оскалилась. Ной ощутил, как сильные пальцы впиваются ему в бока, потом женщина закричала, обдавая его губы теплом и зловонием. Она вскинула голову вверх и вдруг стала похожей на святую Сусанну, чей образ висел в комнате собраний у батюшки Михаила. Ной почувствовал, как подгибаются ноги. Он сделал неуверенный шаг назад и упал.

Глава 6. Дочки и мамочки

Мамочка поджидала их у входа в здание. Едва они вылезли из машины, она решительно взяла Ноя за руку и, не говоря ни слова, увела его с собой. Никто не пытался ей помешать.

Они устроились в столовой и закрыли дверь.

— Садись.

Ной послушно сел. Мамочка скрылась на кухне, и через минуту вернулась, сопровождаемая веселым посвистыванием чайника. Она расположилась напротив Ноя и некоторое время молча на него смотрела. Ной глядел в стол.

— Плохо? — спросила она.

Он пожал плечами.

— Рассказывай!

Ной не отвечал. Он не хотел говорить. Вообще ничего не хотел, кроме того, чтобы его оставили в покое. Хотел остаться один, забиться в какой-нибудь угол и сидеть там долго-долго. Но Мамочку это не устраивало. Видя, что Ной молчит, она забросала его вопросами: сколько было тараканов, как вел себя Ушки, как Колотун, кто шел первым? Ной стал отвечать: сначала медленно и через силу, потом живее, не дожидаясь помощи Мамочки. Она сходила за чайником и налила ему полную кружку сладкой горячей макки, капнув туда «успокоительного» из аптечки. Ной сжимал чашку ледяными ладонями и пил, с удовольствием чувствуя, как течет внутри горячая жидкость. Он рассказал Мамочке все, что вспомнил и от этой короткой исповеди почувствовал себя немного лучше.

— Ушки ждет хороший пистон, — сказала Мамочка. — Уж поверь мне. Он не должен был тебя брать.

— Почему Караско оставил его старшим? — спросил Ной. — Почему не Колотуна? Или Танка? Танк старше.

— Ушки дольше всех в оперативном. Он работал еще с предыдущей командой. Мы все позже пришли.

— Но он совсем молодой.

— Ему двадцать пять. Он в оперативном с семнадцати лет, насколько я знаю. Его команда погибла в полном составе пять лет назад — все, кроме него. Может потому он такой... Не простой.

— Погибла? Как погибла?

— Ну это только Караско знает точно. Ушки обмолвился, что они наткнулись на гнездо. Далеко за Городом. Во время одной из экспедиций. Тогда еще о тараканах почти ничего не знали, вообще, и сейчас не знают, но в то время было совсем глухо. Группа его погибла, а он остался. Потом набрал новую группу — Колотуна, Колотун привел меня; Танка уже привел Караско.

— А Караско откуда взялся?

— Перевели из аналитического. О, это была картина! Ты бы видел, что творилось с Ушки — он-то считал, что сам будет командовать! Но это и к лучшему. Караско — начальник что надо! При нем группа не потеряла ни одного человека, и дело делается. Стань начальником Ушки, и он уже давно положил бы нас всех. Такой он есть — ненормальный.

Ной кивнул. Под этими словами он готов был подписаться. Психика этого парня явно требовала медицинского вмешательства.

— А почему вы его зовете Ушки?

— А как ты думаешь?

— Ну, наверное, он хорошо слышит.

— Он не просто хорошо слышит — у него слух такой же ненормальный, как и голова. Сидя здесь он может услышать, как копошатся мыши в коридоре, но при этом не разберет ни слова в нашем с тобой разговоре.

— Как это?

— Ну, не знаю, как объяснить. Он слышит то, что хорошо знает; то, что ожидает услышать — знакомые звуки. А если звуки новые, слышит так же, как и все. То есть — плохо.

— Ты хочешь сказать, что он слышит тараканов, потому что ожидает их услышать?
— Примерно так.
— Но ведь так можно услышать и то, чего нет. Вообще что угодно можно услышать. Внушить себе, что слышишь, а на самом деле это не так.
— Звучит убедительно, только вот проколов у Ушки еще не было.
Ной допил макку и отодвинул чашку в сторону.
— Спасибо.
— Не за что, милый!

Дома Ной изо всех сил старался показать, что с ним все в порядке. Разговор с Мамочкой, а потом с Колотуном немного успокоил его. «Ты держался хорошо, — говорил Колотун. — Штаны вот не обделал. И не бери в голову — всем страшно. В первый раз или в двадцать первый, это не важно». Ной хотел объяснить ему, что дело не в штанах и не в страхе, а в том, что они убивали. Пусть тараканов, это не имело значения, потому что они были людьми. В заповедях сказано — не убивай. Ноя мучило то, как легко они преступили святой запрет. Что удержит сделавшего первый шаг от следующего?

Пока Ной ужинал, мать сидела напротив и вязала. Аппетита у него не было, но он ел, стараясь скрыть черную зудящую пустоту внутри.

— Ной, — сказала она, прервав долгое молчание. — Я понимаю, тебе это неприятно, но сегодня я говорила с Адамом Декером. Он готов взять тебя в Лаборатории. Тебе предоставят хорошее содержание, и Адам всегда сможет помочь, подсказать. Они с твоим отцом дружили, ты знаешь?

— Знаю.

— Через полгода ты сможешь купить машину. Нам не придется больше экономить, мы сможем жить по человечески. Ной, ты слушаешь?

— Да.

— Подумай над этим.

— Я подумаю, — сказал Ной, не поднимая головы. Ложка постукивала по тарелке, он молчал.

Не встретив яростного сопротивления, мать приободрилась.

— Вот и хорошо. Молодец! Ты можешь поговорить с ним завтра. Завтра Адам весь день дома.

— Мам, я не говорил, что согласен — я сказал, что подумаю.

Она поджала губы, но не сдавалась.

— Думай быстрее, Ной. Такой шанс нельзя упускать. Я не могу понять, что тебя останавливает? Чем плоха работа в Лабораториях?

— Просто я сам хочу решить. Понимаешь? Сам.

— Упрямый ты... А что упрямишься? Тебе такой человек предлагает помощь!

— И что? Я должен сразу же закричать «Да, господин Декер! Конечно, господин Декер!»?

— А хоть бы и так. Что в этом плохого?

— Мам, я не готов сейчас об этом говорить.

— Хорошо. Но ты помни, что ничего не вечно в этом мире. И расположение Адама Декера тоже.

Мать снова взялась за спицы и спросила, не поднимая головы.

— Как прошел твой день?

— Нормально.

Караско появился в Ангаре на следующее утро. Едва поздоровавшись с остальной командой, он заперся в кабинете с Ушки. По общему мнению, высказанному Мамочкой, начальник накручивал ему хвоста за вчерашнюю выходку. Возник спор, какая

воспоследует кара. Спорили долго, проявив при этом искрометную фантазию, но, в итоге, сошлись на том, что никакая. Пользу Ушки для оперативного отдела трудно было переоценить, а что касается его закидонов, то у кого их нет? Времена надвигались тяжелые, а кто лучше Ушки знает врага?

Громче всех говорила Мамочка. Волнуясь и отчаянно картавя, она доказывала всем, что, не смотря на все достоинства Ушки, начальником его делать нельзя, даже на время. То, что он сотворил с Ноем, вообще не лезло ни в какие ворота, и Караско не имеет никакого права закрывать на это глаза. Черту под разговором подвел Колотун.

— Ушки — фанатик, он не различает людей и свои идеи. Беда в том, что работать ему приходится с именно людьми. Будем надеяться, что начальник обратит его внимание на эту тонкость.

Когда Караско вызвал Ноя к себе, Ушки в кабинете уже не было. Начальник усадил парня на стул и долго молчал, что-то обдумывая. Потом спросил:

— Ты как?

— Нормально, — ответил Ной и добавил: — Лучше, чем вчера.

— А как было вчера?

Ной медлил, мысленно перебирая слова: плохо, страшно, неправильно — ничего не подходило. Он не знал, как назвать то, что он испытал в туннелях. Наверное, в его голове просто не было нужного слова. Да и откуда ему взяться? Он ответил просто и честно:

— Не знаю.

Караско кивнул, будто именно такой ответ и ожидал.

— В пятницу мы выдвигаемся за пределы Города. Поедем довольно далеко — нужно разведать местность, да из аналитического кое-что подбросили. Может быть трудно. Посему даю тебе возможность выбора: ехать с нами или посидеть здесь с Мамочкой, привести себя в порядок. Ты не торопись и хорошенько подумай. На всякий случай скажу, что, если откажется, никто в тебя пальцем тыкать не станет. Тебе все понятно?

— Да.

— Хорошо. Тогда иди и размышляй, завтра скажешь о своем решении. И пришли мне остальную банду.

Мамочка вышла от Караско первая. Она нашла Ноя сидящим возле вездехода, смурного и погруженного в себя. Он не заметил ее появления и вздрогнул, когда она заговорила:

— Ной. Ау.

Он поднял голову.

— Ты не откажешь в помощи бедной девушке? Понимаешь, машина сегодня занята, а ребят начальник не отпустит. Сказал, может Ной поможет.

— Конечно. А что нужно делать?

— Вещички перенести. Там, наверное, не очень много, но одной мне не сладить.

— Я с удовольствием помогу.

— Вот и отлично. Рада доставить тебе это удовольствие!

В длинном пальто и шапочке Мамочка выглядела очень трогательно. Она казалась совсем еще девочкой, хрупкой и уязвимой. Ною вдруг захотелось взять ее за руку, обнять, укрыть от неприветливой стужи — стать ее ангелом-хранителем.

С неба медленно спускались редкие крупные снежинки. Было холодно.

Мамочка засунула ладони подмышки.

— Замерзла? — спросил Ной.

— Нет. Ни чуточки.

— Возьми мои перчатки, а я засуну руки в карманы. У меня очень теплые карманы.

— Спасибо!

Она надела его перчатки поверх своих, подняла руки с растопыренными пальцами.

— У-у-у, лапищи!

Ной улыбнулся.

Они миновали пожилую пару, медленно ползущую по скользкому тротуару. Старик сжимал в руке острую палку и при каждом шаге изо всех сил втыкал ее в лед. Старуха держалась ему за плечо. Ной подумал о своих ледунцах, и ему вдруг стало неудобно.

— Вы скоро уезжаете, — сказала Мамочка.

— Да.

— Уже полгода не ездили. Вообще, это интересно. Караско говорит, что вы на запад поедете. Далеко, за Володино.

— Далеко? Пустая Земля?

— Ну да. А он тебе не говорил? Он же тебя первого вызвал.

— Он предложил мне выбор: ехать или остаться. Наверное, потому и не говорил о маршруте.

— А, вот оно как. И что ты думаешь?

Ной помолчал.

— Я хочу понять, что это будет: исследовательская экспедиция или боевой рейд?

Мамочка посмотрела на него удивленно.

— Боевой? Нет. Вряд ли. На Пустой Земле мы не с кем не воюем. Если что, просто сваливаем. Не наше дело вести войну. Так, стычки бывают иногда, не больше.

— На улице Святого Варфоломея мы тоже ни с кем не воевали. Это было больше похоже на убийство.

— Вот ты о чем... Знаешь, Ной, не нужно относиться к этому так. Это не убийства.

— А что же? Мы убивали людей. Как это называется?

— Тараканы — не люди!

— А кто?

Мамочка задумалась.

— Не знаю. Говорят, что демоны, бесы. А еще говорят, что это бродячие мертвые, их души не нашли дорогу на небо. Много всего говорят, но никто наверняка не знает. Но это не люди.

— А кто-нибудь знает точно?

— Ну, Караско, наверное, знает. Он, вроде, ходил к ним, еще когда была группа Ушки. Один ходил, без оружия. Ходят слухи, что он знал о них задолго до того, как они появились в Городе. Даже до того, как на них оперативники наткнулись. Я не знаю, правда это или нет. Если поедешь, попробуй его расспросить.

— А почему ты не едешь?

Мамочка остановилась, зачерпнула пригоршню снега, скатала из него комок и подбросила вверх.

— Мне нельзя. Животные дела.

— Что?

— Ничего. Сам увидишь.

Здание городского социального центра выглядело зловеще. Низкое, в два этажа, длинное, с бесконечной вереницей бледно-желтых окон, затянутых занавесками. Вокруг него сновали люди, входили и выходили в единственную узкую дверь. В стороне стояло несколько машин, среди которых выделялся горбатый силуэт автомобиля медицинской помощи. Водитель в тулупе стоял возле дверцы и о чем-то спорил с маленьким толстым человечком, поминутно сплевывая и размахивая руками.

Протолкавшись сквозь человеческий поток, Ной и Мамочка вошли внутрь и оказались в царстве беременных женщин и орущих, бегающих по коридорам детей. Они погрузились в немыслимый хаос, внутри которого угадывалось непрерывное целенаправленное движение. Люди сновали туда-сюда, заходили в двери, сидели на

стульях в ожидании своей очереди. Было жарко. Мамочка стянула перчатки и отдала их Ною.

— Подожди здесь, — сказала она. — Я скоро.

Он сел на свободное место на краю скамейки, глядя, как она растворяется в толпе. Потеряв ее из вида, он стал смотреть на соседей.

Рядом расположилась молодая женщина, на вид не старше Мамочка, на коленях у нее устроился пухлый карапуз в толстом свитере. Он сидел, опершись руками на ноги матери, и смотрел по сторонам большими любопытными глазами. Периодически он начинал беспокойно крутиться, и тогда мамаша устраивала ему «скачки», пружиня ногами вверх-вниз. Малыш улыбался, сжимал пальцами ее ноги и гукал. Ной украдкой наблюдал за ними несколько минут, пока ребенку не надоела игра, и он был спущен на пол между скамеек, по которому стал удивительно быстро и ловко ползать. Молодая мамаша посмотрела на Ноя и улыбнулась.

Карапуз подполз к его ноге, ухватился за штанину цепкими пальчиками и, пользуясь ей, как опорой, встал. Он стоял неуверенно, раскачиваясь, и победоносно смотрел на «дядю», словно призывая его восхититься этим достижением. На всякий случай Ной завел руку ему за спину, намереваясь ухватить ребенка за свитер, если тот начнет падать.

— Ить! — сказал малыш и засмеялся.

Ной улыбнулся в ответ.

Перебирая руками по штанине, малыш осторожно двинулся вдоль ноги, не спуская с Ноя восторженных глаз.

— О! У вас тут веселье!

Ной обернулся и увидел Мамочку. Она стояла, держа в руке сложенное пальто, и улыбалась до ушей.

— Да, — смущенно согласился Ной.

— Ты только посмотри, как он к тебе тянется!

— Удивительно, — сказала молодая мамаша и взяла малыша на руки. — Вообще-то, он не любит чужих.

Опровергая ее слова, ребенок вытянул ручки к Ною и разревелся.

— Пойдем, — сказала Мамочка. — Нам пора.

Ной встал.

— Его зовут Яфет.

Он обернулся. Молодая женщина прижимала ребенка к груди.

— Яфет, — повторила она.

Пробираясь вслед за Мамочкой по запруженным людьми коридорам, Ной думал о том, какие удивительные совпадения встречаются в жизни. Назвала ли его Мамочка по имени перед этой женщиной? Он не мог вспомнить. Наверное, нет. Верно говорят — неисповедимы пути Господни.

Они встали в очередь возле тяжелой железной двери в самом конце здания. Очередь была небольшая и двигалась быстро; уже через пятнадцать минут они вошли в огромный темный зал, заставленный бесконечными рядами стеллажей. Возле двери за столом сидела старая женщина в телогрейке и в жиденьком свете настольной лампы что-то писала в толстой амбарной книге. Мамочка подошла и положила перед ней бумажку. Старушка подняла голову и улыбнулась беззубой улыбкой.

— Храни вас Бог.

Она взяла бумажку, внимательно прочитала и принялась листать книгу, водя по страницам длинным узловатым пальцем. Скрипнула дверь. Ной обернулся. На пороге стояла Лайла.

— Ной?

Она замолчала. Он тоже не отвечал, смущенный, словно его застигли врасплох за чем-то непристойным. Девушка нахмурилась.

— Храни тебя Бог, Ной.

Она посмотрела на Мамочку.

— Это... — начал Ной, но осекся.

Он понял, что не знает имени Мамочки, а представлять ее прозвищем здесь, в этом доме, перед Лайлой показалось ему неуместным.

— Мы вместе работаем, — сказал он.

— Понятно.

Старушка оторвалась от книги и с любопытством разглядывала молодых людей.

Лайла стояла прямая, элегантная, пожав губы. Мамочка растеряно переводила взгляд с нее на Ноя и молчала. Ной краснел и нервничал. Пауза становилась гнетущей. Наконец, Лайла закончила осмотр Мамочки и повернулась к старушке. Та сразу оживилась.

— Вот ваш номер — нашла! Сто двадцать один. Вон тот стеллаж, ближе к стене, в самом конце. Возьмете, а потом ко мне — в книге распишетесь.

— Я провожу вас, — сказала Лайла. — Идите за мной.

Они пошли по темной аллейке между полками. Лайла впереди, Ной и Мамочка в паре шагов за ней.

— Ты будешь вечером на собрании группы? — не оборачиваясь, спросила Лайла.

Не желая говорить с ее спиной, Ной прибавил шаг. Ему хотелось оправдываться.

— Буду, — сказал он.

— Ты давно не появляешься, это неправильно. Тебе непременно нужно быть. Пойми, это важно!

— Да, я понимаю.

Они подошли к нужной полке. Лайла показала на одну из коробок.

— Вот ее вещи.

Коробка оказалось не тяжелой, зато громоздкой и без ручек. Ной прижал ее к животу и повернулся.

— Спасибо, — сказала Мамочка.

— Помогать тем, кто нуждается — долг моей совести, — спокойно и холодно ответила Лайла.

— Счастлива поспособствовать ее очистке.

Лайла не удостоила ее ответом и посмотрела на Ноя.

— Идемте. Вам нужно расписаться.

— Вот тут, — старушка ткнула в лист книги.

Мамочка наклонилась и двумя быстрыми движениями вывела красивую, ажурную подпись-виньетку.

— Спасибо! — сказала она.

— На здоровье! Дома посмотри повнимательнее, деточка. Там, наверное, кое-что починить нужно. Но вещи хорошие, не сомневайся. Чистые и еще крепкие.

— Заштопаю.

Мамочка улыбнулась старушке и пошла к двери. Остановившись возле нее, он повернулась к Лайле и сказала:

— До свидания.

— Храни вас Бог.

Ной поднял коробку.

— Храни тебя Бог, Лайла.

— Храни тебя Бог. Ной, сегодня, на собрании группы — не забудь.

— Не забуду. Обязательно приду.

Ной нес коробку на вытянутых руках, то и дело поворачивая ее, чтобы посмотреть на дорогу.

— Тебе не тяжело? — спросила Мамочка.

- Нет.
- Что это за девушка?
- Мы с ней в одной исповедальной группе.
- Понятно. Она красивая.
- Да.
- Вы давно знакомы?
- Да нет. Не очень. Она у нас новенькая.
- Новенькая, но шустрая. — Мамочка улыбнулась. — Лапки на тебя положила.
- Ты о чем?
- Да так, ни о чем. Она работает в Центре?
- Не совсем. Она еще учится. В Центре на общественных началах.
- А. Волонтер. Помогает таким, как я. Это похвально. Она тоже из Квартала?
- Нет. Она живет на улице Десяти Заповедей. Обычный дом.
- Воображаю...
- Она тебе не нравится?
- Нет. Почему? Она очень милая. Наверное, умная. С ней тебе будет хорошо.

Наверное.

- Не уверен, что у нас с ней что-то будет, — пыхтя, сказал Ной.
- О, у вас будет все, что нужно! Такие добычу из рук не выпускают.

Ной не ответил. Мамочка задела его. Он не понимал, откуда вдруг взялся весь этот сарказм. Да, Лайла была не очень-то приветлива, но она вела себя вполне прилично. И, во всяком случае, никого не хотела обидеть. Просто ее застали врасплох. Неудобно получилось. А Мамочка реагирует слишком резко. При том, что сама, мягко говоря, не обладает таким безупречным моральным обликом, как Лайла.

Дальнейший путь они проделали в молчании. Коробка вдруг показалась Ноем ужасно тяжелой. Она давила на руки, будто была сделана из свинца, и не нужно напрягать воображение, чтобы представить, где он был выплавлен.

Давным-давно, когда у Ноя впервые возникли вопросы о мальчиках и девочках, мама рассказала ему о хороших и плохих женщинах. Хорошие жили скромно и честно, берегли себя для будущего мужа, заботились о здоровье и рожали детей в браке. Они не имели тайн и не могли их иметь, потому что любая тайна — от Лукавого.

Плохие женщины — это бездны скверны. Плохие женщины не имели стыда. Они приходили к мужчинам и оставались с ними без обязательств. Они ломали жизнь наивным мальчикам, и могли даже заразить опасной и срамной болезнью — печатью позора, от которой потом не отмыться.

Мама пугала Ноя этими женщинами так, как не пугала чертями и бесами, гвоздями вколачивая в его голову простые постулаты, которыми он должен был руководствоваться, когда подрастет. Ей удалось сформировать у него крепкий стереотип падшей женщины, который вызывал у Ноя лишь отвращение и чувство брезгливости.

Но в этот день стройность его понятий нарушилась. Мамочка не была похожа на падшую женщину, порок не сочился сквозь каждую пору на ее коже, глаза не были наполнены похотью, она не была презираемым изгоем. Она нравилась Ноем. Это противоречие буквально разрывало его на части, и он не знал, что сказать.

Лайла была не такая. С Лайлой все было просто и правильно.

Мамочка высунула язык, поймала на него большую пушистую снежинку и засмеялась. Она развела руки в стороны и подняла лицо к жиденькому свету далекого солнца.

— Посмотри, Ной — как хорошо!

Она повернулась и заскользила перед ним плавными, летящими шагами. На фоне темно-фиолетовых туч и бордового солнечного нимба на них, она казалась ангелом, парящем в прозрачном неподвижном воздухе. Она шла по яркому белому снегу и смеялась.

Мамочка открыла дверь и зажгла свет.

— Мы тут! — крикнула она.

Ной вошел в тесную захламленную прихожую и поставил коробку на пол. Здесь пахло теплом и чистым бельем. В конце коридора возникла маленькая, сгорбленная старуха и остановилась, внимательно разглядывая гостей.

— Мам, это Ной, — сказала Мамочка. — Я говорила тебе о нем.

Она стянула перчатки и сунула их Ною в карманы.

— Спасибо за лапы! Раздевайся, у нас тепло.

— Ты голодный? — спросила старуха.

Голос у нее был громкий, скрипучий — он плохо вязался с ее тщедушной фигурой. Ной покачал головой.

— Нет.

— Я приготовлю макки. Вам нужно согреться.

Старуха вышла.

— О! Горячая макка! — пропела Мамочка. — Ням-ням! Вешай сюда пальто, и идем.

Квартирка была небольшая — две комнатки и кухня, из коридора больше похожая на чулан. Слишком много мебели, старой и чиненной, слишком мало пространства. Они прошли в комнату Мамочки, и Ной водрузил коробку на комод.

— Вот моя норка! — сказала Мамочка и уселась на большую скрипучую кровать. — Нравится?

Ной осмотрелся. Здесь было темно и тесно. Кровать занимала большую часть пространства, остатки его пожирал шкаф; пара стульев, комод, столик с маленьким зеркалом и тумбочка. Комната действительно напоминала норку. Через открытую форточку с улицы проникал свежий холодный воздух.

— Ничего. Жить можно.

— Ага. Я тоже так думаю. Подожди немножко, я сейчас приду.

Мамочка вышла. Ной подошел к кровати, на которой лежала большая картонная папка с развязанными тесемками. Он сел рядом и открыл ее.

Там были рисунки. Карандашные эскизы, выполненные в узнаваемой манере Мамочки. Сложенные руки, точнее — лишь кисти рук, незнакомые лица. Некоторые улыбались, другие выглядели серьезными. Зарисовки улиц, дома, крыши. Ной переворачивал листы, отвлеченно размышляя, что Мамочке стоило бы пойти в художники. Ее талант был очевиден — смотрел на него с каждой картины.

Перевернув очередной лист, он вдруг застыл. Сердце испуганно стукнуло. Перед ним была девушка. Обнаженная девушка. Рисунок сделали в этой комнате. Девушка стояла возле комода, повернувшись к художнику вполоборота. Рукой она опиралась на спинку стула. Как завороченный смотрел Ной на плавные линии тела, круглые бедра, тяжелые полные груди, младенческие складочки на боках. Он удивился, насколько хорошо и естественно она выглядела. Совершенно не так, как на похабных картинках Багуцкого. Ее ладонь лежала на выпуклом животе, словно обнимая его, еще не осознанным, инстинктивным жестом матери. Это выглядело странно — трогательно и красиво. Девушка на картине улыбалась и, казалось, смотрела прямо на Ноя. Ему вдруг захотелось дотронуться до нее, он поднял руку и тут услышал в коридоре шаги. Ной быстро захлопнул альбом и метнулся к центру комнаты.

Мамочка не заметила его замешательства. Она была возбуждена и радовалась, как ребенок в предвкушении подарков.

— Тааак! Давай посмотрим, что нам дали.

Она раскрыла коробку и вытащила крошечную рубашку.

— Лапки-царапки! Держи!

Она бросила рубашку Ною. Он поймал ее на лету.

— Пеленки, пеленки, пеленки... Шапочка! Ной, посмотри — какая прелесть!

Она вытаскивала из коробки вещи, а Ной стоял и любовался на нее. Мамочка была настолько живой, настолько настоящей, так резко отличалась от большинства знакомых Ноем людей. Почти все в Городе напоминали автоматы: они двигались, говорили, думали так и тогда, как и когда это было нужно, чтобы выполнять свою функцию. Никто не делал ничего просто так, просто потому, что это доставляло удовольствие. А под этой внешней пустотой кипела страсть, задавленная, забитая, задвинутая, как можно глубже, замазанная благопристойностью, настолько же фальшивой, как и их улыбки.

А Мамочка была другая. То ли она не знала, то ли просто не умела придерживаться всех тех бесчисленных норм поведения, которые были приняты в Городе. Они не были законами, но, как обычаи, оказались гораздо жестче и эффективнее законов. Те, кто не соблюдал их, становились изгоями. Их не наказывали, не стыдили, не притесняли — их просто не видели.

Громко закричала старуха:

— Чайник закипел!

— Идем! — отозвалась Мамочка.

Она схватила Ноя за руку.

— Какая холодная! Черт, я тебя совсем заморозила!

Она взяла его руки и сунула ладони себе под мышки. Он почувствовал теплое тело, ребра, ее дыхание. Он держал ее в руках, а она смотрела ему в глаза, неожиданно серьезная, почти печальная.

— Так лучше?

— Лучше. Так намного лучше.

Глава 7. Буря

— Я решил.

Караско оторвался от бумаг и посмотрел на Ноя.

— Я поеду.

— Садись.

Ной опустил на табуретку. На столе лежала карта, покрытая карандашными пометками.

— Вот это — Город, а здесь, — Караско передвинул палец далеко в сторону, — наша конечная цель. Осоцк. Старое поселение, предположительно, пустует. Мы были там два раза, мимоходом. Теперь займемся вплотную. На него у нас примерно неделя, столько же на дорогу в один конец. Скорее всего, задержимся дольше. Думаю, можно рассчитывать на месяц.

Он взглянул на Ноя. Тот кивнул.

— Опыта у тебя никакого. Будешь пока на подхвате. Есть вариант заниматься техникой — ремонт, настройка, в таком ключе. Потихоньку разберешься, Танк поднатаскает. Потянешь?

— Не знаю. Наверное.

— Или с Колотуном. На нем вездеход.

— Я хотел бы с Колотуном. Если можно.

— Можно. Только учитывай, что в любой момент могут понадобиться все, и отсидеться возможности не будет.

— Я это понимаю.

— Ну, раз понимаешь, значит решено. Колотун тебе все расскажет. Я позвоню в обеспечение, найди, собери, что нужно в дорогу.

Ной поднялся.

— Спасибо!

— Поблагодаришь, когда вернемся. Ладно. Давай — иди.

Мамочка ждала под дверью.

— Ну как?

— Еду! — сообщил Ной. — Буду под началом Колотуна.

— Хм, не самая терпеливая нянька.

— Мне не нужна нянька.

— А что тебе нужно?

Ной задумался.

— Не знаю. Во всяком случае, не гаечным ключом орудовать.

— О, гаечного ключа тебе не избежать, — улыбнулась Мамочка. — Ты же знаешь мнение Колотуна о созидательном труде. Им-то он тебя обеспечит.

Ной улыбнулся в ответ.

— Только я не знаю, что с собой брать. Караско сказал, что позвонит в обеспечение... Это где?

— Мужчину в поход должна собирать женщина. Идем, я тебе помогу.

Она схватила Ноя за руку и повлекла за собой.

Колотун был раздражен. Из-под вездехода раздавались ругательства, что-то позвякивало. Ной положил мешок на пол, и они с Мамочкой переглянулись.

— Колотун, — осторожно позвала она.

— Чего вам?

— Не хочешь прерваться на минутку?

Стук затих, Колотун выбрался из-под машины, сел, привалившись к колесу, и с тоской посмотрел на них.

— Течет, зараза, — сообщил он. — Крышка сгнила, а новой нет. Достало все. Пусть пальцем затыкает!

Он мрачно взглянул в сторону кабинета начальника.

— А у вас что?

— Ной едет с вами. Мы уже вещи собрали.

— Да ну?

Ной кивнул.

— Поздравляю, парень! Ты выиграл билет в задницу. Впечатлений наберешься по самое это самое.

— Не ерничай. Ной, между прочим, к тебе поступает.

— Вот как. Начальник приставил?

— Я сам выбрал, — сказал Ной.

Колотун усмехнулся.

— К добряку нашему, стало быть, не захотел?

Ной промолчал.

— Не напрягайся. Я понимаю. Только не думай, что будет весело. Это не прогулка. Откровенно говоря, это каторга.

— А я не боюсь.

— Он преувеличивает, — сказала Мамочка. — Все не так плохо. Ладно, я пошла готовить обед. Сделаю вам что-нибудь вкусненькое!

Оба повернули головы, провожая взглядом ее ладную, все еще легкую фигурку. Колотун отвернулся первым и покачал головой, глядя на Ноя.

— Хорошая она девчонка, — сказал он. — Глупая только. Я бы ее хахалю обратно вернул, за уши бы притащил и зажили бы они у меня долго и счастливо... Только не хочет. Не надо, говорит. Вот теперь будет одна с ребенком маяться. А это хреново. Не приветствуется ибо...

Ной смущенно молчал.

— Ну, что тут у тебя?

Колотун раскрыл мешок и подход Мамочки одобрил. Вещей было немного — только то, что необходимо.

— Комбинезон вы не взяли, — сказал он. — Комбинезон нужен.

— Его Mamочка забрала. Она хочет нашить имя. Сказала, что завтра принесет.
Колотун усмехнулся и хлопнул Ноя по плечу.
— Глянулся ты нашей Mamочке.
— Я думал, она всем нашивала.
— Ага, всем. Не всем... Ладно, времени у нас в обрез. Так что кидай вещички в кабину, я вечером уложу. И переоденься. Поможешь в трудах моих тяжких.

Ной так и не сказал Лайле о предполагаемом отъезде. Все как-то не было повода. Вечером на собрании группы он нервничал, то и дело поглядывая на образ Святой Сусанны над дверью и вытирая о штанины вспотевшие ладони. Он едва понимал, о чем говорили вокруг.

И не хотел ничего понимать. В последнее время групповые исповеди стали в тягость. Все больше раздражало наглое позерство и лицемерие, прочно угнездившиеся в группе. День ото дня перемалывался один и тот же утвержденный и одобренный список грехов. С каждым разом благочестивый фарс выглядел все противнее.

«А может быть, дело не в них, а во мне? — думал Ной. — Может быть, я какой-то ненормальный?». Его точил грех сомнения, настоящий, невыдуманный и опасный. О нем хотелось поговорить, но внутренним чутьем он чувствовал — нельзя. Такая исповедь могла разбить общность группы, нарушить целостность единого организма. Сомнение, это всегда трещина. А люди сильны, куда неделимы.

А балом правила Лайла. Ее любили все, даже девушки, между которыми никогда еще не было полного согласия. Она покорила группу, и Ной ясно видел — все, что говорится здесь, звучит теперь с ее молчаливого одобрения. Все лишнее и опасное, она отметала сразу, как это было с Тороповым. Тот снова запел уже набившую всем оскомину песню о том, как трудно ему прощать других. Терпеливо сносить чужие грехи.

Лайла напомнила ему о бревне и сучке.

Торопов немедленно взбесился и несколько дней не показывался на собраниях.

Ной с тоской думал, что среди этой гадости ему придется жить. Каждый день. И жил бы, постепенно изменяясь так, как нужно, не приди он в Поиск. Теперь не было возможности не видеть и не слышать — слишком ярким оказался контраст.

На улице завывал ветер. Резкие порывы норовили сбить с ног, снежный вихрь бил в лицо, обжигая кожу. Ной нервничал — он думал о предстоящем разговоре.

Когда машина тронулась, он сказал:

— Я уезжаю.

Лайла кивнула и нахмурилась.

— Я предполагала что-то в этом роде. Надолго?

— На месяц. Примерно.

— И куда?

— Далеко. Неделя пути от Города.

Лайла замолчала. Снаружи гремела буря. Ветер дул с запада, и Ной подумал, что он может нести в себе частичку тех мест, куда вскоре отправится экспедиция. Наверное, если вздохнуть полной грудью и прислушаться к себе, можно будет почувствовать дух Пустой Земли.

— А эта девушка, с твоей работы — она тоже едет? — спросила Лайла.

— Нет. Она остается.

Лайла снова умолкла, а потом заговорила, с силой выталкивая слова, словно отбрасывая их от себя.

— Зачем, Ной? Зачем ты едешь? В Городе есть все, что нам нужно. Как это по-детски — взять и отречься от своей судьбы. Отречься от того, что уготовано. Уйти. Уехать. Сбежать.

— Я же не уйду навсегда. Я вернусь.

— Папа говорит, что оттуда не возвращаются. И я думаю, он прав. Ной Коштун уедет в Пустую Землю, а кто вернется?

— Я.

— Ты наивный, Ной. Это не так плохо, но сейчас для тебя быть наивным — просто опасно. Никто не возвращается прежним. Людям это не дано.

— Я постараюсь. Честное слово постараюсь!

— Я буду молиться, чтобы у тебя получилось.

Она положила ладонь ему на руку и слегка сжала. Ладонь была теплой, и тепло от нее разлилось по телу, подбираясь к сердцу. Ной вздрогнул, и в этот момент колеса машины забуксовали, и ее потянуло в сторону. Лайла отдернула руку и рванула рычаг переключения передачи. Двигатель загудел на высоких оборотах, потом стих и машина выправилась.

— Когда ты уезжаешь?

— Послезавтра утром.

Машину снова занесло. Ветер теперь не просто выл — он орал, словно что-то гигантское скрывалось в снежной темноте, и лупил по машине, пытаясь скинуть с дороги. Лайла опять сбросила скорость и наклонилась вперед. Ураган поднимал облака мерцающего снега, окутывая машину непроницаемой стеной.

Ной представил, каково было бы идти пешком в такую погоду. Просто акт самоубийства. Особенно здесь на Дороге, где не было возможности укрыться. Лайла больше не говорила, она полностью сосредоточилась на управлении машиной. Глядя на ее напряженное лицо, Ной забеспокоился.

— Может, повернем?

— Поздно, — коротко ответила Лайла. — До Квартала ближе.

Они ползли сквозь буран. Машина вязла в снегу, и с каждым разом Лайле все труднее было справляться с ней. Ной заметил влажные отпечатки на руле, когда она на миг опускала руку к коробке передач. Наконец, машина встала окончательно. Их поглотило густое, гудящее облако темноты.

Лайла выключила фары.

— Все.

— Что же теперь делать? — спросил Ной.

— Ждать. Родители должны связаться с властями, если я не вернусь вовремя. Тем более, в такую погоду. За нами кто-нибудь придет.

— Как бы не замерзнуть, пока приедут.

Ветер ударил в двери, раздался скрип. Машина вздрогнула и немного подалась в сторону.

— Страшно, — прошептала Лайла.

— Не бойся. В машине мы в безопасности.

— Все равно.

Ной не ответил, пытаясь найти слова утешения. В голову ничего не лезло.

— Обними меня, — попросила Лайла.

Он подчинился, неловко прижав ее к себе.

— Я вот верю, что иногда провидение нарочно сталкивает людей. Тех, которые действительно предназначены друг другу. Мы так часто не решаемся впустить в жизнь другого, выдумываем какие-то невнятные причины, сложности, а на деле — просто боимся. Тогда судьба просто берет нас за руки и соединяет. Как этот ураган.

— Наверное, — пробормотал Ной.

Губы девушки оказались возле его лица, и он почувствовал кожей теплое дыхание. Ной потянул ее к себе, и Лайла послушно подалась навстречу. Его ладонь легла ей на грудь; он почувствовал, как быстро и сильно колотится сердце. Ною стало жарко, он еще сильнее прижал Лайлу к себе.

Тяжелый грейдер остановился возле застрявшей машины. Ее почти полностью занесло снегом, только с наветренной стороны остался небольшой чистый участок. Внутри оказались двое испуганных, окоченевших ребят, прижавшихся друг к другу в попытке сохранить остатки тепла. Двигатель у машины не работал, отопитель тоже.

— Вы в порядке? — спросил водитель грейдера, перекрикивая бурю.

— Да! — ответила Лайла. — Только очень замерзли! Аккумулятор разрядился!

— Я оттащу вас до Квартала! Где вы живете?

— Я покажу! — крикнул Ной.

Водитель кивнул и захлопнул дверь. Ной поднял воротник.

— Будь осторожнее! — сказала Лайла и поцеловала его в щеку.

Ветер чуть не повалил его, было трудно дышать. Перебирая руками, он обошел машину и увидел яркий свет фар грейдера. Из темноты вынырнул водитель, схватил Ноя за руку и помог влезть в высоко поднятую кабину. Хлопнула дверь, и стало так тихо, что зазвенело в ушах. Быстро двигались щетки, сбивая с лобового стекла налипший снег, из щелей печки тянуло запахом нефти и теплом. Ной стянул перчатки и прижал руки к горячему металлу.

Через несколько минут дверь снова открылась, и в кабину ворвался снежный вихрь, почти полностью скрыв фигуру водителя. Он уселся в кресло и, повернувшись к Ною, закричал:

— Машину подцепил! Ну, едем, помолясь!

Двигатель взревел, и грейдер медленно пополз вперед. Последовал рывок, колеса несколько раз провернулись на месте, но тяжелая машина справилась. Водитель включил прожектор и стал напевать что-то тихое и монотонное.

Ной с беспокойством поглядывал в боковое зеркальце, пытаясь разглядеть машину Лайлы, но видел лишь темноту. Теплый воздух бил в лицо, колыхал волосы.

— Мы можем остановиться? — спросил он, поворачиваясь к водителю. — Девушка тоже знает дорогу. Там в машине очень холодно!

— Нет, застрянем еще! Ты не волнуйся, до Квартала недалеко. Доедем быстро.

Ной не стал настаивать и снова посмотрел в зеркало.

Минут через двадцать впереди показались могучие опоры ветряка, а за ним маленький огонек прожектора.

— Что там? — крикнул водитель.

— Милицейский пост! Осторожнее с ветряком, объезжайте справа!

— Понял! Машину оставим у поста! Они присмотрят. Дом далеко?

— Нет, рядом!

Водитель кивнул и принялся осторожно выворачивать руль, огибая ветряк. Железные опоры заметно дрожали, к завываниям ветра присоединился протяжный стон.

Грейдер затормозил. Ной взялся за ручку двери, но водитель остановил его.

— Посиди. Не стоит там ходить.

Он выбрался наружу. Свет прожектора на крыше поста мерцал. Ной подумал, что ураган мог повредить ветряк. Если тот совсем откажет, Квартал останется без электричества. Только этого им не хватало.

Дверь с его стороны открылась, в кабину залезла Лайла.

— Боже, Боже — как холодно, — сказала она, сжимая воротник шубы.

Ной подвинулся, давая ей место возле печки.

— Я должна позвонить родителям, — дрожа, сказала девушка. — Они, наверное, с ума сходят!

— У нас нет телефона.

Лайла удивленно посмотрела на Ноя. Распахнулась дверь, в кабину залез водитель.

— Ну что, ребятки, поехали?

— Стойте! — крикнула Лайла. — Мне надо позвонить! На посту есть телефон?

В вихре снега они ввалились в прихожую, Ной поспешно захлопнул дверь.
— Господи-Боженьки! — запричитала мать. — Ной, как я волновалась? Ты в порядке?

Она обняла сына, потом отступила на шаг, глядя на Лайлу.
— Храни вас Бог, — сказала девушка.
— Храни вас Бог.
— Мама, это Лайла. Мы застряли на Дороге, нас грейдер дотащил. Домой ей не добраться. Она переночует у нас?
— Господи, конечно, деточка! Конечно! Очень рада, наконец, увидеть вас! Ной столько о вас рассказывал!

Лайла улыбнулась.
— Мне тоже очень приятно познакомиться с вами.
— Но вы раздевайтесь, раздевайтесь! Я сейчас что-нибудь теплое принесу. Погреетесь. И макку поставлю!

Мать вышла из коридора, Ной повернулся к Лайле. Снег таял на ее лице, капельками блестя на длинных ресницах.

— У нас не убрано. Извини. Мы не ждали гостей.
— Ничего. Я даже рада, что все так получилось.
Он помог ей снять шубу. Лайла с любопытством осматривала захлавленную прихожую, потирая руки. Лампочка на потолке мигала.

Мать принесла теплый пуховой платок, старую безрукавку и вязанные чуни.

— Вот, надевайте, сейчас согреетесь.
С кухни донесся слабый свист.
— Спасибо. Вы не могли бы мне показать, где ванна?
— Да, милая. Я провожу. Ной, сними чайник!

Ной кивнул и прошел на кухню. Выключив конфорку, он полез в шкаф, чтобы найти чашки попроще. Когда мама вернулась, он накрывал на стол.

— Хорошая девочка, — сказала она, заливая кипятком макку. — Ной, поставь пирог в духовку, его нужно прогреть. И красивая.

— Да.
— Родители знают, что она у нас?
— Да. Лайла звонила с поста.
— Я устрою ее наверху.

Над чашками поднимался пар, за окном гремела буря. Лайла пила горячую макку, мама резала пирог. Ной нервничал: как отнесется Лайла, привыкшая к натуральным продуктам, к пирогу из концентрата? «Может быть, предложить ей что-то другое? Но мама обидится». Но Лайла ничего не сказала. Она с удовольствием ела пирог и рассказывала о своей семье, о своих занятиях, о планах. Похвалила портрет над столом. Портрет отца Ноя, единственное его изображение, которым мать очень дорожила. Лайла восхищалась домом, назвала его уютным. Попросила добавки. Она вела себя так просто и естественно, что Ной не верил своим глазам. Такого преображения он никак не ожидал.

— Мам, — сказал он, воспользовавшись паузой в разговоре. — Я уезжаю.
— Уезжаешь?
— Экспедиция Поиска. Мы выезжаем послезавтра. На месяц.
— О чем ты говоришь, Ной? Куда вы едете?
Он объяснил. Мать растерянно переводила взгляд с него на Лайлу.
— Но как же так? Там опасно!
— Мы едем в спокойное место. Будем передвигаться на вездеходе. И люди там опытные.

— Так нельзя, Ной! И что за новая манера — сообщать человеку о таком серьезном деле накануне! За кого они тебя держат?

— Мам, все нормально. Просто эта поездка до последнего момента была под вопросом.

Она сокрушенно качала головой. Ной чувствовал, как много она хочет сказать, но присутствие Лайлы сдерживало готовый хлынуть поток причитаний и укоров. Он мысленно поблагодарил небо за этот ураган. Если бы не он, буря разразилась бы прямо в доме.

Мать поджала губы. Лайла тоже выглядела грустной и молча пила остывающую макку.

— Зачем тебе это?

— Мам, мы уже все обсудили, — сказал Ной.

— Вы это одобряете? — обратилась она к Лайле.

У Ноя сжалось сердце. Лайла подняла голову и посмотрела на него, потом на встревоженную мать.

— Нет, — сказала она.

— Вот видишь!

— Но я принимаю выбор Ноя. Если для него это так важно, если он хочет попробовать, я не могу ему помешать. Могу только надеяться и молиться. Господь укажет верный путь.

Мать встала и, вытирая глаза, быстро вышла вон.

Глава 8. Другая сторона

Накануне отъезда Ной пришел на работу раньше обычного: Лайла торопилась в школу и выехала ни свет ни заря. Однако свою порцию причитаний от матери он получить успел. Все сводилось к тому, что сын, как и отец, непременно сгинет и оставит ее одну. Спорить с этим было бесполезно, оставалось молчать.

Ангар без вездехода выглядел непривычно пустым и заброшенным, словно храм без алтаря. На месте машины лежала стопка книг. Подойдя ближе, Ной обнаружил, что это Библии.

— Колотун собирается, — объяснила Мамочка.

— Он берет в экспедицию Библии? Зачем?

— Как зачем? Нести в Пустую Землю слово Божье, — она озорно улыбнулась. — В Поиске так принято. Знаешь какую должность в Оперативном занимает Колотун?

— Ну — водитель. Или механик. Что-то в этом духе.

— Нет. Он священник.

— Колотун священник?

Ной представил себе Колотуна в рясе и едва не рассмеялся, настолько сан не вязался с этим рослым веселым грубияном.

— Священник, — подтвердила Мамочка. — Ловец наших душ.

На следующее утро вездеход оказался на месте. К его черепашьей «голове» приделали огромный ковш-отвал в виде острого клина высотой в рост человека. Колтун и Танк грузили ящики с походным скарбом, а Ноя сразу же направили на кухню, где он, под руководством Мамочки, занялся упаковкой снеди. Ушки разложил на полу целую коллекцию блестящих металлических шурувов и ползал между ними на карачках, похожий на тощего черного паука. Только Караско нигде не было видно. Волнуясь, как бы выезд не отложили, Ной спросил о нем у Мамочки.

— Начальник ушел к колонне. Еще вчера ночью.

— К какой колонне?

— С вами еще грузовики пойдут. До базы. Это недалеко от Города. Они там останутся, а вы дальше.

— Понятно.

— Волнуешься?

— Немного.

Мамочка привстала на носки и неожиданно звонко чмокнула его в губы.

— На счастье!

Ной покраснел.

— Уедет мальчик, а вернется мужчина, — тихо сказала она. — Почти всегда так бывает.

Тем временем сборы входили в финальную — истерическую — стадию. Колотун орал на всех и каждого, призывая поторопиться ради всего святого. Время подбиралось к десяти. Наконец погрузили последний ящик, Колотун и Ушки устроились в кабине, а Ной с Танком — в пассажирском отсеке.

В забранном решеткой оконце вездехода Мамочка казалась маленькой, словно девочка из начальной школы, не хватало только двух косичек. Он махала рукой. Колотун завел двигатель, ангар огласился воплем ревуна, и машина тронулась. У Ноя заныл живот — рвалась пуповина, которая связывала его с Городом, Мамочкой, Лайлой, Кварталом и матерью. С той жизнью, которая оставалась и не могла больше следовать за ним.

Мимо проплывали стены домов. Ной смотрел в окна, забранные занавесками и наполненные темной пустотой. Ветер стих, но снег валил густой пеленой, словно опускался на Город занавес. Колотун объехал Центр и дальше держался широких улиц, которые постепенно делались уже, их границы скрадывались — Город исчезал не сразу, он таял, словно проявлялась наоборот фотокарточка.

Все больше попадалось заколоченных окон, треснувших стен, все меньше встречалось людей. А те, что встречались — недоуменно пялились на большую машину, демонстрируя рябые лица, щербатые рты, лысые в пятнах псориаза головы. Они выглядели одновременно и страшными и жалкими. Ною казалось, что каждый из них смотрел именно на него, каким-то непостижимым образом угадывая лицо в маленьком окошке, словно чувствовали его взгляд. Он отвернулся и уставился в пол.

Колотун вел вездеход, не обращая внимания на людей и не трудясь сигнализировать пешеходам. Скоро улицы окончательно опустели, остались только наполовину разваленные, занесенные снегом дома.

Прожив в Городе двадцать лет, Ной не имел никакого представления о том, как выглядит окраина. Вся его жизнь вертелась на узком пяточке Центра и Квартала. При удалении от них, лица встречных постепенно мрачнели, потом пустели, и страшно было представить, что происходит с человеком в Пустой Земле. Это неожиданное открытие расстроило Ноя. Он подумал, что жизнь похожа на головку лука, где под одним слоем существовал другой, и еще один, и еще — и так до самого центра, до сути, до точки отсчета. И еще он подумал, что мог прожить в Городе всю жизнь, так и не узнав об этом.

Вездеход остановился, и с пытением осел. Ной попытался разглядеть, что там впереди, но в маленькое окошко почти ничего не было видно.

— Кордон, — сказал Танк. — Сейчас дальше поедem.

Они простояли несколько минут, потом вездеход тронулся. Мимо проплыла высокая железная труба, закрепленная вертикально на стене дома. К трубе была приварена скоба для засова. Ной посмотрел в противоположное окошко и увидел огромную открытую воротину. В нескольких окнах горел свет, из них выглядывали люди в форме милиции Города. За спинами у многих висело оружие, которое раньше Ной видел только на картинках. Он смутно помнил, что в его названии было что-то механическое: то ли гайка, то ли винт...

Вездеход миновал ворота и через несколько минут выбрался на открытую местность. Город позади медленно растворялся в белой пелене. Дома превращались в темные пятна, которые постепенно выцветали и таяли.

— Что приуныл? — спросил Танк.

— Да так. Ничего.

Колонна присоединилась к ним в нескольких километрах от города. Они ехали по занесенному снегом старому шоссе, покачиваясь на глубоких выбоинах. Мимо проплывали дорожные знаки и потускневшие указатели.

Ушки и пересевший в вездеход Караско тихо переговаривались между собой. Не смотря на приоткрытое внутреннее окошко, слов было не разобрать — они тонули в густом рокоте двигателя. Ной смотрел на деревья. Они проплывали мимо бесконечной неровной стеной, покачивая на слабом ветру тяжелыми ветвями, словно крыльями.

На обочине возник очередной указатель. Этот сохранился лучше остальных, и Ной даже смог разобрать надпись: «Кириловка». На нем сидела большая черная ворона. Ничуть не пугаясь вереницы механических гигантов, она спокойно провожала их взглядом, переступая тонкими ногами. Вездеход продирался вперед, расталкивая перед собой глубокий снег, а когда рокот двигателя последнего грузовика смолк, колея, оставленная караваном уже исчезла.

Время перевалило за полдень, когда Танк полез в один из мешков и раздал паек. Ной развернул его и обнаружил прессованный концентрат, твердый, как железо и, в таком виде, совершенно не съедобный. Танк согрел воду. Разведенный, паек превратился в серую кашу, горячую и безвкусную, как бумага. Над миской поплыл пар.

Танк ел быстро, равномерно стуча ложкой по дну миски. Покончив с обедом, он снова вскипятил воду и заварил макки. Караско сменил Колотуна за рулем, и тот уселся с тарелкой на скамью рядом с Ноем, все еще ковырявшим ложкой свой концентрат. Ною было нехорошо — снова разболелся живот, и от вида еды его начинало мутить. В кабине было невыносимо душно. Пахло потом.

— Плохо тебе? — сочувственно спросил Колотун.

Ной кивнул.

— Меня тоже в первый раз тошнило. Я как увидел поле за окном, так и скрутило. Полдня не мог проблеться.

— Почти со всеми так, — согласился Танк. — Ты, если что, дверь приоткрой и давай. Не стесняйся.

— Это правда, — поддержал его Колотун. — Лучше не держать, а то весь пол изгадишь.

Он рассмеялся.

— Такое бывало. Но ты не горюй. День-два и привыкнешь. А пока поменьше смотри по сторонам. Еще насмотришься.

Потом Колотун ушел, и весь следующий час Ной провел, как в бреду. Голова у него похолодела, и он едва не потерял сознание. Он помнил, как Танк держал его за шкуру, высунув в дверь, пока Ной блевал, чувствуя, как все внутренности сворачиваются в тугой комок. Ему немного полегчало, и его отпаивали водой. К тому моменту, как колонна достигла пункта назначения, Ной чувствовал себя усталым и полностью разбитым.

На базе они побыли пару часов. К вездеходу подцепили цистерну с нефтью и двинулись дальше. Ехали до темноты. Свет в кабине не включали, Ной сидел в полумраке и смотрел, как исчезают в окне деревья. Колотун еще сбросил скорость, было слышно, как шумит, раздвигаемый отвалом, снег.

В десять вечера Караско дал приказ остановиться.

— Ночуем здесь, — сказал он. — До Володиного километров пятнадцать. Оставим на утро. Первыми дежурим мы с Ноем, потом Танк.

В кабине включили свет. Танк встал и, скрипя досками настила, полез в нишу под одной из скамеек, извлек из нее пару ведер и повернулся к Ною.

— Не хочешь выйти? Ноги размять?

Ной неуверенно помотал головой. Выходить не хотелось, хотелось сидеть, забившись в дальний угол и закрыв глаза.

— Сходи-сходи, — сказал Колотун, пробираясь в пассажирский отсек через маленькую дверцу. — Ветерком тебя обдует. Голова проветрится.

Ной послушно встал и принялся натягивать куртку.

Широкие колеса вездехода на треть погрузились в снег. Он все еще продолжал валить, но уже не так густо. Танк распрямился и глубоко вдохнул холодный, пропитанный незнакомыми запахами, воздух. Вслед за ними выбрался Колотун.

— Вот она где — настоящая свобода, — сказал он, разминая шею. — Бери, сколько хочешь, неси куда хочешь!

— Далеко ты ее унесешь, — проворчал Танк, наполняя ведра снегом. — Я вообще считаю: что Город, что Пустая Земля — нет особенной разницы. Непривычно только. И шума меньше.

Колотун не слушал его. Он находился в возвышенном состоянии и на низость мира просто не обращал внимания.

— Вдыхай этот воздух, парень! Потом даже сквозь намордник научишься им дышать. Потому что, человек не для клетки ведь рождается. Человеку простор нужен.

Танк покачал головой, подхватил ведра и полез обратно в вездеход. Колотун продолжал говорить, словно прорвалась у него внутри какая-то плотина.

— Смотреть на горизонт, когда между ним и тобой ничего больше нет — это все равно, что глядеть в себя. В Городе такого нет. Слишком многое застит.

Ной промолчал. Он не видел горизонта, но подсознательно чувствовал правоту Колотуна. Станным он был священником. Да и все вокруг было странным.

Где-то далеко, в гуще темных деревьев послышался вой. На минуту он стих, а потом раздался снова, и ему вторили.

— Волки, — сказал Колотун. — Нас учуяли. Идем.

После ужина все свободные от вахты члены команды легли спать, а Ной с Караско перебрались в кабину. В большие окна вездехода равнодушно смотрела темнота — ни огонька, ни звездочки. Ной подумал, что вряд ли сможет заснуть этой ночью. Может быть следующей...

— Петр всегда хотел попасть в экспедицию, — задумчиво сказал Караско. — Но так и не выбрался. Ты сделал это за него.

— А как вы познакомились с отцом? — спросил Ной.

— Я расскажу. Сейчас самое время. История долгая и не для чужих ушей. Пока ребята спят, будем говорить. Впереди несколько ночей, думаю уложимся.

Заскрипело кресло, Караско устраивался удобнее. Ной тоже откинулся на спинку и приготовился слушать.

— Мы познакомились пятнадцать лет назад. Я тогда работал в Аналитическом. В мои обязанности входил первичный анализ добытых оперативниками образцов. Фактически, вся деятельность сводилась к описанию найденного барахла и передачи по отделам. Работа нетрудная и интересная. Порой попадались очень любопытные вещицы. И вот однажды из очередной ходки принесли что-то странное.

Ящик с сюрпризом занимал половину стола. Самсон передвинул его ближе к лампе и поморщился, увидев натекшую лужицу. У оперативников странное чувство юмора, как раз в их манере было насыпать полный ящик снега и отдать в аналитический, выдумав какую-нибудь глупую легенду. Самсон сталкивался с этим ни раз и ни два, но управы на шутников не было. Он обязан проверить все, что привезли. Хотя, на этот раз ребята выглядели серьезно. Даже испугано. Впрочем, с них станется.

Он приподнял лампу, направив свет на ящик, и открыл крышку. Из ящика на него уставилось нечто.

— Это была первая химера, которую добыл Поиск. Потом появились и другие, но эту я запомнил на всю жизнь — такая жуть взяла.

Замерзший до состояния камня, зверек напоминал барсука. Наверное, это и был барсук, вот только передние лапы его чуть не заставили Самсона закричать. Они заканчивались миниатюрными, белыми человеческими ладонями. С минуту Самсон сидел молча, испуганно глядя на зверя, потом вскочил и выбежал из комнаты, едва не забыв запереть за собой дверь.

— Наш начальник связался с Адамом Декером. Он уже тогда руководил Лабораторией. Декер приказал молчать, а мне велели передать находку твоему отцу. Так я и познакомился с Петром Коштун.

— Почему отцу? Мама говорила, что он был врачом.

— Твой отец был не простым врачом. Скажем так, его главным пациентом был сам Город.

— Не понимаю.

— Петр Коштун занимался биологическими отклонениями. Ты удивишься, как часто они теперь встречаются. По существующей доктрине (человек — венец творения Божия) они не имели права на существование. Задача твоего отца заключалась в том, чтобы оценить степень опасности и дать нужные для Города толкования. Он изучал всех чудовищ, что попадали в Лабораторию, объявлял их редкими и незначительными отклонениями от нормы, и все были довольны — человек оставался венцом, и все было прекрасно. Пока не появились химеры. Вот тогда все стало плохо.

— Кто-нибудь еще видел это? — спросил Петр Коштун.

Самсон отрицательно покачал головой.

— Нет. Только оперативники и я.

— Ваш начальник?

— Нет. Адам Декер распорядился ограничить доступ к... эээ... находке.

Коштун надел перчатки и осторожно вытащил барсука из ящика.

— Замерз. И давно. Ну, малыш, давай-ка согреемся. Завтра у нас большой день.

Он переложил барсука в клетку и поставил ее возле батареи отопления.

Самсон плохо спал в ту ночь. Его мучили кошмары: говорящие животные, птицы с человеческими лицами, люди с песьими головами. Когда утром он пришел на работу, возле двери его встретили милиционеры.

— Самсон Караско?

— Да.

— Вы должны пройти с нами.

Караско снова заскрипел креслом. Ной, который слушал затаив дыхание, вздрогнул.

— Клетка, куда твой отец положил химеру, оказалась пустой. Когда он пришел утром в Лабораторию, то обнаружил в закрытой клетке только лужицу талого снега. Это существо просто исчезло, растворилось в воздухе.

— Его кто-то украл?

— Нет. Вряд ли. Всех, кто имел отношение к находке, допросили, отследили наши перемещения, восстановили каждую минуту той ночи, но ничего не нашли. А потом та же история повторилась и с другими химерами. С этого происшествия и началась наша с Петром дружба. Мы встречались в библиотеке, там есть отдельные комнаты для особых посетителей. Твой отец ждал меня там. Его очень интересовал Поиск...

Весь следующий день вездеход боролся со снежными заносами. Колотун посадил Ноя рядом, постепенно приобщая его к таинству управления сложной машиной. Часы летели незаметно, а вечером Караско снова заперся с ним в кабине.

— В тот год Поиск нашел еще четыре химеры. И все они были разными. В основном мелкие животные. Помню, была собака, такая обыкновенная собака, но с лисьей мордой. Жуткое зрелище. Все находки шли через меня к Петру и исчезали так же, как и первая. Он просто с ума сходил!

Самсон смотрел на пустой контейнер, в который Петр аккуратно опускал очередную находку. Коштун выглядел усталым и осунувшимся. Эта загадочная история с исчезновениями совершенно его измотала. Он запер контейнер и сел на стул.

— Петр, погоди, а что, если не убирать их?

— То есть?

— Оставить на столе. Мы сядем и будем смотреть на нее. Всю ночь.

Коштун поскреб заросший щетиной подбородок.

— Почему нет? Посиди здесь, я позвоню жене!

— И что? — спросил Ной. — Получилось?

— Получилось. Тварь осталась на столе, и на утро Петр сделал вскрытие.

Подробностей я не знаю — мне пришлось уйти, но с тех пор с химерами поступали именно так. Был период, когда твой отец сидел в Лаборатории безвылазно, иногда его сменял я. А потом необходимость в этом отпала, химеры больше не исчезали.

Оперативникам дали задание прочесать местность, где находили образцы, это не так далеко отсюда, километров сорок на юг. Они обшарили все, но не нашли ни самих химер, ни их источника. Зато нашли тараканов. Небольшую группу. Была стычка, и живым взяли только одного. Его тоже передали Петру.

— Мама не говорила, что он занимался тараканами.

— Она не знала. И никто не знал. О тараканах заговорили лишь несколько лет спустя, после гибели группы Ушки. Но об этом в другой раз. Сейчас я хочу закончить рассказ о твоём отце. В последний раз мы с ним встретились за неделю до его исчезновения. Там же, в библиотеке.

Петр нервничал. Он тер лоб и глаза, будто никак не мог сосредоточиться. Самсон терпеливо ждал, когда он успокоится и заговорит.

— Помнишь ту собаку? — спросил он, наконец.

— С лисьей головой?

— Да. С лисьей. Я вчера хотел с ней поработать. Вытаскиваю ее из контейнера, смотрю — а голова-то у нее другая! Собачья голова!

Самсон оторопел. Ему вдруг стало неуютно в маленькой полутемной комнатке рядом с человеком, который определенно сходил с ума.

— Но это не все. У нее глаза другие.

— Что значит другие?

— Человеческие.

— Ты уверен?

— Да. У собак световой поток распределен по сетчатке равномерно, а у человека он фокусируется в одной точке — желтом пятне. Это были человеческие глаза, Самсон! И они на меня смотрели!

— Боже праведный!

— И это еще не все! Помнишь того дикаря, которого привезли твои ребята? Он вовсе не человек!

— Как не человек?

— Я не знаю. Я не понимаю, что происходит. Я даже не могу измерить его рост! Он меняется. Меняется длина конечностей, окружность груди, даже головы! Знаешь, что я думаю?

Не дожидаясь ответа, он выпалил:

— Изменчивость! Вот ключевой фактор. И у этого, и у химер. Я думаю, что все они имеют один и тот же источник. Пока не понимаю какой, и что они вообще такое. Но я пойму!

Он немного помолчал, и добавил.

— Боюсь, для Города это будет конец. Идеологическая смерть.

— Больше мы с твоим отцом не встречались. Говорили, что он сильно изменился в последние дни. Был не в себе. А потом исчез.

— Его искали?

— Разумеется. И Поиск, и милиция. И Декер. Петр исчез, как исчезали химеры.

Караско замолчал. Через окно на его лицо падал лунный свет, превращая его в злую белую маску.

— До этого дня кроме меня и Адама Декера о химерах больше не знал никто. Теперь знаешь ты. Это знание ставит тебя в особое положение, Ной, поэтому будь очень осторожен. Ни с кем не говори, ничего не предпринимай. Жди.

Они въехали в Голенищево утром. Колотун медленно вел вездеход по узким нехоженным улицам между развалинами старых домов. Караско, держа в руках карту, давал указания. Танк дремал в пассажирском отсеке, под его тихий храп Ушки учил Ноя собирать арбалет. Они миновали очередную развилку и выбрались на площадь маленького городка.

Дома здесь были побольше и выглядели получше. На одном из них, длинной трехэтажке с провалившейся крышей, сохранилась надпись «ГОСТИНИЦА».

— Стоп, — раздался голос Караско. — Вон туда.

Колотун повернул руль и направил вездеход к гостинице. Он уже преодолел половину пути, когда под колесами заскрежетало.

— Стоп, — повторил Караско.

Они выбрались наружу. Утро выдалось ясным; после полумрака машины от густой белизны болели глаза. Было слышно, как где-то среди развалин громко пищат птицы. Предмет, на который наехал вездеход, оказался тонкой металлической трубой, на несколько сантиметров торчавшей из снега. Караско опустился рядом с ней на колени и принялся копать. Остальные молча сгрудились вокруг.

— Что за черт? — сказал Колотун. — Да это же сани!

— А вон упряжь, — добавил Танк.

— Собачья упряжка, — Караско поднялся и отряхнул штаны. — Ржавчины почти нет. Недавно лежит.

Он осмотрел площадь.

— Ной, Танк — возьмите лопаты и поворошите вокруг. Может быть, есть и другие. Колотун — прикрываешь их. Ушки, возьми арбалеты, пройдемся к дому.

Ной с беспокойством наблюдал, как они вошли в дом и исчезли в темноте. Танк передал ему лопату.

— Ну, давай-ка разомнемся.

Дверца кабины раскрылась, и из нее высунулся Колотун с винтовкой в руке.

— Не ссать, ребята, я с вами!

Ной поджал губы и ткнул лопатой в снег.

Когда Ушки и Караско вышли из здания, площадь вокруг вездехода была похожа на жуткое футуристическое кладбище. Первые находки Ной с Танком вытаскивали из снега

полностью, но потом бросили — слишком много их было. Колотун, первое время азартно комментировавший их работу, замолчал и хмуро смотрел, как появляются на свет все новые и новые открытия.

— Шестьдесят восемь, начальник, — сказал Танк подошедшему Караско. — И это только малая часть.

Караско ткнул ногой в кучу костей.

— А это что? — спросил он. — Собаки?

— Да. Видать, они их вместе с санями оставили. Но тут не только собаки. Ной, покажи.

Из мешка, брошенного возле вездехода, на Караско черными провалами пустых глазниц уставились человеческие черепа.

— Кости мы не брали, — сказал Танк. — Только это.

Все замолчали, Караско тер подбородок.

— Здесь было стойбище, — наконец сказал он. — Я думаю, это Пастушата.

— Пастушата? — переспросил Колотун. — Господи, Боже мой! Начальник, надо возвращаться! Предупредить!

— Нет нужды. Если они и собирались нагрянуть к нам в гости, то теперь, видно, передумали. Сейчас важнее другое — понять, что здесь стряслось. Кто на них напал.

— Напасть на Пастушат... Скорее уж они сами. Передрались из-за чего-нибудь.

— Сомневаюсь. Хотя других останков нет, но Пастушата никогда не были каннибалами.

— То есть как каннибалами?

— Кости обглоданы, — сказал Ушки. — Мы нашли следы зубов и когтей.

Все замолчали. У Ноя подогнулись ноги, и он сел прямо в снег.

— Значит так, — резюмировал Караско. — Я думаю, надо двигаться дальше. Останки относительно свежие. Есть шанс, что мы нагоним Пастушат и сможем что-нибудь выяснить.

— Единственное, что мы сможем выяснить, если их встретим, это дату собственной смерти, — упрямо возразил Колотун. — Пастушата — чума, глад и бич Пустой Земли. Караско, это самоубийство.

— Их здорово потрепали. Стая теперь стала гораздо меньше. У нас вездеход, оружие. Мы обязаны узнать, что произошло. То же самое может случиться и в Городе.

— Ничего мы не узнаем. Только поляжем все за здорово живешь.

Колотун обвел взглядом молчаливую команду, но никто не проронил ни слова. Он поднял руки и пошел к вездеходу. Караско повернулся к Танку.

— Покажи Ню, как пользоваться оружием.

Глава 9. Пастушата

Пустую Землю Ной всегда воспринимал буквально: как место, где нет никого. Редкие слухи о людях, обитающих там, обычно проходили мимо его ушей. Он никогда не задумывался о том, что в огромном мире за пределами Города могут жить и другие, могут существовать поселения или даже Города. «За пределами Города находится грех» — так им говорили, и этого было достаточно.

Увиденное в Голенищево явилось настоящим откровением, оно раздвинула привычные и безопасные рамки мира до пределов поистине чудовищных. Осторожно, словно пробуя на вкус горячую макку, Ной укладывал в голове новое знание, чувствуя, что места тому не хватает.

— Кто такие Пастушата? — спросил он у Танка.

Вездеход, набрав максимально возможную скорость, двигался дальше на запад. За окном проплывали серо-черные столбы деревьев. На койке в дальнем углу отсека спал Ушки. Танк сидел, упершись ногами в пол, опустив голову, и покачивался в такт движению машины.

— Пастушата... Колотун правильно сказал: они — бич Пустой Земли. Человеческая стая, по-другому и не назвать. Мы никогда не встречались с ними так чтобы лицом к лицу, по крайней мере, я о таком не слышал. Но другим от них досталось — это точно! Пастушатами называются, а сами — хуже любого зверья! В Городе есть несколько беженцев, так они страшные вещи рассказывают. Когда Пастушата проходят через какое-нибудь место, там не остается ничего: ни человечка, ни очага. Нам с ними, считай, повезло — они далеко от нас ходят. Ходили, далеко. Теперь, смотрю, они и к нам подошли. Помоги нам Господь!

— А их много?

— Никто не знает. Одни говорят три сотни, другие — все шесть. То больше, то меньше. Но дело не в числе — свирепые они, с ними можно только насмерть.

Ной замолчал. Как непохожа оказалась эта экспедиция на то, что он себе воображал. Он думал о ней, как о путешествии, дальней поездке, которая расширит его горизонт, поможет вырваться, хотя бы на время, из удушающих родительских объятий Города. И вот, как-то быстро и незаметно, из познавательной прогулки она превращалась в ночной кошмар, из которого нельзя вырваться, просто открыв глаза.

Ему вдруг захотелось домой. Прямо сейчас.

Танк положил на колени винтовку.

— Ладно, парень. Ты об этом пока не думай. Давай-ка я научу тебя управляться вот с этим.

Ной испуганно отодвинулся.

— Ты чего?

— Я не хочу.

Танк удивленно уставился на него, не зная, как реагировать.

— Начальник сказал...

— Боишься оружия?

Они повернулись на тихий голос. Ушки приподнялся на локте и смотрел на Ноя.

— Боишься? — повторил он.

— Нет.

— Ну, а в чем проблема?

Ной задумался, пытаясь сформулировать то, что, как он всегда считал, было очевидным.

— Убийство, это смертный грех. Я не могу убивать.

Ушки сел на койке и потянулся, вытягивая позвонки.

— Твоя беда в том, что ты веришь в абсолютное зло. А его нет. Вот эта винтовка, которую ты так боишься, вполне может оказаться орудием справедливости или даже милосердия. Все зависит от тебя самого и больше не от кого. Никто — ни батюшка, ни родители не имеют права говорить тебе сейчас, что хорошо и что плохо. Оружие будет в твоих руках и только тебе решать. Тебе. Забудь их проповеди. Они только для Города и пригодны.

— Это точно, — согласился Танк. — Он правду говорит.

Ной молчал.

— Вот представь себе, — продолжал Ушки, — что кто-то держит нож у шеи Колотуна. Этот кто-то перережет ему горло, если у тебя не будет аргументов. А аргумент в такой ситуации только один — винтовка в твоих руках. Не всегда нужно пускать ее в ход, но этот аргумент здесь, в Пустой Земле, ты иметь обязан. Дела могут пойти так, что от тебя будет зависеть жизнь других. И никто не спросит, хочешь ты этого или нет. Сейчас ты к этому не готов, а значит из-за тебя, и только из-за тебя, могут погибнуть люди. И виновато в этом будет не абстрактное зло, а персонально ты. Такой грех на душу ты готов взять?

Ушки замолчал, ожидая ответа. Ной почувствовал пустоту, тупую бессловесную пустоту, словно разом вытряхнули из сердца все содержимое. А потом пришла злость. Он повернулся к Танку.
— Научи меня.

Темнота наполнилась звуками. Разводить костер Караско не разрешил, сидели в вездеходе. Но даже сквозь толстые стены, из леса доносился вой и отрывистый лай, который, едва послышавшись, тут же замолкал, а потом начинался снова.
— Странно как-то они воют сегодня, — заметил Колотун. — Брешут, как собаки.
— Может это собаки и есть? — спросил Танк. — Одичали.
— Пастушьи собаки, — проворчал Колотун.
Незадолго до полуночи вой утих. Ночь прошла спокойно.

Пастушат встретили в Вольном. Вездеход медленно полз по узким улицам, вспарывая отвалом снег и выворачивая из него внутренности мертвого городка: битые кирпичи и обломки арматуры. Все сидели, положив на колени оружие, и ждали. Городок молчал.

Из разрушенного дома вышел человек и остановился посреди улицы, глядя на огромную машину. На нем был короткий до колен меховой тулуп с капюшоном и меховые же штаны. Он поднял руки и развел их в стороны.

— Проклятье! — выругался Колотун. — Ну вот и встретились. Что делаем, начальник?

Караско медлил с ответом, разглядывая человека впереди. Вслед за ним из дома вышли двое и тоже остановились. В боковом зеркале показались еще люди. Они выходили из развалин и шли за машиной.

— Что будем делать? — снова спросил Колотун.
— Тормози.
— Господи, спаси и сохрани нас.

Колотун надавил на педаль, громко «выдохнули» тормоза. Вездеход замедлялся, продолжая медленно катиться в сторону человека с раскинутыми руками. Тот стоял не шевелясь и не выказывая беспокойства, в отличие от тех, что собрались у него за спиной. Они возбужденно говорили и жестикулировали. Острый отвал вездехода, словно киль корабля, навис над маленькой фигуркой и застыл в полуметре от нее. Не опуская руки, человек подошел к водительской двери.

— Давай-ка я на твое место, — сказал Караско. — Всем приготовиться. Без команды не шевелиться.

Он занял кресло Колотуна, открыл окошко и заговорил. Со своего места Ной не мог разобрать слов. В окнах вездехода маячили люди. Они окружили машину, словно насекомые крысу. Неприятливые лица, колышущиеся на ветру меха и оружие: луки, дубины, ножи и винтовки — Пастушата запрудили всю улицу. Детей и женщин не было видно, только мужчины.

Громкий выкрик заставил всех вздрогнуть.

— На снегу люди-люди братья! Нет вреда!

Караско обернулся.

— Я выхожу. Один. Постараюсь все время держаться на виду. Их главный предлагает сына, как гарантию нашей безопасности. Сейчас вы откроете дверь и впустите его. Наружу не выглядывать. В кабине остается только Колотун. Всем ясно?

Не дождавшись ответа, Караско посмотрел в зеркало бокового вида и кивнул.

— Открывайте дверь.

Танк отворил. Снаружи стоял парень, на вид чуть постарше Ноя. Как и отец, он раскинул в стороны руки, показывая, что пришел без оружия. Танк поманил его к себе и помог забраться в отсек. В этот момент хлопнула дверца кабины — Караско вышел. Ной

наблюдал, как он и предводитель Пастушат отошли на несколько метров от вездехода и остановились.

— Как тебя звать? — спросил за его спиной Танк.

— Долгопят, это детское имя. Скоро буду Волкобой, — с достоинством ответил парень.

— Вот и хорошо. А меня Танком называй. Ты есть хочешь, Волкобой?

Польщенный гость заулыбался, показывая редкие зубы.

— Да.

— Тогда располагайся. Куртку можешь снять, тепло тут.

Танк перебрался в дальний угол к походной кухоньке и загремел крышками.

Волкобой развязал тесемки тулупа, но снимать не стал. Он сел на лавку, с любопытством осматривая отсек. Напротив него изваянием застыл Ушки, он глядел на пришельца, не отрываясь, сложив руки на коленях и немного подавшись вперед. Любого другого человека такое поведение смутило бы, но Волкобой не обращал на Ушки особенного внимания. Гораздо больше его занимала машина.

Некоторое время они сидели молча. Тишину нарушил Танк.

— Ну вот, — сказал он, подходя с дымящейся паром миской. — Давай, угощайся.

Волкобой взял миску, настороженно потянул носом, обмакнул в концентрат палец и опасно лизнул его.

— Да ты не бойся, не отравим, — улыбнулся Танк. — Сами это кушаем.

Парень кивнул и принялся есть.

— Тебе лет-то сколько?

— Не могу говорить.

— Почему? — спросил Ушки. — Мал еще?

Волкобой посмотрел на него неприязненно и менторским тоном продекламировал:

— Кому говорить — говорит. Кому делать — молчит.

— Так ты сюда делать пришел?

Волкобой не ответил, только зыркнул на Ушки недобрыми глазами и уткнулся в миску.

Разговор не складывался. Парень доел и, цыкая зубом, снова принялся рассматривать отсек. Ной пересел к Танку, подальше от Волкобая и Ушки. Находиться рядом с ними было неприятно, как сидеть между двумя злыми собаками. Они ничем не выдавали своего напряжения, но Ной улавливал его.

Прошло полчаса.

— Что-то они забеспокоились, — сказал вдруг Колотун.

Все посмотрели в окна. Караско сидел спиной к вездеходу, его лица не было видно. Вокруг него и вождя Пастушат собралась небольшая группа. Люди возбужденно размахивали руками.

— Не нравится...

Договорить Колотун не успел. Один из Пастушат вдруг задрал голову и завыл по-волчьи, громко и хрипло. Вой тут же подхватили. Один голос, еще один и еще. Волчий вопль волной побежал по толпе вокруг вездехода. Люди выли, вытягивая шеи, и скалились.

— Чего это они? — спросил Танк, встав с места.

— Вот значит, что за волки нам вчера ночью пели, — сказал Колотун.

Звякнула миска. Отвернувшись от окна, Ной увидел Волкобая, стоящего посреди отсека. В руке он сжимал что-то маленькое, тускло поблескивающее металлом.

— Не двигаться! — крикнул парень, замахиваясь. — Я взорву машину!

Караско отошел от вездехода на два десятка шагов и остановился.

— Здесь, — сказал он.

Его спутник огладил бороду и мотнул головой.

— Здесь холодно. В доме лучше. В доме нет ветра. Твои друзья будут видеть дом.
Вон.

Он указал на развалины метрах в двадцати от вездехода.

— Хорошо?

— Нет. Прямо здесь.

— Ты мне не веришь, я понимаю. Ладно. Будет по-твоему.

Он махнул своим и указал на то место, где стоял. Им принесли стулья и установили друг напротив друга. Между них развели костер.

— Я Пастух, — представился бородатый, усаживаясь. — Ты?

— Самсон. Твои люди называют себя Пастушата?

— Пастушата, да. Мы Пастушата. Самсон, очень хорошо. Ты из города? Большой город на восходе. Там? Мы следили за машиной, она шла от восхода.

Караско кивнул.

Пастух довольно ухмыльнулся.

— Хороший город. Обильный. Мы знаем.

— Вы ходили к нам?

Бородач подался вперед и погрозил пальцем в толстой перчатке.

— А вы не простые. Не стадо. Думаю я, вы сами пастухи, — сказал он.

— Почему ты так думаешь?

— Не вилай, Самсон из города. Я не дурак. Вас много за стенами и на снегу. Вы нас видели. Вы знаете, мы шли к городу. Скажи мне, зачем вы здесь? Снова хотите убивать-убивать пастушат?

— Мы не убивали пастушат. Ты ошибаешься.

— Сме-е-елые, — протянул Пастух. — Явились одни. Нет? Звери из земли здесь? Их вы привели опять?

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Эй не ври, Самсон из города. Ты все понимаешь!

Пастушата подступили ближе. Бородач поднял руку, останавливая их, и снова повернулся к Караско.

— Вы были на нашей стоянке. Мы видели. Вы смотрели на наши кости-кости.

— Понимаю, о чем ты. Мы случайно нашли место, где погибли твои люди. Мы не знали о нем. Я тебе клянусь, Город не имеет к этому отношения. Наоборот, мы сами напуганы тем, что увидели. Тот враг, что пришел туда — враг и вам, и нам. Скажи мне, кто это был?

— Так ты говоришь, звери из земли не ваши?

— Нет.

Пастух облокотился на спинку стула, запустил руку за пазуху и с минуту рылся в недрах тулупа, не спуская глаз с Караско. Вытащив курительную трубку, он тщательно и неторопливо набил ее, сунул в чашку уголек и глубоко затянулся.

— Мы шли к городу, все так. Вы богатые, у вас много вещей. И вы слабые, вы — стадо. Пастушата должны брать стадо, так? Мы дошли до того места, устроили большую стоянку. Женщины кормили детей в домах, мужчины кормили собак. Хорошее место, так мы думали. Хорошо отдохнуть. Ночью пришли они, звери из земли. Много-много-много. Они молчали. Они молчали и нападали на спящих: на мужчин, на женщин, на детей. Кровь текла, как река, по ней плыли части наших тел. Звери убивали быстро, очень-очень. Когда мы поняли, что нас убивают, оставалось только бежать.

— Как они выглядели?

— Красные, худые, голые. Люди и не люди. Они не брали вещи, не брали еду — они ели нас. Мы были стадом. Ты знаешь их?

Караско кивнул.

— Они приходили в Город. Но их было мало. Они тоже выходили из земли, из туннелей под Городом. Вы их раньше не встречали? Западнее? На закате?

— Нет. Мы шли от полуночи. У полуночи их нет. Думаю я, они идут от заката в вашу сторону. Идут медленно, не выходят на снег. В городах много-много пустот. Когда звери придут, твой город умрет.

Караско замолчал, обдумывая слова Пастуха. Происшествия с тараканами, участвовавшие в последнее время, представлялись теперь не случайностями, не отдельными эпизодами, а частью будущего нашествия, которое захлестнет Город, утопив его в крови. Когда они придут? И сколько их будет? Если гнездо, найденное группой Ушки не единственное, то сколько их еще?

— Ваш город умрет, — повторил Пастух. — Вам нет нужды возвращаться. Оставайся с нами. Нам нужны люди. И машина твоя нам нужна.

Караско поднял голову.

— Мы не можем остаться.

— Вы не можете выбирать. Это ваш путь. Один путь, другого нет.

— Машина для вас бесполезна. Ей нужна нефть.

— Нефть? Черная вода? — спросил Пастух.

Караско кивнул.

— Черная вода есть. Дальше на закат. Ну так что? Я не хочу вас убивать. Мне нужны люди. И машина.

— Я должен переговорить с остальными.

— Зачем? Ты не старший?

— Я не могу решать за всех. У нас так не принято.

— Я тебе помогу.

Пастух вытащил изо рта трубку и ткнул ей в сторону одного из своих людей. Тот задрал голову, глубоко вдохнул холодный, пропитанный дымом воздух, и завыл.

— Что это? — спросил Караско, вставая.

На него тут же уставились несколько ружейных стволов.

— Ты садись, садись, — сказал Пастух.

Ной не понял, что сжимал в руке этот дикий парень. Предмет напоминал обрезок трубы — маленький цилиндр чуть меньше ладони. Но он уловил общее чувство, которое сковало всех в вездеходе: опасность. Ной успел испугаться, успел подумать о том, как глупо сейчас закончится его жизнь, а потом Ушки, неподвижно сидевший напротив парня, вдруг мгновенно распрямился, бросаясь вперед. Они столкнулись и повалились на пол. Ной зажмурился, ожидая, что сейчас грянет взрыв.

Но взрыва не было.

Ушки, всегда напряженный, всегда готовый к броску; Ушки с повадками зверя, странный парень, у которого не все в порядке с головой, спас их. Он успел схватиться за металлический цилиндр и отвел руку в сторону.

В следующую секунду подоспел Танк и ударил парня ногой в лицо. Тот заорал, Ной поспешно отвернулся, ощущая странную иррациональную волну возбуждения, пронизавшую тело. Ушки откатился в сторону, а Танк навалился на Волкобая, прижимая его к полу.

— Ной, дай веревку! В ящике, справа от тебя!

Ной нашел моток веревки и протянул Танку. Разбитое лицо пленника заливала кровь, он рычал и вырывался, но Танк был тяжелее.

— Держи конец, сейчас мы его спеленаем.

Пока Танк связывал пленника, Ушки перебрался к Колотуну.

— Что с Караско?

— Сидит. Они держат его под прицелом.

— Они наверняка ждут, когда этот волчий выкормыш подаст знак. Сам он им вряд ли нужен. Поступим так. Я открою дверь и пригрожу, что кину бомбу в толпу. Потребую

Караско. Если все пойдет нормально, берем начальника и рвем отсюда. Когда он пойдет, будь готов трогать.

— А если они не отпустят его?

— Тогда гони на толпу.

Ушки вернулся в пассажирский отсек и глянул на Волкобая.

— Высунешь его наружу, — сказал он Танку. — Пусть увидят.

Танк кивнул. Ушки открыл дверь.

Увидев связанного, толпа на секунду замерла. Не давая им опомниться, Ушки вытянул руку с бомбой и крикнул:

— Всем стоять на месте и не шевелиться! Дернитесь, и я брошу это вам под ноги!

Краем глаза Ной уловил движение в окне. Скрытые от Ушки тушей вездехода, бежали люди.

— Там бегут, — сказал он.

— Выдайте нашего человека! — крикнул Ушки. — Немедленно!

Пастух удивленно смотрел на вездеход. С того места, где они сидели, Ушки не было видно, но его голос доносился отчетливо.

Обогнув вездеход, к костру подбежали несколько Пастушат.

— У него наша бомба!

— Они повязали Долгопята! Требуют вернуть своего человека!

— Они кинут бомбу!

Пастух отбросил трубку в снег и хлопнул себя по коленям.

— Ах ты, лютая стужа! Надо было слать постарше. Соплив еще Долгопят. Рано ему становиться мужчиной!

Он зло посмотрел на Караско.

— Угони своих! Будет хуже! Все кровью омоешь!

— Послушай меня, — ответил Караско, наклоняясь к нему. — У тебя мало людей, зачем тебе еще терять? Они бросят бомбу, тебе не помешать. Разойдемся по-хорошему? И все будут живы.

Пастух раздраженно теребил бороду.

— Пусть кидают бомбу. Тебя мы все равно пристрелим. Хочешь жить? Скажи своим выйти.

— Стреляйте, — сказал Караско.

Пастух повернулся к своим людям и выхватил у одного из них ружье.

— Ты смелый человек, — сказал он. — Вставай и иди. Если удача в твоих санях — дойдешь. Нет — умрешь.

— Он встал, — сказал Колотун. — Идет сюда.

Заворчал двигатель. Толпа колыхнулась, пастушата попытались отойти от машины.

— Стоять! — закричал Ушки. — Стоять на месте!

— Отдайте Долгопята!

Танк подвел связанного к двери и наклонил вперед, придерживая за веревки. Кровь капала на снег, заливая его цветом смерти и боли. Ною показалось, что они и не уезжали из Голенищева, просто взяли Голенищево с собой. При виде крови, толпа громко зароптала.

Подошел Караско, Колотун открыл ему дверь, и он забрался в кабину. Грохнул выстрел. Пуля с оглушающим звоном ударилась о железный ставень возле водительского стекла.

— Ходу! — крикнул Караско.

Колотун одновременно надавил на педаль газа и рукоятку ревуна. Улица потонула в громком вопле. Он пронесся по ней, отлетая от разрушенных стен, словно завывание разбуженного демона. Танк толкнул пленника вперед, и тот упал на красный ковер снега.

Двигатель заревел, и вездеход тронулся с места. Пастушата бросились врассыпную, спасаясь от острого отвала, но Пастух оставался на месте. Он встал, поднял ружье и прицелился в кабину.

— Ставень! — крикнул Колотун.

Грохнул выстрел. Пуля угодила в щель между ставнем и стойкой кабины и с высоким визгом отрекошетила. Зазвенело разбитое стекло. Новые выстрелы заколотили по кузову. Когда вездеход тронулся, дверца пассажирского отсека по инерции распахнулась, Ушки повалился назад, сжимая обеими руками бомбу. Пули выбивали искры из стен. Ной попытался встать, чтобы отойти от двери, и в этот момент что-то ударило его в плечо, отбросив на Танка. Ной закричал. Боль вспыхнула в голове и растеклась по телу огненной рекой, и что-то странное произошло с ощущением времени — оно словно сжалось, утратило непрерывность, разбивая происходящее на серию мгновенных вспышек-картин.

Ушки поднимается, цепляясь за поручень возле двери. Высовывается наружу и кидает бомбу.

Вездеход резко дергается в сторону. Дверь вырывается из рук Ушки и снова распахивается.

— Что с Ноем? — это кричит Караско.

— Живой! — это Танк.

Опять включается ревун и, одновременно, заглушая его, гремит взрыв. Вездеход снова виляет.

— Не гони, зацепим!

Ушки захлопывает дверь. Что-то трещит под колесами. Танк хватается под мышки и тянет Ноя вглубь отсека. Он стоит на коленях и поэтому тянет медленно. Плечо прожигает боль.

Ной снова закричал.

Караско оглянулся.

— Куда ранило?

— Плечо! — отозвался Танк. — За него не волнуйся!

«За него не волнуйся! — мелькнуло у Ноя в голове. — А за кого же волноваться! Я ранен! Боже мой, я ранен!».

Он попытался зажать рану, но от прикосновения стало еще больнее. Из глаз брызнули слезы. Танк быстро и осторожно стянул с него куртку и расстегнул комбинезон. Ной почувствовал, что вот-вот потеряет сознание. Он смутно ощущал, как Танк режет ткань, пытаясь освободить раненое плечо.

— Будешь жить! — выдохнул он в ухо Ною. — Это просто царапина.

Потом Танк засмеялся и отвернулся. Ной взглянул на рану. Действительно — царапина. Глубокая, черная внутри, сочащаяся кровью. Ему стало дурно, и он отвел взгляд.

Танк вытащил из аптечки жгут, обмотал плечо немного выше раны и сильно затянул. Ной застонал.

— Сейчас обработаю, будешь, как новенький. На-ка — возьми! Сожми зубами.

Он сунул Ною в рот деревянный брусок. Тот послушно закусил его, а Танк принялся сдирать крышку со склянки.

— Увязались за нами! — крикнул Караско, глядя в боковое зеркало. — Четыре упряжки.

— С моей стороны еще две! — откликнулся Колотун.

— Догоняют!

— Быстрее не могу. Занесет, уже не выберемся! Черт, ничего не вижу!

Ушки взял ружье и, цепляясь за скамьи, направился, к двери.

Дома впереди вдруг расступились, открывая обширное белое поле с дорогой, обозначенной обломками столбов. Колотун принялся яростно выкручивать руль,

направляя машину к ним. Огромный отвал вспарывал снег, взметая перед глазами блестящую белую стену. Наконец, вездеход встал на курс. Колотун увеличил скорость.

— Отстали! — сказал Караско.

Колотун глянул в свое зеркало.

— Вижу одного! Поворачивает!

— Уходят? — спросил Ушки.

— Да! Вырвались!

Они неслись по снежной целине. Вездеход покачивался на невидимых ухабах и рыскал носом.

— Сбавь! — приказал Караско. — Не хватало сейчас слететь с дороги!

Колотун послушно осадил машину. Скрытый снежными облаками, вездеход уносил их прочь.

Караско перебрался в пассажирский отсек.

Танк сидел на полу, прижимая к себе Ноя, словно ребенка. Ной выглядел бледным и испуганным, но вполне живым.

— Ну, как у вас дела?

— Все в порядке, начальник. Царапнуло его, и всего дел. Заживет.

— Хорошо.

Караско потрепал Ноя за здоровую руку и вернулся к Колотуну.

Они двигались без задержек до самого вечера и остановились лишь тогда, когда стало совсем темно. От Пастушат вездеход отделяло теперь девять километров — расстояние вполне достаточное, чтобы почувствовать себя в безопасности. Вся команда собралась в пассажирском отсеке. Танк приготовил ужин.

Ной сидел в углу и без аппетита ел концентрат. Его лицо немного порозовело, боль отпустила и теперь отдавалась в плече редкими тупыми толчками. Колотун приоткрыл окно.

— Говорил я, что в говно влетим, так и вышло, — проворчал он. — Повезло, что целыми выбрались.

Он глянул на Ноя.

— С крещением тебя, сын мой.

— Про Голенищево что-нибудь удалось узнать? — спросил Ушки.

— Ты парня скрутил? — поинтересовался Караско в ответ.

— Да.

— Хорошая работа.

Караско отставил миску и потер руки.

— Узнать удалось. И новости, ребята, плохие. Пастушата шли к Городу. Если бы не Голенищево, они были бы уже у нас на пороге.

— Как я понимаю, теперь у них другие планы, — сказал Колотун.

— Да. Но главная опасность не в них. Тараканы тоже идут к Городу. Я не знаю, сколько их, но их оказалось достаточно для того, чтобы за час истребить почти всех Пастушат. Вот это, действительно, плохо.

— Ты уверен, что они идут к Городу? — спросил Ушки.

— Да. В Голенищево раньше была база, и ни о каких тараканах там не слышали. Следовательно, те пришли позже. В Городе их тоже раньше не было, только недавно стали появляться. Вы нашли гнездо на западе от Города?

— Северо-запад, — сказал Ушки. — Километрах в двухстах отсюда.

— Они идут на восток. К нам.

— Что-то медленно идут, — заметил Танк. — Сколько лет прошло.

— Пастушата говорят, что тараканы не выходят на снег. Скорее всего, это значит, что они движутся по подземным коммуникациям, если находят. И подолгу остаются на месте.

— Пока не сожрут все, что есть вокруг, — проворчал Колотун.

Они немного помолчали.

— Завтра поворачиваем обратно, — сказал Караско. — Попробуем найти путь в обход Пастушат и Голенищева. Мы с Колотуном дежури́м первыми. Потом Ушки. Потом Танк. Все. Отбой.

Было темно. Ной лежал и прислушивался к дыханию спящих. Танк вытянулся бревном и храпел; Ушки, наоборот, спал беззвучно, и все время крутился с бока на бок. Из щелей двери в кабину, пробивались тонкие полоски света. Там сидели Караско с Колотуном и обсуждали предстоящую дорогу.

Ною не спалось. Ему было больно и страшно. Ему хотелось покоя, того чувства, к которому он привык с детства. Он пытался вызвать его, говоря, что рядом люди, что вездеход закрыт, что он в безопасности, но оно не приходило. Город заботился о людях, и эта забота давала чувство дома. Пустая Земля оставалась пустой. И ей не было никакого дела до чьей-то жизни или смерти. Здесь все это не имело значения.

Возле окна, которое Колотун оставил немного приоткрытым, послышалось тихое, едва уловимое шуршание. Ной скосил глаза, но ничего не увидел. «Я уже начинаю слышать то, чего нет, — подумал он. — Скоро буду шарахаться от любого звука. Надо взять себя в руки». Ной закрыл глаза и некоторое время прислушивался к тишине. Потом он задремал.

Его разбудил не звук — запах. Запах проник в сон образом Святой Сусанны над входом в комнату для исповедальной группы. Ною снилось, что он сидит на собрании, рядом с ним Лайла. Она что-то говорит. Он смотрит на святой образ, и вдруг тот подмигивает ему. Глаза Святой Сусанны моргают, трогательное истощенное лицо приобретает хищное выражение. Образ плывет, искажается и покидает картину. Другие сидят спиной и ничего не видят, Ной хочет встать, протянуть руку, крикнуть, но не может шевельнуться. Святая Сусанна касается пола тонкими ногами, делает шаг, другой. Подходит к Багуцкому, который что-то быстро говорит, наклонившись вперед. Он не видит ее. Обоняние Ноя обжигает отвратительная вонь. Он стонет и... открывает глаза.

В пассажирский отсек льется холодный воздух — окно уже не приоткрыто, а распахнуто настежь. Но даже свежий поток не может разогнать густые миазмы, напитавшие пространство вокруг Ноя. Краем глаза он уловил слабое движение и застыл. Что-то было там, возле двери в кабину, заслоняя собой часть полоски света. Что-то пряталось в темноте.

Глава 10. Возвращение

Очень осторожно и медленно Ной потянулся к спящему рядом Ушки. В полной тишине, прерываемой лишь всхрапываниями Танка, он уловил быстрое, почти бесшумное дыхание. Световая полоска впереди вытянулась почти до пола, а потом снова уменьшилась. «Проклятая темнота, — подумал Ной, продолжая тянуть руку. — Проклятая темнота». Он коснулся бока Ушки и легонько ткнул его. Тело под одеялом мгновенно напряглось. «Слава Богу!» Полоска стала еще короче и продолжала медленно таять, заслоняемая чем-то невидимым, чем-то страшным, чем-тодвигающимся в темноте. Ной почти чувствовал вязкое течение времени.

Ушки не шевелился, и Ной запаниковал. «Вдруг он вовсе не проснулся? Вдруг опять заснул? Не спи! Пожалуйста, не спи!». Он боялся шептать, боялся шевельнуться. Вертикальная полоска света пропала. Ушки слабо шевельнулся.

Густой вонючий воздух впереди гудит, взрывая тишину. Ушки мгновенно сгибается и оказывается над кроватью Ноя; что-то бьет его в грудь, и он падает навзничь, давя парня.

Плечо Ноя отзывается острой болью, и он кричит. Над головой раздается яростный вой, потом на него накладывается треск рвущейся ткани и быстрые скрежещущие звуки, от которых тело Ушки сотрясает крупная дрожь. Он бьет руками и ногами в темноту, давя Ноя так, что тот не может вдохнуть; пытается повернуться на бок, а потом кричит. Что-то падает в дальнем конце отсека, звенит посуда. Ной чувствует теплые струйки на лице и пытается отвернуть голову. Ушки все же поворачивается и задевает его локтем, едва не выбивая передние зубы. И снова кричит.

— Свет!

Вспыхивает свет.

Вместе с темнотой пропадает тяжесть, вжимающая Ноя в кровать. Он видит ноги Танка в теплых носках, один из них рваный. Ноги делают шаг назад, дергаются и подворачиваются одна под другую. Танк падает навзничь. В руке у него нож, в глазах — дикий страх. Ной поворачивает голову и видит это — бледная голая фигура в красных потеках, кожа блестит, словно намазанная маслом.

Таракан отпрыгивает назад, ударяясь спиной в дверцу кабины. Дверца с грохотом захлопывается, и в ту же секунду распаивается, поддаваясь сильным ударам Караско и Колотуна. Тварь сдается и срывается вперед. Мимо Ноя проносится окровавленное лицо и огромные выпученные глаза. Таракан спотыкается о Танка, падает, продолжая двигаться по инерции, и с грохотом врывается в походную кухню. Дверь кабины распаивается, и на пороге возникает Караско с ружьем. Он стреляет.

Тварь в дальнем углу громко верещит высоким голосом, от которого у Ноя закладывает уши. Снова раздается звон посуды. Караско передергивает затвор. Рядом шевелится Танк.

— Не вставать! — рывкает Караско и стреляет еще раз.

Танк вскакивает и бросается к кухне. Ной оборачивается и едва успевает закрыть глаза, видя, как Танк быстрыми движениями всаживает нож в лоснящуюся белесую грудь.

А потом в вездеходе становится очень тихо.

Ной с трудом сел. В плече пульсировала боль. Он провел рукой по лицу и посмотрел на ладонь. На пальцах была кровь. Караско и Колотун склонились над Ушки. Тот стонал и дергался.

— Вот ведь, — сказал Колотун. — Твою мать.

— Что с ним? — спросил Танк. Он сидел над убитым и вытирал нож тряпкой.

В отсеке остро пахло пороховым дымом.

Колотун не ответил.

— Давай-ка положим его на кровать, — сказал Караско.

Когда они поднимали Ушки, его рука соскользнула с груди и костяшками пальцев ударила об пол. Он застонал. Ной заметил, что рука неестественно вывернута. «Наверное, сломана», — подумал он. Дранный комбинезон почернел от крови. Она была везде: много-много черных пятен. На правом плече лежал вырванный кусок мяса, держась на красной полоске кожи.

Ушки положили на кровать, и Караско принялся аккуратно срезать ножом остатки комбинезона. Ной отвернулся, чувствуя, как ворочается в животе ужин, с таким трудом съеденный несколько часов назад. Он встал и медленно поковылял к раскрытой двери кабины. Никто не обратил на него внимания. В кабине Ной упал в кресло и закрыл глаза.

За спиной негромко переговаривались.

— Как он влез?

— Да как влез — через окно! Ты, между прочим, не закрыл.

— Черт, да будто их это остановит!

— Может и остановило бы. Он кровь учуял. Ной-то ранен!
— Тихо, тихо — не разговаривай.
— Да, точно на Ноя!
— Больно как!
— погоди, сейчас дам тебе кое-что.
— Спас ты парня. Убил бы он его.
— Точно. Он на Ноя нацелился. У Ноя рана, а они чуют.
— Зато теперь у нас этих ран полная жопа. Толпой полезут.
— Вряд ли. Я вообще думаю, что он от Голенищева за нами увязался.
— Как, интересно?
— Вот и мне интересно.
— Ты лежи, не двигайся.
— Заберите эту дрянь.

Послышалась возня. Потом спросил Колотун.

— Куда его?

— В грузовой.

Через несколько минут хлопнула дверь отсека, и снова стало тихо. Танк что-то неразборчиво бормотал. Ной глядел в черное небо, пустое и равнодушное. Его трясло. Застонал Ушки, громко и бессловесно, а потом вдруг притих и лишь монотонно мычал.

В кабину забрался Караско с курткой в руке. Он посмотрел на руку Ноя.

— Болит?

— Да.

— Рана открылась. Ладно, Танк освободится — перебинтует. На вот, надень.

Морщась от боли, Ной принялся натягивать куртку.

— Сейчас я тебе снежку принесу, оботрешь лицо. Сиди пока здесь, в пассажирский не ходи.

Они собрались в кабине: Ной, Колотун и Караско. Не смотря на то, что щель между ставнем и стойкой кабины забила тряпками, было холодно.

— И все равно не понимаю, откуда он взялся! — сказал Колотун. — Не мог же он и в самом деле ехать с нами от Голенищева!

— Мог, — возразил Караско. — И ехал. Наверное, за днище где-то ухватился.

— За днище! Не за что там хвататься!

Колотун покачал головой.

— Целые сутки. На морозе. Голый. Вот это, начальник, пугает меня до визга. Если все так, то, по сравнению с ними, Пастушата просто невинные младенцы.

Он помолчал.

— Думаешь там еще есть? Внизу?

— Вряд ли. Утром проверим. А пока туда соваться не стоит.

— Это верно. А как он Ушки разодрал! Матерь Божья! За две секунды!

Колотун посмотрел на Ноя и нахмурился.

— Здорово болит?

— Терпимо.

— Погано. Быстрее, чем за пять дней нам до Города не добраться. С объездом этим гадским. Только бы Ушки дотянул!

— Дотянет, — сказал Караско. — Он крепкий парень.

Утром первым делом осмотрели днище вездехода, грузовой отсек и все полости, в которых, хотя бы теоретически, можно было спрятаться — ничего.

— Я не понимаю, как он там держался. Если вообще держался, — ворчал Колотун.

Он занял свое место в кабине и повел машину обратно на восток. Двигались без остановок, перекусывая на ходу, отслеживая дорогу по старой карте из Архива. Пока

Ушки спал, убаюканный слабостью и лекарствами, Танк заново обработал и перебинтовал рану Ноя. Занимаясь ей, он то и дело озабоченно качал головой.

Ной спросил, насколько все плохо.

— Ничего, ничего, — ответил Танк и снова перебрался ближе к Ушки.

К вечеру тот проснулся и принялся стягивать с себя одеяло. Танк удержал его.

— Жарко.

— Потерпи, потерпи — пройдет.

Но жар не проходил.

Ной взялся готовить ужин, пока Танк занимался раненым. Сквозь шум двигателя было слышно, как он вяло вполголоса ругается, как стонет Ушки. Ужинали на ходу. Когда стемнело, вездеход сбросил скорость и Колотун включил огни. Только после полуночи, они остановились на отдых.

Ной долго не мог заснуть. Он лежал и слушал, как громко и невнятно разговаривает с кем-то Ушки. Пару раз он пытался встать, но Танк останавливал его, упрасывая потерпеть.

Ноя разбудили голоса и шум мотора. Он открыл глаза и некоторое время прислушивался. Танк стоял возле открытой дверцы в кабину и разговаривал с Караско и Колотуном. Всех слов Ной не разобрал, но понял главное — у Ушки началась гангрена, и это очень и очень плохо. С того места, где тот лежал, доносился еще слабый, но явственно различимый тяжелый запах смерти. Ушки не спал. Он смотрел в маленькое окошко вездехода, в котором в утренних сумерках проплывали неясные тени деревьев и столбов.

Глядя на него, Ной почувствовал, как болит и тянет его собственное плечо. Он отвернулся, сел на кровати и принялся натягивать башмаки.

После обеда Колотун сообщил, что они миновали Вольное и теперь можно выбираться на знакомую дорогу; что впереди будет поворот к ней; что это крюк, километров двадцать на юг, но по привычному пути они смогут двигаться быстрее. Никто не возразил. Слова Танка о состоянии Ушки звучали как приговор, и, если в отношении какой-то дороги раздавалось слово «быстрее», это сразу определяло выбор.

Около часа дня они повернули и понеслись вперед к знакомой дороге. Колотун непроизвольно прибавлял скорость, вездеход раскачивался и рыскал; было слышно, как Караско одергивает его, призывая ехать медленнее.

Время замерло. За окнами, словно вода вокруг машины хоровод, проплывали одни и те же обломки старого мира, шумел мотор, непрерывно и тихо стонал Ушки. Ной словно оказался в дурном сне, где ничего не меняется, где вновь и вновь повторяется один и тот же кошмар, и нет из него выхода.

Колотун осунулся и выглядел больным. Когда Ной принес в кабину еду, он лишь буркнул:

— Потом.

Караско взял свою миску и спросил:

— Как Ушки?

Ной подумал, что мог бы, пожалуй, описать, как ужасно от Ушки пахнет, как он опять то ли заснул, то ли потерял сознание, как вздулись его раны на руках а, когда Танк осторожно касался лиловой кожи вокруг них, они отвратительно потрескивали. Мог бы, но не стал.

— Плохо, — сказал он.

— Посиди с нами. Отдохни.

Наверное, Караско понимал, чего стоило Ною находиться в пассажирском вместе с Ушки, слышать его и думать о собственной ране, с которой могло произойти то же самое. И Ной был благодарен ему за это. Он устроился на свободном месте, и несколько минут они молчали.

Впереди среди деревьев показалась проплешина. Она почти прямой линией проходила с одной стороны дороги на другую.

— Вырубка? — спросил Караско.

— Похоже. Только я что-то столбов не вижу. Обычно есть хотя бы обломки.

— Да, странно. Ты давай здесь помедленнее.

Колотун сбросил скорость. Вездеход медленно покатился вперед. Когда они почти поравнялись с вырубкой, Ной почувствовал, что дорога пошла в гору, словно они забирались на пологий холм. Холм посреди поросшей лесом равнины. Колотун еще немного притормозил, а потом вдруг раздался громкий стук, кабина дрогнула и ринулась вниз. Ругаясь, Колотун ударил по тормозам. Загрохотала опрокинутая миска, за окнами взметнулись облака снега, и Ной почувствовал, что падает вперед в эти самые облака. Он ударился плечом во что-то твердое. Вездеход на минуту застыл, а потом кабина возобновила свое движение вниз.

— Твою мать, твою мать, твою мать, — тихой скороговоркой бормотал Колотун, дергая ручку переключения передач.

Он надавил на педаль газа. Машина затряслась, пытаясь выбраться из ловушки задним ходом. Снаружи донесся надрывный свист резины по льду. Кабина на миг приподнялась, потом что-то громко треснуло, и вездеход заскользил вниз, проваливаясь в центр странного холма. Ной успел заметить, как ударяет в снег острие отвала, он услышал скрежет металлических креплений, а потом стало тихо. Вездеход остановился, уткнувшись в дно ямы.

В пассажирском громко ругался Танк. Отталкиваясь от руля, Колотун пытался выбраться со своего кресла. Караско успел раньше.

— Вы с Ноем посмотрите в чем дело. Я к Танку.

Он полез наверх к дверце в отсек.

— Твою мать, — отчетливо сказал Колотун, но бывшего напора в этих словах уже не было. Он посмотрел на Ноя, стоящего на четвереньках между креслом и передней стойкой кабины, и сказал:

— Пошли.

Они выбрались наружу. С подножки вездехода пришлось прыгать, до земли оставалось еще около метра. Отвал врезался в русло давно исчезнувшей речушки. Старый мост через нее, не выдержав веса машины, обвалился и теперь скалился в серое небо обломками почерневших бревен и паутиной металлической арматуры. Задняя часть вездехода весела в воздухе, не доставая колесами до земли. Ной и Колотун стояли рядышком и смотрели на переплетения покореженного металла.

— На карте ничего этого не было, — сказал Колотун. — Честное слово, не было. Просто прямая дорога и все. Даже просеки не было.

Он вздохнул.

— Пошли, поглядим, что там с цистерной.

Дорогу наверх пришлось прокапывать, делая в твердом снегу склона небольшие ступени. Колотун вылез первым и побежал вдоль машины. Ной выбрался и на секунду застыл, глядя на висящую в воздухе громадину вездехода. От днища исходили смрадные волны тепла, слышалось металлическое потрескивание. Ной обошел машину и встал рядом с Колотуном, разглядывающим поломанную сцепку. В нескольких метрах от них стояла цистерна.

— Крепление треснуло, — сказал Колотун. — Вот пропасть!

— Что теперь делать? — спросил Ной и обхватил руками бока. Холодный, принизывающий ветер обжигал кожу на лице и шумел в ушах. Колотун стоял в расстегнутой куртке и, казалось, совершенно не замечал мороза.

— Надо срезать отвал, — сказал он. — Передок облегчим, и задница сама опустится. Хотя бы на пару колес встанет, остальное вытащим.

Он посмотрел на Ноя.

— Идем. Нужно все собрать. И оденься получше, ты вон уже — синий.

Они подошли к дверце в пассажирский отсек. В этом месте днище вездехода почти касалось земли, так что карабкаться наверх не пришлось.

В отсеке словно взорвалась бомба. Все вещи, которые не были закреплены, свалились к перегородке между отсеком и кабиной. Танк и Караско уже успели немного разобрать их, устроив в завале что-то вроде ниши из одеял, в которую перенесли Ушки. Тот был в сознании, но лежал молча.

— Ну, что там? — спросил Караско.

— Это был мост, — сказал Колотун. — Обвалился под нами. Если срежем отвал, я задним ходом выберусь.

— Понятно. Ной, как твоя рука?

— Ничего.

— Подними.

Ной поднял руку и скривился от боли.

— Понятно, — повторил Караско и повернулся к Танку.

— Ной сможет посидеть с Ушки?

— Сможет. Сейчас все равно ничего не поделаешь.

— Хорошо. Проинструктируй его и присоединяйся к нам. Мы в грузовой.

Посмотрим, что можно использовать.

— Лестницу надо сделать, — сказал Колотун. — Там без лестницы не подступиться.

Цепляясь на ножки скамеек, он полез наверх, в дальний конец отсека, где был проход в грузовой. Караско хлопнул Ноя по здоровому плечу, застегнул куртку и выбрался на улицу.

— Так значит, слушай, — сказал Танк. — Его не трогай. Вот здесь вот я припас...

Ной почувствовал, как сознание его раздваивается. С одной стороны он все еще сидел здесь, в вездеходе, слушал торопливые инструкции, а с другой — он находился далеко-далеко, в другом мире в кресле у огня с книгой в руках, в которой он читал о вездеходе и его команде, попавшей в беду. Он сжал зубы, прогоняя наваждение.

— И посматривай на его руки, — сказал Танк, натягивая тулуп. — Темные участки не должны подняться выше вот этого предела.

— А что тогда? — спросил Ной.

— Плохо тогда, — сказал Танк. — Зови меня.

Он выбрался наружу.

Ной сидел нахохлившись возле импровизированной кровати. Его знобило. В окошко было видно, как суетятся возле кромки леса три маленькие фигурки.

— Холодно, — сказал Ушки.

Ной встрепенулся.

— Сейчас.

Поспешно, цепляясь за все, что попадалось под руку, он поднялся к кроватям, смотал в ком несколько одеял и бросил его наверх.

— Водыхвати.

Ной полез выше, к походной кухне.

Ушки горел. Ной укутал его, дал напиток и осмотрел руки. Раны были ужасны. От них исходил отвратительный запах. Кожа вокруг натянулась и отливала синевой. Темные участки подбирались к локтям.

— Все-таки достали они меня, — сказал Ушки, не открывая глаз. — Теперь счет полный. Вся группа.

Ной почувствовал комок в горле.

— Ты выкарабкаешься. Мы приедем, и тебя вылечат.

— Что-то не очень-то мы едем. Что ни делай, как ни живи, а плата — одна.

Он замолчал, тяжело дыша через открытый рот.

— Не держи на меня зла, — сказал он, вновь нарушая тишину. — За тот поход. Так надо было. Понимаешь?

— Да, — ответил Ной. — Я не обижаюсь.

— Хорошо.

Ной снова смотрел в окно. Люди у леса исчезли, их приглушенные голоса раздавались теперь впереди, в районе моста. «Неплохо было бы приготовить им обед. Что-нибудь горячее». Он отбросил одеяло и встал.

— Ной.

Ушки открыл глаза и смотрел на него. Нехороший это был взгляд: пустой и рассеянный.

— Да?

— У меня в шкафчике. Там, в ангаре. В коробке. Возьми карандаш, запиши.

— Что записать?

— Я продиктую. Возьми. Карандаш.

Ной порылся в сумке, в которой Караско держал карты, вытащил карандаш и кусок бумаги.

— Взял.

— Хорошо. Пиши. Первый к базе, повернуть. По часовой стрелке. Второй к базе, повернуть. Третий к базе, повернуть. Четвертый к базе, повернуть.

Ной удивленно посмотрел на Ушки, не понимая, что может означать эта ахиня. Но тот уже закрыл глаза и продолжал диктовать.

— Пятый к базе, повернуть. Шестой к пятому, до конца. Седьмой и восьмой к шестому, поворачивать до упора. Девятый к базе...

Ной писал, не перебивая. Он сомневался, понимает ли сам Ушки, что говорит. Тот балансировал на грани обморока, лишь усилием воли не давая себе сорваться в беспамятство. За одно это Ной готов был писать любую чушь, которую он говорил.

Потом Ушки замолк и расслабился. Слышно было только хриплое дыхание. Ной осторожно встал, сунул бумажку в карман комбинезона и пополз к кухне.

Ветер со свистом носился по вырубке. После теплого чрева вездехода, мороз казался особенно колючим. Проваливаясь в глубоком снегу, Ной нес обед, надеясь, что еда не успеет остыть, пока он доберется.

У края ямы он остановился. Вокруг лежали горы извлеченного снега и льда. Работа по расчистке была проделана колоссальная. Возле отвала на самодельной лестнице висел Колотун, работая горелкой. Внизу стоял Танк и держал баллон. Караско примостился возле кабины и размеренно стучал молотком по искореженным креплениям. Ной обратил внимание, что его лицо покрыто снегом, кое где превратившимся в ледяную корку.

Танк первым заметил его.

— Что случилось? — крикнул он.

— Я обед принес! — ответил Ной. — Поешьте!

— Как Ушки?

— Бредит. Сейчас он заснул, но вообще — плохо!

— Я посмотрю! Спускайся — поддержишь баллон! Гляди, чтобы не соскользнул!

Ной осторожно спустился, поискал глазами, куда можно было бы поставить миски, не нашел и поставил прямо в снег. Танк передал ему баллон и принялся быстро карабкаться вверх.

Ной задрал голову и посмотрел на Колотуна.

— Поешь! Остынет!

— Потом! — отмахнулся тот.

Караско, казалось, не замечал Ноя и продолжал упрямо бить молотком. Ной пару раз его окликнул, а потом сдался и, морщась от ветра, стал смотреть на яркий огонь горелки в руках Колотуна.

Минут через двадцать вернулся Танк. Он остановился на краю ямы и громко свистнул. Все обернулись.

— Вылезайте, — сказал он.

— Что? — отозвался Колотун. — Да здесь еще начать и кончить! Давай сюда!

— Вылезайте, — повторил Танк. — Давайте в вездеход.

Он повернулся и ушел. Колотун посмотрел на Караско. Тот бросил молоток и стал карабкаться вверх.

— Да что там еще могло случиться! — воскликнул Колотун и выключил горелку.

Они собрались в пассажирском. Все смотрели на Танка и молчали, ожидая, что он скажет.

— Ушки не дотянет до Города. Гангрена распространяется слишком быстро. Мы не успеем.

Колотун в сердцах отшвырнул толстые перчатки и обхватил руками голову.

— Он умрет? — спросил Караско.

— Не знаю, — ответил Танк. — Наверное. Есть, правда, возможность...

Колотун встрепнулся.

— Ты о чем?

— Нужно ампутировать обе руки выше пораженного участка. Если он переживет операцию, есть шанс, что дотянет до Города. Если оставим так, то надежды нет.

— Мы убьем его, — сказал Караско. — У нас даже обезболить нечем.

— Нужен лед, — сказал Танк. — Много льда. Заморозим ему руки.

Колотун вскочил.

— Сядь, — остановил его Танк. — Поешь. Теперь не время для спешки.

Они откалывали большие куски льда со дна замерзшего русла и складывали их в ящик. Колотун и Караско работали внизу, а Ной стоял на краю ямы и держал здоровой рукой веревку.

Хирургической пилы в вездеходе не было, поэтому решено было использовать обычную ножовку. Ее и тяжелый нож с широким лезвием Колотун прокалил над огнем, пока Танк готовился к операции.

Незаметно подкрался вечер, в вездеходе повис густой сумрак. Включили свет. Глядя на методичные приготовления Танка, Ной думал, что никогда нельзя судить о человеке по первому впечатлению. Он вспомнил, каким показался ему Танк в начале — простой, добрый, недалекий. А теперь он был единственным, кто способен спасти жизнь Ушки. Теперь он командует всеми. А Ушки? Каким он был?

Ной поймал себя на этом «был» и вздрогнул.

— Готово, — сказал Колотун.

— Хорошо. Мне нужен один человек в помощь.

— Я помогу, — вызвался Караско. — Колотун, Ной, в грузовом есть прожектор.

Цепляйте к кабине и продолжайте работу. Давайте.

Колотун работал с мрачным остервенением. Казалось, он не чувствует ни холода, ни усталости, будто сам сделан из того железа, которое резал. Работа продвигалась медленно. Ветер стих и пошел частый крупный снег, затмевая свет прожектора.

Боль в плече мучила Ноя, но он и не думал жаловаться. Во сто крат лучше было находиться здесь, на улице, чем сидеть в вездеходе и смотреть на... На то, что там происходит. Работая с Колотуном, Ной мог больше помочь Ушки, и он хотел этого всем сердцем, и отдал бы собственную руку, только бы Ушки остался жив.

Хлопнула дверь, раздался плеск, и снова стало тихо.

Караско появился спустя полтора часа. Он подошел к прожектору и на секунду заслонил свет. Ной и Колотун обернулись.

— Ну? Как?

— Сделали. Теперь все в руках Господних.

— Сам-то он как?

— Ничего. Ничего. Танк говорит, что все прошло удачно, насколько это вообще возможно. Теперь надо скорее добраться до Города. Чтобы не зря было все это.

Колотун больше ни о чем не спросил. Он отвернулся и снова включил горелку. Караско спустился в яму.

Наступила бессонная ночь. Ной готовил ужин в маленькой кухоньке вездехода, стараясь не смотреть в сторону Танка и Ушки. Ушки лежал без сознания, и Танк прикладывал к его голове кусочки льда, которые дробил ножом в миске. Периодически кто-нибудь приносил ему новые.

У Ноя болела рука, он валился с ног. Танк еще раз осмотрел его рану, покачал головой и дал что-то выпить. Рана сочилась кровью.

— Заживет, — сказал Танк. — Ты спать иди.

Ной лег на койку и провалился в глухую черную пустоту.

Около шести его разбудил Караско и сказал, что нужно выйти наружу. Отвал почти отрезан и, как только кабина освободится, машина должна встать на колеса. Мигая спросонок, Ной принялся одеваться. Танк готовил Ушки.

На улице было скмрачно и очень тихо. Ной переминался с ноги на ногу, дрожа от холода. Внизу возле кабины перекрикивались Колотун и Караско. Медленно ползли минуты.

Протяжный стон металла нарушил тишину, машина дрогнула. Закричал Колотун. Затем что-то громко треснуло, задняя часть вездехода, качнувшись, стала оседать и, наконец, с шумом встала на колеса. Ной поспешил к яме.

Оттуда доносились проклятья. В свете прожектора показался Караско, следом за ним лез Колотун. За их спиной темнел покореженный остов отрезанного отвала. Ной облегченно вздохнул.

— Сделали, — сказал Колотун.

Он выглядел так, будто голодал несколько дней. Похудевший, с горящими глазами, необыкновенно большими на осунувшемся лице. Кожа в свете прожектора казалась синей. Колотун повернулся к Танку.

— Все. Можно возвращаться. Я заправлю вездеход, а бочку бросим. Черт с ней, с бочкой.

Он полез в кабину.

Зарокотал двигатель, вспыхнули фары, и машина медленно задним ходом стала подбираться к цистерне. Из помятого передка, словно клыки, торчали обломки креплений отвала.

С дозаправкой провозились долго, и, когда закончили, уже совсем рассвело.

Колотун огибал мост с правой стороны, двигаясь прямо через замерзшее русло реки. Машина кренилась и раскачивалась, пару раз колеса теряли сцепление с землей, и тогда вездеход трясся всей своей массой, пока вновь не находил опору. Преодолев препятствие, Колотун вырулил на дорогу и нажал на газ.

Сидя в кабине между ним и Караско, Ной смотрел на ряды деревьев вдоль обочины. Минут через десять рядом раздался тихий храп — Караско заснул. Он проспал два часа, а потом сменил за рулем Колотуна. Вездеход выбрался на знакомую дорогу и пошел быстрее.

Ной вернулся в пассажирский и забился в дальний угол, стараясь не смотреть на Ушки и дремлющего возле него Танка. Обмотанные окровавленными бинтами культи лежали на одеяле. В голове у Ноя крутился один и тот же назойливый вопрос: «Куда они дели руки? Выбросили?». Ной гнал его, но он возвращался. Вновь и вновь.

Пространство вездехода постепенно превращалось в темную пещеру, в которой монотонно гудя раскачивался невидимый метроном: так — на вездеход и дорогу опустились сумерки; так — Колотун сменил у руля Караско; так — короткий сон, полный кошмаров про отрубленные руки; так — бледный рассвет; так — Колотуна сменил Караско; так...

Движение невидимого маятника гипнотизировало Ноя, каждым взмахом погружая его все глубже в пустую тишину, где не было ни боли, ни страха, ни волнений, только размеренное «так... так... так...» часов смерти. Иногда сознание Ноя ненадолго прояснялось, и он видел Танка, меняющего ему повязку, Колотуна, который тормозил его, приговаривая: «Не надо, не надо».

А потом он уже не видел ничего.

Глава 11. Заговор

Ной открыл глаза и увидел белый потолок. Прямо над кроватью, где он лежал, по потолку змеилась трещина. Ближе к окну она раздваивалась; один рукав упирался в обшарпанную раму, а другой исчезал у самой стены. Вторая кровать, справа от Ноя, пустовала. Он не помнил, как оказался здесь, и чем закончилась поездка для остальных.

Лампа на потолке не горела. Через окно в палату стекал хмурый свет дня.

Ной осторожно приподнялся на локтях. Плечо, по-прежнему болело, но уже не так сильно. Рану закрывала чистая повязка. Возле кровати стояла тумбочка, а на ней — чашка с водой. Одежды нигде видно не было. Ной напился и снова опустился на подушки. В голове немного шумело. Шевелиться не хотелось. И не хотелось ни о чем думать, хотелось просто лежать и наслаждаться покоем, чувствуя себя в полной безопасности.

Ной закрыл глаза.

Его разбудил скрип двери. На пороге стоял Караско в белом халате поверх полевого комбинезона. В руках он держал поднос с едой.

— Ну, здравствуй, Ной, — сказал он.

— Здравствуйте.

— Хочу тебя порадовать: твоя рана не опасна. Полежишь еще денек и можно домой. Он прикрыл за собой дверь, прошел к кровати и пристроил поднос на тумбочке.

— Давай-ка сядем. Тебе нужно поесть.

Он помог Ною подняться и подложил ему под спину подушку.

— Да я сам могу...

— Знаю, что можешь. Вот выйдешь и будешь сам. А сейчас давай — налегай.

Ной взял ложку, зачерпнул из миски горячую безвкусную кашу и отправил в рот. В животе заурчало.

— Что с Ушки? — спросил он.

— Жив, — ответил Караско. — Пока это все, что я знаю. Им занимаются врачи.

Ной кивнул и снова зачерпнул из миски.

— Давно мы вернулись?

— Вчера вечером. Часов около десяти. А сейчас у нас половина первого.

Ной снова кивнул и некоторое время ел молча. Караско тоже молчал, глядя на него внимательно и, как Ною показалось, печально. Когда Ной закончил с кашей и взялся за макку, Караско сказал:

— Никто не думал, что будет так. В Поиске бывало всякое, но такого не случалось уже много лет. Мне жаль, что тебе пришлось пройти через это, но дальше, думаю, будет только хуже. Знаешь, Ной, ты хороший парень. Ты не трус, у тебя есть голова на плечах. Я говорил тебе это с самого начала, и теперь снова повторяю — тебе не место в Поиске.

Особенно сейчас. Пропадешь ни за грош. Не сегодня, так завтра. Я не хочу для тебя такой судьбы. По-человечески, не хочу.

— А какой судьбы хотите? — спросил Ной, глядя ему в глаза. — Жить в этом монастыре и ждать, пока смерть сама меня нащупает?

Караско усмехнулся.

— Умеешь ты говорить. Ты сам-то чего хочешь? Что думаешь делать теперь?

— Не знаю. Теперь не знаю.

— Тогда послушай, что я тебе скажу. Времени у нас немного, поэтому слушай внимательно и не вставай в позу, не подумав. Город обречен. Об этом говорил еще твой отец много лет назад. Только тогда он считал, что у нас есть лет двадцать-тридцать. Но теперь, особенно после того, что мы увидели, я думаю, что времени осталось гораздо меньше — два года, может быть, три. Тараканы появятся здесь, и ничего нельзя будет сделать. Ты видел, как это происходит.

Караско немного помолчал, давая Ною переварить услышанное.

— Это знаю я. Это знает Совет. Но Совет молчит, потому что у Совета есть план эвакуации. Информация не официальная, но, поверь мне, это правда. Естественно этот план не распространяется на нас с тобой. И меня лично такой расклад не устраивает. Тебя, думаю, тоже?

— В это трудно поверить, — сказал Ной. — Зачем вы мне это говорите?

— Уж поверь. А говорю я это тебе по двум причинам. Во-первых, ты сын Петра. Человека, которого я знал и уважал. Человека, с которым, как я подозреваю, обошлись не совсем по-человечески. Во-вторых, твой отец знал нечто очень важное, нечто такое, что очень нужно знать нам, и что можешь узнать ты.

— И что же это?

— Ты когда-нибудь слышал о Большом Городе?

Ной покачал головой.

— Нет.

— Где-то в Пустой Земле существует Большой Город. Что это за город и где именно он находится, никто, кроме людей из Совета, не знает. Мы перерыли Архив, подняли все документы, до которых удалось дотянуться, но ничего не нашли. Петр тоже упоминал его, но, к сожалению, не успел рассказать ничего конкретного. Мы хотим отправиться туда Ной. Мы хотим уйти туда, пока еще не поздно. Пока нас не лишили этой возможности и не бросили здесь одних.

— Вы рассчитываете, что я смогу узнать, где он?

— Да. По крайней мере, у тебя есть неплохой шанс.

— Интересно, как?

— Твой отец был знаком с Декером, он работал с ним бок о бок много лет. А Декер — начальник Лаборатории. Кроме того, он член Совета. Если ты попросишь, он наверняка возьмет тебя к себе. Попав в Лабораторию, ты сможешь получить доступ к ее архивам. В них, кстати, должна быть информация о твоём отце и обстоятельствах его исчезновения. Ну и о Большом Городе тоже.

— Вы думаете, я смогу до нее добраться?

— В этом мы тебе поможем. Главное сейчас — устроится в Лабораторию. Причем, это нужно сделать так, чтобы Декер не заподозрил чужого вмешательства. Сейчас как раз хороший момент: экспедиция едва не погибла, ты ранен, вполне естественно, что ты хочешь уйти из Поиска.

Караско накрыл ладонью руку Ноя.

— Я понимаю, как неожиданно и странно для тебя все, что я говорю. Но это правда. Ситуация такова, что надо действовать очень быстро. Судьба, видишь как — сама нас свела. Теперь нам нужно держаться вместе.

Ной задумался. «Неужели все так? Эвакуация, Совет и грандиозное предательство, которое он готовит? Неужели такое может быть? Неужели они способны бросить Город

в такое время?». Ной представил себе младшего Декера, несущегося на машине по узкой горловине Дороги. Ему было плевать, есть впереди люди или нет. Ему вообще на все и всех было плевать. А яблоко от яблони падает недалеко.

Возможно. То, что он услышал — возможно. Самому не вообразить, но поверить... Поверить можно.

В таком случае судьба и впрямь свела его с Караско более чем удачно. И особенно удачно выглядела на этом фоне экспедиция. Где-то, в глубине души Ноя, слова Караско встречали протест. Но, задавая себе вопрос «почему?», Ной не мог на него ответить. Караско выглядел честным, выкладывая свои карты. Правда, никто не мог сказать, какую часть из них он скрывает.

— Вы все время говорите «мы». Мы отправимся, мы поможем. Кто «мы»?

— В свое время ты узнаешь. Пока мне приходится быть осмотрительным. Не обижайся. Ты должен доверять мне. Ради себя и тех, кого ты сможешь спасти.

Последние слова и подвели итог сомнениям.

— Хорошо. Я попробую устроиться в Лабораторию, — сказал Ной.

— Вот и отлично. В таком случае, не буду тебя больше утомлять. Отдыхай, набирайся сил. У нас впереди большая работа. Вот тебе адрес. Здесь ты сможешь найти меня по вечерам. Приходи.

Караско встал и подошел к двери.

— Да, к тебе тут еще посетитель. Сидит с самого утра. Сделай мужественный вид. Не расстраивай ее.

Мамочка вошла в палату и остановилась на пороге, комкая в руках полы халата. Она смотрела на Ноя, и в глазах у нее блеснули слезы. Ной уже открыл рот, чтобы поздороваться, когда она вдруг расплакалась, подбежала к нему и обняла, задев больное плечо. Ной вздрогнул.

— Извини, извини! — быстро заговорила Мамочка. — Я сделала тебе больно. Извини!

— Ничего, — смущенно ответил Ной. — Уже почти не болит.

Она отстранилась, села на край кровати, как сидел до нее Караско, и взяла Ноя за руку.

— Я всю ночь ждала, как только вы приехали. Просила пустить, но они говорили, что нельзя. Только, когда Караско пришел, они разрешили. Он ночь с Ушки просидел.

Бедные вы мои, как вам досталось!

— Ты не знаешь, как Ушки?

Она покачала головой.

— Нет. Они ничего не говорят. Говорят, нужно ждать. На него напал таракан? Да?

— На меня напал. Ушки меня закрыл. Он даже не думал, некогда было думать, он просто встал между нами и...

Ной умолк. Мамочка кивнула, вытирая слезы.

— Не плач. Он обязательно выкарабкается. Я уверен.

— Да. Да, знаю. Просто... Просто я очень рада, что вы вернулись. Что вы здесь.

— А как Танк и Колотун?

— Не знаю, где они сейчас. Но с ними все хорошо. Я видела их ночью.

Ной сжал ее руку. Мамочка подалась вперед, облокотилась на спинку кровати и прижалась к нему. Ной обнял ее и затих, молча наслаждаясь ее теплом.

— Ненавижу все это, — тихо сказала Мамочка. — Кровь, грязь — все эти ужасы. Я не могу больше! Просто не могу.

— Я ухожу из Поиска, — сказал Ной.

Мамочка подняла заплаканное лицо и посмотрела ему в глаза.

— Куда?

- Наверное, в Лабораторию.
- Ной, возьми меня с собой. Я согласна на любую работу. Какую угодно. На все!
- Возьму. Устроюсь и возьму.
- Спасибо, — прошептала она и опустила голову ему на плечо.

После ухода Мамочки Ной довольно долго оставался в одиночестве. Заходила сестра поменять повязку и дать лекарство. Около четырех в палате появилась его мать.

— Ной, Господи, сынок! Что они с тобой сделали?

Она бросилась к кровати и принялась осматривать сына, трогая его руки, голову, грудь.

— Мама! Мам, не надо. Со мной все хорошо. Меня только чуть-чуть задело. Только царапина.

— Царапина! Господи, Ной — да в тебя же стреляли! Стреляли! Ноги твоей больше не будет в этом Поиске поганом! Я их... Тебя же могли убить!

— Мам, успокойся. Никто не виноват. Никто не знал.

— Не знал! Как они могли не знать? Взяли мальчика! Куда взяли? Ты должен немедленно уйти, и не надо ничего говорить! Как только выйдешь из больницы. Сразу!

— Я уйду, мам. Я уже решил.

— Правда? Ной!

Она села на кровать и, наконец, заплакала. Глядя на ее плачущую, Ной заметил, что она словно еще постарела. Как-то вся ссохла, стала меньше. Он смотрел на руки, сжимающие платок. Морщинистые, тонкие, в маленьких темных пятнышках. «Я ее люблю, — подумал он. — Я ее очень люблю».

— Мама, теперь все будет хорошо! Я пойду в Лабораторию. Как ты хотела.

— Жаль, что ты не сделал этого раньше. Жаль, что нужно было вот это все, чтобы ты понял.

— Прости. Ты давно узнала, что я здесь?

— Пару часов назад. За мной приехал какой-то человек. Из тех. На машине. Он привез меня сюда.

Ной подумал, что Караско не очень-то торопился сообщить ей о сыне. Наверное, хотел поговорить первым. Не красиво это, очень не красиво. Но, если подумать... Он позволил Ною ответить матери так, как она того хотела. Не будь разговора с Караско, не было бы той простоты, с которой он отрекся от Поиска.

«Кто, интересно, ее привез? Колотун?»

— Мам, как выглядел тот человек?

— Молодой, высокий. Черноволосый.

— Он имя свое назвал?

— Нет. Сказал, что из Поиска, и что ты в больнице. После этого я уже ни о чем думать не могла.

— Он привезет тебя обратно?

— Не знаю. Я не спрашивала. Но это не важно, Ной. Я больше ничего от них не хочу!

— Все-таки, тебе лучше с ним договориться. Не стоит идти одной пешком. Какая сейчас погода?

Мать просидела у него до ужина. Когда она ушла, Ной почувствовал усталость и покой. Он видел перед собой цель: спасти тех, кого любит. Настоящая, хорошая — правильная цель. Он будет действовать. Но это начнется не сегодня. Завтра. Когда его выпишут из больницы. А сейчас можно закрыть глаза.

Ной вышел из больницы, держа в руках пустой пакет, в котором мать передала ему утром теплые вещи. Мать уже ждала его возле входа, в своем длинном неуклюжем тулупе похожая на медведицу. Рядом с ней стояла, кутаясь в теплую шубу, Лайла.

Лайла. Имя из прошлого. Почти забытого. Бесконечно далекого мира спокойствия и тишины.

Он спустился по ступеням и подошел к ним.

— Лайла отвезет нас домой! — заговорила мать. — Она не хотела оставаться в машине, а здесь так холодно! Ты не мерзнешь?

— Нет, мама.

— Храни тебя Бог, Ной! — сказала Лайла. — Я так рада тебя видеть живым и здоровым!

Она не бросилась ему на шею и не заплакала. Она улыбалась. Эта улыбка согрела Ноя лучше теплого пальто. Он улыбнулся в ответ.

— Храни тебя Бог, Лайла! Я ужасно рад тебя видеть! Честное слово, я не ожидал!

— Будь с тем, кто тебе дорог, — ответила Лайла. — Так написано в одной хорошей книге. И я с этим полностью согласна.

— Я тоже.

Ной взял их под руки, мать и Лайлу, и они пошли к машине, скользя на льду мостовой.

Из окна первого этажа на них смотрел Караско. Смотрел и медленно водил пальцами по щетинистому подбородку. Он не отвернулся, пока они ни сели в машину, и та ни скрылась за поворотом. Тогда он покачал головой, выбил по стеклу быструю дробь и исчез в полутьме комнаты.

В честь возвращение Ноя и его решения покинуть Поиск, мать приготовила праздничный ужин. Ной смотрел на изобилие стола, на хлеб и мясо, свежие овощи, конфеты и вино и не верил глазам. Перед ним стояли почти все скудные накопления, сделанные матерью за несколько лет нищеты. Мать сжигала мосты и хотела, чтобы Ной это видел. Чтобы понимал — нет уже пути назад.

Дом был убран с маниакальной тщательностью, призванной затмить убогую ветхость обстановки. Он уже не производил на Ноя того гнетущего впечатления, как это бывало раньше. Он словно ожил, вместе со своей хозяйкой, скинул паутину отчаяния и ждал перемен.

Они устроились за столом, и мать с Лайлой принялись ухаживать за Ноем. «Они здорово сошлись, — думал он, глядя на них. — И когда успели?». Лайла знала, где лежит посуда. Использовала именно те полотенца, которые нужно. Она следовала заведенному порядку безошибочно и легко, как будто всю жизнь прожила здесь. Она помогала матери Ноя, ничуть не смущаясь и не рисуясь. Не смотря на прислугу у своих родителей, Лайла не казалась беспомощной в роли женщины в доме.

Руфь правильно воспитала свою дочь.

— Я говорила с Адамом, — сказала мать, когда они, усевшись за столом, приступили к еде. Ее голос показался Ною напряженным, она все еще опасалась протеста со стороны сына. — Он будет ждать тебя. Послезавтра. У себя.

— В Лаборатории?

— Да. Он сказал, что сделает тебе пропуск. А еще сказал, что не понимает, почему ты не пришел раньше. Его удивило твое решение начинать с Поиска. И я уверена, — мать наклонилась вперед и понизила голос, — это решение его расстроило.

Ной не стал комментировать ее замечание.

— Мне все равно нужно будет сходить в Поиск. Забрать документы. Там мой аттестат и письма из школы. Декеру они понадобятся.

— Никуда тебе не надо. Все твои документы уже у меня.

— Откуда?

— Их передал тот человек, который отвозил меня в больницу.

— Вот как?

«Значит, Караско все решил заранее. Еще до разговора со мной. А, может быть, и еще раньше. Он был уверен в том, что я поступлю, как надо». Эта мысль не понравилась Ной. Возникло неприятное ощущение, будто им управляют, как куклой, дергая за веревочки. Правда, окончательное решение он принял сам, и оно действительно казалось ему правильным. Оставалось утешаться этим.

— Я думаю, что тебе нужно отдохнуть, — продолжала мать. — Адам не будет против. После того, что ты перенес, это просто необходимо. Адам сочувствует тебе. Не знаю, почему он тебе не нравится, но он хороший человек. В память об отце он многое готов для тебя сделать.

— Они так дружили?

— Они не были очень близки, хотя твой отец всегда отзывался о нем с уважением. Мы все из Квартала. Это не пустой звук, Ной. Это очень важно. Я говорила тебе, но ты не хотел слушать. Мы одного круга. Здесь принято помогать друг другу. Вот поэтому никак нельзя было уезжать. Круг легко оборвать, но никогда уже не соединить без шва.

Мать взяла свой бокал и подняла его на уровень глаз.

— Дети, я хочу выпить за ваше будущее. Я хочу, чтобы вы знали — ничего нельзя добиться поодиночке. Надо держаться друг за друга, помогать друг другу. Дорожить тем, что имеете и приумножать это. Терять легко, а приобретать очень трудно. За ваше будущее, пусть оно будет счастливым.

Лайла покраснела, подняла свой бокал и посмотрела на Ноя.

А он подумал о том, как много мелких глупостей в жизни делает человек просто потому, что так надо. Стремится к тому, во что не верит. Пьет за будущее, которого нет. А почему? Потому что не готов раскрывать душу, пускаться в объяснения. Это слишком большая работа. Проще лгать. Проще согласиться и идти себе дальше, оставаясь при своем мнении.

Ной поднял бокал.

Ужин продолжался. С каждым выпитым глотком вина, речи матери становились все откровеннее. Ной смотрел на Лайлу. Она улыбалась, смущенно и радостно. Слова женщины, что сидела рядом с ней, не смущали ее. «Она хочет выйти за меня». Эта мысль возникла неожиданно, но не вызвала удивления. Ной почувствовал счастье и тоску, потому что мир рушился, а Лайла не знала об этом. Он хотел бы жить с ней, разделить с ней радости и горе, идти с ней рука об руку. Но куда? Впереди их поджидала боль и смерть. «Я возьму ее в Большой Город. Я заставлю Караско согласиться. Он не откажет. Не сможет отказать».

Когда ужин закончился, Ной и Лайла взялись помогать матери убирать со стола, но она остановила их.

— Идите лучше, побудьте вместе. Думаю, вам есть о чем поговорить. А я и сама управлюсь.

Они поднялись в комнату Ноя на втором этаже. Там Лайла подошла к окну и стала смотреть на темную улицу, едва освещенную фонарем возле калитки. Ной встал рядом.

— Ной, — сказала она, не поворачиваясь. — Что ты думаешь о нас?

— О нас? У нас все хорошо.

Она повернулась к нему, и он невольно залюбовался ей, такой трогательной, сильной и слабой сразу. Своей девушкой, своей Лайлой.

— У нас теперь все хорошо, но что будет потом? Какими ты видишь наши отношения? Что они для тебя?

Ной посмотрел в окно. Вопросы были просты и откровенны, но он не был к ним готов. Он еще никогда всерьез не думал о том, чего хочет от нее. Он думал, что они могли бы быть вместе, у них могла бы быть семья, дети. Он думал, что это было бы возможно. Но еще никогда он не задавал себе прямого вопроса: а хочет ли он этого? Хочет ли по настоящему?

Лайла смотрела на него, не отводя глаз. Она выглядела смущенной и, наверное, сама не ожидала от себя такого вопроса. Во всем виноват вечер, ужин, слова матери Ноя и его молчаливое с ними согласие. Может быть, сейчас Лайла раскаивалась, что задала этот вопрос. Но уже не хотела отступать. Она ждала.

«Город умрет, — подумал Ной. — Но что с того? Если мы будем вместе, то и на обломках прежней жизни сможем построить новую. Это будет настоящее, честное чувство, не разбавленное ни Кварталом, ни деньгами — ничем. Мы обязательно сохраним его».

И снова, как и с Караско, он принял быстрое решение, не думая и не позволяя себе сомневаться. Он принял решение, которое должен был принять, которое от него ожидали.

— Для меня наши отношения — самое дорогое, что есть. Я хочу, чтобы мы были вместе.

Он немного помедлил, собираясь с духом, чувствуя, как больно бьет в груди сердце, набрал в грудь воздуха и опустился перед Лайлой на колени.

— Я прошу тебя стать моей женой.

Лайла обмякла. Она положила руки на плечи Ною и опустилась рядом с ним.

— Да, — сказала она. — Да, Ной. Я выйду за тебя, и все у нас будет хорошо. Правда?

— Обещаю! Я люблю тебя, Лайла. С того первого раза, когда увидел тебя в комнате для исповеди.

— Я тоже люблю тебя, Ной.

Она подалась вперед, и он обнял ее. Они стояли возле окна, в темноте комнаты, а снаружи раскачивался на ветру фонарь.

Они сидели друг напротив друга в глубоких креслах, разделенные маленьким столиком: Караско и огромный толстяк с кривым носом, занимающим половину лица. В полутьме маленькой комнаты вспучивались силуэты шкафов и дивана, словно отроги маленьких гор. На стене тикали часы, стрелки показывали половину двенадцатого ночи.

— У меня есть сомнения по поводу парня, — сказал толстяк, нарушая абсолютную тишину. — Проникнуть к Декеру было бы неплохо. Но что, если мальчику сделают встречное предложение? Что удержит его от того, чтобы не принести нас Совету на блюде?

— Если Ной будет вести себя осмотрительно, Декер ничего не узнает. Приближаясь к нему так близко, мы, конечно, рискуем, но игра стоит свеч. И потом, в крайнем случае, я уверен, что Ной не пойдет на предательство.

— Почему?

— У меня есть все основания считать, что к исчезновению его отца приложил руку сам Декер. Возможно даже по указанию Совета. Петр слишком много говорил об опасности, связанной с развитием химер. Он уже тогда предвидел проблемы и настаивал, чтобы эта информация стала достоянием всех. Он хотел требовать разработки плана общей эвакуации. Общей, понимаешь?

— Понимаю. Но у тебя нет никаких доказательств. А без них твои слова ничего не стоят.

— Для тебя не стоят. А для Ноя? Его отец исчез спустя неделю, после того, как рассказал мне о своих планах. Какие еще нужны доказательства для молодого парня? Даже, если я ошибаюсь, достаточно внедрить ему в голову эту мысль, чтобы настроить его против Декера.

— Возможно. Возможно. Но согласится ли Декер взять его? А, если согласится, подпустит ли к нужной нам информации? Проблема доверия, Самсон, в Совете и вокруг него — очень болезненная проблема.

— Петр был его соседом, их дети играли вместе, их жены обменивались рецептами
— Ной рос на глазах Декера. Он для Декера свой. Проблемы доверия есть всегда, но парень уже внутри круга. Другого такого нам не найти.

— Ты собираешься привести его за руку к старому Адаму? Сам?

— Это будет собственное решение Ноя. Когда он свалился на меня, как снег на голову и заявил, что хочет работать в Поиске, я понял, что развернуть парня будет не просто. Пришлось устроить ему небольшую экскурсию на улицу Святого Варфоломея. А потом эта наша экспедиция. С Ушки, конечно, получилось хреново, но зато Ной созрел. Это будет его решение, для которого есть объективные причины. Все логично. Все правильно. Не придерешься.

Толстяк некоторое время молчал, потирая большой нос, а потом сказал:

— Хорошо. Звучит убедительно. Остается последняя проблема. Если мы берем Ноя, то он, скорее всего, захочет увезти с собой кого-то еще. Маму. Дядю. Тетю. Подружку. Как быть с этим? Каждый лишний человек ставит под угрозу наше предприятие. Шансы и без того плачевно малы.

— Ной живет с матерью. Больше у него никого нет. Я предполагал, что он захочет взять с собой Мамочку, из наших. Он ей симпатизирует. Она не будет помехой, даже, наоборот — через нее можно было бы направлять его эмоции. Но появилось затруднение.

— Это так естественно, Самсон. Молодой парень и затруднения. И какое это затруднение?

— Возле больницы его встречала другая девушка. С машиной. В хорошей шубе. Я не знаю, кто она такая.

— Так выясни, Самсон. Это очень важно. Я тоже наведу справки. Нужно узнать о ней все. В любом случае, юношу всегда можно переключить на нужную женщину. Если действовать тактично и осмотрительно. Подумаем, как лучше поступить. Это все у тебя?

Караско кивнул.

— Все.

— Как он с нами свяжется?

— Я дал ему адрес Андрея. Буду ждать его там.

— Андрея. Это правильно. Если Ной устроится к Декеру, то его поход к специалисту по умным машинам не вызовет подозрений. Желание учиться дополнительно, освоить технологии Лаборатории — это так естественно.

— Надеюсь, для Декера это тоже будет естественным.

— Хорошо. Будем ждать новостей. В городе пока спокойно, но я предвижу, что скоро опять начнутся проблемы с тараканами. Буду петь колыбельные Совету. А ты занимайся парнем.

— Он не подведет.

— Это наше дело, сделать так, чтобы не подвел.

Глава 12. Перемены

Лайла сидела на диване, подобрав под себя ноги, и теребила пояс теплого халата. Город уже давно погрузился в сон, темнота разлилась по улицам, и только редкие островки освещенных окон все еще противились ей. Лайла накрыла ладонью маленькую лампу, и по стенам полетели неясные тени.

— Ты его любишь? — спросила Руфь.

— Наверное. Я не уверена. Он мне нравится.

Она убрала руку от лампы и плотнее запахнула халат.

— Он приятный. Умный. Добрый.

— Его мать знает?

— Да. Она сама сделала все, чтобы это произошло.

— Не удивительно. Ной не очень соответствует Кварталу, тебе не кажется?

Лайла улыбнулась.

— Он будет соответствовать. Я об этом позабочусь.

— Я говорю серьезно, милая. Этот мальчик, как мне кажется, лишен амбиций. Мало просто жить в Квартале, нужно занять в нем высокую позицию. Как я понимаю, у него есть для этого возможности, но нет желания.

— Все не так, мам. Просто он еще не знает, чего хочет. Он ищет.

— Боюсь, тебе придется знать за вас обоих. Тебе придется направлять его, а мужчины часто сопротивляются этому.

— Меня это не пугает. Ной упрямец, но он не дурак. У нас все получится.

— Что ж, если ты уверена в своем решении, мы с отцом не станем возражать. Это хорошая партия для тебя, если подойти с умом. Но ты должна вести себя правильно. Помни — двигаться можно только вверх. Вниз можно лишь падать.

— Этот Город станет нашим, — сказала Лайла с мечтательной серьезностью, а потом вдруг засмеялась. — Правда, мам! Я на самом деле чувствую, что у нас все будет хорошо.

— У тебя не может быть по-другому. Я думаю, нам следует познакомиться с его матерью. Передай ей наше приглашение. На субботу или воскресенье.

— Хорошо.

— Ной ходит на исповеди?

— Он не очень их любит.

— Надо, чтобы ходил. И еще вам следует подумать о переводе в другую группу.

Поговори об этом с советником по браку, объясни ему ситуацию. Ты говоришь, что Ной собирается поступить к Адаму Декеру?

— Да.

— Декер очень влиятельный человек. Пусть Ной поговорит с ним на эту тему.

— На какую?

— Ты слушаешь меня, милая? О смене группы!

— Хорошо.

Руфь покачала головой. Они немного помолчали, погрузившись каждая в свои мысли, а потом Лайла сказала тихо:

— Мам?

— Что, милая?

— Мне кажется, я счастлива.

Лайла встала с дивана, подошла к матери и села возле ее ног, положив ей голову на колени.

— Я люблю тебя, мама.

— Я тоже люблю тебя, звездочка. Иди спать. Уже поздно.

— А ты?

— Я еще посижу немного. Мне надо подумать.

Лайла поднялась и поцеловала ее в щеку.

— Спокойной ночи.

Ной вышел из дома и остановился у порога. Ему вдруг вспомнился тот день, кажется он был так давно — в прошлой жизни, когда он точно так же вышел из дома, чтобы отправиться в Поиск. Он думал тогда, что вот оно — начало новой жизни. Возможность вырваться из лицемерных объятий Квартала, стать настоящим, не таким как все. Ной улыбнулся, каким он был наивным.

И вот — новое утро, начало новой жизни. Еще одно. Совсем другое. А по сути, это возвращение. Возвращение к тому, от чего он бежал. «Просто, на этот раз, с открытыми глазами», — подумал он. Сквозь прореху в облаках пробивался солнечный луч; прямой, как лезвие ножа, он упирался в землю где-то далеко впереди, в Городе. «Интересно, куда он попал? В дом Совета? Или в глухую молчаливую улицу? А, может быть, в дом Лайлы? В ее окно?».

Ной поправил ремень сумки на плече и зашагал вперед.

Ему никто не встретился: ни Алон, ни милицейский патруль, только старый ветряк приветствовал его ленивым помаванием железных рук.

Дорога тоже была пустынна. Ной подумал, что обязательно поговорит с Декером о его сыне и том, что тот вытворяет на своей машине. Нет ничего плохого в том, чтобы об этом сказать. Когда-нибудь безумства младшего Декера могут обернуться трагедией.

Пробираясь по скользкой, покрытой снегом Дороге, он ощутил вдруг жгучее желание помогать. Он подумал о Мамочке и о том, что действительно постарается устроить ее в Лабораторию. А матери надо купить прогревающие перчатки для больных суставов, он видел такие, когда лежал в больнице. Может быть, что-то удастся сделать для Ушки.

Размышляя так, Ной сам не заметил, как преодолел Дорогу, миновал теплицы и вышел к Центру. Биение жизни вокруг вырвало его из мира грез: грохоча, прополз мимо снегоуборщик, за ним тянулась вереница машин. Они шумели и выпускали в серое утро клубы черного дыма. Ной пересек площадь и влился в поток пешеходов. Он шел на север, где, в соответствии с записанным матерью адресом, его должен был ждать Декер. Времени в запасе оставалось еще много, и Ной шел не торопясь.

Дом, в котором помещалась Лаборатория, не произвел на Ноя впечатления. В отличие от великолепного здания Совета с колоннадой и огромными дверями, этот был похож на самую обыкновенную жилую пятиэтажку, каких полно — одинаковых, как близнецы — на любой улице. Дом примыкал к небольшому парку с редкими хлипкими деревцами, между которых стояло полтора десятка машин. Среди них Ной заметил и машину Декера: маленькую, черную, идеально чистую, словно она никогда не ездила по грязным, в пятнах нефти и нечистот, улицам Города. Четыре подъезда дома оказались запертыми, а над центральным пятым висела неприметная табличка: «Объединенные Лаборатории. Административный корпус».

Ной взялся за ручку и потянул на себя дверь. Над головой звякнул колокольчик. За дверью оказался просторный холл, хорошо освещенный, перегороженный посередине железной решеткой с узкой дверцей. Возле дверцы притулилась фанерная будочка с единственным окошком, из которого на Ноя с ленивым любопытством смотрел бородатый мужчина в теплой шапке.

Ной подошел к окошку.

— Храни вас Бог, — сказал он. — Мне назначена встреча.

— Ваша фамилия? — поинтересовался мужчина.

Его голос был хриплым, простуженным.

— Коштун. Ной Коштун.

Человек в будочке опустил голову и зашелестел бумагой. В этот момент снова звякнул колокольчик, и в холле появилась женщина в длинном пальто. С непокрытой головы струились густые темные волосы, рассыпаясь по плечам воздушными потоками. Она подошла к дверце и сказала, повернувшись к окошку дежурного.

— Храни вас Бог, Исая.

Бородатая голова вскинулась, и лицо расплылось в приветливой улыбке.

— Храни вас Бог, госпожа Столярова! Как поживает ваш брат?

— Поправляется.

— Мы с женой молимся за него!

Раздался металлический стук, и дверца решетки приоткрылась.

— Спасибо, Исая, — сказала женщина. — Вашим молитвам.

Она повернула голову и посмотрела на Ноя. Ей можно было дать лет двадцать пять. У нее была очень белая кожа, яркие темные глаза и пунцовые губы. Румянец от мороза слегка коснулся щек нежным розовым цветом. Она улыбнулась Ною, отвернулась и быстрой легкой походкой пошла к лестнице, на ходу расстегивая пальто. Дверца за ней закрылась.

— Вы к господину Декеру?

Голос бородача заставил Ноя вздрогнуть. Он отвернулся от лестницы и посмотрел в окошко.

— Да.

— Третий этаж, господин Коштун. Комната 311.

— Спасибо.

На третьем этаже было тихо и сумрачно. Ковер поглощал звуки шагов, протянувшись зеленой полосой вдоль одинаковых запертых дверей. Ной чувствовал себя, словно оказался в церкви, он шел медленно, неся в руках ледунцы и следя за тем, чтобы они не стучали железными шипами. Возле двери с номером 311 он остановился и постучал. Ему не ответили. Тогда он осторожно приоткрыл ее и просунул голову внутрь. Перед ним оказалась пустая прихожая, с вешалкой, зеркалом и парой стульев. Напротив была еще одна дверь.

На этот раз на стук ответили.

— Входите, — прозвенел женский голос.

Ной вошел.

Комната, в которой он оказался, выглядела так, будто здесь не работают, а живут. Повсюду: на подоконнике, на полках, на столе стояли горшки с цветами, наполняя воздух незнакомыми, но приятными мягкими запахами. За столом, абсолютно пустым, если не считать экрана умной машины, сидела девушка в строгом, застегнутом до подбородка платье и так же строго смотрела на Ноя. Он едва сдержал улыбку: ее лицо было тонкое, угловатое, как у маленькой девочки, она гораздо больше напоминала сердитого ребенка, который играл во взрослого, чем секретаря всемогущего руководителя одной из самых влиятельных организаций Города.

— Храни вас Бог, — поздоровался Ной. — Я к господину Декеру. Меня зовут Ной Коштун.

— Храни вас Бог, — чопорно ответила девушка. — Господин Декер вас ожидает. Верхнюю одежду оставьте в прихожей, пожалуйста.

— Извините, — сказал Ной.

Он повесил свои вещи на рогатую вешалку, пристроил под ней ледунцы и поправил перед зеркалом одежду. Когда он предстал перед строгой девушкой во второй раз, ее взгляд немного смягчился.

— Подождите, пожалуйста.

Она встала, осторожно постучала в обитую темной кожей дверь и вошла в кабинет Декера. Ной нервничал. После свободных нравов Поиска, строгость этикета в Лаборатории смутила его. Он все не мог решить, как себя держать. Как эта девушка — строго и чопорно? Или быть естественным?

Он терзался до тех пор, пока дверь не открылась снова. Девушка посторонилась, пропуская Ноя в кабинет:

— Господин Декер ждет вас.

Ной улыбнулся ей натянутой, вымученной улыбкой.

— Благодарю.

Говорят, что место, в котором человек проводит большую часть времени, постепенно приобретает черты своего хозяина. Кабинет Адама Декера казался большим и основательным. Вдоль стен тянулись шкафы, набитые книгами; на полу лежал толстый ковер, словно губка, впитывающий звуки шагов; напротив двери — большой стол с ровными башенками папок и бумаг, на которые падал золотистый свет массивной лампы. За столом сидел сам Декер — грузный, холеный мужчина с седыми, зачесанными назад волосами. На нем был черный костюм с железным крестом на лацкане. Блестящие темные глаза смотрели на Ноя со спокойным любопытством.

— Храни вас Бог, — сказал Ной, нерешительно замерев на пороге.

— Храни тебя Бог, Ной.

Голос звучал густо и богато, словно орган в церкви.

— Возьми стул и садись.

Ной сел.

— Как быстро ты вырос. Кажется, еще совсем недавно вы с Симоном играли в снежки на заднем дворе, а теперь ты выглядишь, как мужчина. Я слышал, что тебе пришлось пережить. Жестокое испытание.

Ной промолчал, не зная, что ответить.

— Караско не должен был брать тебя туда. Это его ошибка. Он недорого ценит жизнь, гораздо меньше, чем собственные идеи. Но это и твоя ошибка тоже. Почему ты не пришел ко мне сразу? Зачем тебе понадобился Поиск?

Ной сцепил пальцы.

— Я хотел узнать о мире за Городом. Хотел увидеть все своими глазами.

— Мир за Городом, — повторил Декер. — Мир, которого давно нет. Молодым людям нельзя принимать серьезные решения без совета старших. У вас еще слишком мало опыта, слишком много лишнего в голове. Спроси ты совета раньше, и тебе не пришлось бы ехать туда, где бал правит смерть.

Ной потупил глаза. Ему было, что возразить, но он предпочел не устраивать бесполезных дискуссий. Декер ожидал от него игры в блудного сына, и он должен получить ее. Пожурить, простить, приять.

Но Адам Декер не торопился с прощением.

— Какие отношения у тебя сложились с Самсоном Караско?

— Никаких. Мы почти не общались.

— Хм. Это похоже на него. Он угрюм и замкнут. И все же, он был знаком с твоим отцом. Ты знаешь об этом?

— Да, он говорил, когда принимал меня в Поиск.

— Самсон рассказывал тебе о нем?

— Немного.

— Что он тебе рассказывал?

«А вот и цена прощения, — подумал Ной. — Он хочет, чтобы я исповедался».

Декер спрашивал, не делая пауз. Каждый ответ, рождал все новые и новые вопросы, некоторые из которых, совершенно неожиданные и, на первый взгляд, нелогичные, ставили Ноя в тупик. Ной старался избегать лжи, чувствуя на себе пристальный взгляд умных, живых глаз, которые, казалось, могли видеть его насквозь, но и говорить всю правду было невозможно. Ной старался говорить откровенно, чтобы усыпить эти глаза и неизбежным волнением не выдать себя. На лбу у него выступил пот, но он не решался поднять руку. А вопросы сыпались и сыпались: о Поиске и Караско, о матери, об интересах Ноя, об отце, о Дороге, о здоровье и школе. И ни одного вопроса о будущем и Лаборатории.

Наконец, Декер умолк, удовлетворенно глядя на взмокшего Ноя. Его глаза потухли. Ной чувствовал себя так, будто его вывернули наизнанку, вытряхнули и исследовали с увеличительным стеклом каждую мелкую деталь его души. Он устал, у него ныл живот.

— Я не хочу, чтобы ты подумал, будто я вмешиваюсь в твою жизнь, — мягко сказал Декер. — Что бы ты ни думал на самом деле, но мы с тобой не чужие друг другу. У меня имеются причины интересоваться твоей судьбой и желать, чтобы она сложилась так, а не иначе. У тебя есть будущее, Ной. Я его вижу. Многим из нас приходится иной раз принимать неудачные решения, о которых они жалеют всю жизнь, которые пачкают прошлое, как грязные пятна. Я хочу, чтобы ты их избежал. Поверь мне, это в твоих интересах.

— Я сделаю все, что в моих силах! — искренне сказал Ной.

— Это твое первое решение здесь. И я рад, что оно верное. Вижу, наш разговор немного тебя утомил. Давай выпьем чая и поговорим о твоём будущем.

Декер повернулся на стуле и потянул за толстый шнур, скрытый между шкафами. За дверью раздался мелодичный звон, она отворилась и на пороге показалась девушка из приемной.

— Софья, сделай нам, пожалуйста, чай.

Он посмотрел на Ноя.

— Ты предпочитаешь сладкий?

— А что такое чай? — спросил Ной.

Ной пил горячий сладкий напиток и смотрел, как Декер, водрузив на нос очки, изучает его бумаги. Напиток немного напоминал макку, но отличался более резким вкусом и запахом. Станным, ни на что не похожим запахом.

Декер отложил бумаги, снял очки и посмотрел на Ноя.

— У тебя хорошее образование, Ной. Но ты должен понимать, что этого мало. Каждый человек, работающий в Лаборатории — специалист. Он знает свою область гораздо глубже, чем может научить школа. Ты знаешь основы наук, у тебя есть кругозор, но ты сейчас — чистый лист. Тебе предстоит выбрать собственное направление и развиваться в нем. Что ты знаешь о Лаборатории?

— Немного, — честно признался Ной и поставил чашку на маленький столик на колесах. — Я знаю, что в Лаборатории занимаются наукой.

— Прикладной наукой, — уточнил Декер. — То есть тем, что может послужить на пользу Городу и во славу Господа. В Лаборатории, а на самом деле — в Лабораториях, — он сделал ударение на последнем слоге, — есть четыре больших направления, признанных наиболее важными. Это теология, биология, механика и электроника. Направления подразделяются на несколько отделов, а те, в свою очередь, делятся на группы. Каждая группа работает над поставленной перед ней конкретной задачей. Тебе предстоит решить, чем именно ты хотел бы заниматься. Я предоставляю тебе полную свободу выбора.

— Отец выбрал биологию? — спросил Ной.

— Да. Ты хочешь пойти по его стопам?

— Нет. Я хотел бы заниматься умными машинами.

— Вот как. Признаться, это для меня неожиданность. Ты имеешь какой-то опыт обращения с ними?

— Нет. Но это то, что меня действительно интересует — работать с искусственным разумом!

— Твой опыт, и впрямь, невелик, — сказал Декер сухо. — Разум, Ной, это божественный дар, ниспосланный человеку Создателем. Это свойство живой души. Никогда бездушная машина не будет обладать им. Однако, в своем роде, они полезны. Ты уверен, что хочешь заниматься ими?

— Да.

— Хорошо. С завтрашнего дня я определяю тебя в соответствующую группу, и ты начнешь изучать предмет.

— Спасибо!

— Ты водишь машину?

— Нет. У нас нет машины.

— Это не важно. Научись. Я положу тебе хорошую оплату, скоро ты сможешь купить все, что тебе понадобится. А пока — дам тебе одну из наших машин. Дорога не для пеших прогулок.

Ноя охватил восторг. Машина! У него будет машина! Он мечтал о ней так давно, не смея признаться в этом ни матери, ни даже самому себе. Все то гордое презрение к роскоши, которое Ной привык демонстрировать, было, на самом деле, не более, чем позой. Он понял это сейчас, словно вспомнил то, что давно знал. Он хотел машину, и теперь он ее получит.

— Спасибо! — повторил он.

— Эта мелочь не стоит твоей благодарности. Добро пожаловать в семью, Ной. Мы дадим тебе все, что может дать человеку Город. От тебя потребуется только преданность. Преданность нашему делу.

— Я не разочарую вас!

— Надеюсь. Я буду вызывать тебя время от времени, чтобы узнать, как идут дела. Ты не женат?

— У меня есть невеста, — сказал Ной.

Произнесенные вслух, эти слова музыкой коснулись его ушей.

— Вот как? Кто она?

Ной рассказал Декеру о Лайле. Тот слушал внимательно, время от времени одобрительно кивая.

— Хороший выбор, — сказал он. — Правильный выбор. Если вам понадобится помощь или содействие, не стесняйся прийти ко мне.

— Обязательно!

— А теперь — ступай. Софья расскажет тебе, что нужно сделать. Я рад, что отныне ты с нами.

— Я тоже, — сказал Ной. — Очень рад!

Увидев Караско, молоденькая секретарша оживилась.

— Как хорошо, что вы заглянули!

— Здравствуй, Ада. Что-то случилось?

— Ой, здравствуйте! Вас разыскивает Мильчик. Уже два раза о вас спрашивал! Собирался даже посылать за вами.

Улыбка исчезла с лица Караско.

— Что ему нужно?

Аарон Мильчик, начальник управления Поиска, был человеком слабым. Его должность, диктующая необходимость принимать решения, была его проклятием. Он напоминал старого пса, готового исполнить любой приказ хозяина, и не желающего иметь собственное мнение. В Поиске его считали проводником решений высокого начальства. Впрочем, таковые решения являлись не часто. Как хорошо отлаженная машина, Поиск функционировал автономно, управляясь начальниками отделов. Ежеквартальная дань, в виде отчетов о текущей работе, исправно поступала на стол Мильчику, и к этому сводились почти все контакты начальника и подчиненных.

За пять лет, проведенных на посту руководителя оперативной группы, Караско ни разу не получал от него никаких указаний. Поэтому теперь внезапный интерес Мильчика насторожил его. Это могло означать только одно — оперативным отделом заинтересовался Совет.

— Он ждет вас в своем кабинете, — сказала девушка. — С ним еще один человек, не знаю кто, но вид у него важный.

— Спасибо, Ада. Что ж, пойду узнаю, что им нужно.

Мильчик нервничал. Он ходил из угла в угол, каждую минуту поглядывая на часы и качая головой. Второй человек, напротив, словно бы олицетворял собой спокойствие. Он сидел в кресле для посетителей, выпрямив спину, положив руки на колени, и наблюдал за начальником Поиска с сонным равнодушием.

В дверь постучали, и на пороге появился Караско. Мильчик сразу же бросился к нему.

— Самсон! Ну наконец-то! Сколько же можно вас ждать!

— Храни вас Бог, Аарон, — сказал Караско, глядя на человека в кресле.

— А? Да. Да. Позвольте представить вам нашего гостя — Давид Сытин. Он представляет Совет Города, и прибыл к нам...

- Аарон, разрешите, я сам?
- О, да — конечно! Конечно! Вы садитесь, Караско.
- Храни вас Бог, Самсон Караско, — сказал Сытин.
- Храни вас Бог.
- Располагайтесь.

Караско сел. Ему не нравился этот человек. В отличие от суетливого трусоватого Мильчика, в нем чувствовалась та особенная уверенность, которой наделяет людей власть. Пусть даже временная.

— Я здесь по поручению Совета, — сказал Давид Сытин. — Вчера состоялось совещание, касающееся результатов последней экспедиции вашего отдела, и я прибыл, чтобы довести до вас принятое решение.

Караско сжал зубы. Этого он не предвидел.

— Какое решение? — спросил он.

Давид вытащил из сумки несколько листов бумаги.

— Как давно вы руководите оперативным отделом? — спросил он.

— Пять лет.

— Вы пришли после гибели предыдущей группы?

— Да.

— Вы знаете, каковы общие потери отдела?

— Точно не знаю.

— Я вам скажу. — Сытин посмотрел в бумагу. — Двадцать семь человек.

— Это опасная работа.

— Разумеется. Когда речь идет о важной цели, можно закрывать глаза на, ммм, чрезмерные средства, потраченные для ее достижения. Долгое время у вашего отдела была такая цель. Оперативная группа существенно расширила наши представления об окружающем мире, собрала множество полезных образцов, по которым, впоследствии, был восстановлен целый ряд жизненно важных технологий. Работа оперативников была залогом выживания и развития Города. Этот вклад трудно переоценить.

Посланник Совета выдержал небольшую паузу, глядя на Караско водянистыми, ничего не выражающими глазами, а потом добавил:

— Однако, с теперь ситуация изменилась.

— Что вы имеете в виду?

— На текущий момент средний охват территории вокруг Города составляет около четырехсот километров. Дальнейшее расширение поисков Совет считает нецелесообразным. Принимая во внимание малую эффективность последних экспедиций и неприемлемую степень риска, принято решение о реорганизации оперативного отдела. Вам предстоит переключиться на более насущные дела.

— Какие же?

— Принято решение о создании постоянно действующих баз вокруг Города. Главной задачей этих баз будет обнаружение признаков опасности со стороны Пустой Земли. В первую очередь это связано с тараканами, активность которых в последнее время существенно возросла. Вам предстоит заняться организацией таких баз на основе существующих населенных пунктов.

— Не населенных, — сказал Караско.

— Простите?

— Вокруг Города нет населения.

— Я имел в виду, что вам придется использовать сохранившиеся здания для организации наблюдательных баз.

— Это слишком опасно. Тараканы передвигаются по подземным коммуникациям. Находясь вблизи них, мы сильно рискуем.

— Именно находясь вблизи них, мы сможем вовремя обнаружить опасность. Организовывать такие базы на открытом месте не имеет смысла.

Караско умолк. Возразить было нечего.

— Что касается безопасности, — сказал Давид Сытин, — мы надеемся на ваш опыт. Вы будете руководить всеми работами.

— А мои люди?

— Кадровая политика остается на ваше усмотрение. В конце этой недели состоится совещание в Совете по поводу нового проекта. До этого времени вам следует подготовить план работ и свои рекомендации.

— Что будет с моей техникой и оборудованием?

— Их вы передадите управлению Поиска. Новой техникой вас обеспечат.

— Мне понадобится вездеход.

— Если Совет сочтет, что это так, вы его получите.

Они замолчали.

— Так как мне его теперь, увольнять или нет? — спросил вдруг Мильчик.

— Когда придет время, вам скажут, что делать. До конца недели все остается, как есть, — ответил Давид Сытин.

Колотун сидел возле вездехода, обложившись ремонтными схемами, и грыз карандаш. Он не заметил прихода начальника, и вздрогнул, когда Караско заговорил с ним.

— Что с вездеходом?

— А? Да вроде все не так плохо. Передок надо подлатать, кое-что заменить в двигателе, и будет как новенький. Я вот тут список набросал, что нужно.

— Дай-ка.

Караско пробежал глазами список и покачал головой.

— Не много.

— Только то, что необходимо. Как обычно. Что-то у нас самих есть, что-то транспортники подкинут.

— Сколько времени займет ремонт?

Колотун пожал плечами.

— Если с запчастями будет как всегда, думаю, на месяц растянется.

— Мало. Надо три месяца.

Колотун посмотрел на Караско удивленно.

— Что-то я не понимаю...

— Пошли, надо поговорить.

Глава 13. Книги, написанные мертвецами

Половину следующего дня Ной провел в блужданиях по коридорам административного здания Лабораторий. Он сдавал свои бумаги бесчисленным начальникам, обязанности которых скрывались за лаконичными и совершенно непонятными аббревиатурами. Начальники читали, задавали вопросы, потом писали новые бумаги и отсылали к новым начальникам. Первые часы были особенно тяжелы: пачка документов не только не желала таять, но, наоборот, неуклонно росла, грозя свести всю полезную деятельность Ноя на новом поприще к бесконечному хождению по кабинетам. Но, к обеду, бумажный поток начал иссякать и, около двух дня, Ной получил Финальный Документ, с которым ему надлежало отправиться в другое здание, в котором и располагалась вожденная группа эксплуатации умных машин.

Ной шел по затихшим улицам и думал о том, каково это — устроиться в Лаборатории, не имея за спиной могучую поддержку в лице Декера. Он не был уверен, возможно ли это вообще. Процедура трудоустройства напомнила ему фильтр для воды — попасть в него может все, что угодно, но выйдет только чистая, ничем не замутненная полезная влага.

Новый дом, в котором Ною предстояло трудиться и вести изыскания для группы заговорщиков, располагался всего в двух кварталах от Администрации. Примерно на

половине пути, если взять немного в сторону, был дом Лайлы, к которой он непременно заглянет сегодня вечером.

На новом месте волокиты с бумагами почти не было. В отделе кадров у Ноя забрали сразу всю папку, выдали ключ от помещения, в котором ему предстояло работать, и рассказали, как найти наставника.

В Городе не существовало высших или специальных учебных заведений, кроме теологических. Постигать конкретное дело предполагалось на практике, непосредственно к этому делу приступив. Для того, чтобы обучение стало более эффективным, к новичку на первое время приставляли наставника. В каждой группе при Лабораториях всегда был человек, как правило, самый старший и опытный, в обязанности которого входило обучение новичков. Именно такой человек и встретил Ноя на пороге его новой трудовой деятельности и сразу же — «первым долгом» — повел знакомится с командой.

Группа помещалась в четырех больших комнатах, загроможденных столами и грудями электронного хлама, сваленного между ними. Она состояла преимущественно из молодых людей, не очень приветливых. Как впоследствии узнал Ной, перед его приходом поступил приказ срочно расчистить одну из комнат, и поместить туда одно свободное рабочее место. Восемь членов группы кое-как разместились в оставшихся двух, затаив на Ноя несправедливую обиду.

Не обижался только пожилой наставник. Может быть, потому что, как и Ной, работал в отдельном помещении, но, скорее всего, он просто не способен был обижаться. Все, что прямо не касалось электроники, теории программирования или математики, для него не существовало. Звали его Рувим. Рувим Ипатов.

Покончив со знакомством, он повлек Ноя в столовую на первый этаж, сообщая на каждом пролете лестнице, что «кормят здесь изумительно», «вы не поверите, как здесь кормят» и «это не вкус — это музыка!». Однако, придя на место, и устроившись вместе с новым учеником за маленьким шатким столом, Рувим Ипатов сразу же позабыл о своих восторгах и немедленно приступил к обучению.

Рассеянно стуча ложкой по дну тарелки, он принялся излагать Ною основы булевой алгебры, которые, по его словам, «совершенно необходимы для всестороннего понимания проблемы». Он не давал ученику не секунды передышки, словно колдун-чернокнижник, он чертил на салфетке коротким замусоленным карандашом круги и символы. Круги разбегались и скрещивались, накладывались друг на друга, символы пересекали их из конца в конец, как мостки. Эта странная алгебра говорила Ною, что есть правда, а что — ложь, она учила его, как уложить эти понятия в простые и сложные уравнения, как решить их.

Неожиданно для себя, Ной увлекся. Он вдруг обнаружил, что наука, которую преподавал ему Рувим на куске салфетки, давалась легко и без усилий. И эта наука ему нравилась.

И Рувим нравился. Он был так непохож на всех остальных — на Караско, на Декера, на Лайлу, на мать. Он был настоящим ученым, не по должности, а по складу. Он ничего не хотел от Ноя, кроме понимания. Он не продавал и не покупал, не притворялся и не плел интриг. Он был самим собой. Первый человек, который не боялся этого и не скрывал.

Они занимались до вечера и просидели бы всю ночь, если бы громкий топот и голоса в прихожей не прервали занятий. Команда Рувима собиралась домой. Каждую минуту кто-то заглядывал попрощаться, потом хлопала дверь, скрипели старые петли. Ной посмотрел на часы. Было половина седьмого вечера. Рувим тоже посмотрел на часы и потер крючковатый нос.

— Быстро летит время, — сказал он. — Особенно, когда его мало. Работа наполняет жизнь, а праздность карается мучительным ожиданием. Так любил говорить мой наставник. Это было очень-очень давно.

- Хорошо говорил, — согласился Ной.
- Вы не устали? Вам подходит такой темп?
- Мы договорились, что мне можно говорить «ты».
- Действительно? Совершенно вылетело из головы!

Ной улыбнулся. Рувим отличался крайней степенью забывчивости. Он все время забывал, как зовут нового ученика, после обеда вошел не в ту комнату, а, когда они нашли нужную, обнаружил, что оставил свой ключ в столовой. При этом память, профессиональная память Рувима, была потрясающей. Он знал и помнил бесконечное множество вещей, он учил Ноя «из головы», заглядывая в книги только для того, чтобы продемонстрировать рисунок или схему. И при этом забывал о самых простых вещах.

- Я не устал, — сказал Ной. — Мне было интересно.
- Это хорошо, но во всем нужна мера. Сейчас я подберу вам кое-какую литературу.

Рувим повернулся к полкам над столом и принялся водить пальцем по книжным корешкам.

— Способность думать у всех людей разная. Кто-то устает быстро, кто-то может работать сутками. Но предел, свой предел, есть у каждого человека. Не каждый знает его, многие его просто не достигают. Ага, вот!

Он положил перед Ноем книгу и снова отвернулся.

— Когда предел достигнут, обязательно нужно остановиться. Работа через «не могу» бессмысленна и бесполезна. Человек думающий должен не только уметь сосредоточиться, но и уметь переключить сознание. Он должен научиться отдыхать. Вы ничего не оставили здесь? Вот ваши книги. А теперь идемте одеваться.

Они прошли в прихожую. На крючках оставалось только два пальто.

— Чтение, — сказал Рувим. — Оно очень хорошо переключает сознание. Вы любите читать?

— Наверное, да, — ответил Ной. — Хотя читаю мало. У нас мало книг.

— Сходите в библиотеку. Там есть прекрасные авторы: Толстой, Кизи, Бомарше, Шекспир. Даже эти имена звучат, как музыка. А названия? «Колыбель для кошки», или, скажем, «Над пропастью во ржи», «Повелитель мух». Вы не читали «Повелителя мух»?

— Нет. Звучит зловеще.

— Почитайте — очень поучительная история. Только покажите свой пропуск отсюда, иначе не дадут.

Они вышли в коридор.

— Они не дают книги без пропуска? — спросил Ной.

— Дают. Но не все.

Рувим рассеянно хлопал себя по карманам.

— Ключи. Ты не знаешь, куда я дел ключи?

Пока Ной шел к дому Лайлы, эйфория, вызванная общением с Рувимом, постепенно сменилась грустью. Он остро ощутил бесполезность новых знаний в мире, который вот-вот готов был полететь в тартарары. Булева алгебра не поможет добраться до нужной информации, а именно это сейчас важнее всего. Ной решил уже следующим вечером пойти к Андрею, адрес которого дал Караско, и приступить к ускоренному курсу обучения.

Дверь открыл Гамов.

— Храни вас Бог, — сказал Ной. — А Лайла дома?

— Храни тебя Бог, Ной. Она еще не вернулась. Проходи.

Ной вошел в прихожую и стал раздеваться.

— Руфь с Варварой ушли за покупками. Придется нам коротать время вдвоем. Думаю, у нас с тобой есть о чем поговорить.

Они прошли в кабинет Гамова и устроились в креслах. Ной поймал себя на мысли, что чувствует вину перед ним. Иррациональное чувство, но он никак не мог от него отделаться.

Минут десять сидели молча.

— Руфь рассказала мне, — голос Гамова нарушил тягучую тишину. — Про тебя и Лайлу.

Он произнес это спокойным, почти ленивым тоном, глядя куда-то поверх головы Ноя.

— Вы нас не одобряете? — спросил Ной.

— Нет. Совсем нет. Я рад за вас обоих. Взаимное чувство, это самое прекрасное, что может произойти с человеком. Ты становишься на ноги, тебя ждет прекрасное будущее. Я верю, что ты хочешь и сможешь дать моей дочери не только свою любовь, но и нечто большее. Основу. Опору.

— Спасибо.

— Не благодари. Это не все, что я хочу сказать.

Он перевел взгляд на Ноя и нахмурился.

— Я считаю, что вы торопитесь. Вы слишком мало знаете друг друга. Я даже думаю, что не знаете вообще.

— Почему? Мы знаем.

— Нет. Многие, очень многие из тех, что живут бок о бок годы, так и остаются малознакомыми людьми. А что говорить о вас? Вот ты знаешь, какие у Лайлы интересы? Что ее волнует? Что для нее по-настоящему важно? Какие у нее привычки?

Ной смутился.

— Пока мы врозь, очень трудно узнать такие вещи.

— Пока вы не связаны клятвой, у вас есть возможность отступить. Потом ее не будет. Потом вы обнаружите, что привычки ваши не совпадают. Поймете, что свобода одного уязвляет свободу другого. Вам придется менять себя. А это трудно, Ной. Это вполне определенная жертва. Ты готов жертвовать?

— Я люблю Лайлу. Я на многое готов для нее.

— Верю. Именно поэтому и не буду возражать против вашего союза. Твоя любовь, это еще только зародыш того чувства, которое поведет вас по жизни. Тебе, и Лайле тоже — вам обоим, придется взрастить его, сделать глубже. Каждый день искать для него новый повод, и находить — иначе нельзя. Я хочу, чтобы ты понял сейчас: любовь, это не просто восторг и увлечение, это работа. Ежедневная работа души.

— Я понял, — сказал Ной.

Гамов посмотрел на него грустно и недоверчиво, но ничего не сказал. Ной и сам не верил в свои слова. Они звучали, как отговорка. Было что-то неправильное, гротескное в этом разговоре о любви и будущем в преддверии Ада, который готов был разверзнуться под ногами. Вести такой разговор казалось Ную нечестным и лицемерным.

Он увезет Лайлу. Увезет ее родителей. Он спасет их, и этот поступок явится оправданием растущей лжи, которую он вынужден громоздить, пачкая нечистотами свою душу. Ложь во спасение. Как бы ему хотелось рассказать сейчас Гамову о своих планах! О том, что он собирается сделать и вытерпеть, ради спасения его дочери, его жены, его самого. На какие жертвы готов пойти ради этого. Рассказать ему все, чтобы он понял, чтобы отбросил все сомнения. Чтобы сказал: «Ты благородный человек, Ной. Я горжусь тем, что ты любишь мою дочь!». Чтобы не смотрел на него, как на подростка-пустозвона; малыша, который неумело притворяется взрослым.

Нельзя. Нельзя говорить правду. Только пустые, общие, бессмысленные слова. Можно быть Ноем-пародией, Ноем-ребенком, пустышкой.

Пусть будут прокляты эти секреты!

— Я слышал, что в экспедиции вы наткнулись на какое-то племя, — сказал Гамов, меняя тему разговора.

— Племя?

— Группу людей, обладающую чем-то общим: образом жизни, верой, языком. Насколько я помню определение.

— Я понял. Вы имеете в виду Пастушат?

— Не знаю названия, но, видимо, именно их я и имею в виду.

— Да. Встретили.

— И какими они вам показались?

— Жестокие, хитры, примитивные. Они выследили нас и едва не убили.

— Пустая Земля и не могла породить других. Что еще может вызвать в пустоте? Ты говоришь, они примитивные?

— Да. Совсем дикие. Почти разучились говорить.

— Можешь привести пример их речи?

Ной задумался. В памяти всплыла самая первая фраза, которую он услышал от Пастушат в Вольном.

— Я помню, как нас приветствовал их главный перед тем, как они напали. Он сказал: «На снегу люди-люди братья».

Гамов откинулся в кресле, сложив перед собой ладони в пирамидку и уперев их в переносицу.

— В этой фразе есть глубина, — сказал он. — Большой смысл в малой форме. Они кочевники?

— Вроде, да. А как вы узнали?

— Начало фразы: «На снегу...». Эти слова указывают на среду обитания. Как, например: «в городе все люди братья». Они не говорят о конкретном месте, они используют символическое обозначение. Открытое пространство, везде, где лежит снег. Ни лес, ни город.

— Может быть.

— Интересно и повторение — «люди-люди». Вы еще сталкивались с подобным?

— Я не слышал. С нами они мало разговаривали. К ним ходил наш главный.

— Одного слова «люди» им показалось недостаточно. Они используют повторение, чтобы отличить общее понятие от частного. Видимо, это повторение нужно понимать, как «все люди» — «люди вообще». Не удивлюсь, если они не употребляют числительные.

— Я и говорю — они примитивные.

— Язык определяется образом жизни, приспосабливается к нему, как животное приспосабливается к среде обитания. По тому, какие изменения происходят в нем, можно судить о развитии или, наоборот, деградации его носителей. В случае Пастушат, скорее всего, второй вариант. Язык упрощается. Из него уходят детали, уходит конкретика. Конец этой дороги — волчий вой.

— Кстати, они очень хорошо им подражают. Волкам.

Они помолчали. Ной подумал о том, как по разному люди ведут себя в неудобных ситуациях: кто-то замыкается и не говорит ни слова, кто-то, наоборот, трещит без умолку и смысла, сам он почти всегда погружается в бесполезные самокопания, а Гамов — начинает излагать свои идеи. Видимо, дело еще в том, что у него нет других слушателей, кроме Ноя. Никому не интересно, что он там думает о развитии языка или преподавании истории в Городе. Невысказанные слова копятся, а потом, в минуты душевного напряжения, когда контроль над ними ослабевает, они выплескиваются. Ни к селу, ни к городу.

Ной не любил пауз в разговоре, напряженных и беспомощных пауз, когда двое, сидя друг напротив друга, старательно смотрят в разные стороны и выглядят, как дураки. Он поискал вокруг глазами, и взгляд его коснулся книжных полок на стене.

— В городской библиотеке есть книга «Повелитель мух»? — спросил Ной.

Гамов оживился, перестал рассматривать свои ногти и подался вперед.

— Есть. Ты ее читал?

— Нет, но хотел бы. Мне хвалил эту книгу наставник из Лаборатории.

— Хм... Неожиданно.

Ной рассказал Гамову про блаженного Рувима, бескорыстного ученого и теоретика правильного отдыха. Выслушав его рассказ, Гамов кивнул и снова сложил руки пирамидкой. Ной откинулся в кресле и приготовился слушать.

— Удивительное дело, — начал Гамов. — За всю историю существования Города в нем не было написано ни одной художественной книги. Только справочники, руководства, учебники — то, что нужно для дела.

— Не до того было, — предположил Ной. — В Городе слишком много дел и слишком мало времени.

— Нет. Не в этом причина. Всегда было много дел, но люди писали. Произошло какое-то качественное изменение в нас. Я думаю, это ощущение будущего. Оно умерло. Мы все живем настоящим моментом, планируем только насущные дела. Мы не заглядываем вперед, это нам даже не приходит в голову. А любая настоящая книга направлена в будущее. Каждая из них заглядывает немного дальше, а все вместе они создают эволюцию человеческой культуры. Вся художественная литература, какая есть в Городе, написана еще до Армагеддона. Это книги, написанные мертвецами. А какое дело мертвецу до нас? До нашей жизни, до нашей цели, какая бы она не была? Будущее, жившее в их книгах, давно умерло. Его там нет. Я глубоко убежден в том, что лишь тогда, когда у Города появится будущее, что-то там — вдалеке, какая-то цель, тогда появится и новая литература.

— А я думаю, что все гораздо проще, — сказал Ной. Эти слова прозвучали неожиданно даже для него самого. Он не планировал вступать в спор с Гамовым. — Думаю, что нас просто слишком мало. Нужно какое-то минимальное количество людей, чтобы среди них родился писатель.

Гамов удивленно вскинул брови и открыл рот, но сказать ничего не успел. В прихожей скрипнула дверь, и слышались шаги.

— Я дома! — крикнула Лайла.

Гамов закрыл рот и встал. Ной последовал его примеру.

— Ной! — воскликнула Лайла. — Как хорошо, что ты пришел! Ты давно ждешь?

— Нет. Не очень.

Лайла сняла шубу, подпархнула к отцу и поцеловала его в щеку.

— Я смотрю, вы говорили о чем-то важном, — сказала она, заметив выражение на лице Гамова.

— Да.

— И что ты скажешь, папа? Ты дашь нам свое родительское благословение?

Лайла вдруг сразу посерьезнела и напряглась. Отец не улыбался, он выглядел задумчивым и даже грустным. Он молчал несколько долгих секунд, потом вдруг встрепенулся и собрался, глубокая полоса, пересекавшая его лоб снизу вверх, разгладилась.

— Да. Я дам вам свое благословение. Только предупредите заранее, когда оно понадобится.

Лайла расслабилась и заулыбалась.

— Спасибо, папа! Оно нужно сейчас. Мне.

Она стянула ботинки и взяла Ноя за руку.

— А сейчас я похищаю этого молодого человека. Нам нужно кое-что обсудить.

— Давайте.

Лайла увела Ноя к себе, а Гамов остался в прихожей. Он простоял там несколько минут, не двигаясь и ничего не говоря. Потом выключил свет и вернулся в кабинет.

— Как дела с Лабораторией? — спросила Лайла, по-кошачьи вытянувшись на диване. — Рассказывай все в подробностях.

Ной уселся рядом и принялся рассказывать. Он говорил не без лицемерной гордости, ему нравилось соответствовать ожиданием Лайлы. Это давало чувство собственной значимости, пусть и возвращенное на пустом месте — слишком легко и без усилий давалось ему то, за что другие должны были бороться.

— Он заботится о тебе, как о сыне, — заметила Лайла. — У Декера есть дети?

— Да. И как раз сын. Примерно одного со мной возраста.

— Это странно. Чем он занимается?

Ной брезгливо пожал плечами.

— Ничем. Прожигает жизнь.

— Может быть, папа хочет, чтобы перед его глазами появился пример — ты? Хочет вызвать ревность, чтобы направить сына на путь истинный?

— Вряд ли. Симон Декер чихать хотел на примеры.

— Люди меняются, тем более, когда чувствуют опасность потерять то, что считали своим по праву.

— Симон ничего не теряет. Адам Декер не предложил мне ничего особенного.

— Он демонстрирует свое благоволение к тебе. Одно это уже дорогого стоит. Но меня беспокоит то, что у вас с Симоном могут сложиться натянутые отношения.

— Они итак натянутые.

— Это беспредметно. А теперь появится повод.

Лайла немного помолчала, рассеянно водя рукой по гладкому покатому бедру, обтянутому тонкой тканью брюк.

— Хотя, я могу и ошибаться. Посмотрим, как все сложится. Продолжай, я тебя перебила.

Ной рассказал ей о машине. Эта новость привела Лайлу в восторг.

— Я сама научу тебя управлять ей! — заявила она. — О, я уже предвкушаю!

Свой отчет Ной завершил описанием группы умных машин и Рувима. Эту часть Лайла слушала рассеянно. Видно было, что мысли ее занимает что-то другое. Когда Ной замолчал, она сказала:

— Ты должен воспользоваться предложением Декера. Он не случайно предложил тебе помощь.

— Догадываюсь. А нам что-то нужно?

— Конечно нужно! Во-первых, мы должны сменить исповедальную группу. Я узнала, что есть группа, в которую входят молодые люди из Квартала. Там много народа, но для нас найдут место, если попросит Адам Декер.

— Зачем? — удивился Ной. — Ты даже не представляешь, какой там бардак!

— В этом, как ты говоришь, бардаке нам предстоит жить! — строго сказала Лайла. — Этот бардак дает много возможностей. И еще — тебе нужно ходить на собрания. Обязательно регулярно ходить! Это создаст хороший образ. Твоя звезда восходит, тебе нужно следовать ей.

Ной нахмурился. Он не хотел следовать никакой звезде. Мир, в который его неумолимо засасывали обстоятельства, не был его миром. Он не хотел становиться его частью, особенно остро он ощущал это сейчас, в преддверии катастрофы. Он уговаривал себя терпеть, терпеть ради Лайлы, но неистребимое чувство гадливости точило его, словно ржавчина.

«Это жертва», — вспомнил он слова Гамова. Любящий, должен жертвовать.

И он пообещал Лайле поговорить с Декером. Пообещал рассказать ему о планах смены исповедальной группы, о неработающем телефоне и обо всем, что нужно.

Лайла улыбалась. Лайла цвела. Она говорила, что Ной меняется прямо на глазах, что в нем появляется чувство ответственности за них, что ей это нравится. Она прижалась своей теплой головой к его холодному боку.

Вернулась Руфь. И снова повторился спектакль с наставлениями молодых, обещаниями, сомнениями и уверениями, взглядами в будущее и финальным царственным одобрением. Руфь пригласила Ноя с матерью в гости на знакомство, а потом повелела остаться на ужин, после которого Лайла с удовольствием подвезет его до дома.

Пару часов спустя, сидя рядом с ней в машине и глядя на черную бархатную мглу за стеклами, он думал о предстоящем разговоре с Декером. Какими бы ни были мотивы его благосклонности, всему существовал предел. Ноем казалось, что просьбы, с которыми он должен к нему пойти — перебор. Придется просить, настаивать на том, что Ной, на самом деле, считал мелким и ненужным. Придется изображать искренность, и снова врать, отстаивать чужие интересы, используя слова Лайлы, в которые сам Ной не верил.

Глава 14. Линии на ладонях

Но ничего отстаивать не пришлось. Декер воспринял просьбы Ноя вполне благосклонно и обещал в ближайшее время поговорить с кем нужно насчет телефона и группы.

— Это хорошая мысль. Правильная, — сказал он. — Я устрою вас в одну группу с Симоном. У вас будет шанс восстановить прежнюю дружбу. К сожалению, он появляется там реже, чем следовало бы, но теперь у него появится хороший пример. Может быть, это на него воздействует.

Не встретив сопротивления своим просьбам, Ной осмелел.

— У меня есть еще одна просьба, — сказал он. — Маленькая просьба, но для меня это очень важно.

— Говори смелее, молодой человек. Не стесняйся. Я рад тебе помочь.

— Это касается... — Ной смущенно умолк, сообразив, что не знает, как зовут Мамочку по-настоящему. Называть ее прозвище казалось плохим началом разговора. — Это касается одной девушки. Она работала... работает в оперативной группе Поиска. Нельзя ли устроить ее в Лабораторию. Подойдет любая работа!

Декер нахмурился.

— Мой мальчик, тебе не кажется, что это совсем ни к чему? Зачем тебе это? Что за блажь? У тебя есть невеста. Тебя ожидает карьера в Лабораториях. Я обещал беречь тебя от глупых ошибок, поэтому говорю — ты делаешь ошибку, хлопоча об этой... Как ее зовут?

Ной покраснел и сжал пальцы.

— Я не знаю ее имени. В отделе только прозвища, и...

Он умолк. Декер покачал головой.

— Да... Знаешь почему оперативники используют прозвища?

— Наверное, это какая-то традиция?

— Традиция! Традиция не ставить святые имена в отчеты об их богомерзкой деятельности! Раньше мы их терпели, от них была польза. Но теперь оперативный отдел — бельмо на глазу Города! Все знают об этом, но, тем не менее, туда приходят и устраиваются на работу. Добровольно. Понятно, какие люди идут туда. Ной, тебе не нужно иметь с ними никаких контактов!

— Она не такая, — возразил Ной, напрягшись. — Она ждет ребенка. Она хочет покончить с прошлым. Ей нужно помочь! Это гуманно!

— Тем более, Ной. Не лезь в чужую семью! У ребенка есть отец — он должен заботиться о нем и его матери. Ты же должен думать о своей собственной будущей семье. Ной, ты должен решить для себя раз и навсегда, что тебе нужно, а не метаться от одного дома к другому. Это мерзкое дело.

«Он прав, — мелькнуло у Ноя в голове. — Как это не называй, он прав». Но отступить было нельзя. Предать Мамочку, нарушить обещание, данное ей, это было еще более мерзко.

— Я не лезу в чужую семью, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — У этого ребенка нет отца. Мамочка одна.

Мамочка — это слово, будто маленький бес, само сорвалось с языка и встало между Ноем и Декером глухой стеной.

— Этой непутевой Мамочке следует обратиться в отдел пособий. Город, как это не прискорбно, вынужден поддерживать таких, как она. Слишком мало здоровых детей рожают честные женщины. Пусть она напишет заявку, ей не откажут.

— Я вас очень прошу, — сказал Ной смиренно. — Я больше ничем не буду вас беспокоить. Пожалуйста! Это очень важно для меня!

— Знаешь, как это называется, Ной? Благодеяние за чужой счет. Не привыкай к этому. К сожалению, ты очень неумно начинаешь свою карьеру. Наверное, я ошибался, посчитав тебя взрослым человеком — слишком много ерунды у тебя в голове. Ты еще не умеешь отличать то, что важно, от блажи. Ты не умеешь сосредоточиться на главном. Я хочу, чтобы ты очень хорошо подумал над этим. Я выполню твою просьбу, хотя и понимаю, что это не пойдет тебе на пользу. То, что дается слишком легко, развращает нас. Человек должен бороться, Ной. И я предоставлю тебе такую возможность.

— Спасибо! Я обещаю — больше никаких просьб!

— Да. Пусть эта женщина подойдет к моему секретарю. Я распоряжусь, чтобы ее пропустили. И — узнай ее имя. На проходной ее внесут в список. А теперь, иди и работай.

Вечером, направляясь по адресу, который дал Караско в день памятного разговора в больнице, Ной мысленно снова вернулся к разговору с Декером.

Тот был прав. «Я пытаюсь сидеть сразу на двух стульях. Лайла, Мамочка — легче перекусить стальную проволоку зубами, чем разобраться в себе. Кого я люблю? Лайлу?».

Ной посмотрел на хмурое темно-серое небо и покачал головой. На лоб ему упала снежинка. Нет, он ее не любит. Лайла — то самое, что пришло к нему в руки без борьбы и усилий. Он просто взял то, что ему предложили. Почему он не отказался? Не хотел обижать? Да. Не видел оснований отказываться? Тоже верно. Она очень красивая, умная. Она может быть душевной. Она из тех девушек, на которых женятся. Это так плохо, строить жизнь с человеком, которого не любишь? Наверное, да. Но ведь он может полюбить ее. Потом. Так бывает. Он слышал об этом много раз. И тогда все встанет на свои места. Отказываясь от Лайлы, он отказывает и ей и себе в возможном счастье. Честно это? Нет, не честно.

«Я люблю Мамочку?».

Этот вопрос оказался гораздо сложнее предыдущего. Ной настолько погрузился в себя, что прошел мимо нужной улицы, и пришлось возвращаться к перекрестку, чтобы повернуть туда, куда надо.

Мамочка вызывала сложные чувства, которые никак не удавалось сформулировать. Все, чего Ной смог от себя добиться, заключалось в одной фразе: ему нравилось быть с ней. Просто быть. Находиться рядом. Разговаривать. Смеяться. Но быть с ней, к сожалению, невозможно. Вот если бы не ребенок! Если бы не эта грязная история в ее прошлом, подробностей которой он — слава Богу! — не знал, но мог представить. Невозможно. Немыслимо быть с ней. Отвратительная иногда штука — жизнь.

Ной поежился и сунул руки поглубже в карманы. Тяжело вздохнул.

Перепутанный клубок, в который злая судьба связала линии на ладонях, теперь затягивался еще туже, когда над всеми ними нависла угроза катастрофы. И Лайла, и Мамочка — обе были дороги Ною. По-разному, но это не имело значения. Он не мог их бросить. Просто не мог, и все.

«А кто из них любит меня? И любит ли вообще?»

Ной мотнул головой, прогоняя эту мысль. Потом, когда все закончится, когда они покинут это место и найдут Большой Город, когда необходимость спасти их жизни останется в прошлом, он покончит с этой дурной двойственностью.

Ной остановился и, глядя на полуразрушенный лабаз впереди, дал себе мысленную клятву.

«Я распутаю этот узел. Я поступлю честно с ними и с самим собой. Клянусь, я это сделаю!».

На душе стало легче, и Ной зашагал быстрее.

Он уходил все дальше от центра Города. Улицы и дома постепенно становились грязнее, вокруг царило унылое запустение. Люди, которые попадались на пути, казались сонными и заторможенными. Проходя мимо, Ной чувствовал их долгие взгляды в спину и невольно ускорял шаг.

Дом Андрея, пятиэтажное здание с почерневшими стенами и гнилыми дверями, производил отталкивающее впечатление. Трудно было представить, что специалист по умным машинам живет в такой дыре. Ной отворил скрипучую дверь подъезда и вошел в затхлую сырую темноту. Нужная квартира располагалась на первом этаже. Звонка при ней не оказалось, пришлось стучать.

Довольно долго было тихо, потом под дверью появилась тусклая полоска света, и хриплый голос спросил:

— Кто?

— Меня зовут Ной. Этот адрес дал мне Самсон Караско.

— Сейчас.

Что-то зазвенело, потом раздался глухой стук, и дверь открылась. С порога на Ноя смотрел высокий худой человек в мешковатом свитере и теплых штанах; длинный шарф закрывал нижнюю половину его лица, во все стороны торчали длинные спутанные волосы. Человек молча оглядел гостя, посторонился и жестом предложил войти.

Прихожая оказалась немногим уютнее сырого подъезда. С потолка на тонком проводе свисала лампа, кое-как разбавлявшая холодный мрак. Ной увидел голые стены, грязный пол и вешалку с какой-то рухлядью. Андрей закрыл дверь, запер ее на замок и положил засов, устроив его в железных скобах.

— Ты... — начал он и вдруг хрипло закашлялся.

Ной испуганно отшатнулся. Кашель сотрясал худую изогнутую фигуру, словно удары невидимого врага. Андрей корчился, прижимая руки к лицу, и отступал назад, пока не уперся спиной в стену. Приступ длился несколько минут, а потом стало тихо. Андрей постоял, обхватив шею двумя руками и бессмысленно глядя на дверь, потом повел плечами, опустил руки и повернулся к Ною.

— Кашель, — объяснил он. — Аж наизнанку выворачивает.

Андрей еще немного помолчал, словно собираясь с силами, и добавил:

— Идем на кухню. Там тепло.

В маленькой жестяной печке плясал и щелкал огонь, освещая желтыми всполохами такие же голые стены, как и в прихожей. Андрей подкинул в печку несколько палок и сел на табурет, возле окна.

— Устраивайся, — сказал он Ною, придвигая ему стул с покрытыми ржавчиной ногами. — Выглядит он не важно, но тебя выдержит.

В темном углу раздался громкий шорох. Андрей быстро нагнулся, вынул из-под табурета осколок кирпича и бросил в направлении звука. Глухо стукнуло и опять стало тихо.

— Крысы? — спросил Ной, садясь.

— Они самые, чтоб их черти съели!

— И много их тут?

— Порядочно. Раньше от них совсем спасу не было. Бывает спишь, а они на тебе — елозят по одеялу. Что за мерзкие твари! Провода жрут, гаденыши. Теперь их, правда, поменьше стало. Не знаю уж почему. Ну и слава Богу!

Ной смотрел на этого Андрея и никак не мог определить его возраст. Голос хриплый и безликий, так мог хрипеть и старик и молодой, если сильно простужен. Фигура его, высокая, нескладная и гнутая, тоже не имела возраста, а лицо скрывал шарф. Глаза, вроде яркие и живые, а двигается с трудом. Рук, этих зеркал жизни, было не разглядеть под тонкими перчатками со срезанными пальцами. Выглядывали только желтые ногти.

— Самсон говорил мне про тебя, — сказал Андрей, медленно потирая ладони. — Ну что? Удалось тебе попасть к умным машинам?

— Да. Но трудность в том, что я не имею представления с чего начать. Мой наставник, я думаю, он хороший специалист, но...

Ной рассказал про Рувима и его методу обучения. Андрей кивал и ерзал на табурете.

— Дальше можешь не рассказывать, — прервал он Ноя. — Знаю я Рувима. И его слабость к бесполезной зауми знаю. Только вот вся эта высокая наука ни к чему. Ничего нового с умными машинами им не придумать. Да и толку нет, придумывать. С ними нужно всего лишь научиться обращаться. Знать, как пользоваться тем, что уже есть.

— Вы с ним работали? — спросил Ной.

— Работал. Сто лет назад. Да не сложилась моя работа. Но это все дела прошлые. Нам сейчас важно вот что — есть ли у тебя доступ к машине? К своей?

— Есть.

— Значит, полдела сделано.

Они помолчали. Андрей задумался, каким-то отстраненным и одновременно неистовым движением скребя волосатую голову. Неприятный это, все-таки, был человек. Он сам напоминал большую грязную крысу.

— Караско сказал, что я смогу найти его здесь по вечерам, — прервал молчание Ной. — Мне поговорить с ним нужно.

— Да, он заходит. Вот только в последние дни его не видно. Там у них что-то затевается. С отделом его. Сам точно не знаю, но какая-то катавасия.

— У вас есть его телефон?

Андрей посмотрел на Ноя и скрипуче засмеялся.

— А на что он мне? У меня и аппарата нет. Сюда провода не тянут. Связь есть только по Центру и в Квартале. Ты и впрямь оттуда?

— Откуда?

— Из Квартала.

— Да.

— Дела, — протянул Андрей. — Чудны дела твои, Господи.

— Мне очень нужно поговорить с Караско!

— Что-то важное?

— Да, очень важное!

— Хорошо. Я разыщу его. Не так это и трудно.

— Передайте ему, что я должен увидеть остальных. Всех остальных. Он поймет, о чем я говорю.

— Поймет, — проворчал Андрей. — Чего тут не понять? Ты со мной можешь секретов не устраивать. Я знаю, в какие игры играет Самсон. Я и сам в них увяз. Зайди завтра. Скорее всего, будет для тебя весточка.

Опираясь на подоконник, Андрей тяжело встал.

— Ладно. Время дорого. Пошли, преподам тебе первый урок.

Мать смотрела недовольно и медленно, монотонно, словно заводная, качала головой. Ной клевал носом над тарелкой с ужином. От усталости совсем не хотелось есть.

— У тебя щеки ввалились, — сказала мать. — Встаешь чуть свет, приходишь за полночь, не спишь совсем. Так ты себя в конец загонишь. Неужели нужно так выматываться?

Ной молча кивнул, и она вздохнула.

— Из огня да в полымя попал со своей Лабораторией. Ходишь впотьмах, один да пешком. А времена сейчас беспокойные. Мне вот Алон сегодня рассказал: в Городе человека убили. Забили насмерть. Думали, из бесов кто-то в подвале копошится, а оказалось — рабочий трубу чинил. Плохое время. Скорее бы тебе машину дали.

— На ней еще научиться надо.

— Научишься. Ты способный — научишься. Лайла покажет. Господи, скорее бы вы поженились. Заживете здесь вместе. Жалко, отец твой не дожил...

Она принялась утирать глаза передником. Ной положил ложку и посмотрел на мать.

— Ты не думай о плохом. У нас все хорошо. В гости пойдем, с родителями Лайлы познакомишься. Отвлечешься. Ты так давно в гостях не бывала.

Мать кивнула.

— Одежду надо перебрать. Уж и не знаю, есть ли что поприличнее. Неудобно будет замарашкой идти.

— Мы купим все, что надо. С моим пропуском нам в долг продадут.

Мать снова всхлипнула. Ной встал из-за стола, обнял ее и поцеловал в мокрую щеку.

На следующий день Ной отпросился у Рувима пораньше, сославшись на семейные дела. Старик отпустил его неохотно, видно было, что общение с Ноем доставляет ему удовольствие, но возражать не стал. Выйдя из Лаборатории, Ной сразу же направился к Андрею.

Тот был не один. В темной холодной квартире специалиста по умным машинам Ноя поджидал Караско. На нем был стандартный комбинезон оперативника, который, на памяти Ноя, он никогда не носил. Выглядел Караско уставшим и недовольным. Они устроились на кухне, за принесенным из комнаты столом, и Караско сразу же перешел к делу.

— Ты что-нибудь нашел? — спросил он.

— Нет.

— Жаль-жаль. А что тогда?

— Мне нужно увидеть всех, кто с нами в этом деле, — твердо заявил Ной. — Я хочу кое-что обсудить.

— А чем я тебе не гожусь? — спросил Караско. — Обсуждай со мной, я слушаю.

— Мне нужны все, — упрямо повторил Ной.

— Скажи хоть, что у тебя за дело. Всех не так то легко собрать. Они люди занятые.

— Сейчас я не хочу об этом говорить.

— Ну что-то я им должен сказать! Ной, это не игры. Там серьезные люди.

— Скажите, что я хочу поговорить с ними по очень важному делу.

— Вот ты заладил одно и то же.

Караско раздраженно забарабанил пальцами по столу.

— Да собери ты их, — просипел молчавший до поры Андрей. — Важные они — мы все тут важные. Парень хочет взглянуть на членов нашего клуба, так пусть смотрит. Нам так и так собраться надо.

Караско метнул на него гневный взгляд.

— Ладно. Посмотрим. У тебя телефон есть?

Ной пожал плечами.

— Честно говоря, я даже не знаю. Декер обещал похлопотать, чтобы его опять включили, но я еще не проверял.

— Давай свой номер. Когда что-то прояснится, я тебе позвоню. Ты когда дома появляешься?

— Лучше звонить утром, — сказал Ной. — Вечерами я поздно возвращаюсь. Да и маму беспокоить не стоит.

— Да уж, маму лучше не беспокоить. Пиши номер.

Ной порылся в карманах, но нашел только карандаш. Андрей сходил в комнату, где стояли собранные им лично две умные машины, и вернулся с клочком бумаги. Ной написал номер.

— Это все? — спросил Караско, пряча бумагу в карман.

— Есть еще кое-что. Мне нужно знать адрес Мамочки.

— Зачем?

— Декер обещал дать ей место в Лаборатории.

— Вот как?

Караско откинулся на стуле и посмотрел на Ноя с легкой усмешкой.

— А твоя невеста? Лайла, кажется? Она в курсе твоих хлопот?

— Вы и это знаете?

— Знаем. Ты не подумай, что мы за тобой следим, но нам надо учитывать любые возможные осложнения.

— Никаких осложнений не будет. Я просто хочу ей помочь, вот и все.

— Ладно-ладно, верю, что ты в это веришь.

Караско на минуту замолчал, что-то обдумывая. Ной ждал.

— Хорошо, запоминай адрес.

Мамочка сама открыла дверь. На ней было темно-коричневое домашнее платье, под которым уже проступал контур живота. Волосы она собрала в хвост, отчего лицо ее, выразительное и живое, выглядело почти детским, как у девчонки. От нее пахло краской.

— Кто там пришел? — раздался из глубины квартирки старческий голос.

— Это ко мне, мама! — крикнула Мамочка. — Ной! С работы!

За ее спиной возник скрюченный силуэт с палкой. Старуха подобралась ближе к двери, остановилась, внимательно разглядывая гостя, а потом, ничего не сказав, заковыляла обратно к себе, ворча что-то под нос.

— Не ожидала, что ты придешь, — сказала Мамочка. — Проходи. Ты голодный?

— Нет.

Ной вошел и стал раздеваться. Ему вдруг пришло в голову, что стоило бы захватить что-нибудь с собой. Какие-нибудь продукты. Это было бы правильно. «Ну ничего, скоро она ни в чем не будет нуждаться», — подумал он.

Они прошли к ней в комнату.

Насколько Ной мог припомнить, здесь ничего не изменилось. Только альбом с кровати исчез, а напротив окна, повернутый в сторону улицы, стоял мольберт, и лежали на комоде плошки с краской.

— Ты рисуешь? — спросил Ной.

— Да. Так. Надо же чем-то заниматься. В Поиске теперь сплошные перемены, и я пока не у дел.

— Что за перемены? Тебя уволили?

— Нет. Еще нет. Просто теперь оперативный отдел занимается обустройством каких-то баз вокруг Города. Караско, Танк и Колотун целыми днями там, а я вот сижу и жду. Караско говорит, как только оборудуют первую базу, найдут там дело и мне. А у тебя как?

Опуская подробности, Ной рассказал ей, как устроился в Лаборатории. Рассказал о Декере, о машине и едва удержался, чтобы не упомянуть о новой исповедальной группе. Тут он осекся и замолчал. Он чувствовал себя добрым вестником, и совсем не хотел

расстраивать Мамочку рассказом о Лайле и предстоящей помолвке. Почему-то он был уверен, что она расстроится.

— Как здорово! — оживилась она. — Я так рада за тебя! Эти новости нужно отпраздновать!

Она встала с кровати, на которой они с Ноем устроились, и хотела выйти из комнаты, но он удержал ее, поймав за руку чуть выше локтя.

— Подожди, это еще не все. Есть новости и для тебя.

Она села. Ной опустил перед ней не короточки и взял ее ладонь. Мамочка не попыталась высвободиться. Она смотрела ему в лицо и улыбалась.

— Я договорился о месте для тебя, — сказал Ной. — Ты будешь работать в Лаборатории. Декер мне обещал.

— Боже мой! Ной, спасибо! Спасибо тебе огромное! Ты это сделал, не могу поверить!

— Я обещал.

— О, если бы хотя бы половина обещаний в моей жизни исполнялись, я была бы совсем в другом положении!

Она обняла его голову и прижала к себе.

— Ты такой хороший, Ной. Такой хороший.

Сердце у Ноя заколотилось, все слова разом выпорхнули у него из головы, он словно сделался пустым, а потом стал наполняться ей — ее теплом, запахом ее тела.

Она отпустила его, и он сел на полу. Мамочка улыбалась. Ной улыбнулся в ответ.

— Я хочу знать твое имя. Настоящее, — сказал он.

— Зачем?

— Нужно записать тебя в список. Иначе не пустят.

— Имя, — повторила Мамочка. — Знаешь, меня по имени зовет только мама, но она... Она теперь часто путает. Я от него отвыкла, даже не знаю, отзовусь ли, если услышу... Меня зовут Мария. Мария Звягинцева.

— Мария, — сказал Ной. — Привет, Мария.

— Привет, Ной!

Она помолчала минуту.

— Ты принес мне такие новости, я просто должна тебя чем-то отблагодарить.

— Ничего не надо. Я просто хочу, чтобы тебе было хорошо.

— Мне хорошо! Правда — очень хорошо! Знаешь что? Давай я тебе погадаю, а?

Ной нахмурился.

— Ты умеешь гадать? Я не знал...

— Да не бойся, глупенький! Ничего в этом плохого нет! Попы зря пугают. Это, как игра. Ничего особенного. Дай руку!

Ной повиновался. Мамочка повернула его ладонь к свету и, хмуря лоб, стала рассматривать, водя по линиям тонким пальцем. Смотрела она долго, улыбка на ее лице медленно таяла.

— Что? Что-то не так? — спросил Ной.

— Странно как-то. Несуразица какая-то.

— Что там?

— Там... Только ты не относись к этому серьезно, ладно? Это просто игра.

— Хорошо. Не переживай, я не впечатлительный.

— Ну да.

Мамочка снова посмотрела на его ладонь.

— У тебя странная линия жизни. Вот смотри — сначала она идет ровно, а потом — тут, тут и вот тут — прерывается и поворачивает в сторону. В твоей жизни произойдет три поворота, каждый из которых поставит тебя перед смертью. Ты преодолеешь их, но они изменят твою жизнь.

— А после поворотов?

— Дальше все ровно до тех пор, пока линия жизни не исчезает, сливаясь с линией судьбы. Это здесь.

— Что это значит?

— Не знаю, я никогда раньше такого не видела. Зато — вот! — у тебя будет ребенок! И большая любовь!

Мамочка озорно улыбнулась.

— Скоро. Очень скоро!

Ной подумал о Лайле и тут же отмел эту мысль. Любовь к ней нельзя было назвать большой. Он недоверчиво хмыкнул.

— Линии жизни и судьбы пересекутся, когда ты будешь очень далеко от дома, — продолжала Мамочка. — Тебе предстоит дорога. Вот она. И еще — ты будешь... капитаном.

Она подняла на Ноя удивленные глаза.

— Капитаном корабля.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, а потом прыснули смехом.

— В жизни не слышал ничего более дурацкого! — заявил Ной. — Это надо же — капитан корабля!

— Это ладони у тебя дурацкие! — парировала Мамочка.

Они еще долго смеялись, подтрунивая друг над другом, а потом Мамочка предложила Ною остаться на ужин, чтобы отметить хорошие новости. Он посмотрел на часы.

— Уже поздно. Мне пора. Мама будет беспокоиться.

— Да, конечно, иди. Сейчас даже по Городу стало опасно ходить, люди такие страшные вещи рассказывают. А уж по Дороге и подавно. У вас там спокойно? В Квартале?

— Спокойно.

— Ну и слава Богу!

Ной поднялся и взял ее за руку.

— Приходи завтра к главному зданию Лаборатории. Я внесу твое имя в список на проходной. Поднимешься к секретарю Декера, там тебе скажут, что делать.

— Спасибо, Ной! Ты настоящий друг.

Ее слова напомнили ему про Ушки. Отправляясь к Мамочке, он хотел спросить о нем, но, к своему стыду, совершенно позабыл.

— Как там Ушки? Ты что-нибудь знаешь о нем?

— Знаю.

Она погрузилась. Выпрямилась.

— Он выжил, теперь опасности нет. Правда, ему сделали еще одну ампутацию. Точнее — две, на обеих руках. Теперь Ушки будет калеккой. Я видела его с замотанными культиками... Ной, они такие короткие!

Мамочка опустила голову и беззвучно заплакала, только тряслись худые плечи. Ной опустился рядом и обнял ее.

— Не плач. Он жив. Это самое главное, что он живой. Все остальное можно исправить.

— Правда? — спросила она. — Ты правда так думаешь?

— Да.

Он не выпускал ее, пока не высохли слезы. Они сидели в тишине и слушали, как за стеной ворчит и вскрикивает неразборчиво старая женщина.

Глава 15. Я грешен, отче

Отношения с Симоном Декером не сложились с самого начала. Не пример увидел сын всемогущего начальника Лабораторий в Ное, а соперника. Отчасти в этом был виноват и сам Ной, в котором молчаливое недовольство порядками в Городе все

явственнее сменялось открытым неприятием. Он отдавал себе отчет, насколько это несвоевременно и даже опасно, но изменения в характере, зревшие долгое время и получившие импульс к росту после возвращения из экспедиции, уже не поддавались контролю. Те ценности, что были заложены в нем стараниями матери, школы и общественным мнением: карьера, будущее благополучие, благопристойность — словно износились и стали казаться чем-то мелким, ненастоящим. Ной было трудно оставаться в прежних рамках, он поднялся над ними и мог видеть происходящее со стороны — мышиную возню, где среди обычных серых мышек оказалась наглая, здоровая крыса — Симон Декер.

Они схлестнулись во время первого собрания новой исповедальной группы.

Ничто не предвещало грядущей бури. Батюшка Даниил, высокий, сухой, благообразный старик вел собрание с тем осторожным тактом, который обнаруживают маленькие люди на больших, но номинальных должностях. Он представил новичков, а затем дал им слово. Лайла произнесла свой текст уверенно и ровно, как сделала это на первом, памятном для Ноя собрании. Только теперь в ее стандартную формулу угодил и он сам, в качестве жениха. Ной тоже говорил спокойно, отстраненно, словно читал на другом языке, смысла слов которого никто не понимал. И не стремился понять.

Говоря, он время от времени посматривал на Симона, который, развалясь в кресле, нагло и ничуть не смущаясь, пожирал глазами Лайлу. На Ноя он не обращал ни малейшего внимания. Симон был красив и похож на своего отца, но, унаследовав от него внешность и породу, не взял ни спокойного достоинства, ни сдержанности. Он выступал недвусмысленной иллюстрацией противоборства страстей. Его выдавал взгляд, прямой и вызывающий, нервно поджатые тонкие губы; вся его фигура, его поза говорили об откровенном пренебрежении любыми правилами.

После традиционного приветствия новых членов группы, батюшка спросил, кто желает открыть собрание. Едва он произнес последнюю фразу, Декер подал голос.

— Я скажу!

Никто не возразил. Все сидели молча и смотрели на него. Ной подумал, что они похожи на волчью стаю, в которой Симон был вожаком. В глазах собравшихся не было уважения или страха, скорее любопытство. Любопытство того рода, которое бывает у толпы, предвкушающей драку. Даже не драку — простое избиение. Они ждали развлечений, и Симон готов был их предоставить.

Он посмотрел на Ноя, словно впервые с начала собрания увидел его и, больше не сводя с него глаз, заговорил.

— Я не терплю выскочек. Не терплю людей, которые лезут туда, куда их не звали и мнят о себе Бог знает что. Я не терплю, когда ничтожество, ничего из себя не представляющее, получив поддержку сильного, почему-то считает, что и само становится таким же. Не терплю дураков, уверенных в собственной неуязвимости, считающих, будто имеют на что-то право, будто что-то значат, тогда как, на самом деле, они — быдло.

Он перевел взгляд на батюшку Даниила.

— Я грешен, отче. Мне не хватает смирения.

Ной почувствовал, как вспыхнула кожа на лице. Симон даже не потрудился как следует зауалировать свое неприятие. Он лишь придерживался необходимых рамок исповеди, и не более того. По правилам, то, что говорилось на собрании, должно было иметь форму покаяния, и Симон выдержал ее, балансируя на самой грани, но цель его проступала ясно и к покаянию отношения не имела — он хотел оскорбить. Поставить на место выскочку-оборванца, высказать сразу и предельно точно свое отношение. Неожиданно для себя, раньше ему такое в голову не приходило, Ной почувствовал желание ударить его. Прямо в тонкие кривящиеся губы. Разбить их в кровь. Это был бы самый правильный ответ такому, как Симон Декер.

Его колена тихонько коснулась рука Лайлы. Она уловила порыв и предупреждала — нельзя. Это разозлило его еще больше.

Когда Симон закончил, повисло напряженное молчание. Глаза собравшихся сосредоточились на Ное. Вожак показал свое отношение и указал ему место, теперь новичку предстояло либо смириться и войти в стаю презираемым волчонком, либо вступить в борьбу.

Ной заметил взгляды, которыми обменялись батюшка и царственная Елена, дочь главы городского Совета. Тот словно спрашивал ее о чем-то, и она, помедлив несколько мгновений, легким кивком дала свое согласие.

Батюшка Даниил встал и произнес длинную речь о необходимости усмирять гордыню, о добродетели скромности и о терпимости. Ной слушал эти общие слова, которые, словно змеи между камней, скользили, не касаясь ничего конкретного, и ждал. Когда батюшка закончил и вновь спросил, кто хочет говорить, он поднял руку.

И снова почувствовал предостерегающее касание Лайлы, но стал на него реагировать. Симон хотел определенности в их отношениях — он ее получит. Батюшка кивнул, разрешая ему говорить. Ной встал.

— Я новичок среди вас, поэтому, в самом начале, хочу поблагодарить за теплый прием. Исповедальная группа, это семья, духовная семья — нечто много большее, чем круг друзей. Это готовность выслушать, понять и принять, помочь.

Ной перевел взгляд на Симона. Тот ждал.

— Я слаб. В этом моя беда, — продолжал Ной. — Я ищу и не нахожу в себе смелости помочь тому, кто в беде. Тому, кто ошибается и сворачивает с благого пути на темную тропку. Я вижу человека, который ставит себя выше остальных; человека, которому нет дела до Божьих заповедей; человека, который в пустой гордыне проносится по жизни, словно летит на машине по Дороге, и на все ему наплевать. Появись на его пути прохожий, гордец не остановит свою гонку. Он может убить его, а может и нет, и это зависит не от его воли, его выбора, его веры — а от слепого случая. Я вижу человека, который не способен понять, где проходит грань между добром и злом. Слепого, злобного, никчемного человека. И я не могу заставить себя взять его за руку, сделаться ему другом, помочь стать самим собой, а не пустой игрушкой противоречивых страстей. У меня нет на это душевных сил. Я не могу простить его, а значит — не могу помочь. Я грешен, отче. Дух мой слаб.

Ной сел.

Симон подался вперед и сжал подлокотники кресла.

— Что ж, Ной, — быстро заговорил батюшка Даниил. — Я рад, что ты так откровенно рассказал нам о том, что гложет твою душу. Я приветствую это. Но, вместе с тем, я вижу, что не хватает тебе не только душевных сил, но и еще одной важной вещи — сдержанности. Подумай над этим. Любой мир, каким бы несовершенным он нам ни казался, можно менять, лишь изменив прежде себя.

Ной его не слушал, он смотрел на Симона. Теперь он знал точно, в этом не было никаких сомнений, что тот никогда не станет ему другом или хотя бы добрым знакомым. С этой самой минуты они — враги. Если бы Ной рассчитывал на какое-то будущее в Городе, это могло бы стать катастрофой. Ничего не желая и не имея этого будущего, теперь Ной даже наслаждался.

Далее собрание продолжилось под негласным руководством Елены. С помощью батюшки, она вернула разговоры в обычное безопасное и бессмысленное русло. Она дала понять всем, что дальнейшее выяснение отношений не будет происходить здесь. Ее послушались, и все пошло своим чередом.

За весь вечер Лайла не произнесла ни единого слова.

Когда они покинули собрание и шли к машине, она сказала.

— Это было очень глупо, Ной. Очень глупо.

— Он хотел меня унижить. Я не собираюсь этого терпеть.

— Если ты хочешь достигнуть вершин здесь, в Городе, тебе придется вытерпеть и не такое. Ты нажил себе сильного врага, не имея еще ни одного сильного друга. Нет ничего хорошего в том, что ты устроил. Ну зачем ты на него полез?

Позади них заревел двигатель и вспыхнул свет. Они едва успели остановиться — в полуметре от них пронеслась машина Симона Декера и, сверкнув тормозными огнями, скрылась за поворотом.

— Как глупо! — сказала Лайла.

Общее собрание заговорщиков Караско организовал через два дня. Он позвонил Ною рано утром, заставив его вылезать из кровати и бежать по холодному полу к аппарату, пока звонок не разбудил мать.

— Тебя будут ждать сегодня вечером. После работы зайдешь к Андрею, он проводит.

— Там будут все?

— Все.

До выхода из дома оставалось еще два часа. Ной снова забрался в постель, но заснуть не мог — лежал и думал о предстоящей встрече. Опасную он затеял игру. Если все пойдет не так, как он рассчитывал, побег из Города может оказаться под вопросом. Ной уже так привык к мысли об отъезде, так много поставил на карту, так безоглядно сжигал мосты, что не оставил себе выбора. Но он должен был рискнуть, иначе все теряло смысл.

«Господи, дай мне сил. Не для себя прошу, Ты знаешь».

Дом, где собрались заговорщики, находился недалеко от Центра. Это было хорошо сохранившееся, тщательно отремонтированное здание. Жили здесь не сливки из Квартала, не те, кто стоял у руля, но те, кто выполнял их приказы. Ничуть не смущаясь своего потрепанного вида, Андрей провел Ноя мимо привратника, который, видимо, хорошо его знал, и они поднялись на второй этаж. Дверь им открыл Караско. За его спиной горел яркий свет, и раздавались голоса.

— Все уже собрались, — сказал он. — Ждут с нетерпением.

Людей в просторной, богато обставленной комнате оказалось немного. Помимо Караско и Андрея, еще пятеро. Ноя усадили на стул, и Караско взял слово.

— Думаю, все знают, почему мы сегодня собрались, — сказал он. — Один из нас, Ной, человек, который помогает нам отыскать информацию о Большом Городе, хочет сообщить нам нечто важное. Я не знаю, о чем пойдет речь, он предпочел держать это в тайне. Сейчас, надеюсь, он сам обо всем нам поведаст.

Он повернулся к Ною.

— Ну как, все устраивает? Моешь говорить.

Ной встал и оглядел собравшихся. Все они, за исключением Андрея, выглядели вполне благополучными. Ведущие шестерни городской машины, взбунтовавшиеся против хозяев и намеренные ответить подлостью на подлость. Ной заставил себя отбросить эти мысли. Он был не лучше их, может быть даже хуже.

— Прежде чем высказать то, с чем я пришел сюда, я хотел бы представиться. Меня зовут Ной Коштун. Я работаю в Лабораториях, как когда-то работал мой отец, Петр Коштун. Вы все знаете, почему я с вами, чем могу быть полезен общему делу. Но я ничего не знаю о вас. Наверное, это неправильно. Поэтому, перед началом разговора, не могли бы вы, хотя бы в двух словах, рассказать о себе и своей роли?

Среди собравшихся возникло замешательство. Люди переглядывались, пожимали плечами, пока, наконец, все взгляды не сошлись на небольшом носатом толстяке в хорошем костюме.

— Матвей, что скажешь? — спросил Караско.

Толстяк благодушно кивнул.

— Почему бы и нет? — сказал он. — Юноша прав. Мы должны быть честными друг перед другом, раз уж сидим в одной повозке. Вступая в организацию, подобную нашей, молодой человек имеет право знать, с кем он. Разумеется, при этом, молодой человек должен отдавать себе отчет в том, что все, сказанное здесь, здесь же и останется. В любом случае.

Он посмотрел на Ноя, ожидая его реакции.

— Я понимаю, — сказал Ной.

— Вот и отлично. Самсон, тебя не затруднит представить нас? В двух словах.

— Ладно, — сказал Караско. — Начнем по старшинству? С тебя?

— Как угодно.

Караско посмотрел на Ноя.

— Ну, что ж, вот Матвей. Матвей — это милиция. А еще — самая оперативная информация о том, что происходит в городской администрации.

— Очень приятно, — сказал Ной.

— Взаимно, мой мальчик.

— Это Анна, его жена. Хозяйка и организатор наших собраний.

Ной вежливо поклонился и получил кивок в ответ.

— Далее — Яков. Врач. Думаю, его необходимость в нашем мероприятии понятна без пояснений.

— Конечно, — согласился Ной.

Караско продолжал перечислять. За Яковом последовал Иосиф, инженер с механического завода, мастер на все руки. Потом Андрей.

«Значит он все-таки немолодой, — подумал Ной. — Лет сорок, наверное».

Оставшиеся двое — заведующий транспортным отделом дорожной службы Города Илья и начальник смены нефтеналивной базы Гурий казались чуть младше Караско. Ной поприветствовал каждого.

— Ты удовлетворен?

— Вполне.

— Тогда, может быть, ты поведаешь нам, ради чего мы тут собрались?

Ной на минуту задумался, прикидывая, как лучше начать разговор, ничего не придумал и решил сразу же перейти к сути.

— Я предполагаю, что, помимо присутствующих в этой комнате, в эвакуации примут участие и другие: родители, братья и сестры, дети — те, кого мы не можем оставить в Городе, те, кого мы хотели бы взять с собой. Я прав?

— Разумеется, — пробасил толстый Матвей. — Ты хочешь присовокупить к ним кого-то из своих? Я правильно тебя понимаю?

— Да. Именно об этом я и хотел поговорить.

— Отлично. Если это все, что тебя беспокоит, я рад тебя утешить. Никаких проблем! Ты живешь с мамой, ведь так? Хочешь взять ее?

Матвей оглядел собравшихся.

— Думаю, мы можем пойти навстречу молодому человеку?

Заговорщики закивали.

— Спасибо. Но я хочу большего.

— Большого? Хм...

Ной выдержал паузу, собираясь с духом, и сказал:

— Я хочу, чтобы с нами отправилась моя невеста, ее родители и девушка из Поиска — Мария.

В комнате повисла тишина. Матвей, пощипывая губу, разглядывал Ноя, словно пытался определить: сумасшедший тот или просто глупо шутит.

Тишину нарушили голоса.

— А не многовато?

— Парень молодец, губа не дура.

— А что мелочиться? Всех надо.

— Да — пешком!

— Погодите, — сказал Матвей. — Давайте-ка я скажу.

Заговорщики умолкли, неприязненно уставившись на Ноя. Только Андрей не смотрел на него. Он развалился в своем кресле, и, казалось, задремал.

— Послушай, Ной. Я понимаю твоё желание взять с собой всех знакомых. По-человечески, это правильно. И благородно. Но, видишь ли, бывают ситуации, когда благородство может обойтись слишком дорого, и тогда оно становится подлостью. Каждый из нас, здесь присутствующих, тоже хочет быть добрым, но каждый из нас вынужден чем-то — кем-то — жертвовать ради других. Кроме тебя, трое — Илья, Яков и Самсон — попросили взять кого-то еще. Яков возьмет с собой внуку. Поверь мне, для него это был непростой выбор — у девочки есть родители, один из которых его сын. Илья просил за жену, мы согласились. Но у него тоже есть родители. Есть друзья. Мы должны выбирать, потому что каждый лишний человек ставит под вопрос саму возможность осуществить наш план. Вездеход — это все, на что мы можем рассчитывать. Если мы возьмем слишком много людей, мы не сможем обеспечить достаточного количества припасов. Мы вынуждены выбирать. Это больно, это может показаться гадким, но другого пути нет.

Ной ощутил короткий, но болезненный укол совести. Ему вдруг захотелось раскаться, захотелось попросить прощения — их глаза, обращенные на него, требовали этого. Все его воспитание, вся его жизнь в Городе требовала раскаяния. Они жертвовали самым дорогим, и как он мог...

Мог. И должен был. Эти жертвы, которые так трогательно расписывал Матвей, были ничем иным, как предательством, трусостью и преступлением. Люди в этой комнате не имели никакого права упрекать его. Они поступали низко и хотели, чтобы он поступил так же, потому что это честно. Потому что так поступили все.

«Плывать я хотел на вашу честность».

— Я видел этот вездеход, — сказал Ной. — Я провел в нем много дней. Он может взять больше людей. Придется потесниться, но это возможно.

— Ты не понимаешь, — снова заговорил Матвей. — Если мы согласимся на твою просьбу, то, как прикажешь быть с остальными? Чем они хуже тебя? Мы не можем взять столько. Пойми, вездеход не ковчег, а ты не библейский патриарх. Ты не можешь спасти всех, кто тебе дорог. Ты должен выбрать.

— Мы могли бы взять с собой грузовик. Вездеход повезет людей, а вторая машина — припасы.

— И где же мы возьмем грузовик? — вмешался Илья.

— Не знаю, но мы должны попытаться. Мы обязаны попытаться спасти как можно больше людей. Это правильно!

— Тогда, может быть, просто объявить общую эвакуацию? — спросил Матвей. — Отправить людей в Пустую Землю и предоставить им умирать там?

— Нет, нельзя, — сказал Гурий. — Объявлять всеобщую эвакуацию, значит погубить всех.

— Это невыносимо! — поддержала его Анна. — Молодой человек, вы просто не понимаете, о чем просите. Ваши капризы погубят нас всех. Вас приняли в круг посвященных не для того, чтобы вы выдвигали какие-то условия и ставили под угрозу все, что было сделано. Не вами сделано!

Поднялся гомон, посыпались оскорбления. Ной молчал. Молчали Илья и Яков, молчал Караско. Больше всех кричал Гурий, он требовал извинений и все пытался ринуться к Ною, но, сидящий рядом Караско удерживал его на месте. Обстановка накалялась.

— Подождите! Тише! Дайте сказать! — закричал Ной.

Несмотря спорщики умили свой пыл и уставились на него.

— Вы меня не так поняли.

Стало абсолютно тихо. Ной осмотрел комнату и встретился взглядом с Караско.

— Я не прошу вас взять тех, чьи имена были названы. Это не просьба. Это условие. Если вы не согласитесь на него, вездеход уйдет в никуда. Я не стану разыскивать Большой Город.

— Сукин сын, — внятно и громко произнес Гурий.

— Кто бы говорил, — ответил Ной. — Один как перст, а крику поднял больше всех.

Гурий вскочил, но Караско снова удержал его. И снова поднялся гвалт и крик. Раздосадованный Матвей призывал всех успокоиться, но его никто не слушал. Ной стоял посреди комнаты и ждал. Он чувствовал облегчение. Жребий брошен, теперь поздно было сомневаться. Он сделал то, что должен был сделать. У него хватило духу.

Когда шум немного стих, Матвей снова взял слово.

— Ной, я хочу, чтобы ты вышел и подождал в соседней комнате. Ты сказал вполне достаточно, теперь мы должны спокойно все обдумать. Когда мы примем решение, тебя позовут.

Ной встал и, не глядя ни на кого, вышел. Он устроился на кухне и стал смотреть в окно. Через площадь шли люди; трое ребятишек возле памятника играли в снежки. Он смотрел на них, и на душе вдруг стало так пусто и мерзко, так гадко, что захотелось выйти на улицу и прыгнуть под первый попавшийся снегоуборщик. Это тоже был выход, это тоже была возможность вырваться, и не будь этот прыжок той же подлостью и предательством, Ной бы встал и вышел.

Вместо этого он остался сидеть на месте. Только отвернулся от окна и обхватил голову руками.

Обсуждение затянулось на час, и, когда Караско явился за ним, площадь за окном почти опустела.

В комнате было тихо, больше никто не спорил. Ной не пытался смотреть им в глаза, он не ждал увидеть в них ничего хорошего. Он сел и приготовился слушать приговор.

Огласил его Матвей. Приговор был прост: если Ной сможет обнаружить информацию о Большом Городе и определить его местоположение, он может взять с собой всех, о ком говорил. В противном случае, он не возьмет никого.

— Согласен ли ты на эти условия? — спросил Матвей.

Ной поднял голову.

— А если я скажу — нет?

— Тогда мы расстанемся навсегда. Другого предложения не будет.

— Найти для вас информацию или остаться и умереть, — Ной фальшиво улыбнулся. — Все честно. На этот раз все совершенно честно.

— Нас не интересует твои размышления о честности, — холодно сказал Матвей. — Ответь на вопрос.

— Я согласен.

Перед уходом Ной спросил Караско, что за человека он хочет взять с собой.

— Колотуна, — ответил тот. — Смотри, не говори ему ничего. Хватит с нас твоих заявок. Он хоть один, как перст, но... Впрочем, язык не распускай.

Ной кивнул и повернулся к двери. Караско положил руку ему на плечо.

— Ты прав, парень. Я хочу, чтобы ты это знал. Они будут на тебя давить, но ты их не слушай. Ты им нужен, и имеешь право требовать. Честно сказать, не думал, что ты это сделаешь. Ну да ладно. Теперь у тебя одна задача — вот и займись ей. Сюда тебе больше ходить ни к чему.

— Это понятно, — сказал Ной, высвобождая плечо.

— Вот и хорошо, что понятно. Удачи.

Возле милицейского поста в Квартале установили новый фонарь. Только светил он не на дорогу, или дверь будки, а слабым желтым кругом освещал ее глухую стенку. Недоумевая, зачем такое могло понадобиться, Ной подошел ближе. Оказалось, что фонарь нацелился на маленький кусок бумаги, закрепленный на стене. На бумаге было написано:

«Внимание! Для обеспечения безопасности жителей Квартала, начиная с понедельника 23 января, будут проводиться работы по установке заградительных решеток на все выходы из подземных коммуникаций. Домовладельцы обязаны предоставить представителям администрации Города возможность осмотреть помещения и оказать содействие в проведении работ. По всем вопросам обращаться...».

Ной посмотрел на спящий Квартал. Дома стояли далеко друг от друга, темные и зловещие. Где-то среди них светилось одинокое окошко.

«Как быстро, — подумал он. — Слишком быстро. Пока они еще пытаются залатать дыры, пока еще ждут, но сколько они будут ждать? Скорее всего, недолго».

Мать не стала покупать себе новую одежду. Вместо этого она занялась перешиванием одного из «хороших платьев», которое долгое время висело в шкафу среди костюмов отца. Ной не понимал, что на нее нашло — ни о каких покупках она и слышать не хотела. Просиживала целыми вечерами с иголкой, погруженная в себя и молчаливая.

Но, когда Ной увидел ее в этом платье, когда она поворачивалась перед ним, чтобы дать возможность как следует все рассмотреть, он понял, почему она так поступила. Не новая жизнь начиналась для нее, она не хотела новой — она хотела, чтобы вернулась старая. Чтобы вернулось время, когда сын еще был маленьким, муж живым, а дом полным и красивым. Ной глядел на мать, всегда носившую мешковатые, пыльно-поношенные вещи, и не узнавал. Она словно стала моложе и, оказывается, у нее была фигура.

«А ей ведь пятьдесят два. Не так уж много».

Мать глядела на него смущенно, и это тоже шло ей.

— Мам, у меня нет слов! — заявил Ной искренне. — Ты выглядишь просто здорово!

— Тебе правда нравится?

— Очень!

— Оно не слишком... — она запнулась, подбирая слово, — несерьезное? Подумают еще — вырядилась скоморохом.

— Нет! Что ты!

— Ох, что-то я волнуюсь. Лайла еще не звонила?

— Звонила полчаса назад. Она скоро будет здесь.

— Так чего ты ждешь? Она вот-вот приедет, а ты еще не одет! А-ну — марш наряжаться!

Смеясь, Ной вскочил со стула.

— Уже бегу!

Стол ломился от яств. Руфь руководила Варварой, сновавшей из кухни в гостиную, одновременно убеждая мать Ноя не беспокоиться и уверяя, что в ее помощи нет необходимости. Ной смотрел на мать с сочувствием и беспокойством: за много лет отвыкшая от общества, она выглядела растерянной. Руфь тоже заметила ее состояние, а потому все время заговаривала с ней, спрашивая ее мнение о том, какие столовые приборы выбрать или куда лучше поставить блюдо. Ной подумал, что мать чувствовала бы себя куда увереннее рядом с Варварой на кухне, чем здесь, в этой шикарной гостиной.

Покончив с распоряжениями, Руфь и Гамов устроили гостью в одном из глубоких кресел возле окна, разлили по бокалам вино и завели светский разговор о погоде и слухах. Они желали знать, о чем говорят в Квартале и что там думают о последних

происшествиях в Городе. Мать Ноя заметно оживилась и принялась пересказывать разговоры, транслируемые большей частью Алоном, о том, что и Город и Квартал терроризирует секта каннибалов-сатанистов, что в скором времени Квартал изолируют и объявят карантин, а то и вовсе эвакуируют.

Лайла с Ноем устроились на диване возле стола, но общение у них шло ни шатко ни валко. Они все время с беспокойством поглядывали на родителей.

Потом все уселись за стол, и началась торжественная часть. Руфь произнесла длинную речь о счастье молодых и радужных перспективах, ожидающих новую семью. Все выпили за счастье. Потом мать Ноя, волнуясь и сбиваясь, предложила тост за счастливую встречу. Говоря, она как-то незаметно перешла к Ною и его детству. Слушая поток ее воспоминаний, Ной краснел и ерзал на стуле. Под смущенные извинения матери, выпили за него и детей вообще.

Атмосфера за столом постепенно разрядилась. Гамов шутил, женщины смеялись. Бокалы и блюда сменяли одно другое. Ной настороженно поглядывал на румянец, выступивший на бледных щеках матери. Ее голос звучал все громче и громче. Руфь под села к ней, Гамов принялся расспрашивать Ноя о работе, а Лайла занялась организацией десерта.

Вырвав Ноя из середины обсуждения специфики теоретического обучения в Городе, она зазвала его на кухню. Ной помог ей добраться до какой-то коробки с верхней полки, а, когда вернулся в гостиную, там уже играла музыка, и Гамов танцевал с его матерью, элегантно и ловко придерживая ее за талию. Руфь, сидевшая рядом, шутя, корила мужа за неуклюжесть.

Только ближе к концу вечера, когда на столе появилась сладкая макка и пирог, Ной и Лайла, наконец, расслабились. Все шло хорошо. Даже лучше, чем можно было предположить. Лайла придвинулась к Ною, и он обнял ее за талию. Они сидели вместе, словно счастливые родители, наблюдающие за весельем детей. Иллюзию развеяла Руфь, заявив, что никогда еще не видела более скучной молодой пары. Она велела им не сидеть сиднями, а немедленно идти танцевать. Легкой птицей Лайла вспорхнула с места и повлекла Ноя за собой.

Глава 16. Игрушка-собачка

В комнатухе было темно и холодно. Андрей, скособочась, сидел в обшарпанном кресле и рассеянно тер пальцами виски, глядя на монитор. Медленная анимация на экране отражалась на его худом остром лице. С улицы не доносилось ни звука; и дом молчал, только крысы скреблись по углам. Ной примостился рядом на шатком стуле. Он смотрел в монитор набухшими от усталости глазами.

— Нет волшебного средства, — проскрипел Андрей. — Никто не сделает за тебя работу. Единственный твой инструмент, — Андрей постучал себя по лбу, — твоя голова. Пароль к умной машине, это маленький слепок ее хозяина. Его лаконичная суть. Ты борешься не с умной машиной, не с ее защитой, а с человеком, потому что машина никогда не отдастся чужаку. Ты должен убедить ее. Ты должен стать ее хозяином. А для этого — узнай о нем все: что ему интересно, чем он живет, сколько лет его сыну и в каком месяце тот родился, узнай ласковое прозвище его жены, которым он называет ее в постели. Научись думать, как он, смотреть его глазами. Тогда нужное слово само придет к тебе.

— Это слишком трудно, — сказал Ной. — Я не смогу.

— Будешь так думать — не сможешь. Сосредоточься. Отбрось лишнее.

Ной вздохнул и посмотрел в окно. На всю улицу горел единственный фонарь, но он не разгонял темноты. Рядом с ним она казалось только гуще, словно собиралась с силами, желая его погасить.

Ной устал. Его дни наполнились множеством дел, которые не имели, по большей части, никакого смысла. Дурацкая мышинная возня. Функционирование, расписанное по часам и минутам. Это выматывало. Выматывала необходимость умалчивать и врать, каждый раз

выдумывая причины своим вечерним задержкам. Особенно противно это было по отношению к Лайле. Он сказал ей, что сидит на работе. Она приняла это объяснение. Поверила или нет, он не мог сказать, но приняла и больше не спрашивала. Но ворчала мать, обеспокоенная темнотой, появившейся у него под глазами, и ей тоже приходилось лгать.

Сегодня Андрей сказал: «Мне нечему больше научить тебя. Все, что нужно, ты знаешь. Остальное лишнее». Но он не объяснил, как Ноею стать Адамом Декером, как найти то слово, единственное слово, которое уведет его отсюда.

Все это казалось каким-то нереальным.

Они отключили умную машину и ушли на кухню, где Андрей развязал узелок с продуктами, принесенными Ноем, зажег огонь в печке и поставил кипятиться чайник с водой.

— Ты веришь, что Большой Город существует? — спросил Ной, рассеянно глядя на шустрые язычки пламени.

Андрей аккуратно складывал в шкафчик продукты.

— Нет, — ответил он, не оборачиваясь.

— Тогда зачем все это?

Андрей уселся за стол и поплотнее закутался в плед.

— А зачем летят по небу облака? Ветер гонит, и они летят. Вот и я так же. Несет меня, зачем сопротивляться? Получится у тебя что-то или нет — никакой разницы. Просто нас несет ветер.

Ной удивленно уставился на его худое, разом постаревшее лицо.

— Значит, ты не веришь, что мы сможем выбраться?

— Почему? Я верю. Мы сможем выбраться. Вот только ничего это не изменит. Ни для нас, ни для тех, кто останется.

— Но ты же хочешь уехать?

— Хочу, — просто ответил Андрей. — Но причина у меня совсем другая. Мне ведь не долго осталось. Скоро придется помирать. Но я хочу умереть там, а не в Городе. Чтобы вокруг было чистое поле, а над головой — только небо. Ни разговоров, ни боли, ни сожалений. И никаких стен, никаких крыс и чертовой скрипучей кровати.

Ной опустил глаза и не ответил ничего. Вода в чайнике закипела.

Он получил машину. В рабочем порядке, без какой-либо записки от Декера или вызова к нему в кабинет. Очень просто — получите и распишитесь. Ной расписался и в тот же вечер отправился к Лайле — радовать. Она преподавала ему несколько уроков. Все оказалось сложнее, чем предполагал Ной. Машине не желала слушаться, она глохла, она дергалась и плевалась вонючим черным дымом. Целый вечер ушел на то, чтобы тронуться с места. Лайла беззлобно подшучивала над ним, но проявляла терпение, и скоро Ной мог уже потихоньку ездить.

Они тренировались на Дороге, в позднее вечернее время обычно пустой. Ной не решался ездить один, а потому, после каждой тренировки, пригонял машину обратно к дому Лайлы и в Квартал возвращался пешком.

Девушка не оставалась у него ночевать, хотя в предложениях недостатка не было. Ной чувствовал, что она думает об этом, он и сам об этом думал. Но время еще не пришло.

Два раза в неделю они ходили на собрания исповедальной группы. Ной всегда молчал и так же молчаливо выслушивал потом упреки Лайлы. Симон не обращал на него внимания, предпочитая вообще не замечать его присутствия. Ной платил той же монетой.

А петля судьбы продолжала стягиваться вокруг Города.

Алон ходил по Кварталу мрачный и торжественный, словно вестник Апокалипсиса, и каждому, кто соглашался его слушать, рассказывал страшное. Он очень сдал в последние

дни: говорил путано, часто прерываясь и забывая на чем остановился; стал заметно хромать.

Он уверял, что под Городом открылись двери Ада. Ремонтные бригады отказывались спускаться в канализацию и коммуникационные колодцы. Отказывались даже под угрозой вылете с работы, даже под охраной милиции. Они боялись. И боялись не только смерти. Те же, кто соглашался, часто не возвращались. По всему Городу затыкали дыры и закрывали глаза.

— Но это, — говорил Алон, — все равно, что затыкать сито пальцами. Рук не хватит.

Городская пропаганда убеждала не бояться. Из динамиков изливались уверения о том, что все под контролем и опасности нет. Сообщалось о возведении заградительных баз вокруг Города, о дежурящих там хорошо вооруженных и обученных отрядах. А те существа, что творили зло в подземельях — лишь жалкие крупинки, и в скором времени они будут пойманы и уничтожены. Бояться нечего.

Андрей рассказывал об этих заградительных базах. За месяц, что Караско занимался ими, едва оборудовали две, оставив гарнизоны из нескольких перепуганных милиционеров. Спускаться под землю и патрулировать выходы коммуникаций они отказывались. Вместо этого ставили решетки и натягивали сигнальные растяжки. Ни раз и ни два решетки находили вывороченными из стен, растяжки не срабатывали. Было очевидно: тараканы проникают в Город и ничто не может им помешать. Андрей уверял, что Совет просто не хочет этого делать. Базы, отряды — это просто средство выиграть немного времени и не дать панике начаться слишком рано.

Несколько раз Ной встречался с Мамочкой. Ее устроили в соседнем здании, и, когда Рувим не мог составить компанию, Ной обедал с ней. Как-то раз она обмолвилась, что собирается провести Ушки, что кризис миновал, и теперь к нему пускают без ограничений. Ной вызвался пойти с ней. Он чувствовал себя виноватым: Ушки спас ему жизнь, а он так и не выбрался его навестить.

«Время. Где взять время?» — говорил он себе, но оправдание звучало слабо.

Ушки встретил их в своей палате. Соседей в этот час не было, они ушли на процедуры. Он лежал один, слабый, бледный, чудовищно похудевший — тень от человека, не больше. Говорил тихо и медленно. Но не это поразило Ноя и заставило его отвести взгляд — руки Ушки, вот чем тот сполна расплатился со смертью. Они лежали на одеяле: жалкие и отвратительные. Две кости, составляющие предплечье, были отделены друг от друга продольным разрезом, образуя два уродливых длинных пальца, начинающихся от локтя. Их туго стягивали бинты.

Заметив его замешательство, Ушки кивнул.

— Не самое приятное зрелище. Но они говорят, если все срастется, смогу ими пользоваться. Примерно так.

Он приподнял правую руку и осторожно, медленно развел и снова свел новые пальцы. Лицо его напряглось, ему было трудно и, наверное, больно. Но он хотел показать Ною. Может быть не упреком, а простой констатацией, чтобы тот понимал цену, которую приходится платить.

— Говорят, что смогу даже иголку удержать. Хорошо, а?

Ушки натянуто улыбнулся. Мамочка положила ему на тумбочку пакет с гостинцами, которые они собрали вместе с Ноем, подошла к больному и поцеловала его в лоб.

— Колотун и Танк передают привет, — сказала она. — Танк обещал завтра придти, а Колотун не знает, когда сможет вырваться. Караско его совсем запахал.

— Ничего. Пусть пашет. Так легче. А за приветы — спасибо. И за гостинцы тоже. Больничная еда, на мой взгляд, предназначена только для того, чтобы деликатно подготовить больного к его скорбной участи.

Он снова улыбнулся, но на этот раз искренне.

— Да ну, что за глупости? — сказала Мамочка. — Это вообще не про тебя. Ты поправляешься. Скоро выйдешь отсюда.

— Ушки, я... — начал Ной, но голос его сбился и пришлось прочистить горло, прежде, чем продолжить фразу.

Ушки повернулся к нему. Спокойный, внимательный, отвратительно слабый.

— Я хочу сказать тебе спасибо, — быстро проговорил Ной.

— Пожалуйста, — спокойно ответил Ушки.

— Ты не должен был этого делать, — Ной чувствовал, что говорит банальность, произносит ненужные слова, но не мог остановиться — других слов у него не было. — Но ты это сделал. Я не знаю, как сказать, но...

Он замолк.

— Да ничего не говори. Все итак ясно. Просто знай, что иначе было нельзя. Просто нельзя. Не навались я тогда, это тварь сожрала бы тебя, вот и все. А у меня был шанс.

— Если тебе что-то нужно, какие-нибудь лекарства, я могу достать. Ты скажи.

— Спасибо, но все, что нужно у меня есть. Кстати, рад за тебя. Мамочка говорила. Ты теперь человек с будущим и почти без прошлого. Это здорово. Поздравляю.

Он умолк и некоторое время смотрел на Ноя, словно пытался что-то припомнить. Тот ждал. Наконец, Ушки сказал:

— Ты помнишь, я говорил тебе там — в вездеходе, насчет моего шкафчика и коробки?

Ной кивнул.

Он уже давно позабыл о той сцене с бредящим Ушки, о том, как тот заставлял его записывать какую-то бессмыслицу. Он вспомнил об этом лишь раз, когда выбрасывал свой старый комбинезон. В кармане лежала бумажка с торопливыми, неразборчивыми каракулями. Ной сунул ее в ящик стола и выкинул произошедшее из головы.

— Да, я помню.

— Отлично. Я не был уверен, что говорил с тобой об этом. Думал, что только хотел поговорить. Память путается, и голова совсем дурная. Так ты возьми мою коробку. Сделай так, как я говорил. Самому мне не сладить. А то, что выйдет — принеси мне. Сможешь?

— Смогу. А что там?

— Так, одна безделица. Воспоминание о лучшем мире. Память.

— Я принесу.

— Вот и спасибо.

Ной и Мамочка просидели возле него еще час, наблюдая за тем, как оживляется его лицо, сбрасывает понемногу неподвижную маску обреченной усталости. Ушки расспрашивал их обо всем, что происходит в Городе: о слухах, об официальных сообщениях. Внимательно слушал, заставлял повторять, будто стремился выучить наизусть.

Это удивило Ноя. Ушки всегда был замкнутым в себе, он мало интересовался происходящем вокруг. И вдруг — такое жадное любопытство. Наверно, вынужденная изоляция тяготила его больше, чем можно было подумать. Ной отвечал охотно и подробно.

Спустя час вспышка интереса угасла. Ушки снова впал в дремотную неподвижность, и Мамочка сказала, что пора уходить. Больной слишком устал.

— Руку подать не смогу, — сказал им Ушки на прощание, глаза его слипались. — Так что — извини.

Пока Ной думал, как реагировать на такую странную фразу, Ушки заснул. Выйдя с Мамочкой в коридор, и осторожно прикрыв за собой дверь палаты, Ной спросил:

— Ты поняла, о чем он говорил? Что значит подать руку?

Мамочка пожала плечами.

— Он устал, и, может быть, немного бредит. Не удивлюсь, что он еще не раз будет говорить о руках.

— Ты сможешь зайти в оперативный? У меня забрали пропуск.

— Да, смогу. Ты хочешь, чтобы я взяла его коробку?

— Угу.

— А ты действительно не знаешь, что там?

— Не имею ни малейшего представления, — честно ответил Ной. — Но ему это важно, значит, важно и мне. На самом деле, я для него все готов сделать. Он меня спас.

— Я понимаю.

— Завтра сможешь принести?

— Постараюсь.

— Спасибо.

Пока они шли по больничным коридорам, она молчала, глядя себе под ноги. А на улице, натянув на уши шапочку, посмотрела на Ноя серьезно и как-то растерянно, и сказала:

— Никогда нельзя говорить, что знаешь человека. Даже себя.

Ной запер дверь кабинета и уселся за стол перед темным монитором. Перед ним лежала коробка. Обычная коробка — жестяная, маленькая, сильно поцарапанная с боков. Он полез в карман, вытащил смятый листок и разгладил его. Листок здорово поистрепался, а в углу остался маленький кровавый отпечаток пальца. Раньше Ной его не замечал.

Он открыл коробку.

Внутри лежало несколько тонких изогнутых металлических трубочек с шариками на концах. В свете лампы их идеально гладкая полированная поверхность блестела, словно стеклянная. Все трубочки были разными — одни длиннее, другие короче, одни тоньше, другие толще — одинаковых не оказалось. В каждом шарике — несколько маленьких цилиндрических отверстий. Трубочки были легкими: каждая весила не больше карандаша.

«Первый к базе, повернуть» — прочитал Ной скачущие каракули на листе. Он взял одну из трубочек и поднес к глазам, внимательно разглядывая идеально ровную поверхность, на которой пальцы не оставляли никаких следов. Возле шарика Ной заметил крошечную выщерблинку. Он наклонился ближе и присмотрелся.

Это была цифра. Семерка.

Ной взял другую трубочку. На этот раз попалась тройка. Пронумерованы. Теперь стало ясно, что Ушки подразумевал, называя цифры.

Ной рассортировал трубочки по порядку и отдельно положил самую толстую, номера на которой не было. «Видимо, это база» — решил он.

Оставалось только понять, как соединить все части в целое. В коробке не было никаких креплений; ничего, что можно было бы вставить в отверстие.

«Первый к базе».

Ной взял трубочку с номером один и поднес ее к базе. Ничего не произошло. Сблизил шарики, повернул. Опять ничего. Он перемещал трубочки, крутил, поворачивал так и этак, и все безрезультатно. Ребус не складывался. Наверное, Ушки забыл что-то сказать, что-то важное. Это немудрено, учитывая, в каком состоянии он находился. Ной уже собрался положить все обратно в коробку, когда вдруг оба шарика с силой притянулись друг к другу, издав легкий стук. Ной застыл. Первый присоединился к базе.

Теперь повернуть. По часовой стрелке.

Медленно и осторожно, опасаясь, как бы соединенные части не отстали друг от друга, он повернул трубку номер один. Что-то шелкнуло, словно заблокировался невидимый зажим. Ной опасливо потянул трубочку, но она не подалась.

Получилось.

— Что это такое? — пробормотал он.

Взял трубку номер два и совместил отверстия на шариках. Ничего. Совместил другие. Снова ничего. Он пробовал опять и опять, пока не нашел нужную пару. Тихий стук. Фиксация. Поворот. Вторая к базе. Сделано.

Он покрутил в руках полученную конструкцию. Она напоминала экзотическую рогатку с двумя кривыми отогнутыми концами. Ной взял новую трубку.

Теперь дело пошло быстрее. Как только нужные отверстия совпадали, повинаясь какой-то необъяснимой силе, шарики притягивались друг к другу. Ной крутил, брал следующую деталь и продолжал сборку.

«Как это может быть? — думал он. — Что за колдовство я творю? Боже, спаси и сохрани!».

Через четверть часа сборка была завершена. Ной задумчиво крутил в руках готовую вещь и озадаченно хмурил лоб.

«Это что, шутка?».

Если шутка, то очень странная и очень сложная. Совершенно не в духе серьезного фанатичного Ушки. Да, Ной видел, как тот собирал арбалеты, как ловко обращался со множеством тонких и сложных деталей, но это... Это было нечто совсем другое. Словно бы из другого мира. Кто в Городе мог изготовить?..

Игрушку-собачку.

Изогнутые трубочки сложились в маленькую фигурку, образуя четыре лапы, хвост, короткую шею и голову. Каждая завершалась маленьким шариком.

Ной поставил фигурку на стол и еще раз внимательно осмотрел коробку. Больше там ничего не было. Когда же он поднял глаза, на миг у него перехватило дыхание — лишние отверстия, те, которым не досталось пары, исчезли, не оставив на зеркальной поверхности шариков ни малейшего следа.

С гулко бьющимся сердцем, Ной осторожно взял фигурку двумя пальцами, положил в коробку и накрыл крышкой. Коробку сунул в ящик стола и запер на ключ.

«Кто ты такой, Ушки? И что это такое? Почему, готовый умереть, ты тратил последние минуты на то, чтобы рассказать мне, как собрать игрушку-собачку?».

Глава 17. Маленький Принц

Рабочий день подходил к концу. Ной только что закончил очередное задание, когда скрипнула дверь, и вошел Рувим.

— Звонили из Администрации, — сказал он. — Тебя хочет видеть Адам Декер.

Ной отвернулся от экрана.

— Зачем?

— Не знаю, но тебе лучше поспешить. Думаю, что новости будут хорошими.

Рувим подмигнул и вышел. Ной хмыкнул, повернул выключатель и пошел одеваться. Декер встретил его радушно.

— Входи, входи, мой мальчик. Замерз? Садись возле батареи, погрейся. Хочешь горячего чая?

— Да, спасибо.

Декер дернул шнурок за спиной и дал распоряжение вошедшей секретарше.

— Я читал отчет Рувима о тебе, — сказал он, когда девушка вышла. — Он отзывается в самых лестных выражениях. Ты молодец, Ной. Скажу честно, ты превзошел мои ожидания. В порядке исключения, если, конечно, тебе интересно — можешь его прочитать.

— Спасибо. С удовольствием прочитаю.

— Среди всего прочего, он написал, что ты регулярно засиживаешься на работе допоздна. Я приветствую твоё рвение, но стоит ли так усердствовать? Впереди у тебя много времени, не обязательно так торопиться.

Он внимательно посмотрел на Ноя. Тот лихорадочно размышлял, как лучше ответить, и старался не отводить глаз.

За безопасность информации в Лабораториях отвечал Рувим. Написал ли он в своем отчете, чем именно занимается Ной по вечерам? В том, что старик знает о попытках получить доступ к закрытой информации, сомнений не было. Андрей предупреждал Ноя об этом. Он предложил выждать после первой попытки и посмотреть, как на это отреагирует Рувим. Тот не пошел бы сразу к Декеру; Андрей уверял, что первым долгом наставник придет к Ною, чтобы задать вопрос. Или не придет вообще. Ной ждал три дня. Рувим промолчал.

— Когда-то мы работали с ним вместе, — говорил Андрей. — Я учился у него — так же, как и ты. И, как и ты, я интересовался чужой информацией. У меня не было высшей цели, вообще не было цели. Просто молодость и любопытство. Как это обычно бывает: знания уже есть, а ума еще не хватает. Вобщем, напортачил я там. Стер какой-то доклад. По глупости стер, не заметил. А начальство — к Рувиму. Посмотрел он, а я там, как на ладони. Пришел ко мне, рассказал все и устроил головомойку. Я покался, но сделанного не вернешь. Выбор был небольшой: или Рувим берет все на себя, и тогда — прощай работа, или докладывает об ошибке молодого специалиста. В последнем случае мое будущее в Лабораториях становится под вопрос. Я начал бить себя в грудь, заявлять, что за все отвечу сам. Так, в итоге, и решили. Он пытался меня отстоять, не один месяц пороги обивал, все ходил, просил, писал, но без толку. Меня поперли. Рувим подкидывал иногда кое-какие задания, чтобы я с голоду не помер. Неофициально. Фактически, свой кусок, мне — дураку, отдавал. С тех пор с высоким начальством, любовь у него закончилась. Слишком много грязи на него вылили. Если повезет, он тебя еще и подстрахует.

Все это промелькнуло в голове Ноя за несколько секунд. Декер продолжал смотреть на него, спокойно сложив на столе руки.

— Я не тороплюсь, — сказал Ной. — Просто мне интересно то, что я делаю. Трудно остановиться. Так много хочется узнать. И побыстрее.

Декер кивнул и улыбнулся.

— Да, вижу, ты нашел себя. По отчету Рувима это совершенно ясно. Это очень хорошо, редко так получается. И все же — побереги себя. Молодой человек не должен столько времени уделять работе, это пристало нам — старикам. Не становись затворником раньше времени. Почаще оглядывайся вокруг.

Софья принесла чай. Они замолчали, ожидая, пока девушка сервирует маленький столик. Когда она удалилась, Декер жестом предложил Ною угощаться.

— Я искренне рад твоим успехам, — повторил он. — Но позвал я тебя не за этим. Я хочу пригласить тебя в гости. Как ты на это смотришь?

Ной опешил.

— Я... буду рад!

— Разумеется, мое приглашение касается и твоей мамы, и твоей невесты. В нынешнюю субботу, у моей жены день рождения. Я устраиваю праздник, семейное торжество — гостей планируется не очень много, и мне было бы приятно видеть тебя среди них. Соберутся столпы Города. Люди, с которыми полезно познакомиться. Вот...

Декер выдвинул ящик стола и вытащил несколько листов плотной бумаги.

— Возьми. Это официальные приглашения.

— Спасибо!

— Приходите пораньше, часа в четыре. Успеете познакомиться со всеми.

Разглядывая приглашения, украшенные вензелями и завитушками, Лайла пришла в полный восторг.

— Просто не верится, Ной! — воскликнула она. — Даже голова кружится!

Звонко поцеловала его в щеку. Вскочила с дивана и забегала по комнате. Ной с улыбкой следил за ней. Возле шкафа Лайла остановилась.

— Нужно продумать, как одеться. Адам Декер ничего не говорил на этот счет?

— Да нет, ничего не говорил.

— И все равно. Тебе нужно купить что-нибудь новое. Что-нибудь красивое. А мне...

Остаток вечера утонул в бесконечной примерке. Ной был усажен в кресло, и Лайла крутилась перед ним в разных нарядах, заставляя подробно высказывать свое мнение о каждом. Это утомляло гораздо больше, чем целый день, проведенный на работе, и, окончательно выдохшись, Ной был уже готов произнести страшные слова: «Ты хороша в любом наряде».

Но удержался. Лайла была счастлива, грех портить такую радость.

Реакция матери оказалась настолько схожей с реакцией Лайлы, что Ной не мог сдерживать улыбки. И снова разговор зашел о нарядах, и снова перед ним возникла угроза бесконечных примерок, оценок и обсуждения тряпок. С великим трудом Ноем удалось уговорить мать подождать до завтра.

Она согласилась. Села в свое любимое кресло, нежно глядя на сына, и сказала:

— Я знала, что так будет. Отец оставил нам хорошее наследство, и ты, наконец-то, решился его использовать. Ты молодец. Ты пойдешь дальше, гораздо дальше. Слава Богу, что, хотя бы под конец жизни, я увижу это.

— Мам, не говори ерунды! Какой конец жизни? У нас с тобой все еще впереди.

Она улыбнулась.

— Ты хороший мальчик. У меня умный и добрый сын, который добьется всего, чего захочет. Что еще можно желать?

Она немного помолчала.

— Скорее бы вы поженились и нарожали мне внуков. Больше я ничего не попрошу.

У Ноя запылали щеки.

— А ты не красней! Невинность там, где есть воля к зачатию. Так говорил батюшка нам с отцом. Пора и тебе узнать об этом. И обо многом другом.

— Мам, я пойду, — сказал Ной и поспешно поднялся. Он не хотел говорить с ней о таких вещах. Это было слишком личное; это было его и только его. Когда-нибудь он разделит это с Лайлой. Но не с матерью. Ни за что!

— Иди. А я еще немного посижу. Жалко завершать такой вечер.

В назначенный день Лайла приехала в Квартал на целый час раньше срока. Обе женщины кругами ходили вокруг Ноя, осматривая его со всех сторон, оправляя, оценивая, ощупывая. Новая одежда ему не нравилась — она была неудобная, и выглядел он в ней, как напыщенный дурак. Ной решительно отбивался от попыток улучшить его вид, и, в конце-концов, заявил матери, что ей самой пора одеваться, если она не хочет опоздать.

Они с Лайлой упаковали подарки: красивые настольные часы с резными фигурками ангелов — маленький шедевр точной механики и тонкую табличку из полированного камня с поздравлением. Накануне они очень долго спорили о подарках, переезжая из одного магазинчика в другой и отменяя множество вариантов. Трудно было решить, что подарить человеку, у которого есть все. А, если чего-то и нет, то это можно купить, благо вопрос цены таких людей не беспокоил.

Спустилась мать. На ней было новое, купленное специально для торжества, платье. Они сели в машину и поехали к дому Декера, до которого было не больше четверти часа пешего хода.

Возле открытых ворот их встретил Алон, тщательно выбритый и облаченный в широкую черную мантию, словно чародей из детской книжки. Он церемонно поклонился гостям и пригласил следовать за собой к отведенному для них месту стоянки.

— Храни тебя Бог, Алон, — сказал Ной, вылезая. — Ты сегодня при параде.

— Да, господин Коштун, — важно отвечивал старик.

Лайла что-то сунула ему в руку, и Алон почтительно поклонился ей.

— Прошу вас проходить, — сказал он, указывая на парадную дверь особняка. — Хозяева ждут, — и поспешно пошел обратно к воротам, пряча руки в карманы.

Ной направился к двери, вслед за матерью и Лайлой, размышляя на ходу о перемене, произошедшей с Алоном. Он никогда не видел его таким. Его смутило даже не столько лакейское величие, старика, это, скорее всего, временно — по долгу службы, сколько обращение: господин Коштун. Оно не понравилось Ноею, как квинтэссенция всех тех перемен, что происходили в его жизни.

За домом он заметил двух вооруженных милиционеров в тулупах. Возле них бегала кругами собака. Завидя гостей, они приложили руки к шапкам. Ной вспомнил, как робел перед милицией еще пару месяцев назад, а теперь они отдавали ему честь. Но почему они здесь? Чего боится Декер? Тараканов? Вряд ли пара замерзших людей сможет его защитить. Скорее наоборот, эти двое должны демонстрировать отсутствие настоящей опасности. Маленькая мера предосторожности, ничего серьезного.

В просторной прихожей было хорошо натоплено. Ярko горели лампы. Строгая горничная приняла у гостей одежду и унесла в примыкающую комнатушку, назвав ее — гардеробная. Вернувшись, она пригласила следовать за собой.

Они прошли в огромный зал, занимающий почти весь первый этаж особняка. Повсюду горели люстры и свечи, отражаясь мириадами искр в зеркалах. Столько света Ной не видел никогда, само солнце не могло дать больше.

Столы вдоль стен ломились от угощений. От одного взгляда на них у Ноя, который ничего не ел с самого утра, едва не свело желудок.

Возле одного из столов стоял сам Декер с женой и сыном.

— Господин Ной Коштун, — объявила горничная. Ее голос эхом пронесся по большому залу.

Она удалилась.

Адам Декер был великолепен: бархатный, темно-синий костюм, из кармашка пиджака выглядывает уголок носового платка, кремового цвета рубашка, бабочка. Седые волосы зачесаны назад, образуя царственную седую гриву.

— Храни вас Бог, дорогие друзья! — приветствовал он гостей. — Очень рад видеть вас в своем доме. Проходите, чувствуйте себя свободно.

Он вежливо кивнул Ноею, его матери, Лайле, обращаясь к каждому по имени. Этот обычный, незаметный и безликий жест приветствия — кивок или легкий поклон — в исполнении Декера выглядел изысканным и красивым.

— Разрешите представить вам мою жену. — Он отступил на шаг, пропуская супругу вперед. — Мария Декер.

Очень молодая женщина. Раза в два моложе своего мужа. И очень красивая. Ной сразу же усомнился — могла ли она быть матерью Симона. Нет, она лишь на пять-семь лет старше сына. Тонкая, точеная фигура, худое лицо, правильное, словно вырезанное из камня, не единого изъяна — эталон холодной красоты. Неземной, неживой красоты — не такой, какую даровал Создатель Лайле. В сочетании с маленьким ростом, Мария Декер выглядела почти ребенком, из которого, со всей тщательностью, попытались сделать женщину и хозяйку дома.

На ней было черное длинное платье, между маленьких грудей поблескивал крестик.словно украшение.

Она так же приветствовала гостей легким кивком, называя их имена. Но, когда она произносила их, когда встречалась глазами с Ноею, его матерью или Лайлой, холодный лик недоступного совершенства на секунду отступал, являя молодую женщину, простую и непосредственную, наглухо запертую в образе супруги могущественного человека.

«Если она не мать Симону, — думал Ной, любуясь ею, — значит, предыдущая жена Декера умерла. Или он развелся с ней, но это уже скандал».

— Мой сын, Симон, — сказал Декер.

В отличие от Адама и Марии, тот был одет нарочито просто и небрежно, ясно давая этим понять, во что ставит родителей и их праздник. На представление отца Симон не отреагировал. Продолжал спокойно стоять и молча смотреть на Ноя. Пауза затягивалась. Еще немного, и поведение младшего Декера, станет похожим на обычное хамство. Словно почувствовав это, он повернулся к Лайле, улыбнулся ей и, галантно склонившись, произнес:

— Храни вас Бог.

Лайла смущенно поклонилась в ответ. Мария слегка коснулась руки Симона. Он вздрогнул, поджал губы, лицо его окаменело. Он приветствовал Ноя и его мать. Потом извинился и отошел.

Лайла преподнесла подарки, а потом Адам Декер пригласил всех к столу, где гостей ожидали легкие закуски.

Через полчаса стали подходить остальные. Среди них были глава Совета Города Исаак Погодин с женой и дочерью, начальники всевозможных комитетов, названий которых Ной не запомнил, члены Администрации. Все они блестели, и все они сияли. Они являли ту степень роскоши, о которой Ной даже не подозревал. Эти люди не просто возвышались над всеми остальными, небожители — если они и спускались на землю время от времени, то никогда не касались ее башмаками. Глядя на женщин в прекрасных платьях, ухоженных мужчин, Ной вспоминал Андрея, его темную каморку, полную крыс, плед и маленькую печку. Между квартиркой и этим залом пролежала даже не пропасть, а целый мир. Для этих людей не существовали такие, как Андрей — слишком маленькие, слишком серые, чтобы их можно было заметить.

Ноя разглядывали с интересом, какой может вызвать экзотическая зверюшка. Хорошо воспитанная, чистенькая, милая зверюшка, которая все понимает, но — увы — не умеет говорить.

Ной не открывал рта. Молчала и его мать, наслаждаясь происходящим, слишком счастливая, чтобы о чем-то думать. Говорила Лайла. Она общалась с каждым, каждому успевала сказать что-то непринужденное, улыбнуться. Это получалось у нее настолько хорошо, будто она всегда принадлежала этому кругу.

А Ной открыл пошире уши и глаза. Он смотрел, слушал, впитывал каждую мелочь, каждый жест. Где-то здесь, в этом доме, лежит тот самый пароль, о котором говорил Андрей. Волшебное слово, до поры еще скрытое.

Роскошный зал казался безликим. Он не носил отпечатка личности своего хозяина. Скорее это был отпечаток образа жизни. Символ роскоши. Адам Декер ходил среди гостей, а за ним неотступно следовала юная Мария. Симон куда-то пропал. Сверху зазвучала музыка — неслышанная, вычурно сложная. Множество инструментов ткали легкую паутину мелодии, она нисходила в зал и растворялась в шелесте разговоров.

— Прошу к столу! — раздался голос Адама Декера.

Гости стали рассаживаться.

Возле каждого столового прибора на миниатюрном постаменте из полированного камня помещалась табличка с именем. Лайла быстро нашла свою, а вот таблички Ноя рядом не оказалось. С обеих сторон имени были мужские и незнакомые. Он удивленно посмотрел на невесту.

— Не принято сажать гостей вместе, — быстро шепнула она ему. — Poiщи свое имя.

Ной передал эти слова матери, и они вдвоем отправились искать свои места.

Его прибор оказался недалеко от самого Декера. По обе стороны сидели молодые девушки, их лица казались знакомыми и незнакомыми одновременно. Имен Ной не помнил совсем, но это было не страшно, благо рядом стояли таблички.

Адам Декер открыл праздник короткой речью, в которой поблагодарил гостей за то, что они нашли время посетить его скромный дом. Раздались аплодисменты. Декер вскинул руки. Наступила тишина.

— Друзья, все вы — очень близкие мне люди. Всех вас я знаю и люблю. Но сказать, что люблю одинаково, значит покривить душой. Есть в этой комнате человек, которого я люблю больше всего на свете. Мой светоч, средоточие всех моих помыслов, счастье мое — моя Принцесса.

Декер поднял бокал, и десятки рук присоединились к нему.

Смушенная Мария поднялась.

— За тебя, жена моя!

Зазвенели бокалы.

А потом были танцы. Ной разыскал Лайлу.

— Не могу, Ной. Я уже обещала. И следующий танец. И еще два.

Он помрачнел. Девушка шепотом говорила, что так принято, так надо. Ной едва сдерживал раздражение — кому так надо? Ему? Он оглядел зал и увидел мать. Она общалась с высокопоставленными женами. На ее щеках опять горел румянец, глаза блестели. Ною стало тоскливо. Он почувствовал себя брошенным и одиноким. Он бродил вдоль стен, окруженный музыкой и огнями, смотрел на танцующих и пытался понять, для чего он здесь.

От выпитого немного кружилась голова; захотелось в туалет. Ной несколько раз замечал, как люди входят и выходят через маленькую дверь в дальнем конце зала. Он решил поискать в том же направлении.

За дверью оказался узкий коридор, расходившийся на два рукава. Ной повернул наугад, миновал несколько запертых комнат и оказался в тупике. Все двери были закрытыми, кроме одной. Чья-то тень мелькнула в узкой щели, послышался тихий голос. Ной сразу узнал его — Мария. Она что-то быстро с жаром говорила. Ной тихонько подошел к двери и заглянул в щель.

Посреди небольшой комнатки, загроможденной стульями, стояли Симон и Мария. Она держала его за руки. Симон хмурился, а молодая мачеха что-то шептала ему, склонившись к самому лицу. Он ответил ей, потом высвободил руки, обхватил узкие плечи и притянул девушку к себе. Мария обернулась, бросив быстрый взгляд на дверь. Ной отпрянул, чувствуя, как щеки заливают румянец.

Позабыв о туалете, он поспешил вернуться в зал. Минут через пять появилась Мария, которую тут же окружили гости. И снова в ней не было ничего от той девушки в маленькой комнатке, которая держала Симона за руки, она стала королевой и хозяйкой бала. Спустя четверть часа вернулся Симон. Он улыбался.

Праздник закончился далеко за полночь. Гости прощались и разъезжались по домам. Горничная принесла одежду. Ной помог облачиться матери и Лайле и, оставив их перед зеркалом, вышел на улицу. Было темно и безветренно. Он немного постоял, глядя на далекие фонари, потом скрипнула дверь, вышли мать и Лайла.

Всю дорогу они непрерывно говорили, делясь впечатлениями и восторгами. У Ноя разболелась голова. Он устал, очень устал, в мыслях царил разброд: Мария и Симон, пароль для умной машины, обещанные Лайлой танцы. Он ни на чем не мог сосредоточиться, но и выкинуть из головы все это тоже не получалось.

Так он и мучался до тех пор, пока мать не стала уговаривать Лайлу остаться ночевать.

И Лайла согласилась.

Мать ушла готовить комнату, оставив молодых вдвоем на кухне.

— Совершенно другая жизнь, — сказала Лайла, стоя у окна и глядя на свое отражение. — Другой мир. Мы взлетаем к самому небу. И, знаешь, я немного боюсь этой высоты.

Она обхватила себя руками. Ной подошел к ней и осторожно обнял, почувствовав, как дрожит тело. Лайла сжала его руки.

— Ты заметил, как он смотрит на жену?

— Да.

— Вот это и есть любовь. Ей даже слова не нужны, она так бесспорна, так очевидна. Так прекрасна.

— А как она на него смотрит?

— Женщине не пристало выражать свои чувства.

Лайла повернулась к нему и улыбнулась. Ной склонился и поцеловал девушку прямо в мягкие теплые губы. Она не отстранилась.

— А у нас будет так? — спросила она.

— У нас будет лучше.

— Грешно желать большего.

На этот раз Лайла сама потянулась к его губам.

На лестнице слышались шаги, и молодые люди поспешно отпрянули друг от друга. Вошла мать. Она все еще была в новом платье, но лоск и оживление постепенно таяли, и сквозь них просвечивала простая человеческая усталость.

— Постель готова, — сказала она. — Я положила пару одеял, если замерзнешь.

— Спасибо. — Лайла улыбнулась. — Все было так чудесно, что я могу согреться одними только воспоминаниями.

Они пожелали друг другу доброй ночи и разошлись по комнатам.

Ной не мог заснуть. Он ворочался с боку на бок и думал о Лайле, о Марии, о Симоне и большой любви. Близость девушки, ее присутствие в доме, рядом, за тонкой стенкой, не давало ему спать. От непривычного алкоголя мысли скакали и путались. Его знобило.

Прошел час. Дом молчал. Ной стал, накинул халат и вышел из комнаты. У двери Лайлы он остановился и тихонько постучал.

— Да, — едва слышно раздалось оттуда.

Он вошел.

Лайла лежала в кровати, укрытая всеми одеялами. Наружу высывалась только голова. Ной подошел к ней и сел рядом.

— Не спится? — спросила Лайла.

Он кивнул.

— Мне тоже.

Она высунула наружу голую руку и коснулась Ноя. Он склонился и поцеловал ее. Она ответила. Поцелуй получился длинным, теперь они не торопились, не боялись, не стеснялись друг друга. Ной скинул халат и остался в одной пижаме. В полумраке комнаты он не мог разглядеть лица Лайлы. Холод пронизывал до костей. Девушка почувствовала это. Откинула край одеяла. Ной скользнул к ней.

Там было жарко. Он почувствовал ее тело — теплое, мягкое и совершенно голое. Ее груди прижались к его груди, ноги обвили его ноги, согревая, разжигая огонь. Ной положил руку ей на живот. Кожа была гладкой, как у ребенка. Она удержала его.

— Нет, — прошептала в самое ухо. — Не сейчас.

— Почему?

— Не так. Назначь день — пусть все будет так, как должно быть. Назови меня своей женой.

Она придвинулась к нему ближе и коснулась губами уха.

— Я отдам тебе все.

Ной застыл. Он согревался. Тепло ее тела передавалось и ему. Лайла опустила голову Нюю на плечо.

— Полежи со мной, — попросила она. — Это не будет большим грехом.

Ной повернулся и поцеловал ее в висок. Закрыв глаза.

В кабинете было тихо. Сотрудники группы разошлись, ушел Рувим, в коридорах гас свет. Ной смотрел на экран, а мысли его блуждали где-то далеко.

Через две недели их с Лайлой обвенчают. День назначен. Вчера Ной с матерью были у Гамовых и обсудили все подробности предстоящего празднования. Через две недели Лайла Гамова станет Лайлой Коштун.

Ной улыбнулся и посмотрел на пустое поле ввода. Умная машина все еще не допускала его к тайнам Адама Декера. Ной перебрал уйму вариантов, так и этак обыгрывая слова Мария и Принцесса. Ничего не выходило. Он никак не мог сосредоточиться. В голову все время лезла старая глупая песенка:

Юная Принцесса во дворце жила,
Косы заплетала, Принца все ждала.
Принц явился к деве на порог дворца,
Запылали страстью юные сердца.
Глаза к глазам, уста к устам,
И жизнь отныне пополам,
И будет сердце биться
Лишь для красавца Принца.

Ной усмехнулся. Мария — Принцесса, а Симон, надо полагать, Принц. Он вздохнул и снова стал напевать.

Но однажды утром в синем январе
Приключилось чудо — радость при дворе:
Юная Принцесса сына родила
И впервые крошку на руки взяла.
Глаза к глазам, уста к устам,
Теперь вся жизнь к его ногам,
Отныне сердцу биться
Для Маленького Принца.[1]
Ной вздохнул и вбил в окошко: «Маленький Принц».
— Пароль принят!

Электронный голос прозвучал удивительно громко. Ной вздрогнул и инстинктивно подался вперед, пытаясь прикрыть собой экран.

— Добро пожаловать, Адам Декер!
Получилось.

Глава 18. Большой Город

Ной нашарил на столе телефонную трубку. Прислонил к уху. Начал набирать номер. На второй цифре ошибся, нажал «сброс» и принялся набирать снова. От возбуждения дрожали пальцы.

— Алло? — раздался в трубке настороженный голос матери.

— Мам, это я, — заговорил Ной, стараясь придать голосу непринужденность. — Мне придется остаться сегодня на работе. Срочное дело.

Ной лихорадочно думал. Нельзя, чтобы она начала возражать. Нужно сказать что-то такое, что сразу отметет все вопросы. Сказать прямо сейчас.

— Но... — начала мать.

— Мам, это большое доверие, — ляпнул Ной первое, что пришло в голову. — Личная просьба Адама Декера. Он не хотел говорить никому, кроме меня. Он доверяет мне. Он отблагодарит.

Всю эту чушь он выпалил сплошной скороговоркой, сам не понимая толком, что говорит. Это был бессмысленный набор слов, но каждое из них имело вес: «доверие», «личная просьба», «благодарность» — весомые аргументы.

— Не волнуйся, мама.

В трубке раздался вздох.

— Я понимаю, Ной. Не все нам праздник. Твой отец тоже часто оставался на работе. Видно, так надо. Ты только не надорвись, Ной. И постарайся, чтобы это не стало правилом.

— Я постараюсь, мам. Просто сейчас это впервые. Нельзя было отказывать. До завтра, мама. Целую!

— До завтра, сынок. Постарайся вернуться пораньше.

— Постараюсь.

— Ной.

— А?

Она немного помолчала.

— Ничего. Будь осторожнее, ладно?

— Да, мам. Мы с Лайлой договорились на завтра позаниматься вождением. Я буду на машине.

— Вот и хорошо. Буду вас ждать. Сделаю вам что-нибудь вкусненькое.

— Отлично! До завтра, мам!

Ной повесил трубку и вытер ладони о свитер. Посмотрел на экран. Интерфейсный куб развернулся в ленты каталогов. Пора приступить к делу. Ной внимательно проглядел список и остановился на пункте «Коштун». Вошел. Внутри оказался еще пункт: «Важно».

«Начнем с самого важного», — подумал Ной и нажал кнопку.

Доклад начальника отдела Биоанализа при объединенных Лабораториях Петра Коштуну относительно возможных последствий появления Химер.

Ной скользил глазами по строчкам. Текст был объемный и изобилует непонятными, труднопроизносимыми словами; слишком много терминов, сложных формулировок и слишком мало времени. Сначала Ной пытался читать текст целиком, но скоро понял, что это бесполезно. Он лишь быстро просматривал страницы, выхватывая отдельные фразы:

...основное свойство Химер есть их абсолютная изменчивость и способность воспроизвести любую органическую и неорганическую субстанцию. Возможно, атомарная...

...в виде атомарной взвеси, Химеры, скорее относятся к химии или физике, чем к классической биологии. Тем не менее...

...отсутствие надежного способа контроля...

...комбинированные формы возможны при вмешательстве в начальную стадию синтеза или инициации его отобранными образцами...

...экспериментальные особи-прототипы. Находятся под постоянным наблюдением. Измеримых отличий от оригинала нет. Комбинированные формы нежизнеспособны...

...третье поколение Химер...

...потомство, полученное естественным путем, наследует все основные признаки родителя. При этом сохраняется способность к значительным вариациям: перестройка метаболизма, как реакция на изменение окружающей среды; в определенных пределах, изменение геометрии тела; адаптация органов чувств...

...тараканы. Скорее всего, их следует рассматривать, как результат естественного скрещивания человеческого существа и атомарной копии-химеры. Появились предположительно 5-10 поколений назад. Изменчивость ограничена, но, тем не менее, аномально высока для человеческого существа в пределах одного поколения...

...причинам демонстрируют поведенческую модель насекомых. Способны стать доминантными хищниками, что поведет за собой прямую угрозу существованию человека, как вида...

Ной перевернул последнюю страницу и потер заочневшие ладони. В конце доклада была рецензия.

«Выводы, сделанные в докладе, нельзя признать достаточно обоснованными. Имеющихся экспериментальных данных явно недостаточно для того, чтобы принимать серьезные решения. Рекомендовано продолжать исследования».

Ной открыл следующий документ.

Петр Коштун. Лабораторная запись № 218.

Доставлен образец. Химера нулевого поколения. Вид — человек.

Образец найден в сверхдальней экспедиции № 91 оперативного отдела «Поиска». Северо-западное направление. Поселок «Могилки».

Статус поселка: необитаем. Предположительно, население погибло почти сразу после Армагеддона.

Описание образца: мужчина негроидной расы, около тридцати лет. Видимых повреждений на теле не обнаружено. Крайне истощен. Одет в комбинезон из неизвестного синтетического материала. Материал передан на анализ. На груди слева — текст. Прочитать не удалось. Передан на экспертизу. В руках образец держал предмет неизвестного назначения. Описание: компактная «паутина», образованная тонкими, предположительно, металлическими трубками. Предмет, так же, передан на экспертизу.

Дополнительные данные.

Первый случай обнаружения Химеры нулевого поколения в виде человеческого существа. Без ответа пока остается вопрос: как мог оказаться чернокожий мужчина так далеко на севере? Удивительно, что Химер не обнаружили ни в одной из предыдущих сверхдальних экспедиций в южном направлении. Предполагаю, что появление Химер и этого человека взаимосвязано.

Результаты экспертиз:

1. Анализ текста на одежде показал смесь русского и английского языков на основе латинского алфавита. Возможный вариант перевода: «Большой город».

2. Материал «паутины» не идентифицирован. Не поддается механическому и химическому воздействию в рамках возможностей Лаборатории. «Паутина» испускает радишум на частоте около 20 ГГц. Предположительно, может являться электронным прибором.

3. Материал костюма, так же, не идентифицирован. Свойства схожи с материалом «паутины».

Последний, третий документ, оказался самым маленьким.

Начальнику Объединенных Лабораторий Адаму Декеру от заведующего направлением биологических исследований Василия Камушкина, докладная записка.

Сего дня заведующий лабораторией биоанализа Петр Коштун явился на работу в положенный час и прошел в хранилище. Возле двери в хранилище неотлучно находился младший сотрудник группы, ожидая доставку образцов. Около трех часов дня образцы были доставлены, но попасть в хранилище оказалось невозможным — Коштун не отвечал на стук. Через полчаса прибыли представители службы безопасности и вскрыли дверь. Петра Коштуна в хранилище не оказалось. Исчез образец Химеры номер ноль.

Дверь была заперта изнутри, окон в помещении хранилища нет. Я лично опросил всех сотрудников, но никто не видел Петра Коштуна, начиная с девяти часов утра. Прошу Вас дать распоряжение о режиме дальнейшего функционирования вверенных мне объектов.

Ной задумчиво смотрел в экран, пытаясь уложить в голове то, что недавно прочел. Глаза слипались, часы показывали половину третьего ночи.

Отец исчез. Все было так, как и рассказывали Ною: вошел в свой кабинет и пропал. И объяснения этому нет. Наверняка, его исчезновение и пропажа той самой Химеры — связаны между собой. Но как? Этого Ной не знал. Может быть, не знал и сам Декер. Или прятал эту информацию более надежно. Ною даже пришла в голову мысль, что Декер мог намеренно положить здесь эти документы, предполагая, что Ной попытается добраться до них. Декер умный человек, он мог не поверить беспомощному вранью Ноя насчет задержек на работе и сделать правильные выводы. Не исключено, что Рувим рассказал о попытках взлома. Если все так, Декер мог выложить здесь те документы, которые счел возможным показать Ною и скрыть остальные. Но зачем так сложно? Почему просто не показать их?

Вопросы. Вопросы. Вопросы.

Ной помотал головой и приступил к другим каталогам. Может быть, там найдется какое-то объяснение, или встретится информация о Большом Городе, лишь мельком упомянутом в записях отца.

Информации было море. Отчеты, расчеты, таблицы, графики, доклады, записки. Ной подпер руками голову и погрузился в чтение. Время летело быстро, и он сам не заметил, как начало светать. Так и не найдя ответы на главные вопросы: как исчез отец и где Большой Город, Ной выключил умную машину, оделся, вышел в коридор и спрятался в закутке, где хранилась всевозможная рухлядь. Он собирался дожидаться Рувима и войти в помещение группы после него. Незачем старику знать о том, что он провел здесь всю ночь.

Ной сидел с Мамочкой в столовой. Она апатично ковыряла вилкой в тарелке и выглядела потерянной.

— Что-то случилось?

Мамочка кивнула.

— Ушки пропал.

— Как пропал?

— Вечером был в палате, а утром исчез.

— Вот дела...

— Я боюсь, что он мог выйти в бреду. Если так, то он насмерть замерзнет. Одежду никакую не взял...

— Его ищут?

— Да. Сообщили в милицию.

— А как же он вышел из больницы?

— Не знаю.

Ной задумался. Этого еще не хватало. Зачем Ушки понадобилась выкидывать такие номера? В то, что он ходил в бреду, Ной не верил. Ушки был истощенным, слабым, но голова у него работала как надо.

— Ты передала ему мою посылку?

— Да. Еще на выходных отнесла.

— Что он с ней сделал?

— Поставил эту забавную фигурку на тумбочку. Сказал «спасибо».

— И все?

— Все. А что? Что это вообще за штука была? Она показалась мне очень странной. Она слишком...

— Вот-вот. Слишком.

Ной умолк. Молчала и Мамочка. Она выглядела уставшей. Последнее время ее лицо округлилось, на нем всегда розовел румянец — она очень похорошела. Но сегодня румянец сменился серой бледностью. Она выглядела нездоровой.

— С тобой все в порядке? — спросил Ной.

— Да. А почему ты спрашиваешь?

— Ты... ммм... неважно выглядишь.

— Это ерунда. В последнее время меня немного мутит. Да и Ушки меня расстроил. Она тихо всхлипнула.

— Не переживай. Он найдется. Он и не в такие передрыги попадал.

— Буду надеяться, — вздохнула Мамочка. Головы не подняла. Не улыбнулась.

После обеда Ноя вызвал к себе Рувим.

— Садись, — сказал он, указывая ему на стул.

Ной сел. Рувим запер дверь кабинета на ключ, устроился за столом и грустно посмотрел на молодого подчиненного. Ной сидел спокойно: знал, зачем он здесь.

— Ной, я хочу, чтобы ты больше этого не делал, — сказал Рувим.

— Чего именно?

— Знаешь, ты не умеешь притворяться. Совсем. Особенно, притворяться глупым. Я долго закрывал глаза, все-таки речь шла о твоём отце. Я подумал, ты имеешь право знать немного больше, чем тебе говорят. Но теперь пора сворачиваться. Ты получил, что хотел. Не стоит больше искушать судьбу. Кстати, кто тебя учил?

— Андрей, — сказал Ной.

Притворяться дальше не имело смысла. Этим он только оскорблял бы Рувима, чего ему делать не хотелось.

— Андрей... Талантливый был ученик.

— Декер в курсе этих дел? — спросил Ной.

Рувим посмотрел на него изумленно.

— Нет. Если бы он знал, ты бы здесь не сидел. Но все тайное, рано или поздно становится явным. Послушай доброго совета — прекращай. Я не буду больше тебя покрывать. Не хочу на старости лет оказаться на улице.

— Хорошо. Но... Я прошу еще об одном дне. Последнем.

Рувим пожевал губами.

— Только один.

— Спасибо.

— И с завтрашнего дня больше никаких задержек на работе.

— С послезавтрашнего — пожалуйста! Этим вечером я не смогу.

Рувим подпер руками голову. Сейчас он выглядел старым. Глубоким стариком. Ноею стало жалко его. И стыдно.

— Устал я от всего этого, — тихо сказал Рувим. — Старый я совсем. Ладно, Бог с тобой. Еще один вечер. Завтра. И все. Понимаешь, Ной? Все!

— Обещаю!

— Хорошо. Иди.

Шли быстрым шагом. Холодный ветер бил в лицо, сыпал потоками снега. Раскачивались фонари. Лайла зябко куталась в длинную шубу.

— Вот наказание какое! — сказала она. — Всю дорогу нам занесет.

— Ничего, я справлюсь, — неуверенно ответил Ной.

Он боялся ехать на машине в такой буран. Не было еще уверенности в своих силах. Однако, показывать это перед Лайлой не хотелось. Она справлялась с ситуациями и похуже. Кем он будет выглядеть, если сейчас начнет ныть? Надо ехать осторожно, вот и все. Потихоньку.

Они забрались в машину и захлопнули двери, отгородившись от непогоды.

— Фух! — сказала Лайла. — Ну что ж, вот тебе настоящий экзамен. Посмотрим, чему ты научился.

— Да уж, — сказал Ной.

Повернул ключ в зажигании. Двигатель покашлял и загудел.

— Боже мой, какой холод, — пожаловалась Лайла. — Как в могиле!

Она повернула рычажок печки и сунула руки поглубже в рукава шубы. Нахохлилась.

— Поехали, Ной. На ходу быстрее нагреется.

Ной переключил передачу и осторожно нажал на газ. Машина тронулась. Он плавно съехал с обочины и повернул к Центру.

До самой Дороги они молчали. Улицы занесло, приходилось соблюдать осторожность. Машины медленно тянулись одна за другой, включив фары. Снег завалил заднее стекло; дворники впереди едва помогали. Колеса проскальзывали, из-за чего автомобиль рыскал носом.

— Не торопись, — посоветовала Лайла. — Трогай газ чуть-чуть, не нажимай.

Ной кивнул. Он сидел, сжав зубы, вцепившись в рулевое колесо. Он почти уперся лбом в стекло, повиснув на ремне безопасности. Сегодня ремень его не раздражал. Он давал ощущение какой-то опоры среди зыбкого хаоса из темноты и снега. Лайла не стала накидывать свой ремень — большая шуба мешала ей. Она дула на ладони, пытаясь согреться.

Медленно они миновали Центр, стали взбираться на холм. Машина шла натужно, колеса то и дело теряли сцепление, что-то стучало по днищу. Впереди почти ничего не было видно. Ной переключил фары на дальний свет, но стало только хуже — теперь он не видел вообще ничего, кроме беспорядочного мелькания миллионов снежинок. Лайла повернула переключатель обратно.

— Не надо, так хуже, — сказала она.

— Я заметил.

— Ты сегодня молчаливый. Что-то случилось?

Ной помотал головой. У него слипались глаза.

— Ничего особенного. На работе устал. Были срочные дела.

— Адам решил использовать тебя как следует, — улыбнулась Лайла.

— Да уж.

— Это хорошо, Ной. Чем чаще ты будешь выполнять его поручения, тем ближе станешь. Вполне возможно, что, когда-нибудь, ты сам займешь его место.

— У него есть сын, вообще-то.

— Его сын — бездарь и пустышка. Прости меня, Господи!

Они взобрались на холм, и покатили по пустынному темному ущелью Дороги.

— Ничего не видно, — сказал Ной.

— Держись посередине. Если кто-то появится, возьми правее.

Ной послушно повернул руль.

Из печки тянуло теплом. Лайла расстегнула несколько пуговиц на шубе. Выл ветер. Снега вокруг становилось все больше.

— Мне уже начали шить платье!

Лайла повернулась к Ною, улыбаясь.

— Какое платье? — спросил он, не сводя напряженного взгляда с дороги.

— Какое? Свадебное! Какое же еще?

— А, да. Здорово!

Лайла молчала. Ной быстро глянул на ее застывшее лицо. Отвернулся к Дороге. Спросил:

— Можно будет посмотреть?

— Ни в коем случае!

Лайла снова оживилась.

— Смотреть на платье до свадьбы нельзя!

— Ты суеверная? — притворно ужаснулся Ной.

— Дело не только в суеверии! — возразила Лайла. Подумала. — А, даже, если и в нем — ради такого случая можно сделать исключение. Исключения замечательно хороши, если не злоупотреблять.

Она улыбнулась.

— Точно!

— Тебе тоже не мешало бы позаботиться о наряде, — заметила Лайла. — Времени остается не так много. Я могу поговорить со своей швеей, чтобы она взяла тебя в оборот.

Ной поджал губы. Меньше всего на свете ему хотелось стоять истуканом в примерочной комнате, обложенному наскоро скрепленными выкройками. Но деваться было некуда — надо.

— Спасибо, — сказал он. — Было бы здорово!

Впереди показался плавный левый поворот — «колено» Дороги: до Квартала оставалась еще примерно треть пути. Ной прищурил глаза, пытаясь рассмотреть что-нибудь в снежной круговерти.

— Возьми правее, — посоветовала Лайла. — Держись рядом со стеной. В такую погоду мы не успеем заметить, если кто-то окажется впереди.

Ной послушно повернул к стене. «Колено» медленно приближалось.

— Послушай, Ной, сейчас, наверное, не самое подходящее время, но я давно хотела сказать... только к слову как-то не приходилось...

Что-то сверкнуло впереди. Лайла умолкла и нахмурилась. Свет отразился на ледяной стене Дороги. Впереди, метрах в ста.

— Там кто-то едет, — сказала Лайла.

Едва она успела договорить, как из-за поворота показалась машина. Она входила в «колено» на огромной скорости, словно и не было вокруг снежного бурана. Машину заносило, притирая к правой стене.

— Сворачивай! — крикнула Лайла и уперлась руками перед собой.

Ной инстинктивно повернул руль. Повернул слишком резко: машину повело в сторону, разворачивая поперек дороги. Встречный автомобиль громко загудел, стукнулся большими колесами в ледяную стену, отскочил и протаранил машину Ноя в правый бок.

Громкий скрежет, рывок, от которого у Ноя щелкнули зубы. Он прикусил язык. Резко запахло нефтью. Намертво сцепившись, обе машины заскользили по диагонали и ударились в противоположную стену. Взметнулся сноп снега, и сразу стало тихо.

Несколько секунд Ной просидел не шевелясь, напрягшись, как пружина и прищутив глаза. Шея и затылок болели. Рот наполнила кровь. Он повернулся к дверце, сплюнул и посмотрел на пассажирское сидение.

Лайла все еще оставалась в кресле, выгнувшись право, в направлении удара. Ее плечо упиралось в бампер, а голова лежала на капоте «Красавчика». Машины Симона Декера. Из-под капота змеился едкий дым, обволакивая фигуру Лайлы. Она напоминала сломанную пополам тряпичную куклу.

— Лайла... — прохрипел Ной.

Прокушенный язык болел и плохо слушался. Он потянул ее за плечо.

— Лайла, ты...

Она повалилась на него. Голова уперлась Ноем в плечо.

— ...в порядке? — автоматически закончил он фразу.

На капоте «Красавчика» осталось большой красное пятно. Ошметки волос. Ворсинки меха с шубы. Ной услышал, как неистово воет ветер. Холод пробирался в кабину.

— Нет! — закричал он и принялся бить кулаками в рулевое колесо. — Нет! Нет! Нет!

Он уткнулся лицом в ее шубу и заплакал. Пушистый мех щекотал веки и лоб. Она уставилась перед собой единственным глазом — половина лица в крови, все еще вяло стекающей по щекам.

«Как глупо. Как глупо, что это произошло так. Это неестественно. У меня нет ничего. У меня больше нет ничего. Он забрал ее. Он ее убил».

Ной осторожно отодвинул от себя тело. Голова откинулась назад, приоткрылся рот. Сломанные зубы. Ной дернул дверь, распахнул ее и выбрался наружу.

Боковое стекло «Красавчика» разбилось. Ной нагнулся и в темноте различил силуэт водителя. Бледную луну лица. Луна дрогнула, пошевелилась. Ной стоял перед дверцей и, сунув руки в карманы, наблюдал, как медленно поворачивает голову Симон. Движение давалось тому с явным трудом. Из раны на лбу стекал ручеек крови, пересекая лицо, словно разделительная линия. Одной рукой Симон все еще держался за руль, другая лежала на колене, неестественно вывернутая. Лобовое стекло покрывала паутина трещин — Симон не пользовался ремнем безопасности.

Наконец, ему удалось повернуть голову. Он посмотрел на Ноя. Глаза косили. Симон попытался сфокусировать взгляд, но не смог. Прищурился.

— А... — просипел он. — Это ты...

Голос равнодушный и безучастный. Неживой.

— Помощь... позови.

Ной отступил на шаг, вытаскивая руки из карманов, размахнулся и изо всех сил ударил Симона кулаком в лицо.

Удар пришелся в переносицу. Ной почувствовал боль в пальцах, почувствовал, как что-то под ними подалось. Услышал тихий треск. Или ему показалось, что услышал. Гудела пурга. Голова Симона дернулась назад и застыла. Из разбитого носа струилась кровь. Кровавый след кулака, горел на нем, словно печать. Симон открыл рот, булькая горлом; уронил голову на грудь.

Ной взял его за волосы и развернул лицом к себе. Глаза младшего Декера закатились, кровавых пузырей в уголках рта больше не было. Он не дышал. Ной быстро отдернул руку. Голова Симона свесилась из окошка, снег валил ему на волосы.

Ной стал пятиться, отходя от «Красавчика». Он пятился, пока пурга не скрыла машину от его глаз. Тогда он повернулся и, припадая на левую ногу, побежал к Городу.

Глава 19. Склад готовой продукции

Андрей читал, притулившись ближе к печке, когда раздался стук в дверь. Он глянул на часы. Стрелки показали половину десятого вечера.

— Кого там еще несет? — проворчал он, с трудом поднимаясь со стула. Колени сегодня болели больше обычного.

— Погода...

Он прошел к двери и спросил:

— Кто?

— Ной, — ответили с той стороны. Андрей насторожился — голос был незнакомым. Низким. Да и что здесь парню делать в такое время? Разве что... разве что, он что-то нашел.

Андрей с сомнением смотрел на дверь.

«А ну как ловушка? Ведь нехорошее ты дело затеял, Андрюша».

Он вдруг почувствовал, что боится. За последние несколько лет он привык думать, что стал выше этого чувства — выше страха. Нечем тому было зацепить его — все уже давно потеряно: здоровье, работа, статус, надежда. Нечего бояться тому, кому нечего терять.

Оказалось — нет. Он боялся. За жизнь свою боялся. Пустую, больную, безнадежную, потерявшую всякую ценность для других, но все еще важную для него самого. Все еще важную.

— Пусти меня, — сказал невидимый гость.

Усталый, бесцветный голос. Но теперь Андрей его узнал.

Он накиннул цепочку на крючок и приотворил дверь. На пороге стоял Ной. И он попал в беду. Это было ясно без всяких слов: подбородок в крови, глаза дикие, голова трясется. Андрей прикрыл дверь, снял цепочку и поспешно втянул Ноя в прихожую.

— Что стряслось? — спросил он.

Ной привалился к стене и поднял к Андрею бледное осунувшееся лицо.

— Я человека убил.

— Что ты сделал?!

Больные легкие не выдержали даже этого негромкого восклицания — Андрей согнулся пополам в приступе кашля. Ной молча стоял и ждал, когда припадок пройдет, глядя на Андрея с отстраненным интересом.

Когда тот затих, он повторил.

— Я убил человека. Симона Декера.

Андрей изумленно уставился на парня. Пару минут он молчал, словно разучился говорить, потом стал медленно и размеренно качать головой. Отступил на шаг. Ной поднял правую руку, ладонью вниз, показывая запекшуюся кровь на костяшках пальцев. Андрей посмотрел на нее, скривился, потом перевел взгляд на Ноя.

— Бога ради, зачем?

— Можно сесть? — спросил Ной. — Мне трудно стоять.

Андрей взял его под руку.

— Идем.

Вода из ржавого крана едва сочилась и была холодная, как лед. Ной долго тер кожу на руках и лице, стараясь смыть кровь. Из мутного зеркала на него смотрело чужое лицо. Потом Андрей усадил его возле печки, и Ной рассказал все, что произошло на Дороге. Андрей слушал его внимательно, время от времени скребя голову длинными нервными пальцами. Когда Ной закончил, Андрей встал и принялся ходить взад вперед по маленькой кухне.

— Жаль твою подругу, — сказал он, наконец. — Очень жаль. Этот мальчишка был говном — туда ему и дорога, но она погибла без вины. Сочувствую.

Ной кивнул. Сидя у огня в тепле и тишине, он впал в состояние отстраненного оцепенения. Ему вдруг стало все равно, что будет с ним. Не было сил думать об этом. Не было сил говорить, шевелиться. Беспокоиться. Вся его воля вытекла по пути от машины до дома Андрея, пока он шел через Город и темные улицы, а ветер бил в лицо. Час за часом, словно в плохом сне.

— Он заслужил это, — повторил Андрей. — Жаль только, что не помер сам. Теперь у тебя большие неприятности.

Он взглянул на часы.

— Вас скоро хватятся, если уже не хватились. Времени мало. Нужно тебя спрятать, и подальше. Ты теперь в Городе не жилец. Старший Декер не угомонится, пока не получит твою голову.

Ной молчал и смотрел в огонь. Андрей подошел к нему и повернул его голову к себе.

— Я пошел к Караско. Попробуем укрыть тебя на одной из баз. У Самсона есть такая, я знаю. Ты сиди здесь, никуда не уходи. Я его сюда приведу. Никому не отрывай и молчи. Ты понял меня?

Ной кивнул.

— Хорошо. Ладно.

«За окном мелькают снежинки. Мама, наверное, сходит с ума. Наверное, позвонила Гамовым. Наверное, они вызвали помощь. Наверное, уже обнаружили машины. Машины и двух мертвецов — Лайлу и Симона. Наверное, уже ищут убийцу. Но в таком буране не останется следов.

Надо сказать маме. Она не переживет удара. Пусть Андрей скажет ей. Или Караско пусть скажет, что я еще жив. Господи, я никогда ни о чем тебя не просил — дай ей дожить до отъезда из Города! Разреши мне уехать с ней!

Лайлы больше нет, и нет необходимости беспокоиться о нарядах, церемонии, будущем, потому что будущего тоже нет, и не нужно ходить на собрании группы, и не сможет Лайла отдать мне все — нечего больше отдавать.

В несколько минут рушится жизнь — удивительно. Нельзя думать о завтрашнем дне — вот что! Кто мы такие, чтобы строить планы? Какое мы имеем право считать, что наступит завтра?

Оно не наступит. Завтра не наступит никогда».

Минуты ползут и слипаются в часы. Тускнеет в печке огонь. Крысы притихли по углам.

И тихо. Тихо.

Тишина.

Около часа ночи скрипнула дверь, зашуршали шаги в прихожей. Ной встрепнулся и поднял голову. На пороге кухни возникла высокая фигура. Привыкший к полутьме Ной сразу узнал пришельца — Колотун. Из-за его могучего плеча выглядывал Андрей.

Колотун оглядел кухню, его взгляд остановился на Ное.

— Ну ты как? — спросил он.

— Нормально, — ответил Ной.

Колотун вошел и, сняв шапку, уселся на свободный табурет. Андрей взял из угла деревяшку и бросил в печку. Палка зашипела и защелкала. Потянуло дымом.

— Жалко, — сказал Колотун.

Ной молчал.

— Ты как, идти сможешь?

— Куда?

— Есть одно место. Надежное. Собирайся и пошли. Надо поторапливаться.

Они спустились к подъезду. Посреди пустынной улицы стояла машина. Колотун открыл дверцу, подождал, пока Ной усядется, быстро оглядел темные окна напротив и занял свое место. Они поехали к окраине.

Метель утихла. Ной смотрел на разрушенные дома, подъезды без дверей, груды мусора и думал о том, что видит это, скорее всего, в последний раз. Он так и не успел попрощаться с Городом. Плохой или хороший, Город был ему домом. Жалко, что не удалось посмотреть в последний раз на школу, на Квартал, на площадь в Центре, не получилось сказать: «прощай». Городу суждено было остаться в его памяти пустыми заброшенными улицами, мертвыми домами, тишиной, тоской и страхом. Ной не хотел такого расставания.

Колотун повернул в глухой переулок и выключил огни. Посмотрел на Ноя.

— Отсюда до милицейского кордона полквартала. Но туда нам нельзя. Пойдем в обход. Ты тепло одет? Если что, там у меня сзади есть барахлишко.

— Все нормально, — сказал Ной. — Не замерзну.

— Ну, смотри.

Он немного помолчал, разглядывая ладони, и спросил.

— Понимаю, вопрос некстати, но ты там ничего не раскопал? Насчет Большого Города?

— Нет. Ничего толком. Только упоминание о том, что он где-то есть. Где-то на северо-западе. Далеко.

— На северо-западе... — повторил Колотун. — Понятно. Ясно. Ладно, пошли.

Они выбрались из машины и вошли в темный подъезд дома напротив. Дом был совсем плох, из тех, что разбирали на кирпичи, когда шло большое строительство. От

него осталось только два этажа. Стены обрывались неровной каймой, на лестнице, ведущей на второй этаж, лежал снег.

Колотун зашел под нее.

— Осторожнее здесь, — сказал он тихо. — Береги голову.

Звякнули ключи, заскрипели старые металлические петли. Пахнуло холодом и сыростью. Послышалась возня, и загорелся слабый желтый свет.

Колотун стоял на верхней ступени лестницы, ведущей в подвал здания. В руках он держал лампу.

— Идем. Здесь есть выход в коллектор. По нему до места час-полтора ходу. Пройдем незамеченными. Милиция под землю не сунется.

— А тараканы? — испуганно спросил Ной. Он еще слишком хорошо помнил ту прогулку под улицей Святого Варфоломея, после которой его несколько ночей мучили кошмары.

— Их тут нет, — коротко сказал Колотун. — Пошли.

В жиденьком свете лампы он двигался быстро и уверенно, очевидно ориентируясь по каким-то ему одному ведомым приметам. Для Ноя коридоры оставались совершенно одинаковыми и различались только по размерам — кое-где приходилось сильно пригнуться, чтобы не стукнуться головой в потолок. Глухую тишину нарушали только приглушенные плески шагов по лужам.

— Этот ход мы с Караско придумали довольно давно. Еще ни о какой эвакуации разговора не шло. На всякий случай. Наши знают, теперь и ты знай.

— И Мамочка знает?

— Да.

— А Ушки знал?

— Знал.

— Куда мы идем?

— На склад готовой продукции. Вобщем, сам увидишь.

— Ты знаешь, что Ушки пропал из больницы?

— Угу.

— Он не мог пойти туда?

— Вряд ли. Хотя, кто знает. Придем — выясним.

Некоторое время шли молча.

— Так, — сказал Колотун, — теперь осторожнее. Не нарвись на растяжки. Слушай, что я говорю, и смотри под ноги.

Преграда, которую милиция установила в коллекторе, выглядела смехотворно: наскоро устроенная паутина из тонкой проволоки, вслед за которой, поперек коридора располагались на разной высоте еще несколько нитей. Ной с Колотуном без труда преодолели препятствие. Ной подумал, что уж тараканов оно точно не обнаружит, разве что по чистой случайности.

Они отошли от сигнализации уже довольно далеко, когда Колотун вдруг остановился и посмотрел вверх. Туда уходила бетонная труба, на поверхности которой торчали ржавые скобы.

— Нам туда, — сказал Колотун. — Я первый, ты за мной.

Они выбрались из коллектора и оказались на заснеженном тротуаре. Дома здесь были совсем плохие, многие разобранные почти до фундамента. Их стены, словно обломанные зубы, чернели по обеим сторонам улицы. Позади остались огни прожекторов кордона, впереди разливалась густая темнота ночи.

— Вот так, легко и непринужденно, тараканы и пожалуют в Город, — мрачно сказал Колотун. — И ничто их не остановит. Идем. Теперь уже немного осталось.

Они пошли вдоль старых стен, и темнота приняла их под свое крыло.

«Темнота и есть воплощение одиночества, — подумалось Ною. — Никого нет в темноте. Даже меня самого. При свете дня и свете ламп мы есть, но, когда спускается ночь, а мы идем по улице без фонарей — нас нет. Мы исчезаем. И никому не дано знать, появимся ли мы вновь».

Они покинули пределы Города. Снег здесь был глубже, идти стало труднее. Потянулись гнилые дырявые заборы, за которыми не было ничего, кроме больших сугробов. Колотун несколько раз сворачивал в узкие проходы, уводя Ноя все дальше и дальше от Города. Скоро и заборы остались позади. Почти невидимая под снегом дорога вела вдоль узкой полосы елок, а по другую руку раскинулось пустое белое поле.

Ной страшно устал и едва передвигал ноги, увязая в глубоких сугробах. Он уже готов был остановиться и сказать: «Все. Я больше не могу». Колотун опередил его, указав на проплешину среди ряда деревьев.

— Почти пришли. Еще немного.

Склад готовой продукции представлял собой неплохо сохранившийся двухэтажный панельный дом с заколоченными окнами. Колотун подошел к двери, нашел нужный ключ и отпер ее.

Внутри — хоть глаз выколи. Колотун снова зажег лампу.

— Ну вот, здесь тебя и укроем.

Они пошли по узкому коридору. Ной пару раз споткнулся на неровном полу. Старый линолеум вытерся и наполовину сгнил, на грязно желтой поверхности чернели широкие прорехи. Колотун остановился возле одной из дверей, толкнул ее и вошел.

Комнатка была небольшая. Обстановка состояла из узкой кровати, накрытой парой одеял; печки в углу, выгнутая коленом труба которой выходила в щель заколоченного окна; рядом с печкой вдоль стены штабелем лежали дрова; возле окна стоял стол и пара стульев. Колотун уселся на один из них, жестом пригласил Ноя устраиваться рядом.

— Ффух, — выдохнул он. — Добрались.

Посмотрел на Ноя.

— Здесь есть все, что нужно: место, чтобы спать, еда, чтобы есть. Еда в подвале, я покажу. Побудешь здесь несколько дней, пока мы не подготовимся. Тянуть больше нечего.

— Вы приедете за мной? — спросил Ной.

— Угу. Бог даст, прорвемся с вездеходом. Но это наши проблемы. Ты пока отдыхай.

Ной опустил голову и замолчал.

— Не переживай так. Малютка Декер давно нарывался. Вот невесту твою жалко...

Колотун немного помолчал и добавил.

— Все еще наладится. Вот увидишь.

Ной не отвечал.

— Для готовки печка вполне подойдет. Можешь топить спокойно, из Города дым не видно. В соседней комнате есть ванна. Ну что-то вроде. Умыться можно. Воду только согреешь и мойся. На воду снег растопишь. Дров не жалея. Вот так...

— Маму возьмите, — сказал Ной. — Обязательно возьмите. Я без нее не поеду.

— Возьмем, возьмем. И маму, и Мамочку — всех возьмем. Ладно. Давай горячего выпьем, и я пойду. А ты спать ложись. Нечего тебе тут всю ночь глазами хлопать.

Колотун встал и пошел к печке.

Мать Ноя плакала.

На кухонном столе стояла тарелка с давно остывшим ужином для сына. Сейчас на его месте сидел следователь и что-то писал на листе бумаги. Двое милиционеров обыскивали дом.

— Так вы говорите, Ной домой не приходил?

Женщина помотала головой.

— Не знаете, куда он мог пойти? Кроме Гамовых.
— Нет.
— Скрываясь от нас, он только вредит себе. Для него же лучше объявиться как можно быстрее.

Мать Ноя подняла мокрое от слез лицо.

— На старую работу. В Поиск. Он мог пойти туда.

— И все?

— К бабушке из группы. Я не знаю...

— Хорошо. Я оставлю возле дома людей. На всякий случай.

Не получив ответа, следователь встал и подвинул ей исписанный лист.

— Здесь ваши показания. Подпишите внизу.

Мать Ноя взяла лист, попыталась читать, но не смогла разобрать ничего. Слезы застилали глаза.

К Караско явились рано утром. Пять человек с приказом на обыск. Тот не возражал и, казалось, не удивился. Пока милиционеры работали, он со следователем разместился на кухне.

Следователь выглядел старым и уставшим. Он тяжело, шумно дышал и то и дело вытирал со лба капли пота. За несколько часов до рассвета он уже успел осмотреть место происшествия, успел побывать у Декера.

Известие о смерти сына поразило того, как кол в ребра. Крепкий, здоровый на вид человек, он схватился за грудь и упал бы на пол, не успей следователь поддержать его. Еще хуже получилось с матерью Симона. Узнав об аварии, она впала в истерику, стала биться о стены и, в конце-концов, потеряла сознание. Пришлось срочно посылать за врачом. Немного придя в себя, Декер сразу же перешел в наступление. Он принялся звонить членам Совета, поднимая их на ноги посреди ночи, в управление общественной безопасности. За несколько минут, дело, которое казалось простым и ясным, усложнилось немыслимо. Все новые и новые люди подключались к следственной команде, все выше поднималась ответственность. Много слов было сказано о возмездии и воздаянии по делам, но между словами этими ясно и недвусмысленно проступало одно — Декер жаждал крови. И он не успокоится, пока не увидит ее пролитой. Лично.

А потом был разговор с матерью виновного. Женщина выглядела ужасно. Известие просто раздавило ее, как давит башмак букашку. Очень долго следователь не мог добиться от нее ни единого звука. Она молчала. Сидела за столом и молчала. Только укол, сделанный явившимся от Декеров врачом, позволил добиться нескольких слов, необходимых для протокола.

— Когда вы в последний раз видели Ноя Коштуна? — спросил следователь, разглаживая перед собой новый лист бумаги. От усталости буквы расплывались. Ему пришлось наклониться, почти носом ткнуться в документ, чтобы писать.

— В день выхода из больницы, — ответил Караско. — После возвращения из последней экспедиции Поиска.

— Как вы думаете, куда он мог пойти?

Караско пожал плечами.

— Трудно сказать. Я не так хорошо знаю парня, чтобы строить предположения. Ко мне он не заходил.

— Возможно, к кому-то из ваших подчиненных?

— Мои все на новом объекте. Четвертая сторожевая база. Чтобы туда попасть, ему потребовалось бы пройти через кордон. Спросите там, может быть, они его видели?

— Спрошу. И попрошу вас на этом листе написать список всех тех лиц, с которыми Ной общался за время, что работал под вашим началом. Желательно с адресами.

Ной проснулся от холода. Прислушался. За окнами было тихо, ветер больше не выл. Печка тоже молчала: огонь погас. Дрова, которые положил Колотун, прогорели, а новых Ной не добавил. Он лежал, собираясь с силами, чтобы вылезти из-под одеял. В голову лезли воспоминания о прошлом вечере. Постепенно, они затопили память, словно река и вытеснили все остальное. Ной стал вспоминать Лайлу. Не мертвую, склонившуюся на залитый кровью капот, а живую: как она устроилась на диване в квартире Гамовых, подтянув под себя ноги, и слушала, время от времени высказывая свое мнение; как встретил ее в старой исповедальной группе — она сидела на стуле и смотрела в окно; и снова Ной подумал, какая же она красивая; вспомнилась ночь, после праздника у Декера, тепло тела Лайлы под одеялом...

Он задрожал: холод пробирал до костей. Из рта вылетали облачка пара. Пришлось заставить себя выбраться из-под одеял и разжечь огонь. Черные тени заплясали по стене под тихое гудение воздуха в трубе.

«Колотун не сдержит слово, — подумал Ной, протягивая руки к теплой печке. — Он ничего не скажет маме, пока вездеход не будет готов отправиться в путь».

— Дождись, мама. Пожалуйста, — прошептал он.

Ной убил человека. Это был смертный грех. Как? Как он смог сделать это? Он — Ной. Что направило его руку? Кто направил? Ной не помнил, как ударил Симона. Весь тот вечер был наваждением — пурга, авария, удар.

«Почему Ты отнял ее у меня? Зачем? Кто, как ни она был достоин спасения? Почему Ты позволяешь жить другим, тем, кто этого не достоин и забираешь лучших? Забираешь ее, заставляя меня жить. Да, я грешен. Я окружил себя ложью, запутался в паутине обмана, но почему Ты не наказал меня? Если Лайла стала мне назиданием, то слишком жестоко это назидание. Недостойно оно... Бога»

Ной испугался этой мысли. Он не заметил, как плач его превратился в богохульство. Он весь напрягся, ожидая чего-то страшного, ожидая, что пол разойдется у него под ногами и обрушит его вниз, вниз — в геенну огненную. Но ничего не изменилось в комнате. Тихо потрескивали дрова, и плясали тени.

— Я не верю в тебя, — едва слышно произнес Ной.

Прислушался.

— Я в тебя не верю, — повторил он громче.

Внезапно он почувствовал воодушевление. Ной поднялся на ноги. Тело стало легким и подвижным, будто не сковывал его сырой холод, будто упал с плеч тяжелый груз. Хотелось побежать, прыгать, размахивать руками, кричать.

— Я не верю в тебя! Тебя нет! Тебя придумали сумасшедшие оборванцы! Ты не бог — ты узда, оправдание всей мерзости Города-выродка! Нет тебя!

Ной кричал и бегал по комнате, ударяя кулаками в стены. Постепенно крики его утратили смысл, они превратились в вопли. Он орал, словно безумный, и тень его скакала по стене неистовым бесом.

Полчаса спустя, накинув на плечи одеяло и подняв воротник, Ной вышел на улицу. Все вокруг было серым и неясным. Тяжелые шапки снега лежали на лапах елок, и где-то за ними, далеко-далеко на востоке темнела окраина Города. Дым из трубы поднимался жиденький, и уже на уровне второго этажа он полностью растворялся в воздухе, оставляя после себя лишь подтаявшую снежную шапку на краю крыши. Ной набрал в ведро снега, вернулся в дом и поставил ведро возле печки. Потом зажег лампу, оставленную Колотуном и отправился в кладовую.

Узкая лестница уходила вниз, в обширный подвал здания. Слабого света лампы не хватало, чтобы оглядеть его целиком. У ближайшей стены стояли, одна на другой, коробки с припасами. Ной поставил лампу на пол, и открыл ближайшую.

Откуда-то справа, из глубины подвала, донесся слабый шорох. Ной застыл, превратившись в слух. Вот снова. Звук был такой, словно двигали коробку по бетонному полу.

«Крысы? Этого еще не хватало».

Ной поднял лампу и, щурясь от света, бьющего в глаза, медленно пошел в направлении звука. Круг желтого света колебался, время от времени выхватывая из темноты новые коробки, пакеты и ящики. Ной поднял лампу выше, стараясь осветить большее пространство, и увидел босые ступни. Сначала ему показалось, что это мертвец: кожа была серая и блестящая, а через секунду, ступни исчезли из поля зрения, растворившись в темноте. Оттуда раздалось громкое шипение. Ной вздрогнул, непроизвольно поднимая лампу еще выше.

Белое худое тело с глубокой черной раной на ноге, выпученные глаза, оскаленный рот, который снова зашипел, руки уперлись в пол, мышцы напряглись, готовясь к броску. Ной повернулся кругом и бросился вон из подвала.

Глава 20. Обратный отсчет

16

Рувим спешно одевался — Адам Декер приказал поторапливаться. Человек из службы безопасности Лабораторий стоял у него за спиной и смотрел, как старик трясущимися пальцами застегивает пуговицы. Рувим натянул шапку и повернулся к сопровождающему. Стараясь подавить дрожь в коленях, он переступил с ноги на ногу и сказал:

— Я готов.

На улице проводник взял его под руку. Рувим попытался было высвободиться, но получил лишь сухое:

— Ведите себя хорошо. Не создавайте новые проблемы.

— А в чем, собственно, дело? К чему такие меры?

Возмущения в голосе не вышло. Слова прозвучали, как испуганное хныканье ребенка, пойманного учителем за ухо.

— Вам все скажут на месте.

Оставшуюся часть пути оба молчали.

В кабинете Адама Декера сидел начальник службы безопасности. Сопровождающий сдал ему Рувима и вышел, плотно закрыв за собой дверь.

«Господи, спаси и сохрани!» — взмолился про себя старик и стянул с головы шапку.

Декер восседал за столом, наклонившись вперед, и мрачно рассматривал сморщенное ничтожество, стоящее перед ним. Весь светский лоск и элегантная вежливость, которыми он обычно очаровывал подчиненных, исчезли, как не бывало.

— Садись, Рувим, — сказал он, вместо приветствия.

Пятясь, старик подобрался к стулу и сел на краю, положив руки на колени. От страха он вспотел, но боялся шевельнуться, чтобы расстегнуть пальто. Дурные предчувствия роем крутились в голове. Он уже не сомневался, что его работе в Лабораториях пришел конец. Явившись на службу утром уважаемым, обеспеченным человеком, он выйдет из этого здания презренным нищим. Жена и дочь не работали, сообщая воспитывая его внука. Зять подвизался здесь же в Лабораториях младшим сотрудником в отделе точной механики. Его теперь тоже попрут — будущей карьере конец. «И как теперь жить? На что? Зачем я, старый дурак, ввязался в эту историю?».

— Расскажи мне о Ное, Рувим.

Старик заерзал на стуле.

— Как я уже писал в своем отчете, — проблеял он, — Ной талантливый парень. Очень усердный...

— Я знаю, какой он усердный! — неожиданно рывкнул Декер. Рувим вздрогнул и перестал ерзать. — Расскажи мне о том, что вы с ним затеяли у меня за спиной!

Повисла тяжелая тишина. Старик сидел, совершенно раздавленный, не зная, что сказать.

— Молчишь? Давай я тебе помогу. Ты, человек, которому доверили безопасность хранящейся у нас важнейшей информации, воспользовался моим доверием и помог

мальчишке получить доступ к моим материалам. Ты — саботажник и предатель. Ты плюнул в руку, которая тебя кормила. Ты возомнил, что можешь решать за других.

Декер повторял это «ты», словно вбивал гвозди. И Рувим понимал, куда эти гвозди садятся. В его гроб.

— Я наблюдал за тобой, — продолжал Декер, немного успокоившись. — После того давнего происшествия, когда ты допустил проникновение чужака, я утратил к тебе доверие. Как оказалось, не зря. Пришел новый «подающий надежды», и ты снова взялся за свое. Сначала я не поверил в это, но доказательства, которые мне предоставили, были убедительны. Ной несколько раз пытался проникнуть в мой компьютер, а ты молчал. У тебя был шанс, Рувим. Ты мог сделать то, что должен. Я ждал, но ты не сделал ничего. Ты совершил преступление и будешь наказан.

Все так же молча Рувим сполз со стула на колени.

— Пожалейте. Я виноват. Но злого умысла у меня не было. Парень хотел узнать об отце, и я подумал...

— То, о чем ты подумал, не имеет значения. Важно то, что ты сделал. Ты преступил черту, за которой у тебя нет больше никаких прав. Ты не просто потеряешь работу, Рувим — это станет лишь началом твоих бед. Я предам тебя суду, и твои грехи падут на твоих детей. Ни ты, ни они, ни твои внуки не будут занимать в Городе никаких должностей. Они будут убирать снег и жить в трущобах. Это я могу обещать тебе прямо сейчас.

— Пожалейте, — прошептал Рувим.

— Кто его научил? — резко спросил Декер. — Он был чистым листом. Кто? Ты?

— Нет!

Рувим подполз к столу, вытягивая вперед руки.

— Не я! Я сделал все, как вы говорили! Я учил его основам и теории, развивал его интеллект. Я бы не допускал его к умным машинам так рано, если бы не очевидные успехи, которые он демонстрировал. Я подумал, что нужно дать ему возможность...

Он захлебнулся словами и на секунду умолк, переводя дух.

— ...научиться.

— Кто его научил, Рувим? — повторил свой вопрос Декер.

Старик молчал. На лице его блеснули слезы.

— Молчишь. Хочешь спасти парня? Хочешь защитить убийцу? Этот Ной убил вчера моего сына.

Рувим охнул.

— Боже мой! Я не знал...

— Имя, Рувим, — сказал Декер почти ласково. — Назови имя.

— Андрей Зарубин.

— Зарубин... — повторил Декер. — Я уже где-то слышал эту фамилию...

— Зарубин перехватил доступ к компьютеру во время первого инцидента, — подал голос начальник службы безопасности.

Декер удивленно посмотрел на него. Тот кивнул. На щеках Декера выступили пятна.

— Андрей Зарубин его учил?! И ты это знал?!

— Я узнал недавно, — пролепетал Рувим.

В кабинете повисла тишина. Декер потер подбородок и посмотрел на начальника охраны.

— Ной может быть у него.

Он повернулся к Рувиму.

— Пойдешь с нами. Покажешь дорогу.

Декер не стал звонить в милицию. Он поручил начальнику службы безопасности собрать всех своих подчиненных, и спустя полчаса, они выехали на четырех битком набитых машинах к дому Андрея. Декер пошел во главе послушной, подчиненной только

ему, армии, и теперь, когда Рувим понял, что им движет на самом деле, стало ясно — для Ноя все кончено. Его найдут рано или поздно и растерзают. Это осознание принесло Рувиму постыдное облегчение — его собственное наказание было только предлогом. Получив Ноя и удовлетворив жажду мщения, Декер мог пощадить старика.

«Как же это он так, — думал Рувим, глядя в окно машины. — Такой тихий, умный, воспитанный парень и вдруг — убийца. Мир, определенно, становится все хуже. К чему мы скатимся через несколько лет? Даже страшно подумать».

Машины остановились возле указанного дома. Армия Декера рассредоточилась вокруг, отрезав все возможные пути к отступлению. Сам Декер, в тяжелой громоздкой шубе, выбрался из машины и посмотрел на Рувима. Тот покорно указал на подъезд.

На стук никто не ответил. Декер отступил от двери и кивнул своим людям. Хлипкая гнилая дверь вылетела с первого же удара. В темной прихожей висела удушливая вонь. Рувима тут же оттеснили в сторону. Загрохотали шаги. Через минуту раздался крик, а потом вдруг стало очень тихо.

Рувим осторожно протиснулся ко входу в комнату, служившую Андрею рабочим местом и спальней. Он остановился, выглядывая из-за плеч застывших людей. В темноте не сразу понял, что заставило всех замолчать. Потом увидел и сам едва сдержал крик.

Андрей, точнее то, что от него осталось, лежал на старом полосатом матрасе. Его тело, обглоданное почти до костей, наполовину сползло с него, затылок упирался в пол. Кровь пропитала матрас и лужей растеклась по полу.

Пока Рувим смотрел на это, остолебенев от ужаса и отвращения, люди вокруг снова зашевелились. Они оттеснили Декера от двери и обступили его, образовав вокруг начальника кольцо. Рувима просто отодвинули с дороги. Кто-то подошел к ванной и открыл дверь. Со своего места старик видел часть выложенного потрескавшейся плиткой пола. Возле унитаза плитка была выворочена, образуя узкую дыру, в которую едва мог бы протиснуться ребенок. К дыре вели кровавые следы.

Подвели Декера. Он долго молчал, глядя на темно-красные разводы, потом сказал:

— Сообщите, куда следует. И опросите соседей.

Его и Рувима сопроводили к машине и оставили там под охраной десятка сотрудников. Декер молчал, а Рувим монотонно причитал:

— Господи, что ж такое делается? Как так можно?

Опрос соседей не занял много времени — в этом районе большинство домов пустовало. Никто ничего не видел и не слышал. Только один старик, плюясь и кашляя, сказал, что в час ночи к подъезду приезжала машина. Она простояла несколько минут, в нее сели двое и уехали в неизвестном направлении.

15

Ной выбежал в коридор, захлопнул дверь и быстро огляделся. Под потолком тянулись две толстые трубы воздуховода; под ними, метрах в пяти от входа в подвал стоял ветхий шкаф с распахнутыми дверцами. Оставив лампу на полу, Ной бросился к нему, влез в тесное, пахнущее пылью нутро и потянул на себя дверцу. Она заскрипела. Этот скрип привел его в чувство. Самый лучший подарок, который он мог сделать существу за дверью, это добровольно забраться в ловушку. Шкаф не подходил. Ной выскочил и еще раз посмотрел на трубы. Они казались достаточно прочными, чтобы выдержать его вес. На другие варианты времени не оставалось. Ной ухватился за крышку шкафа, подпрыгнул, повис и, молотя ногами в воздухе, кое-как подтянулся. Трубы оказались в метре от него, влезть на них было делом нескольких секунд. Ной распластался на животе между ними и пополз задом наперед, подальше от двери. Потом застыл, с ужасом глядя сквозь узкую щель вниз.

Довольно долго ничего не происходило, и Ной успел пожалеть о том, что остался в коридоре, а не убежал куда-нибудь подальше. В случае опасности, отступать будет некуда. Не самое удачное место.

Он боялся пошевелиться. Лежал и ждал.

Минуты растягивались, а сердце, наоборот, все ускоряло свой ритм. Ной очень хорошо помнил, как двигались тараканы там, под улицей Святого Варфоломея — молниеносные броски, настигающие быстрее, чем мысль о том, что все кончено.

«Почему он медлит? — думал Ной. — Чего ждет? Может быть, это не таракан? Просто человек? Тогда почему голый?»

Холод трубы проникал сквозь кожу. Ной почувствовал озноб. Он стал дуть на ладони, стараясь немного согреть коченеющие пальцы, и не отводил взгляда от закрытой двери. Можно было сбегать за ключами, Колотун оставил связку на столе, и запереть ее. И лишиться себя пищи. Нет, этот вариант не годился. К тому же, на возню с ключами не было времени.

«Почему же он медлит? Почему не выходит?»

Словно в ответ на его мысли дверь рывком распахнулась. Ной застыл и перестал дышать.

В темном проеме возникла человеческая фигура. Таракан стоял на четвереньках, низко склонив патлатую голову к самому полу. Некоторое время он принюхивался, потом посмотрел на лампу и выполз целиком в коридор. Он двигался медленно, подволакивая раненную ногу. Лежа на трубах, Ной ощутил слабую надежду. Если эта тварь не способна двигаться быстро, то есть шанс убежать от нее. Главное, не паниковать раньше времени.

Таракан снова склонил голову к вытертому линолеуму. Принюхиваясь, подобрался ближе к лампе. Ее слабого света было достаточно, чтобы понять: таракан — женщина. Молодая еще женщина. Хотя, это вряд ли будет иметь значение, если дело дойдет до прямого столкновения. Ной хорошо помнил, на что способны эти твари.

Покрутившись возле лампы, таракан остановился, задрал голову и принялся осматриваться. Ной вжался в трубы и непроизвольно зажмурился, словно это могло сделать его невидимым. Он слышал дыхание существа внизу — быстрое и сиплое. Не опуская головы, таракан приподнялся, вытянув руки и пополз к шкафу. Ной приоткрыл глаза. Добравшись до цели, таракан снова остановился и прижался лицом к закрытым дверцам. Его дыхание участилось, он засопел. Ной едва подавил порыв отползти назад. Он не знал, видит ли его таракан или нет, почувствовал ли, но не сомневался, что скоро это произойдет.

Опираясь на здоровую ногу, таракан тяжело встал. Одну руку поднял перед собой, как дрессированная собака, другую положил на ручку шкафа. Тело его напряжилось, он несколько раз присел на здоровую ногу, разогревая мышцы. Ной затаил дыхание, и в следующую секунду тварь рывком распахнула дверцу и бросилась вперед. Раздался грохот, шкаф качнулся, ударившись в стену; хлопнули дверцы. Ной вздрогнул и укусил ладонь, чтобы не вскрикнуть. Этот медленный кошмар внизу напоминал сон, но из сна не было выхода.

Таракан осторожно выбрался обратно, вытягивая вперед больную ногу. Снова задрал голову. Из носа стекала струйка крови.

«Если бы я спрятался в шкафу, был бы уже мертв», — подумал Ной.

Таракан принялся ползать возле шкафа, сопя разбитым носом. Он снова попытался найти след, но собственная кровь сбивала его с толку. Он снова отполз к лампе, припал к полу, почти распластавшись на нем, и медленно двинулся обратно к шкафу. Кошмарный сон повторялся.

У шкафа таракан возился довольно долго, частично пропав из вида. Ной дрожал. Горло судорожно сжималось, очень хотелось кашлять. Он снова укусил себя за руку, стараясь дышать часто и неглубоко. Таракан шуршал внизу. Поскрипывали дверцы. Ною начало казаться, что он лежит тут уже несколько часов. Ощущение времени исчезло.

Застонало дерево, и над крышкой шкафа показались ладони, потом голова. Разбитый красный нос. Кровь уже остановилась, оставив на губах и подбородке отвратительные

следы. Серые, почти прозрачные зрачки быстро двигались, осматривая трубы. Ной не шевелился.

Таракан задержался, пытаясь подтянуть тело выше. На лице его проступила боль. Он все продолжал и продолжал свои попытки, вцепившись взглядом в то место, где лежал Ной. Существо дергалось и рычало. Один раз ему уже почти удалось приподняться — над крышкой шкафа появились костлявые плечи. Тварь рванулась вверх, вытягивая руку в попытке ухватиться за трубу, и сорвалась. С грохотом и криком она обрушилась вниз.

Упав, она откатилась к противоположной стене, ударилась об нее больной ногой и хрипло взвыла. Подтянула здоровую ногу к груди, обхватила ее руками, сворачиваясь, как зародыш. Застыла. До Ноя доносились тихие всхлипы.

Он немного расслабился, позволив себе повернуть голову чуть в сторону. Скуля, таракан пролежал неподвижно несколько минут. Потом вдруг рывком развернулся, снова задрал голову, впиваясь взглядом в трубы. Ной непроизвольно напряг мышцы, готовясь к новым попыткам. Но тварь уже оставила мысль добраться до него. Она повернулась и медленно поползла назад к двери в подвал. Она двигалась странно — задом наперед, то и дело останавливалась и пригибалась к самому полу. Стараясь рассмотреть, что она делает, Ной вытянул голову.

Таракан лизал грязный линолеум.

Добравшись до лампы, тварь повернулась, встала на четвереньки и, прихватив лампу с собой, исчезла за дверью в подвал.

14

Ной лежал в полной темноте. Он прислушивался, подозревая ловушку, но снизу не доносилось ни звука. Из приоткрытой двери в подвал, пробивалась полоска света. Постепенно глаза Ноя привыкли к полумраку.

Коридор был пуст. Над трубами дул стылый ветер.

Ледяные ладони онемели. Холод постепенно расползлся по телу, словно туман, заволакивая сознание. Ной понимал, что дальше оставаться на месте нельзя — он замерзнет до смерти. Нужно было убираться как можно скорее. Прямо сейчас. Он осторожно пополз вперед, стараясь двигаться бесшумно.

Оказавшись над шкафом, он обнял трубу и стал спускать ноги. В последний момент, когда Ной пытался нашарить под собой опору, тело скользнуло в сторону, он перевернулся спиной вниз, едва не разжав руки. Пятки стукнули по деревянной крышке. Ной прислушался. Вокруг царил полная тишина.

Он осторожно сел на крышку шкафа и разжал онемевшие пальцы. Поднес их ко рту и стал дуть, пытаясь придать им чувствительность. Он смотрел на дверь в подвал. Полоса света была недвижима.

«Таракан может быть прямо за дверью. С чего ты взял, что он вернется на свое место? А вдруг все, что тут было — только игра? Попытка выманить меня вниз?»

Ной покачал головой. Сложно. Слишком сложно для такого существа, которое ближе к дикому зверю, чем к человеку.

«Или не ближе?»

В любом случае, выбора не было. Пора уходить.

Ной сел на край, толкнулся и прыгнул. Затекшие ноги подогнулись, он упал на бок, больно ударившись локтем, поднялся и быстро заковылял к своей комнате. Там он запер за собой дверь на ключ и прислушался. В коридоре было тихо. Ной подошел к печке, подкинул в угасающий огонь поленья и, грея руки у огня, стал думать, как быть дальше.

Решать проблему нужно быстро, и решать ее нужно радикально. Побег со склада готовой продукции не был выходом, ему не выжить на снегу без пищи и тепла. В Город возвращаться тоже нельзя. Оставалось одно — отстоять свое право оставаться здесь.

Можно запереть дверь в подвал и сидеть голодным в ожидании Колотуна. Уж он-то справиться с этой тварью. Идея хорошая, но только в том случае, если Колотун придет быстро. А он вполне может задержаться.

Значит, нужно напасть на таракана первым, пока еще есть силы, и убить его.

Ной отошел от печки и сел на стул. Он смотрел на огонь, и пламя отражалось в его зрачках. Убить — как просто это слово пришло ему на ум. Еще пару дней назад он даже и не подумал бы о такой возможности, а вчера он сделал это — убил человека. И сегодня снова думает об убийстве. Как легко произошла в нем перемена. Стоило лишь переступить черту, и черта исчезла.

Ной оглядел комнату. Никакого оружия здесь, разумеется, не было. Возле печки валялся кусок железной арматуры длиной сантиметров тридцать, который Колотун использовал, как кочергу. Ной подобрал его и покрутил в руках.

«Слишком легкий, чтобы использовать в качестве дубинки. Синяк, конечно, оставит преизрядный, но этого мало. Надо действовать наверняка. Скорее всего, больше одного удара сделать не удастся. А что, если ткнуть им?»

Один конец прута был спилен под углом и казался довольно острым. Ной огляделся, размышляя, на чем бы его испытать. Его взгляд блуждал по комнате, пока не остановился на столе. Ной сжал свое оружие, глубоко вздохнул и ударил острым концом в столешницу. Прут стукнул по дереву и скользнул в сторону, оставив на поверхности стола глубокую выщерблину.

«Нет. Так не годится»

Ной обхватил кочергу обеими руками, поднял, стараясь держать ее строго вертикально, и ударил изо всех сил. Кочерга воткнулась в столешницу и застряла там. Ной рывком высвободил ее. Снова поднял, и снова ударил. Получилось еще лучше. Улыбаясь, он принялся раскачивать кочергу, готовясь для очередного броска.

Столешница покрылась дырами. Ной часто дышал — он вспотел, стоял, непослушными пальцами расстегивая куртку. Все получится. Это оружие способно нанести серьезный удар. Достаточный для того, чтобы ошеломить эту тварь, а тогда можно будет ударить снова, и снова, пока не получится забить ее до смерти.

Ной почувствовал себя нехорошо и опустил на стул. Он очень ясно представил себе, как острие его оружия входит в плотное неподатливое тело, и брызжет во все стороны кровь.

«А куда можно ударить? — подумал Ной, слушая биение своего сердца. — Так, чтобы наверняка?»

Он сглотнул тяжелый комок в горле, провел рукой по мокрому лбу и нахмурился, стараясь сосредоточиться. Мысли упрямо разбегались.

«Оно — животное. Даже хуже — оно демон в образе животного... Можно бить в шею. Если все получится, то второго удара и не потребуется. И сил нужно не много. Главное — попасть. А еще в грудь — в сердце. Но это сложно. Можно попасть по ребрам, и тогда конец. Нет, нельзя в грудь. Куда еще? В живот. Попасть проще всего, никаких ребер. Но тут одним ударом наверняка не обойтись».

Ной смотрел на огонь. Нужно было принимать решение.

«Почему эта тварь появилась здесь? Разве мало было ужаса? Разве мало было крови? Разве не валялась на дороге разорванная жизнь? Мама. Боже мой, мама. Знала бы ты, о чем думает твой сын»

Он не хотел вставать.

«Как просто обдумывать и решать, как просто планировать, и прикидывать „если бы“. Как это просто. И как сложно встать и пойти».

Ной встал и принялся готовить факел.

Коридор был пуст. Свет, по-прежнему, изливался из щели. В левой руке потрескивал факел, правая сжимала кочергу. Ной медленно шел вперед. Добравшись до того места, где стояла лампа, Ной остановился, бросил на дверь быстрый взгляд и присел. Здесь таракан лизал пол.

«Зачем? Неужели нашел что-то съедобное?»

Ной внимательно осмотрел пол. След от языка — ясная, четкая полоска чистого линолеума. Рядом еще одна. Чуть в стороне он заметил маленькое пятнышко — засохшая капля крови. Ной почувствовал озноб. Существо слизывало с пола собственную кровь, капавшую из разбитого носа.

«Что за гадость!»

Глядя на пятнышко, Ной вдруг осознал, насколько жутко и неотвратимо то, что он собирается сделать. Кровь — лучшее доказательство серьезности намерений. Когда появляется кровь, пути назад нет. Пролить кровь врага, чтобы не дать ему пролить твою — мотив, проверенный сотнями и тысячами поколений. Не требующий никаких дополнений. Не допускающий сомнений.

Однако Ной сомневался. Все еще сомневался, что сможет сделать то, что должен.

«Главное — не думать. Нельзя думать. Когда надо убить, нельзя задумываться».

Ной встал. Посмотрел на приоткрытую дверь. Тихо.

Он быстро подошел к ней, распахнул и ринулся в подвал.

Слабый, мерцающий, желтый свет. Ящики, один на другом. Дальний угол — свет льется оттуда. Перед глазами — острое жало кочерги. Слева — слабый треск огня. Десять шагов вперед. У стены — она. Лежит, свернувшись возле лампы, стремясь впитать ее скупое тепло. Она поднимает голову и шипит. Огонь факела блестит в ее зрачках. Поднимается на локте, вытягивает шею, открывая ее. Два шага вперед. Кочерга взмывает вверх. Она перебирает ногами, скулит, пытаясь отползти дальше.

Ной опустил руку.

13

На центральной площади собралась молчаливая толпа. Люди стояли, словно статуи, не разговаривая и не шевелясь, только дети на плечах отцов иногда вскрикивали и показывали пальцем. Посредине площади возвышался столб, обложенный вязанками хвороста. Два факела, воткнутых в снег, отбрасывали мечущийся свет на фигуру, привязанную к столбу.

Обнаженный человек. Длинные спутанные волосы треплет ветер. Он рычит и пытается высвободиться. Тянется зубами к веревке, неестественно выгибая шею. Один из милиционеров, стоящих возле факелов, поднимает длинную палку и бьет связанного в лицо. Тот кричит и откидывает голову.

Со стороны здания городского Совета показалась процессия. Люди в черных балахонах шли цепочкой друг за другом, направляясь к кафедре, установленной возле столба. Семеро. Длинные полы их одежд поднимали снопы снежных искр. С появлением этих людей молчание толпы стало еще гуще; привязанный к шесту человек затих и вывернул голову, пытаясь рассмотреть идущих.

Они подошли к кафедре и встали вокруг нее. Тот, что шел посередине, поднялся и склонился к микрофону. Скрежещущий звук раздался над головами и тут же стих. С мертвой тишине голос с кафедры зазвучал громко и торжественно.

— Добрые жители Города! Мы собрались с вами здесь, в сердце нашего поселения, чтобы придать огню порождение тьмы, бесовское отродье, принесшее горе и смерть в наши дома. Много лет мы жили в мире и благополучии, позабыв и презрев строгие каноны нравственной чистоты. Наши души обленились, ослабла вера. Наша терпимость обернулась против нас, приоткрылись двери, и они, — говорящий ткнул пальцем в сторону человека на столбе, — пришли. Бесы и оборотни готовы хлынуть в прореху нашей слабости. Перед лицом искупительного огня мы должны вновь сплотиться. Мы должны очиститься, выгнать из наших сердец ложную жалость и снисхождение. Люди, откройте глаза! Не дайте заразе распространиться! Оглянитесь вокруг, ищите тех, кто вошел в сговор с сатаной. Кайтесь! Кайтесь публично! Кто не покается публично — тот враг! Кто стяжал неправедно, кто цветет на полях серных, кто презрел правила благочестия — тот враг! Доказывайте свою невинность каждый день. Не молчите, если видите порок! Не молчите о своих подозрениях. Несите их сюда!

Двое в балахонах подняли над головами большой ящик, а потом торжественно опустили его у основания кафедры.

— Каждое ваше слово будет услышано. Ищите ведьм и колдунов, чтобы предать их справедливому суду. Вырвем заразу из нашего тела! Только так мы спасем себя от пришествия ада на нашу землю.

Толпа зашевелилась.

— Отбросьте ложную жалость! Не сочувствуйте предателям! Ибо вот результат нашей слабости, — он снова указал на связанного. — Мы прогоним скверну из Города! Выжжем ее огнем! Смотрите, люди! Все смотрите и не отводите глаз!

Повинуясь какому-то знаку, двое милиционеров подняли факелы и одновременно ткнули ими в вязанки хвороста у подножия столба. С громким хлопком огонь взвился в черное небо, окутав привязанную фигуру ярким саваном. Человек на столбе закричал и стал рваться. Его крик полетел над головами, так похожий на голос человека. Но все вокруг знали, что это последняя ложь пойманного демона. Один из милиционеров бросил факел и отскочил в сторону, сбивая огонь, занявшийся в волосах. Густой черный дым полетел по площади.

— Смотрите! Смотрите все! Так и только так мы будем поступать с каждым, кто предал сердце злу. Смотрите, люди!

Толпа подалась назад. Неожиданно из нее выскочил человек и побежал к кафедре. Милиционеры успели схватить его и повалить на землю. Он кричал и вырывался, протягивая руки к фигурам в балахонах.

— Отпустите его! — прогремел усиленный микрофоном голос.

Милиционеры послушно поднялись. Человек вскочил на ноги, подбежал к ящику у основания кафедры и бросил туда обрывок бумаги. Потом повернулся к костру, на котором корчился и выл демон и плюнул в него.

— Охота! — заорал он неожиданно громко, перекрывая шум на площади. — Начнем охоту!

Толпа взревела.

12

Ной опустил руку.

Она лежала перед ним, повернувшись на спину и выставив перед собой согнутые руки. На ее худом, без кровинки, лице глаза казались огромными, в них было столько страха и отчаяния, что Ной не смог ударить. Она перестала быть опасным животным. В одно неуловимое мгновение она превратилась в человеческое существо.

Ной отступил на шаг. Она шевельнулась, в распахнутых ужасом глазах скользнуло удивление. Он снова отступил. Она села. Уперлась здоровой ногой в пол и придвинулась к стене. Ной беспомощно посмотрел вокруг, понимая, что весь план рушится, и он уже не сможет сделать то, что собирался. Проиграл. Допустил сомнение в последний миг и проиграл.

Чуть в стороне валялась жестяная коробка. Ее крышку покрывала сеть глубоких царапин и вмятины от зубов. Она хотела есть и грызла коробку, не понимая, как ее открыть. Простой замок-засовчик оказался для нее фатальным препятствием.

Она хотела есть.

Хотела настолько, что, не задумываясь, напала бы на Ноя, имея такую возможность. Он понимал это. Но время ушло.

«Если я оставлю ее здесь, она попробует снова. Она не будет сомневаться. Нельзя, нельзя ее оставлять. Либо она, либо я»

Ной снова занес кочергу и посмотрел ей в глаза. Она заскулила. Грудь быстро вздымалась, ребра выпирали наружу при каждом вздохе.

«Сколько же она голодает?»

Ной медлил. Не зверь, не зверь — уже не зверь. Разум в ее глазах — спутанный, слепой, но разум. Душа, проступающая сквозь острые черты. А что видит она перед собой? Кого?

Животное выбирает простое решение — человек выбирает правильное.

Ной опустил кочергу. Не глядя, взял одну из коробок с едой и, пятась, стал отступать к двери. Отойдя на несколько шагов, он повернулся и во всю прыть бросился прочь из подвала. Выбежав в коридор, он просунул кочергу в дверную ручку.

Так она не сможет выбраться. А у него будет время приготовить еду.

Синтетическая каша пахла хорошо. Ной с детства любил ее запах, он ассоциировался у него с теплом и уютом. Со вкусом дело обстояло хуже — его не было вообще. Словно жуешь бумагу или кусок мела. Впрочем, голод она утоляла отлично, а большего от нее и не требовалось. Почти никто в Городе не знал о кулинарных изысках. В понимании большинства, пища должна была поддерживать жизнь, только избранные могли получать от нее удовольствие. В неприготовленном виде каша представляла собой мелкий, спрессованный в брикеты порошок, очень легкий и почти не занимающий места. Коробка, которую Ной принес из подвала, была полной до краев. Этого хватило бы на десяток взрослых мужчин.

Сидя у печки и ожидая, пока каша приготовится, Ной думал о том, как быть дальше. По какому пути двигаться. Можно было оставить эту девушку там, в подвале и дать ей умереть от голода, если уж не хватает духу ее убить. Простой выход. Достойный Симона Декера. Или таракана. Конечно, всегда можно выдумать себе оправдание. Найти слова. Отмыться. Но дело усложнялось тем, что Ной не хотел больше отмыываться. Он хотел быть чистым перед собою.

Он чувствовал на душе тяжесть. Ощущал себя грязным, вывернутым из настоящего и будущего. В какой-то мере он понимал, что прежняя жизнь закончена, и она не вернется никогда. Ее нужно строить заново. И только от него зависит, какой она будет — наполненной ложью и слабостью, сожалениями и противоречиями или другой. Новой.

«Нужно начать с искупления. Очиститься. Я забрал одну жизнь, взамен верну другую»

Ной ухватился за эту мысль. Она придавала смысл его дальнейшему существованию, она избавляла от демонов сожаления. В спасенном существе, вырванном из мрака, он видел ответ на все свои сомнения. Простой ответ. Все будет не зря — смерть Лайлы, бегство, дорога в никуда, все это обретет смысл, коли будет спасена одна единственная человеческая жизнь. Коли будет разбужен спящий ум, и чувства поднимутся над инстинктами зверя.

«Да! Именно так и надо поступить. Спасти это существо, вернуть ему человеческий облик, и с этого поступка начать новую жизнь. В которой опять появится смысл»

Ной попробовал булькающую в кастрюле кашу, кивнул и принялся перекладывать ее в алюминиевую тарелку. Хотелось отнести ей побольше, накормить, как следует, но нельзя. Еще по школьным занятиям Ной помнил, что после долгой голодовки не стоит сразу много есть. Он решил обойтись третью тарелки и фляжкой горячей макки. Все же лучше, чем ничего.

Много лет назад, когда Ной еще только-только пошел в школу, возле дома его соседей Гусевых объявился бродячий пес. Младший Гусев видел, как тот возится возле мусорного бака. Дети рассудили, что пса надо спрятать. Попадись он на глаза Алону, тот вышибет из него дух.

— А давай приручим его, — предложил младший Гусев.

Пес устроил себе нору в сугробе у подножья ветряка. Как-то вечером Ной и Гусев стянули из дома немного еды и оставили ее возле входа в нору.

На следующее утро еда исчезла. Они приносили ее снова и снова, пока однажды, пес сам не выполз им навстречу. Он смотрел на детей, виляя хвостом, и, съев предложенное угощение, позволил им играть с собой.

Пес не доверял никому, кроме них, и целый месяц оставался их секретом. Но постепенно он все больше смелел, и уже редко прятался в нору, завидев человека. Несколько раз Ной видел, как пес деловито трусил по дороге вдоль заборов. Даже страшный Алон перестал его пугать. Не напугала его и большая палка в руках хранителя Квартала. Пес не раз бегал за такой, играя с детьми. Алон убил его этой палкой, выждав, когда дети разойдутся по домам.

Родители объяснили им, что, сколько не корми дикого зверя, он никогда не станет человеку другом, и обязательно придет день, когда он покажет клыки. Ни Ной, ни Гусев не поверили в это тогда, и ревели, как оглашенные.

Ной не верил и сейчас. Проблема заключалась вовсе не в собаке. Она была в людях, страхе и отсутствии потребности любить.

Вот и все.

Ной вошел в подвал. Лампа давно погасла, и он прихватил другую. Вместе с ней, в левой руке он держал флягу, в правой — тарелку с кашей. Кочергу он спрятал под курткой так, чтобы, в случае опасности, можно было быстро ее вытащить.

Почувствовав свет и шаги, девчонка завопилась в углу и снова придвинулась к стене. Ной поставил лампу на пол, рядом опустил тарелку и ложку.

— Ешь, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и дружелюбно.

Она не шевельнулась. Испуганно и настороженно глядела на него. Ной взял ложку, зачерпнул каши и отправил ее в рот. Проглотил и облизнулся. Потом открутил колпачок с фляги и глотнул. Поставил открытую флягу рядом с ящиком.

— Ешь, — повторил он и отступил на шаг.

Она несколько минут нерешительно переводила взгляд с Ноя на тарелку и обратно. Видно было, что ей очень хочется добраться до каши, но страх останавливал ее. Ной терпеливо ждал. Наконец, она приподнялась и очень медленно подползла к тарелке. Принюхалась, почти уткнувшись носом в кашу. Быстро вскинула голову, глядя на Ноя. Тот стоял не шевелясь. На лице ее появилось комичное выражение удивления и радости. Она встала на четвереньки, выставив в сторону больную ногу, и принялась, чавкая, есть прямо из тарелки, как делал тот пес.

— Ну и свинья же ты.

Она быстро подняла голову. Перепаханная кашей губы и щеки делали ее похожей на маленького ребенка, который первый раз сунул лицо в свой обед. Ной улыбнулся. Она нахмурилась, наклонила голову к плечу, а потом вдруг улыбнулась в ответ и снова занялась кашей.

Ной сел на пол.

— Надо тебя как-то окрестить, — сказал он.

Она опять подняла голову, быстро глянула на него и вернулась к еде.

— Может быть, назвать тебя Вера? Нет, какая там Вера... Или Варвара?

В памяти возникла прислуга в доме Гамовых. Ной помрачнел. Девчонка ела, громко сопя и чавкая. Тарелка загремела по полу: она слизывала с краев остатки каши. Подняла голову. Вымазанные губы растянулись в улыбке. Ной не смог удержаться и тоже улыбнулся. Он взял флягу, сделал еще один глоток и протянул флягу ей. Она схватила ее двумя руками, резким движением сунула горлышко в рот, стукнув им о зубы, и стала пить быстрыми глотками.

— Я буду звать тебя Принцесса, — сказал Ной. — Именно на нее ты сейчас меньше всего похожа. Но именно ее я из тебя сделаю.

Он показал на девчонку пальцем. Она отшатнулась, все еще продолжая жадно сосать из фляги.

— Принцесса, — сказал Ной.
Потом ткнул себя в грудь.
— Ной.
Снова указал на нее и стал повторять, крутя пальцем.
— Принцесса. Ной. Принцесса. Ной.
Она засмеялась.

Ной заправил лампу и взял из комнаты дырявый тулуп и одеяло. Когда он снова спустился в подвал, Принцесса спала, свернувшись клубком рядом с тарелкой. Услышав шаги, она встрепенулась и села.

— Ной принес одеяло срам твой прикрыть. Да и погреться тебе не повредит.
Он положил тулуп перед ней и похлопал по нему ладонью.
— Ложись, — сказал он. — Будет тепло.
— Те-ло, — старательно повторила Принцесса.
— Да. Клади свое тело. Вот так.

Ной улегся на тулуп, всем своим видом показывая, как ему хорошо, потом встал и указал пальцем сначала на девушку, потом на тулуп.

— Ложись. Тепло.

Принцесса встала и неловко, передвигаясь боком на карачках, забралась на тулуп. Едва оказавшись на нем, она упала на свалевшийся мех, прикинув к нему всем телом.

— Те-ло, — сказала она.

Голос прозвучал хрипло и низко. Ной укрыл ее одеялом, удерживая рукой, чтобы она не вскочила.

— Тепло, — повторил он. — Спи. Завтра снова придет Ной.

— Ной, — откликнулась Принцесса, глядя на него из-под одеяла блестящими глазами.

Ной взял погасшую лампу, тарелку и флягу, и вышел, заперев дверь засовом из кочерги.

Он спал и видел сон.

Он стоял на борту грандиозного деревянного корабля и смотрел вниз на причал. Там собралась толпа. Все толкались и кричали, чтобы он спустил сходни. Ной глядел на них, не трогаясь с места. Небо за спинами людей постепенно и неотвратно охватывала тьма. Она сгущалась от туманной дымки к густой черноте. Черные небеса, они грозили поглотить тех, кто остался на берегу.

Чьи-то руки подняли над толпой ребенка. Он был совсем маленький и громко верещал от испуга. Внимание Ноя сосредоточилось на нем.

— Его зовут Япет, — раздался женский крик. — Япет!

Что-то дрогнуло в душе Ноя. Он смотрел на этого ребенка и не мог оторвать глаз. А женщина все кричала и кричала, повторяя имя вновь и вновь.

Ной опустил руку и повернул рычаг. С громким лязгом сходни опустились на причал, и толпа хлынула на корабль, словно бурлящая река. Она изливалась в нутро Ноева ковчега и не было ей конца. Корабль стал оседать в холодную белую воду. Вода поднялась до сходов, но люди не останавливались, наполовину вплавь они стремились к спасению. Тяжелые волны перехлестнули через борта, корабль накренился и плавно скользнул в бездну.

11

Алон вошел в свою хибару и тщательно затворил дверь. Ветер снаружи завывал и бил в стены, они потрескивали, постукивала на крыше старая доска, которую Алон давно уже собирался укрепить, но все не доходили руки. Он стянул рукавицы, подобрал в углу несколько поленьев и занялся растопкой печки.

Он действовал автоматически. Мысли старика были заняты словами милиционеров, которые приехали сменить на ночь своих коллег в Квартале. Они рассказали Алону о том, что произошло на центральной площади Города.

Сожжение на костре. Впервые за долгие-долгие годы.

Алон еще помнил рассказы своей бабки о том, как становился Город. Эта история передавалась у них в семье от поколения к поколению. Со смертью Алона, она должна была кануть в забвение, Но случилось иначе — история повторилась.

В стародавние времена, еще до появления Совета, Квартала и Лабораторий, Город был лишь горсткой людей, которые пытались выжить, найдя себе убежище на развалинах мира. Перед лицом вечного голода и вечной зимы, они строили, камень за камнем, Город. Людей становилось все больше, им делалось тесно. Появилось множество банд, расцвело насилие. В те времена жизнь человеческая стоила лишь миску безвкусного концентрата, и Город затопила кровь, ее поток почти смыл остатки человечества на этой земле. И тогда одна из сильнейших группировок провозгласила канон христианского смирения. Каждый, кто не принимал его условий — немедленно умерщвлялся. Сначала канон насаждался силой оружия, а потом запылали костры. За время наведения порядка, население Города уменьшилось втрое, но те, что остались, сделались монолитны и тверды, как гранитный камень. Люди, взявшие Город железной рукой, вырвали его из затяжной агонии. Они начали строить, начали добывать еду и делать машины. Они создали Совет, Квартал и Лаборатории. Они стали отцами-основателями. Они превратили Город из каменной пустоши, где люди охотились друг на друга, в сплоченную, сытую и растущую общину.

Теперь снова начиналась священная битва. Алон несколько не сомневался в том, что, получив благословление на доносы, люди понесут в ящик у кафедры записки о своих соседях и врагах. Предстоят страшные времена. Город опять погрузится в кровавое безумие. Алон не понимал только одного — зачем это нужно? Большинство «грешников», которых поведут на костер, не будут иметь никакого отношения к пособникам тьмы, прущей к Городу. Народ — спящий до поры пес: кинь ему кость, и он набросится на нее со всей яростью, на которую способен.

Огонь в печурке затрещал. Алон потянул к нему широкие ладони, и зачмокал губами, подзывая к себе Потрошка. Обычно, едва почуяв тепло, тот сам выбирался. Он любил греться у печки рядом с хозяином. Только сегодня его что-то не было видно. «Вряд ли крыса ушла на улицу в такую погоду, — подумал Алон. — Он где-то здесь».

Кряхтя, старик опустился на четвереньки и заглянул под высокую лежанку.

— Потрошок! Эй, малыш, ты там?

Под лежанкой было темно. Алон улегся на живот и стал шарить в темноте рукой. Его пальцы вдруг наткнулись на что-то... Горячее. Скользкое. Живое. Он отдернул руку, а в следующую секунду из густой тени вынырнуло ему навстречу белое оскаленное лицо. Алон вскрикнул и задергался, пытаясь выползти из-под лежанки и встать. Две жилистые руки ринулись к нему, ухватили за ворот тулупа и с неожиданной силой потянули обратно. Старик засучил ногами, закричал еще громче, а потом вдруг затих.

Остался только шорох, с которым грузное тело затягивали под лежанку.

10

— Самсон, тебя к телефону!

— Кто там еще? Я занят!

— Это из Совета. Говорят — срочно!

Караско убрал в стол карту, запахнул куртку и вышел в коридор. На базе было холодно. Отопление еще не устроили — не хватало людей. Следуя за милиционером, он прошел на пост, где стоял полевой телефон. Караско ждал этого звонка, зная, что тот непременно поступит. Но не думал, что так скоро.

Хотя, к этому все шло. Караско прекрасно понимал, что охота на ведьм, объявленная в Городе этим вечером, не что иное, как маневр властей, нацеленный на то, чтобы

отвлечь толпу. В Городе зарождался хаос, а в таких условиях легко обдѣлывать любые дела.

Он взял трубку.

— Алло?

— Храни вас Бог. Давид Сытин беспокоит.

Караско помнил этого человека. Помнил, как тот сидел в кабинете Миличика и давал указания. Секретарь Совета. Глашатай власти.

— Храни вас Бог, — сказал он. — Чем обязан?

— У меня к вам сразу два дела, — с места в карьер начал Сытин. — Во-первых, вам надлежит отозвать с работ грузовой транспорт. У вас три часа времени на то, чтобы подготовить его и направить в Центр. Сколько у вас машин?

— Пять.

— Отлично. Готовьте и отправляйте. Три часа. Вам понятно?

— Понятно, — с раздражением ответил Караско. Сытин не обратил на его тон никакого внимания.

— Отлично, — повторил он. — Второе — вам надлежит предоставить вездеход.

— Он не на ходу, — быстро сказал Караско. — Я вам говорил.

— Да, я помню. Даю вам сроку два дня. Послезавтра к полудню вездеход должен быть возле здания Совета.

— Мы не успеем.

— Вы успеете, если не хотите оказаться на столбе, — сухо ответил Сытин. —

Самсон, пора игр закончилась. Вы не пускаете к машине никого, из чего я заключаю, что вы намеренно саботируете ремонтные работы. Не в ваших интересах доводить дело до крайности. Не так ли?

Караско помолчал.

— Да, — сказал он. — Так.

— Хорошо. Значит, послезавтра в полдень. Не подводите нас.

— Я понял.

— Тогда у меня все. Готовьте грузовики. Я еще свяжусь с вами.

Караско положил трубку, а потом набрал номер Поиска. Колотун долго не подходил, но Караско упрямо ждал, не отменяя звонок.

— Да, — раздался, наконец, голос Колотуна.

— Это Караско. У нас аврал. Вездеход должен быть готов завтра.

— Завтра? — переспросил Колотун. — Что-то случилось?

— Случилось. Часов до шести успеешь?

— Сделаю. Потом к тебе?

— Да. Соберешь всех, как договаривались. Ты о костре знаешь?

— Каком костре?

Караско в двух словах пересказал ему последние новости. Колотун присвистнул.

— Ого. Подкинут дров священному огню!

— Это не смешно. Прямо сейчас отправляйся к Мамочке и уведи ее с собой. Ты понял?

— Понял, начальник. Уже выхожу.

— Хорошо. Увидимся завтра.

9

К дому Мамочки Колотун решил идти через Центр. Ему хотелось собственными глазами взглянуть на столб.

Вокруг столба кипела работа — строили кирпичный постамент. Несколько человек молча наблюдали за этим. Они стояли порознь и не разговаривали друг с другом. Молча стояли и другие — в очереди к ящику возле кафедры, небольшая еще очередь — человек десять. Колотун вдруг ощутил жгучее желание подойти к ним и устроить драку. С каким удовольствием он бил бы в эти гадские морды. Вполне возможно, кто-то из них или

подобных им уже наката на Мамочку. Взять бы этот ящик и поджечь. Идея показалась Колотуну неплохой. Он пообещал себе, что обязательно так и сделает. Но сначала спрячет Мамочку.

Он быстро зашагал прочь.

Народу на улицах стало больше обычного. Людям не сиделось в домах. Они выходили, собирались группками и возбужденно переговаривались.

«И это только начало, — думал Колотун. — Они еще не созрели. Возможно, уже завтра они не пойдут к ящику, а, сбившись в стаи, полезут в дома. Станут вытаскивать своих жертв прямо из квартир. И хрен их кто защитит. Любой защитник сам может попасть к столбу».

Возле дома Мамочки тоже стоял народ. Когда Колотун вышел на ее улицу, все головы сразу вывернулись в его направлении. Ему не понравились эти взгляды. Они оценивали. Колотуну пришло в голову, что они оценивают не степень его возможной вины, а просто прикидывают, насколько легкой жертвой он может стать. Беззащитность и страх — вот, что им было нужно. Вот что их спровоцирует. А вина потом приложится.

Не ускоряя шага, Колотун прошел мимо, зашел в подъезд и поднялся к Мамочке на этаж. Постучал в дверь.

Несколько минут никто не отвечал, а потом знакомый голос спросил:

— Кто там?

— Колотун.

— Сейчас.

Дверь открылась. Мамочка стояла на пороге, придерживая на груди полы длинной кофты. Колотун невольно скользнул взглядом по ее выпирающему животу. Вот он — сигнал на старт для тех типов внизу. Это только вопрос времени, когда они за ней явятся. Скорее всего, времени ближайшего.

От Мамочки пахло мылом. Волосы были все еще влажные.

— Ты смурно выглядишь, — сказала она. — Что-то случилось?

— Случилось. Где мать?

— У сестры. Ей нездоровится. А что? Ты проходи, не стой в дверях.

— Хреново, — сказал Колотун и вошел.

Мамочка заперла дверь.

— Так что, все-таки, стряслось?

— Город свихнулся, вот, что стряслось. У нас мало времени. Собирайся.

Она испуганно хлопнула глазами.

— Прямо сейчас?

— Да, сейчас. Мы уезжаем завтра. Маму твою захватим по пути.

— Но до завтра...

— Ты про столб на площади слышала?

Мамочка сникла.

— Да.

— А теперь посмотри в окно.

Они прошли на кухню и выглянули на улицу. Из подъезда, в который несколько минут назад вошел Колотун, появился человек. Он присоединился к группке внизу и стал что-то говорить.

— Брось, Колотун. Этого не может быть. Я даже помощь от Города получаю по социальной программе.

— Забудь. Город кончился. И социальная программа тоже. Не сегодня — завтра эти гады вломятся к тебе в квартиру.

Мамочка молчала.

— Вобщем так. Ты быстренько собираешься, и мы идем в Поиск. До завтра мне нужно наладить вездеход. Придется работать всю ночь, я там здорово наломал. Завтра

после обеда, надеюсь, выезжаем и подхватываем мать. Ей пока нечего бояться. А вот тебя увести надо срочно.

— Только учти — без нее я никуда не поеду!

— Я же сказал — заберем. Давай, собирайся.

Мамочка ушла в комнату.

— Тебе помочь? — крикнул Колотун.

— Только с переноской. Я быстро. Кушать хочешь? У меня осталось с обеда.

— Обойдусь.

Через полчаса они вышли из подъезда. Колотун тащил мешок с вещами, Мамочка в толстом бесформенном тулупе шла рядом. К мешку Колотун приладил веревку и повесил на плечо так, чтобы можно было, в случае необходимости, быстро его сбросить. В карман он сунул кухонный нож.

Люди у подъезда смотрели на них и молчали. Пройдя мимо, Колотун затылком почувствовал их тяжелые взгляды.

— Не торопись, — тихо сказал он. — Иди спокойно.

— Они пошли за нами, — испуганно прошептала Мамочка.

— Знаю. Иди.

Из-за угла дома им навстречу выступили еще двое. Мужчина и мальчишка лет пятнадцати. Глаза у них были недобрые, лица хмурые и совершенно пустые. Типичные дебилы с окраины. Они остановились, поджидая, когда Колотун с Мамочкой подойдут. Мужчина жестом приказал им остановиться.

Не сбавляя шага, Колотун вынул из кармана руку с ножом.

«Не решатся, — думал он. — Не сейчас. Им еще денек нужен. Рано еще для них, рано. Надеюсь»

Мамочка запнулась.

— Иди, — сказал он ей, не сводя глаз с пары перед собой. — Давай.

Увидев, что Колотун не останавливается, мужчина опустил руку. Он смотрел на нож. На обоих уродливых лицах появилось замешательство. Колотун и Мамочка прошли мимо. Пропустив их, оба мужчины поспешили к остальной группе, шедшей позади, остановили ее и стали что-то громко, но неразборчиво говорить.

— Давай в переулок! — скомандовал Колотун, пряча нож. — Надо запутать этих идиотов.

Словно преступники, заметающие следы, они принялись петлять в узких проулках. Там на них почти не обращали внимания, и через четверть часа Колотун позволил себе перевести дух. Погони не было.

— Отстали, — удовлетворенно сказал он. — Теперь быстренько в ангар.

— Я не верю в это, Колотун. Так не может быть! Они же мои соседи. Они к нам в гости ходили.

— Твое счастье, что сегодня они не зашли.

8

Караван грузовиков прибыл в Квартал только к обеду, когда замерзшие люди уже вернулись в дома. Предупреждение об эвакуации было сделано накануне вечером, транспорт обещали к утру, но один из грузовиков заглох недалеко от Колена, перекрыв дорогу остальным.

К матери Ноя тоже заходили с поста и велели собираться. Она хотела позвать Алону, попросить помощи, но ей объяснили, что Алона больше нет. Она выслушала новость спокойно и приступила к сборам, как лунатик преступает порог спальни. Она нашла три большие коробки, поставила на кухне и принялась складывать в них все, что попадалось под руку: столовые приборы, посуду, декоративные безделушки с полок. Она бросала все подряд, не задумываясь о том, куда будет класть остальное, когда коробки наполнятся.

Она брала и кидала. Когда с кухней было покончено, на полу стояли три полные коробки, мешок и еще куча барахла была свалена рядом.

Она поднялась на второй этаж. Ближе к лестнице находилась дверь в комнату сына. Она открыла ее и вошла.

С того момента, как Ной исчез, она еще ни разу не заходила сюда. В комнате ничего не изменилось — обычный беспорядок, который окружает любого молодого человека такого возраста: неубранная кровать, раскрытая книга на столе, несколько карандашей возле нее, на стуле — свитер и домашние штаны. Она убрала одежду в шкаф, заправила кровать и села на краю, оглядывая комнату. На глазах выступили слезы, все поплыло. Она так и осталась сидеть на кровати, пока не пришел рассвет. Тогда она встала, утерла глаза платком и спустилась на кухню.

Она долго искала чайник, роясь в коробках. Разворошила почти все, что собрала накануне. Чайник оказался в мешке, вместе с чашками и жестянкой макки. Она тщательно вымыла его и залила макку кипятком.

Как только грузовики прибыли в Квартал, народ высыпал из домов. Началась суeta. Прислуга тащила вещи, хозяева, кутаясь в меха, отдавали распоряжения.

Иосиф Бедный, член Совета, один из самых могущественных людей в квартале, подошел к головной машине, в которой сидел начальник колонны.

— Почему так мало людей? — закричал он, распахивая дверцу грузовика. — Вам же говорили, что нужно больше! Так мы будем до ночи грузиться!

— Я всех привез! — раздраженно оправдывался начальник колонны. — Где я больше возьму? Не из-под земли же мне их доставать?

— Что значит из-под земли? Вы видите, с кем разговариваете?

— Я все вижу! А людей нету! Сколько есть — всех привез!

— Подгоняйте грузовики к домам! Мы с вами позже разберемся. Давайте! Быстрее!

К ближайшей машине подошел Адам Декер. Он стукнул в дверцу и указал высунувшемуся водителю на свой дом. Тот что-то прокричал в ответ. Декер снова ударил в дверцу, на этот раз сильнее и замахал руками. Водитель скрылся в кабине. Из труб грузовика повалил густой дым, Декер вскочил на высокую подножку, и машина, ревя, покатила к большому особняку.

Пошел крупный снег. На площади возле ветряка суетились люди, гудели клаксоны. Среди общего хаоса мелькали куртки милиционеров, пытающихся хоть как-то восстановить порядок. Былое раболепие перед жителями Квартала заметно ослабло: на них кричали, требовали посторониться и, в конце-концов, частично оттеснили от машин, объяснив, что те обойдут всех по очереди. Оказавшись на свободе, грузовики стали медленно расползаться по сторонам.

В общей суматохе и снежной пелене никто не заметил темные точки на белом снегу. Они надвигались со стороны хибары Алона — две, потом еще две, пять, десять, двадцать. Они быстро приближались к залитой светом фар и кишашей людьми площади, превращаясь в худые человеческие фигуры. Оказавшись в нескольких шагах от цели, они все разом поднялись и, словно по команде, устремились вперед.

— Бесы! — заорал кто-то.

Все разом замолчали. Повернули головы и увидели.

Тараканы рванулись вперед, как спущенные с цепи собаки. В считанные секунды они преодолели расстояние, отделяющее их от толпы, и врезались в нее живым клином.

Раздались крики. Началась беспорядочная стрельба.

Заслышав шум, мать Ноя поднялась со стула, прошла в прихожую и выглянула в окно. Сквозь снег трудно было разобрать, что там происходит. Метались люди, один из грузовиков пятился задним ходом. Неожиданно он ускорился, вильнул и врезался в опору ветряка. Тот качнулся, раз, другой и повалился прямо в толпу.

— Кара господня, — тихо произнесла женщина.

В дверь ударили, сразу за стуком раздался звон стекла. Узел длинных голых рук протянулся к ней. Она успела увидеть лица чудовищ, а потом ее схватили и вытянули через окно на улицу.

7

Ной грел воду в большой лохани, все еще не веря, что собирается это сделать — вымыть Принцессу. Превратить в человека, на которого можно будет смотреть без содрогания. Сон, увиденный этой ночью, придал ему решительности. Он сделает это.

По-крайней мере — попытается.

Когда Ной принес ей утром завтрак, она уже поджидала его. Она не стала, как раньше, шипеть и жаться к стене. Она ему улыбалась. Она сказала: «те-ло». Четко и внятно. И она понимала, что означает это слово. Оно означает заботу

После завтрака он разыскал для нее кое-какую одежду. Не бог весть что, но нельзя же ей отправляться с ними голышом. Что скажет мама?

Одежда — типичный полевой набор Поиска: комплект чистого белья, штаны, свитер и комбинезон. Еще он нашел старую куртку. Получилось неплохо. Ной уже собирался отнести все это ей, но вдруг подумал о перепачканной в крови ноге, грязи и запахе. Отвратном запахе. Надевать чистую одежду на такое «те-ло» было решительно невозможно.

Он приготовил много воды и грел ведро за ведром на своей печке. Нашел мыло и мочалку. Подумал, что и ему самому не мешало бы вымыться. Но сначала она. Работа предстояла трудная.

Если, конечно, предстояла. Ной боялся, что Принцесса выкинет какой-нибудь номер. Поэтому, прежде чем идти к ней, он снова взял кочергу и спрятал ее под курткой. Мало ли что.

Она лежала на одеяле, по обыкновению свернувшись клубком. Увидев Ноя, она уселась и улыбнулась. Принюхалась.

— Нет, кушать еще рано, — дружелюбно сказал Ной. — Я тебе одежду нашел. Идем.

Он протянул руку.

Принцесса с любопытством посмотрела на нее и снова втянула носом воздух. Она явно не понимала, что от нее хотят.

— Идем. Вода остынет.

Ной наклонился и осторожно взял ее за плечо. Она отпрянула, соскочила с одеяла и прижалась к стене. Открыла рот, будто опять собираясь зашипеть на него, но молчала, держа оскал.

Ной опустил на колени и снова протянул руку. Улыбнулся, стараясь выглядеть как можно приветливее.

— Тепло, — сказал он. — Тепло. Мыться.

И кивнул.

— Те-ло, — повторила Принцесса. — Мытя.

Ее лицо расслабилось.

Она осторожно подняла руку и коснулась ладони Ноя. Он медленно потянул, поднимая ее. Принцесса встала. Поджала больную ногу. Ее ладонь была очень холодной и очень твердой. Ной подумал, что, если она захочет, то сможет одним рывком вырвать ему руку из плеча.

«Она не вырвет руку, которая ее кормит, — подумал Ной. — Самое главное — не напугать ее».

Кочерга впилась в ребра, когда он прижал Принцессу к себе, помогая идти. Она смотрела на него со спокойным интересом.

Ной повел ее к двери.

6

Караско и Танк пообедали в наскоро обустроенной столовой. За соседним столом группа электриков обсуждала объявленную в Городе охоту. Настроение у них было мрачное, как и у многих на базе — люди переживали за своих близких. Несколько человек уже покинули объект, но Караско смотрел на это сквозь пальцы. Его мысли занимал предстоящий отъезд. Колотун должен был приехать ближе к вечеру, а до той поры лучше помалкивать.

Хлопнула дверь, по полу застучали тяжелые ботинки — в столовую вошли два милиционера из группы наблюдения. Они были молодые, старики избегали строящихся баз, и бледные, как бетонный пол. Завидев Караско, они сразу устремились к нему. Он поджал губы — как это не вовремя!

Они подсели к нему за столик, один наклонился ближе, а второй принялся озираться: не подслушивает ли кто?

«Вы еще крикните, — подумал Караско. — Чтобы уж все сбежались».

— Сигнализация сработала, — зашептал тот, что склонился над столом.

— Где?

Милиционер судорожно глотнул и выпалил, чуть не сорвавшись на крик:

— Везде!

— Когда?

— Только что! Как зазвенело, мы сразу сюда!

— Смотрели?

— Нет. Но она до сих пор звенит. Нас послали к вам. Вы должны посмотреть.

Караско и Танк встали.

— Идем.

Когда они проходили мимо электриков, один из них схватил Танка за рукав.

— Что там? Случилось что?

— А пес знает, — спокойно ответил Танк. — Замыкание где-то. Сейчас посмотрим.

— А, — недоверчиво сказал электрик. — Помощь нужна?

— Будет нужна — позовем.

На посту собрался весь наличный гарнизон базы. Верещала сигнализация. Начальник гарнизона, сам едва старше подчиненных, метался от стены к стене, остальные сгрудились в углу и молча ждали. Завидев Караско и Танка, начальник бросился к ним.

— Что так долго? Я же сказал — срочно!

Танк подошел к проводам, сходящимся к общему пульту.

— Может и впрямь закоротило где? Вы бы проверили, прежде чем шум поднимать.

— У моих людей нет опыта. Без вас я их на бойню не погоню.

— На бойню... — проворчал Танк. — Герои.

— Где оружие? — спросил Караско.

— Что?

— Оружие. У вас чрезвычайная ситуация. Возможно, проникновение. Почему ваши люди не вооружены?

Начальник гарнизона повернулся к своим подчиненным, все еще стоящим у стены, и рявкнул:

— Приготовить оружие! Быстро! Быстро!

Один из них бросился к металлическому шкафу. Зазвенели ключи. Милиционер уронил связку, поднял ее, попал, наконец, в замочную скважину и принялся вытаскивать из шкафа винтовки, раздавая их своим товарищам.

— Дайте мне тоже, — сказал Караско.

Дежурный посмотрел на начальника. Тот кивнул.

— И ему дайте, — Караско указал на Танка.

Вооружившись, гарнизон отправился к месту происшествия.

Они стояли над ярко освещенной крышкой люка, ведущей в коллектор. Валил крупный снег. Даже здесь было слышно, как звенит на посту сигнализация. Ее провода уходили вниз под землю. Караско опустился на колени и наклонился к самой крышке.

— Ну как? — спросил начальник поста.

— Не слышно ничего. Надо открывать.

Караско встал.

— Вы все встаньте кругом. Целиться внутрь. Без команды не стрелять.

Он обвел взглядом милиционеров. Они послушно опустили стволы и пялились на крышку полными ужаса глазами.

— Не стрелять без моего приказа, — повторил он. — Ясно?

Они закивали. Караско снял винтовку с предохранителя и повернулся к Танку.

— Давай. Рывком.

Тот вставил в замок железный прут, повернул и рванул в сторону тяжелую крышку. Караско выстрелил. Вспышка озарила зев колодца.

Спины. Голые, лоснящиеся спины мелькнули в темноте. Настоящий поток, лавина, и она двигалась к Городу. Десятки, может быть сотни.

«Откуда столько? Не может их быть столько!» — подумал Караско.

А еще он успел подумать: «Конец!»

И крикнул:

— Огонь!

Загрохотали винтовки. В ярких вспышках света тараканы падали со стен колодца, но за ними уже лезли другие. Они подхватили подстреленное тело и, закрываясь им, словно щитом, полезли вверх с тошнотворным, жутким проворством. Через несколько секунд обнаженное тело, покрытое язвами ран, вылетело наружу, сбив с ног одного из милиционеров, а, вслед за ним, из темноты хлынули тараканы.

Караско успел еще дважды выстрелить. Рядом закричали. Его сбили с ног, ударили в лицо, и он отключился.

5

— Это вода, — сказал Ной. — Просто вода.

Он взял руку девушки и опустил в лохань. Принцесса отпрянула. Недоверчиво посмотрела на Ноя. Из лохани поднимался пар, распространяя вокруг влажное тепло. Ной снова взял ее за руку и задержал над водой. Девушка хмурилась, глядя, попеременно, то на руку, то на Ноя. Он отпустил ее и коснулся воды сам.

— Тепло, — сказал он. — Очень тепло.

Она осторожно повторила его жест. Отдернула руку, потом снова опустила. Поддержала немного ладонь над водой, касаясь ее кончиками пальцев, наконец, опустила целиком.

Ной кивал.

— Правильно. Молодец! Давай я тебе помогу.

Он придвинул к краю лохани стул и надавил на плечо Принцессы, усаживая ее. Она нехотя вытащила из воды руку. Села.

— А теперь — так.

Он взял ее здоровую ногу, поднял и осторожно опустил в лохань. Девушка, хрипло смеясь, заерзала на стуле. Ной осмотрел рану на второй ноге. Та оказалась не так страшна, как он думал. Она уже затянулась, образовав длинный неровный грязно-розовый шрам. Ной зачерпнул воды и полил на него. Принцесса вздрогнула и перестала смеяться.

— Больно?

Она убрала его руку. Посмотрела на воду, опустила больную ногу в лохань. Снова засмеялась.

— Те-ло! — воскликнула она. — Те-ло!

Ной расслабился. Теперь дело должно было пойти легче.

— Давай-ка уже целиком.

Он взял ее за руку, поднимая со стула. Она стояла в лохани, радостно размахивая свободной рукой, словно маленький ребенок. Ной ободряюще кивнул ей и потянул вниз. Она садилась медленно, но уже без страха, прислушиваясь к новым ощущениям. Пар обволакивал ее тело, согревая и успокаивая. На секунду она замерла, потом уперлась руками в края лохани и быстро села в воду, подняв волну, перхлестнувшую через край. Ной отскочил, сопровождаемый ее смехом. Она била по воде, хохотала и показывала на него пальцем. Ной рассмеялся в ответ.

Он почувствовал, что вспотел. Снял куртку и принялся стягивать свитер. Увидев это, Принцесса завозилась.

— Тише-тише — не расплескай!

Ной положил руку ей на плечо.

— Воды мало.

Она не обратила на его жест внимания, и Ной вдруг понял, что она освобождает ему место рядом с собой.

— Те-ло! — сказала она и ткнула в него рукой. Потом снова опустила в воду. — Те-ло!

Ной почувствовал, что краснеет.

— Нет-нет! Только ты!

Она смотрела на него, улыбаясь и не понимая ни слова. Он взял ковшик, зачерпнул воды и вылил ей на спину. Девушка выгнулась. Ной, помимо воли, скосил глаза на ее груди. Он никогда еще не видел этого по-настоящему. Только на картинке. Он вспомнил рисунок из альбома Мамочки. Но там груди были больше. У Принцессы — маленькие, соски торчат, как острия.

Ной почувствовал, как во рту пересохло, и с трудом сглотнул. Заставил себя отвести взгляд. Снова зачерпнул воды и вылил ей на плечи.

Принцесса заурчала и прикрыла глаза.

4

С лестничной клетки донеслись крики и грохот, словно обрушилось что-то тяжелое. Илион Гамов поднял голову и прислушался. Он сидел возле кровати жены. Час назад она, наконец, заснула. На ее бледном лбу все еще лежала смоченная в воде тряпица. Сам Гамов не спал уже вторые сутки. Он ложился дважды, но сон не шел, а пить лекарство, выданное врачом, Гамов опасался — Руфь была слишком плоха. Он боялся, как бы она что-нибудь над собой не сделала.

Упершись в колени, Гамов встал, вышел из комнаты и притворил за собой дверь, чтобы оградить спящую от шума. Варвара стояла у кухонного окна и, вытирая фартуком покрасневшие от воды руки, смотрела на улицу.

— Что там? — спросил Гамов. — Отчего такой шум?

— Не знаю, — испуганно отозвалась Варвара. — Вон — бегут!

Гамов подошел к окну. Между домов бежали люди. Многие полураздетые, в халатах и тапках. Они бежали под редким крупным снегом и тащили на плечах пожитки и детей. Некоторые падали на скользкой мостовой, им помогали подняться.

— Что такое? — пробормотал Гамов.

Варвара перекрестилась. За дверью снова загрохотало.

— Я посмотрю, — сказал Гамов. — А ты побудь с Руфью. Я быстро.

— Не стоит вам ходить, — возразила Варвара. — Там недоброе твориться. Лучше за дверью переждать.

Словно в подтверждение ее слов, на лестнице громко закричала женщина. Ей ответил невнятный гул других голосов. Варвара вздрогнула.

— Конец света, — сказала она громким шепотом.

— И все же я посмотрю, — настаивал Гамов. — Нельзя так — сидеть и ничего не знать.

Он вышел в коридор и остановился у входной двери. Прислушался. Уловил явственный топот ног. Гамов приоткрыл дверь и выглянул. По лестнице бежали люди, он узнал соседей с нижнего этажа. Жена Петра Соломина тащила за руки двоих сыновей. Выглядела она так, будто была одержима демонами — волосы растрепаны и стоят дыбом, глаза круглые и слепые. Она громко пыхтела. Дети вырывались и плакали. Гамов молча проводил их взглядом, от неожиданности совершенно растерявшись. Жену догонял сам Петр. Он был в пижаме и без очков, его огромный живот трясся, он хрипло с трудом дышал. Гамов выступил вперед и схватил его за пропитанный потом рукав.

— Петр! Что случилось?

Толстяк повернул к нему перекошенное лицо и занес руку, словно собираясь ударить. Он явно не узнавал соседа. Гамов внутренне сжался и крикнул:

— Петр, это я!

Крик подействовал. Глаза Петра на секунду прояснились.

— Илион, беги! — закричал он. — Наверх беги! Они уже внизу, там не пройдешь. На крышу беги!

Он вырвал рукав из пальцев Гамова и бросился вперед. Гамов остался один. Снизу никто больше не бежал, наверху кричали и гремели чем-то железным.

«Наверное, пытаются открыть дверь на чердак», — подумал он.

Он подошел к перилам и посмотрел вниз. Ничего не увидел, но услышал — невнятные, утробные звуки, словно под лестницей рычали собаки. По спине пробежал холодок. Гамов уловил движение, а потом увидел первого.

Голый, худой и бледный, будто призрак апокалипсиса, таракан бежал по лестнице. За ним появился еще один, потом еще. Их было не меньше десятка, мужчин и женщин. Они были грязные. Они были с ног до головы выпачканы...

Гамов вскрикнул.

Первый из тараканов задрал голову и громко зашипел. Он рванулся вверх по лестнице с удвоенной скоростью. Остальные последовали за ним. Гамов повернулся к своей двери. От резкого поворота у него закружилась голова, лестница поплыла перед глазами. Он попытался схватиться за поручень, промахнулся и упал. Их ноги зашлепали вокруг него. Он заметил голую ступню с черными обломанными ногтями, успел поднять голову, чтобы увидеть, как они склоняются над ним.

3

Вездеход медленно выкатился из ворот и двинулся по улице. Мамочка сидела рядом с Колотуном и смотрела в окно. На душе у нее было тревожно. Вокруг не было никого. Валил крупный снег. Темнело.

— Только бы не застрять, — сказал Колотун. — Через Город прорвемся, а там уж поминай, как звали.

Остов отвала с передка машины Колотун снимать не стал, в случае проблем он мог бы послужить тараном. А проблемы вполне возможны. Совет не захочет выпустить вездеход, это не вызывало сомнений. Скорее всего, их попытаются остановить. Баррикад или заграждений из легковых машин Колотун не опасался, ничего серьезного они построить не успеют. Стрелки тоже не остановят вездеход — литая резина и металлические жалюзи помогут им прорваться. На всякий случай Колотун положил в грузовой отсек два запасных колеса. Его беспокоили грузовики, вот с ними могут возникнуть трудности.

Старуху можно было забрать без проблем. Ее сестра живет далеко от Центра. С Караско тоже все должно быть просто, к базе вездеход, скорее всего, пропустят. Другое дело — Квартал. Узкую Дорогу, которая соединяет его с Городом, легко перекрыть. Большому вездеходу там не развернуться. Можно поехать стороной, но это слишком опасно, никто не знает, что находится под снежной целиной.

Колотун повернул и тут же ударил по тормозам. Улица кишела кричащими людьми. Посреди толпы возвышался неуклюжий снегоуборщик, на крыше которого торчали два динамика. Колотун приоткрыл окошко и высунул голову.

— Отойдите от дверей и канализационных люков! Держитесь большой группой!

Голос смолк, несколько секунд было тихо, потом взревел двигатель, возле кабины вспыхнул прожектор. Его луч скользнул по стенам и уперся в толпу. Люди поспешно расступались. Не дожидаясь, пока они освободят место, снегоуборщик покатил вперед. Вырвавшись на открытое пространство, он резко набрал скорость и пронесся мимо вездехода, обдав Колотуна потоком холодного воздуха и копоти.

Звук двигателя растаял в темноте. Колотун повернулся к Мамочке.

— Оставайся здесь и запри дверь. Никого не пускай. Хорошо?

— Ты куда?

— Хочу узнать, по что сыр бор. Я быстро!

Она схватила его за руку.

— Не ходи! Не надо! Давай уедем отсюда! Сейчас!

— Да я мигом, не волнуйся! Это важно.

Он отцепил пальцы Мамочки от своей руки и выскользнул за дверь. Повернулся и жестом велел ей запереться. Она послушно защелкнула замок и, замерев от волнения, стала смотреть, как Колотун побежал к толпе. Полы его расстегнутой толстовки хлопали на ветру.

Он подбежал к ближайшей группе.

— Что случилось?

К нему повернулся небритый мужчина. Черные круги под глазами делали его похожим на какое-то экзотическое животное. Он трясся, то ли от холода, то ли от страха.

— Бесы! — крикнул он Колотуну в лицо. — Бесы в Городе!

— Где?

— Везде!

К ним повернулся другой. Он вытянул руку над головами, указывая на дома дальше по улице.

— Там!

— Их много?

— Легион!

— Там все мертвые!

— Сюда идут!

По толпе прокатилась волна.

— Центр! Они в Центре!

Колотун схватил кого-то за локоть.

— А Квартал?

— Нет Квартала! Они оттуда и пришли. Квартал мертв!

К ним повернулись еще несколько человек.

— Туда утром грузовики ушли. Ни один не вернулся!

— Врешь, один вернулся! Он в столб врезался!

— Там есть еще кто? — Колотун указал рукой на ту часть Города, куда они с Мамочкой направлялись. — На улице Апостола Андрея?

— Нет там никого. Там всех в домах накрыло.

— Они сюда идут! Скоро будут здесь!

Где-то далеко грохнул выстрел. Потом еще один.

— Нас бросили! — раздалось в толпе. — Они сбежали!

Люди заволновались. Колотун быстро обдумывал положение. Старуха, скорее всего, мертва, а мать Ноя мертва наверняка. Квартал погиб. Тараканы уже в Центре. Как ни был Колотун готов к нашествию, но такого он не ожидал.

«Сколько же этих тварей подошло к Городу?»

— Люди! — взревел кто-то. — Это кара Божья! Город погряз во грехе, и явились бесы! Они входят в наши дома! Они ждут нас в темноте! Кайтесь, люди! Кайтесь, пока не поздно!

Голос возвысился.

— На колени!

На несколько секунд все, включая Колотуна, застыли на месте. Потом толпа вокруг него зашевелилась. Люди опускались на мостовую.

— В руки Твоего милосердия, Господи, вручаю душу и тело мое! — закричал проповедник. Теперь Колотун видел его. Тот возвышался над толпой, словно летучий призрак. Ряса развевалась на ветру, как крылья. Толпа подхватила его слова:

— Вручаю душу и тело!

Колотун повернулся, не собираясь участвовать в этом фарсе. Он увидел темный остов вездехода в начале улицы и стал пробираться к нему.

— Вход и исход мой! Начало и конец жизни моей! Упокое души и тела моего!

— Упокое души и тела моего!

Колотун проталкивался вперед.

«Идиоты, так и подохните здесь на коленях. Уходить отсюда надо! Уходить!».

Он вдруг остановился. Сжал зубы, обернулся и посмотрел на простершего руки священника.

— Ты же, Господи, всего мира Благодать — избавь от всякого зла!

Колотун полез обратно.

— Избавь от всякого зла! — вторила толпа.

Он наступал на ноги, толкался и отпихивал людей в стороны. Внутри у него все клокотало.

«Сволочи! Гады! Вы даже сейчас стадо. Ублюдки!»

Он протолкался к священнику. Тот стоял на ржавом автомобильном кузове и кричал. Колотун влез на скользкую крышу и изо всех сил толкнул крикуна вниз.

— Жили баранами, так и сдохните! — заорал он. — Берите продукты, берите сколько унесете и уходите из города! Идите на восток! В четырех километрах перевалочная база Поиска! Бесы идут с запада. Идите на восток. Идите по колее!

Толпа зароптала. Испуганно оглядываясь, люди поднимались.

— Бог не допустит! — крикнул проповедник. Он уже снова стоял на ногах.

— Бог ушел из города! Он ушел до вас!

Священник указал на него пальцем.

— Чертов служка! — завопил он. — Это про них говорили нам с кафедры. Не слушайте его! Бейте бесова поводыря!

Несколько человек забрались на кузов машины и потянули Колотуна вниз. Кто-то ударил его, не целясь, и попал в руку, Колотун ударил в ответ, прицельно — в лицо.

— Кайтесь! — завывал проповедник.

Но его больше не слушали. Толпа пришла в движение, забурилась: люди бросились к домам.

— По грехам вашим грядет расплата!

Одно из окон на втором этаже распахнулось.

— Они уже здесь!

Людей охватила паника. Человеческий поток отхлынул от стен и устремился вниз по улице, подгоняемый, словно бичом, криками боли, летящими из окон. Толпа накрыла дерущихся и разметала их в разные стороны. Колотун поднялся на ноги и, активно работая локтями, стал проталкиваться к вездеходу. Он успел одним из первых. Мамочка открыла перед ним дверь, он вскочил в кабину, запер замок и опустил металлические жалюзи.

— Началось, — сказал он.

— Что началось? Ты узнал, что там?

Колотун молчал.

— Что с мамой?

Он повернулся к ней, и она съежилась под его взглядом. Он ничего не сказал, но все было ясно без слов. Мамочка быстро замотала головой.

— Нет-нет-нет — не может быть! Так не может быть! Мы должны были идти за ней сразу! Почему ты не пошел? Почему ты, мать твою, не пошел?!

Она ударила его кулаком в плечо. Потом еще раз. Колотун перехватил руки, и прижал ее к себе. Мамочка рыдала. Она рычала и вырывалась.

Он держал ее крепко-крепко.

2

Ной тщательно намыливал мочалку. Принцесса плескалась в лохани. Теплая вода нравилась ей, она то и дело нагибалась, складываясь почти пополам, так, что на поверхности оставался только затылок, и снова выпрямлялась.

Ной взял ее за руку. Она не отстранилась, глядя на него детскими чистыми и восторженными глазами. Он провел по руке мочалкой. Принцесса хихикнула. Ной стал мыть ей шею и плечи. По коже потекли струйки грязной воды.

— Вот так, — тихо говорил он. — Сделаем из тебя человека.

— Овека, — с готовностью отозвалась Принцесса.

— Да. Именно. Овека.

Он вымыл ей лицо и волосы, стараясь все делать медленно и нежно, чтобы не напугать. Она не сопротивлялась, послушно поворачивая голову. Ной перехватывал мыльные ручейки, которые Принцесса радостно ловила ртом.

Она все больше и больше напоминала ему ребенка, и этим раскалывала его сознание надвое. Ной не понимал, как к ней относиться, потому что под эмоциями ребенка, под детской непосредственностью он видел молодую женщину. И она его волновала. Ной не знал, как разрешить этот ребус. Ему, незнакомому еще с женщинами, воспитанному в пуританской строгости нравов, такое раздвоение выбивало почву из-под ног. Женщина-ребенок. Непонятная вдвойне. Ной подумал, что самое верное решение — это пустить все на самотек. Жизнь сама подскажет, как быть.

Он снова намылил мочалку и стал оттирать ей спину. На гладкой коже выступили мурашки.

«Удивительно, — думал он, — ни царапины, ни шрама. Как это возможно при той жизни, что она вела?»

Лишь выпирающие ребра говорили о том, что ей довелось вынести.

Ной нерешительно остановился, Принцесса посмотрела на него с нетерпением. Ей не понравилось, что ласка прекратилась. Она взяла его руку с мочалкой и прижала к выступающим ключицам. Он робко провел мочалкой из стороны в сторону. Потом опустил чуть ниже. Снова провел. Еще ниже. Под мочалкой его ладонь ощутила выпуклости грудей. Он почувствовал, как скользит по ним рука, словно по маленьким холмам — падает в ущелье и вновь поднимается. Он еще опустил руку. Пальцы почувствовали твердые соски. Ной остановился, не зная, можно ли двигать по ним мочалкой или так он сделает девушке больно. Сердце быстро и сильно билось в груди, отдаваясь в висках, голову заволакивал туман. Принцесса вдруг подалась назад, уперлась спиной в стенку лохани и закрыла глаза. Ной воспринял это, как приглашение к действию, и очень медленно повел мочалкой в сторону, чувствуя, как ткань трется о сосок, пригибая его вниз. Рука задрожала. Принцесса глубоко вздохнула, ее грудь подалась вперед, вдавливаясь в ладонь Ноя. Он сглотнул тяжелый ком в горле и продолжил.

1

Колотун медленно вел вездеход по обезлюдевшим улицам. Мамочка сидела рядом, прямая и застывшая, как камень. Она неотрывно смотрела вперед, сцепив руки на коленях.

Повсюду они видели тараканов, те, словно тени, проскакивали из подъезда в подъезд, перебегали улицу. Их было много. Очень много. На снегу чернели пятна крови. Колотун отговаривал Мамочку ехать этим путем. Ему не хотелось, чтобы она видела все это, но Мамочка не желала его слушать. Она должна была убедиться, и Колотун не решился ей возражать.

Часто тараканы сбивались в небольшие группы, склоняясь над чем-то, лежащим на снегу. Колотун знал, что это. И Мамочка знала. Она сидела бледная и тихая.

Почти все окна были темными. Люди еще не успели зажечь свет, когда за ними пришла смерть. Колотун включил ревун, надеясь, что кто-нибудь услышит и даст о себе знать. Шли минуты, но никто не ответил, никто не высунулся из окна, не закричал.

— Ее окно выходит на улицу? — спросил Колотун.

— Да.

— Которое?

— Вон те. Второй этаж. Первое и второе от подъезда.

Он направил машину в указанную сторону и остановил прямо под окнами. Большой вездеход давал возможность, взобравшись на крышу, заглянуть в них. Колотун вытащил из-за кресла винтовку. Привлеченные ревуном, из подъездов стали появляться тараканы. Они не решались подходить к вездеходу, опасаясь невиданного гиганта. Окружили его кольцом и ждали. Вслед за винтовкой Колотун достал лампу.

— Я наверх. Попробую заглянуть в окна. Когда полезу обратно, смотри в оба — не открывай дверь, если видишь, что кто-то из них может пролезть. Поняла?

Мамочка кивнула.

— Ну, с Богом!

Колотун распахнул дверцу и быстро полез по металлическим скобам на крышу. Там он улегся на живот и осмотрелся. Тараканы глядели на него, но все еще не двигались с места.

«Это ненадолго. Скоро они смекнут что к чему»

Он быстро пополз к окнам. Оказавшись возле первого, он встал, повернул линзу лампы и направил луч света в темноту комнаты. Никого. Пусто. Никаких следов. Он шагнул в сторону и услышал громкое шипение. Обернулся. Несколько тараканов подбиралось к вездеходу. Остальные в волнении подскакивали за их спинами и шипели.

«Хреново», — подумал он и посветил во второе окно.

Зрелище открылось жуткое. Двое тараканов все еще оставались в комнате.

Вцепившись друг в друга, они катались по полу между двух тел. Одно лежало возле выхода, второе ближе к окну. Колотун вздрогнул, мотнув лампой. В этот момент дерущиеся твари вдруг расцепились и уставились на него через стекло. Он отступил и поспешно погасил лампу. Попятился назад, в сторону кабины.

Тараканы столпились вокруг нее. В винтовке было десять патронов, это все, на что можно рассчитывать. Колотун опустился на колени и быстро пополз вперед.

Над крышей показалась голова таракана. Колотун остановился и поднял винтовку. Таракан в два рывка одолел скобы, вскочил на крышу. Он сделал шаг, поскользнулся и, взмахнув руками, упал вниз. Колотун едва успел расслабить палец на спусковом крючке. Он двинулся дальше, молясь про себя, чтобы не упасть самому — с винтовкой в одной руке лезть по скользкой крыше было очень трудно.

Он почти добрался до кабины, когда над ней показалась еще одна голова. На этот раз Колотун выстрелил. Таракан упал. Колотун подобрался к скобам и посмотрел вниз. У водительской двери собралось около десятка этих тварей. Сейчас они склонились над упавшим сородичем, но в следующую минуту могли снова полезть наверх. Колотун решил не терять эту минуту даром. Он уцепился за верхнюю скобу, свесился вниз головой и заглянул в кабину.

Мамочка сидела бледная, как смерть и смотрела в водительское окно. Колотун стукнул в стекло, и она повернула голову. Он знаком показал ей, чтобы она села за руль и отвела вездеход. Показал, что не может залезть в кабину, пока внизу тараканы.

Когда-то он сам учил Мамочку управлять вездеходом. Особенного успеха она не добилась, но стронуть его с места могла, а большего и не требовалось. Колотун надеялся, что успеет пробраться в кабину, прежде чем она врежется в какую-нибудь стену.

Несмотря на охвативший ее страх, Мамочка сразу поняла смысл пантомимы. Увидев, как она перебирается на водительское место, Колотун снова выбрался на крышу. Тараканы оставили сородича и снова полезли наверх, а из домов появлялись все новые. Колотун опустил ствол и выстрелил, в этот момент вездеход вздрогнул и прыгнул вперед, подминая под себя замешкавшихся тварей. Колотун вцепился в верхнюю скобу, едва не выронив винтовку. На подножке оставались еще два таракана. Он стрелял почти в упор. Вездеход дернулся, Колотун выпустил винтовку и вцепился в скобу второй рукой. Мамочка вела машину по прямой. Тараканы остались позади, они словно утратили всякий интерес к вездеходу и сгруппировались вокруг убитых сородичей.

Держась за верхнюю скобу двумя руками, Колотун перекинул ноги через край крыши и повис вдоль кабины. Мимо, всего в нескольких сантиметрах от его спины, проплыла стена подъезда. Он заколотил в стекло. Мамочка обернулась. Он сделал знак остановиться.

Вездеход резко затормозил и встал на месте. Инерция едва не скинула Колотуна на землю. Он быстро перебрался в кабину, сел за руль и посмотрел в боковое зеркало. К застывшей машине бежали тараканы. Колотун надавил на газ и повел вездеход в сторону заградительной базы, где ждали Караско и Танк.

Мамочка схватила его за руку. Он быстро глянул в ее сторону и почувствовал, как сжалось сердце. Она была похожа на маленького потерявшегося ребенка, который спрашивает, где его родители.

— Умерла, — сказал он и отвернулся.

Напряг руку, опасаясь, как бы Мамочка не начала дергать ее. Но она не начала. Она прижалась к своему окну, закрыла глаза ладонями и зарыдала.

Когда они добрались до заградительной базы, стемнело окончательно. Снег перестал. Колотун остановил вездеход перед зданием и молча смотрел, как проносятся в свете фар темные фигуры тараканов. Их было очень много. Они выбирались из открытого люка недалеко от входной двери, выбегали из здания, и еще множество теней мелькало в освещенных окнах.

Они лежали возле открытого колодца — два изуродованных тела в остатках комбинезонов Поиска. Рядом с ними — несколько милиционеров. Над трупами, то и дело заслоняя их, копошились тараканы. Первым желанием Колотуна было направить на них машину и передавить к чертовой матери этих монстров. Караско и Танка уже не вернуть, но хотя бы отогнать от них эту нечесть. Но он понимал, что это бесполезно. В голову пришла старая поговорка: «Свято место пусто не бывает».

Он двинул машину задним ходом. Мельком взглянул на «бочки», припаркованные за домом. Теперь до них не добраться. Глянул на Мамочку. Она сидела молча, только из глаз ее катились слезы. Она уже не пыталась прикрыть их руками.

«Только бы она выдержала и не рехнулась. Только бы справилась».

Сегодня они потеряли всех, кого знали и любили. Сегодня они расплатились по всем счетам. Колотуну вдруг очень захотелось направить машину вперед и давить, давить эту мразь, пока не кончится топливо, а, когда кончится, бросить в бак зажженную тряпку.

Но рядом сидела Мамочка, а на складе ждал Ной. Они еще были живы.

Вездеход выбрался за ограждения, и Колотун повел его вокруг городской стены к складу готовой продукции.

Ной и Принцесса ужинали. Чистая, прилично одетая она ничем не напоминала то жуткое существо, которое ползало по вытертому линолеуму, когда Ной, замирая от страха, лежал на трубах. Она не хотела возвращаться в подвал, и он был этому рад. Иногда, отрываясь от тарелки, она как-то странно на него смотрела, и Ной каждый раз отворачивался.

Принцесса первая услышала подъезжающую машину и рванулась к окну. Ной встал рядом с ней и в щель между досок увидел, как вездеход останавливается возле входной двери. Двигатель смолк. Распахнулась водительская дверь, из нее выбрался Колотун, обошел кабину и помог спуститься кутающейся в куртку Мамочке. Они быстро пошли к дому.

Ной хмыкнул. Ему показалось странным, что прочие остались в вездеходе. Он отправился встречать прибывших.

Вид Мамочки, опирающейся на руку Колотуна, поразил его. Она словно постарела. Она выглядела много хуже, чем в тот день, когда исчез Ушки.

Миллион лет назад.

Мамочка казалась опустошенной, и Ной вдруг понял, почему не вышли из машины остальные.

Остальных не было.

— Где все? — спросил он и не узнал собственного голоса.

— Нет больше никого, — ответил Колотун. — Тараканы накрыли Город. Квартал, Центр — все.

Он поднял глаза на Ноя.

— Мне очень жаль.

Ной прислонился к стене, а потом медленно осел на пол.

— У нас мало времени, — добавил Колотун. — Нужно отсюда уходить. Как можно быстрее.

Ной не шевелился. Мамочка высвободилась из рук Колотуна, подошла к нему и села рядом. Стала гладить его голову. По ее щекам опять потекли слезы.

Колотун шумно вздохнул и побрел к подвалу.

Мамочка ничего не говорила, и Ной молчал. Они сидели, обнявшись, на грязном холодном полу и плакали. Это было лучшее утешение для каждого из них. Слезы — универсальный язык боли.

Мимо прошел Колотун, нагруженный коробками. Он проходил несколько раз. Ной не знал сколько. Он потерял ощущение времени.

Он очнулся только тогда, когда почувствовал руку на своем плече. Поднял голову.

— Ной, что произошло в подвале? — спросил Колотун.

— А?

Смысл слов постепенно добрался до его сознания. Он встал и помог подняться Мамочке.

— Я покажу.

Они прошли в комнату с печкой. Ной и Мамочка вошли первыми, за ними Колотун. Увидев сидящую под столом Принцессу, он присвистнул.

— А это еще кто?

Услышав его слова, она открыла рот и угрожающе зашипела. Колотун отшатнулся. Мамочка тоже подалась назад, но Ной удержал ее.

— Это таракан? — спросил Колотун.

В его голосе прозвучала угроза.

— Да. Она была ранена. Сидела в подвале. Я ее одел и накормил.

— Ты с ума сошел! Да она нас всех...

Колотун не договорил, повернулся, собираясь выйти. Ной схватил его за рукав.

— Она не опасна! Поверь мне. Она совсем не опасна!

Принцесса зашевелилась.

— Те-ло? — спросила она.

— Да, — сказал Ной. — Вылезай.

Принцесса осторожно выбралась из-под стола и неуверенно шагнула к Ною.

Мамочка вскрикнула, вырвалась из его рук и выбежала в коридор. Колотун бросился за ней.

Глава 21. Шапка. Те-ло. Еда

Ной опустился на стул, охваченный внезапным оцепенением. Реакция Мамочки и Колотуна словно захлопнула в нем дверь. Он пытался сосредоточиться, осознать происходящее, думать о нем, но внутри была лишь пустота. Мир остался за дверью. Ной глядел в одну точку, уперев локти в колени. Принцесса опустилась рядом и стала смотреть на огонь.

Издалека доносились крики Мамочки. Она орала, захлебываясь слезами, и хотя слышно было хорошо, Ной не мог понять смысл ее слов. Изредка вопли смолкали, тогда начинал неразборчиво и монотонно бубнить Колотун. Ной вдруг подумал, что нет теперь ни одной живой души, близкой ему. Он остался один.

Усилием воли он оторвал взгляд от пола и посмотрел на Принцессу. Она сидела у его ног, погруженная в себя, не шевелясь и спокойно дыша. Ной подумал, что так может вести себя домашняя собака или кошка, почувствовал, что вот-вот заплачет и сжал зубы.

Долго они сидели молча. Крики Мамочки утихли, а через некоторое время в комнату заглянул Колотун. Он постоял на пороге, глядя то на Ноя, то на Принцессу и растирая пальцами лоб. Его короткие волосы топорщились во все стороны.

— У Мамочки истерика, — сказал он.

Не поднимая головы, Ной кивнул.

— Из-за нее, — Колотун показал на Принцессу. — Эти твари убили ее мать.

Он немного помолчал и, видя, что Ной не реагирует, добавил неохотно.

— И твою тоже.

Ной поднял на него взгляд.

— И что?

— Оставим ее и уберемся. У нас очень мало времени. Никто не знает, когда они придут сюда.

Ной замотал головой.

— Да как ты не понимаешь, что упрямством своим ставишь нас всех под удар! Очнись, Ной! Сейчас нельзя раскисать. Это можно будет сделать потом.

— Если я сейчас очнусь, то мы уже никуда не поедem. Оставьте нас, если хотите, и уезжайте сами.

— Ты не в себе.

— Точно. Я не в себе.

— Черт бы побрал это все! Нет у меня сил с вами нянчиться. Еще немного, и я сам рехнусь.

— Тебе-то что?

— А то! Караско был мне отцом. Он научил меня всему. Научил думать своей головой, смотреть своими глазами, верить только в себя. Мы все кого-то потеряли. И ты, и она, и я. Но сейчас надо быть сильными. Мамочка — ладно, она не сможет, но тебе, Ной, надо. Нам обоим надо, иначе не спастись. Уступи ты ей! Зачем тебе эта тварь? Она все равно уйдет при первой возможности, если не перебьет нас раньше. У нас без нее полно проблем. Нужно выбираться отсюда, в Большой Город или еще куда — сейчас нужно уезжать.

— Большой город! — неожиданно громко и отчетливо произнесла Принцесса.

Колотун и Ной ошеломленно уставились на нее. Она вскинула голову, быстро глянула на обоих и, обрадованная их интересом, повторила еще раз:

— Большой город!

— Она говорит? — спросил Колотун.

— Да нет. Только пару слов, да и те неправильно. О Большом Городе я при ней вообще не поминал.

— Вот это да.

Колотун подошел ближе. Принцесса прижалась к ноге Ноя и напряглась.

— Большой Город где? — спросил Колотун.

— Большой город! — отозвалась девушка.

— Она не понимает тебя, — сказал Ной.

— Да вижу я, что не понимает! — раздраженно ответил Колотун.

Подумал немного. Указал на окно.

— Большой Город там?

Принцесса смотрела на него внимательно, хмурия лоб. Ее глаза блестели. Колотун повернул руку в противоположном направлении.

— Большой Город там?

Принцесса молчала.

— Эх, что с нее взять. Тварь бездушная...

Колотун сел на пол и упер ладони в лоб, вороша волосы. Принцесса вдруг поднялась, подошла к окну. Заглянула в щель между досок. Отошла. Вытянула руку в сторону печки и сказала:

— Большой город.

Колотун поднялся.

— Погоди-ка.

Он подошел к девушке и попытался взять ее за локоть. Она вырвала руку и оскалилась, показывая зубы.

— Черт! Ной, выведи ее на улицу. Я хочу посмотреть, куда она тычет.

— Ты думаешь...

— А у тебя есть другое объяснение?

Не ответив, Ной встал со стула и коснулся руки Принцессы. Ему она не противилась. Он потянул ее за собой к выходу.

Обойдя вездеход, Колотун выбрал место так, чтобы пространство вокруг хорошо просматривалось. Обзору мешала лесополоса на юге, но, если эксперимент удастся, это не имело значения. Он посмотрел на Принцессу. Она щурилась и крутила головой.

— Большой Город, — сказал Колотун.

Девушка тут же вытянула руку. Колотун повернулся к Ною.

— Примерно северо-запад.

— В записках отца Большой Город упоминался в связи со сверхдальней экспедицией, как раз на северо-запад. У человека, которого там нашли, эти слова были вышиты на одежде. Первые химеры в образе людей. Как я понимаю, ее предки.

— Память поколений, — полувопросительно-полуутвердительно произнес Колотун. — В этом что-то есть.

Он помолчал, глядя на Принцессу.

— Вот уж не знаешь, где найдешь. Ладно. Попробую еще раз поговорить с Мамочкой. Если твоя зверушка действительно знает о Большом Городе...

Принцесса послушно вытянула руку в сторону.

— ...то в нашей поездке, кажется, появляется какой-то смысл. Идите пока. Ждите в комнате.

Мамочка больше не кричала. Когда Колотун рассказал ей о сделанном открытии, она расплакалась. В таком состоянии он ее и оставил, посчитав вопрос решенным. На пару с Ноем он принялся загружать вездеход, а Принцесса, прихрамывая, пыталась угнаться за ними. Отставая, она начинала жалобно скулить. Наконец, она устроилась возле вездехода, почувствовав, что без этой штуки, Ной от нее не уйдет.

Выехали глубокой ночью. Ной и Принцесса расположились в пассажирском отсеке, Колотун запер за ними дверь, а потом провел в кабину Мамочку. Усадил возле себя.

Машина покатила по снежной дороге прочь от Города. Над темными изломанными силуэтами домов поднималось огненное зарево далеких пожаров. Город исчезал в пламени, искупая свои грехи.

Колотун ехал всю ночь и половину дня. Уведя вездеход на минимальное, по его мнению, безопасное расстояние от Города, он остановил машину и объявил привал. В пассажирский отсек вошла Мамочка. Она посмотрела на Ноя и Принцессу и, не сказав ни слова, прошла к походной кухне. Шмыгая носом, она занялась посудой. Дверь отсека распахнулась, показался Колотун и поманил Ноя пальцем.

— Выходите.

Они с Принцессой выбрались на снег. Местность вокруг была незнакомая: вдоль дороги тянулся заснеженный лес; словно гнилые клыки, торчали остатки столбов. Было светло и тихо.

— Ну, давайте-ка сориентируемся, — сказал Колотун.

Он повернулся к Принцессе.

— Большой Город!

Девушка разглядывала машину, с интересом ковыряя пальцем железный бок. Услышав восклицание Колотуна, она вздрогнула и повернулась.

— Большой Город!

Вскинула руку, показывая на лес.

— Черт возьми, — сказал Колотун. — У нее в башке компас.

Ной улыбнулся, Колотун посмотрел на него.

— Ты как?

— Нормально.

— Нормально. Поспал?

Ной кивнул.

— Вот и хорошо, тогда подежуришь немного. Мне нужно подремать несколько часиков. Денек выдался трудный. Так, сейчас давай наколем льда, чтобы Мамочка могла готовить.

Они спустились на обочину и в низине отыскивали замерзший ручей. Колотун вытащил из-за пояса топорик и принялся колоть лед.

— Возьмем впрок. Пусть полежит в машине, растает.

Он глянул на Ноя, потом на Принцессу, стоящую в сторонке и с любопытством наблюдающую за его работой.

— Не нравится мне Мамочка, — прерывисто заговорил он, колотя топориком. — Все время молчит. Ночь сидела, не спала и молчала. Даже не знаю, что с ней делать. Как думаешь?

— Думаю, что надо оставить ее в покое, — сказал Ной. — Сейчас с ней говорить бесполезно.

— Да. Только вот боюсь я оставлять ее в покое. Кто знает, что там тихо варится у нее в голове.

Они вернулись в вездеход. Быстро растопив первую партию льда, Мамочка развела кашу и, не глядя, стала передавать тарелки Ною. Первую тот отдал Принцессе, и она сразу же принялась за еду в своем обычном стиле. Ной поморщился и пообещал себе научить ее пользоваться ложкой — такие ее повадки никуда не годились. Мамочка глянула на нее с отвращением, но ничего не сказала.

Получив свою порцию, Колотун устроился возле дверцы в кабину и сказал.

— Я посмотрел на карту, на маршрут той сверхдальней, северо-западной. Расстояние солидное — около шестисот километров.

— Сколько туда добираться? — спросил Ной.

— Не знаю. Проблема в том, что с нашим запасом топлива, мы до туда не доедем. Остановимся километрах в пятидесяти, это в лучшем случае. А дальше только пешком. Мамочка подняла голову.

— Пешком?

— Да! — сразу оживился Колотун, обрадованный тем, что она заговорила. — Но ты не волнуйся, припасов у нас полно, а я знаю, как вести себя на открытой местности. Прорвемся!

— Как выжить на снегу... — тихо проговорил Ной.

— Вот-вот, — согласился Колотун. — Я это знаю. Недельку в пути, и мы на месте.

— А что там? — спросила Мамочка.

Колотун пожал плечами.

— Поселок. Крайняя точка старой экспедиции.

— Могилки, — сказал Ной. — Они необитаемы с самого Армагеддона. Так было в материалах отца.

— Могилки, — повторил Колотун. — Это ж надо.

Он сунул ложку в зубы, полез под куртку и вытащил сложенный лист карты. Одной рукой расправил его и положил на колени. Принялся водить пальцем.

— Могилки... Вот они.

Ной подсел к нему и заглянул в карту. Поселок, на который показывал Колотун, находился почти в самом углу листа, невероятно — жутко далеко от обведенного карандашом Города. К поселку вела пунктирная линия дороги, а дальше на северо-запад тянулся лес. Никаких путей, никаких населенных пунктов. Могилки были последним обитаемым местом. Передвигаясь на корточках, к Ною подобралась Принцесса и тоже посмотрела на карту. Крошка каши с ее губ упала на лист. Колотун, не глядя, смахнул ее.

— Судя по вашим лицам, пристанища мы себе там не найдем, — сказала Мамочка.

Колотун поднял голову.

— Ну, местечко, конечно, так себе. А о Большом Городе...

— Большой город! — выкрикнула Принцесса. Она выбросила в сторону руку, едва не ткнув Колотуна в голову. Ной мягко опустил ее.

— А на Большой Город здесь нет и намека. И на других листах тоже, я смотрел. Даже дорог нет в том направлении.

— Поселки?

— Есть пара, но совсем крошечные. Скорее всего, там никого нет.

— И что мы будем делать? — голос Мамочки прозвучал неожиданно зло.

Колотун посмотрел на нее растерянно и принялся чесать затылок.

— Ну, будем двигаться потихоньку, пока не найдем что-нибудь более-менее пригодное. Какую-нибудь сохранившуюся дыру, устроимся и...

— ... подохнем там, — завершила за него Мамочка. Колотун не ответил, и она продолжила. — Почему именно северо-запад? Может быть, разумнее искать в другом направлении? Может быть, найдется что-нибудь поближе?

Колотун помотал головой.

— Во-первых, тараканы из Города, скорее всего, направятся на юг или юго-восток. Вряд ли они вернуться в те места, откуда пришли. Так что самое безопасное — это двигаться на северо-запад. Во-вторых, в южном и восточном направлении было множество экспедиций, и там нет ничего стоящего. По крайней мере, не больше, чем мы встретим на северо-западе. И в-третьих, — Колотун указал на Принцессу, — она знает о Большом Городе.

— Большой Город! — радостно повторила Принцесса. Ной успел удержать ее руку.

— Я уверен, что этот город есть. И она может нас туда привести.

— Ненавижу ее! — выдохнула Мамочка и отпихнула в сторону свою миску. Миска звякнула.

Они замолчали. Ной с Колотуном вернулись к еде. Мамочка, мрачная, как туча, сидела в углу возле печки, обхватив руками большой живот.

Доев, Колотун сказал.

— Ной, вы давайте в кабину — подежурите. А мы попробуем поспать. Часика через четыре разбуди меня, нужно до ночи еще немного продвинуться. Давайте.

Ной кивнул, взял Принцессу за руку и пробрался с ней в кабину. Он уселся в водительское кресло, девушка устроилась рядом и принялась ковырять пальцем в зубах. Ной смотрел на нее, а в ушах все еще отдавался выкрик Мамочки: «Ненавижу ее!».

Плохо. Очень плохо.

Но, по крайней мере, Мамочка воспринимает ее, как человека. И ненавидит ее, как человека. Колотун отказывает Принцессе даже в этом. Ной хорошо понимал Мамочку, он и сам реагировал бы точно так же, попадись ему на глаза таракан. Любой — взрослый или ребенок. Но Принцесса не была тараканом, она вдруг перестала им быть. Ной это знал, а вот Мамочка и Колотун — нет.

Он снова глянул на девушку. Измазанный в каше рот, блестящие глаза — она с любопытством осматривала кабину, трогая обивку кресел, стекла и приборы; рассыпавшиеся по плечам тонкие волосы — большой ребенок. Чистый лист. Он порылся в кармане, вытащил платок и вытер ей губы. Потом ткнул себя в грудь.

— Ной, — сказал он.

Принцесса улыбнулась. Он повторил.

— Ной. Скажи — Ной!

Он снова хлопнул себя по груди.

— Ой! — сказала Принцесса, комично вытаращив глаза. Ной едва сдержал смех.

— Ной, — сказал он. — Ной!

— Ной!

— Хорошо. Теперь ты.

Он показал на нее.

— Принцесса.

— Инсса, — с трудом выговорила девушка. — Нсесса.

— Принцесса, — медленно и четко произнес Ной.

— Пинсесса. Принсесса.

— Принцесса.

— Принцесса!

— Очень хорошо! Молодец.

Он хлопнул себя по груди.

— Ной! — с готовностью отозвалась ученица. Показала на себя. — Принцесса!

— Умница!

Ной почувствовал гордость. Даже тоска на время отпустила, потесненная интересом научения. Он оглядел кабину и заметил шапку, которую оставила Мамочка. Взял ее и сказал:

— Шапка.

— Шапка, — без труда повторила Принцесса. — Ной. Принцесса. Шапка. Те-ло!

Она подобрала с пола крошку каши. Протянула Ною на открытой ладони.

— Еда.

— Еда!

Когда, спустя четыре часа, он пробрался в кабину, Колотун и Мамочка спали. Он — на лежанке у самой двери, она — возле походной кухоньки. Стараясь не шуметь, Ной осторожно потряс Колотуна за плечо. Тот проснулся мгновенно. Оглядел мутными со сна глазами отсек, задержал взгляд на Мамочке, и тихо полез, вслед за Ноем, в кабину.

Ной с Принцессой пересели на пассажирские сидения, уступив Колотуну место.

— Эх, нет нам роздыха, — сказал он, вытягиваясь в кресле. Хрустнули суставы. — Спина совсем задубела.

— Спина! — сказала Принцесса и ткнула Ноя в куртку.

— Тише!

— Ого! Оно уже разговаривает.

— Я ее учу, — сказал Ной. — И не надо так ее называть — у нее имя есть.

— Это не имя. Это сентиментальное прозвище, которое дал юнец своей романтической мечте.

— Не смешно.

— Да, ты прав. Не очень. Но я хотя бы пытаюсь. Если сейчас быть серьезным, то... Он потер озябшие ладони.

— Рука, — сказала Принцесса.

Колотун с любопытством посмотрел на девушку. Она так же внимательно разглядывала его, ожидая возможности продемонстрировать свои новые знания. Колотун демонстративно коснулся пальцем колена.

— Нога.

— А так? — он прижал ладонь ко лбу.

— Шапка!

Под тихий смех Колотуна, Ной замотал головой. Принцесса выглядела смущенной.

— Голова, — сказал Ной.

Девушка широко улыбнулась и быстро закивала.

— Голова-голова-голова!

— Да, Ной. Вам еще есть над чем поработать.

Колотун завел двигатель и плавно тронул вездеход с места.

Ехали быстро — дорога позволяла. Принцесса непрерывно крутилась и тараторила скороговоркой слова, которые успела выучить, Ной смотрел вперед, на череду заснеженных деревьев по обочинам и молчал. Чувство одиночества, глубокое и мучительное, снова захватило его. Да, Колотун и Мамочка оставались рядом, но они были не с ним. Особенно она. Каждый завернулся в свой собственный кокон одиночества. И, если Колотун хотя бы пытался время от времени прорвать его, то Мамочка даже не пробовала. Три чужих человека отправлялись в дальнюю даль, не зная, что ждет их. Они находились вне времени, в промежутке пустоты, взятом у смерти взаимы. Вычеркнутые из жизни, но еще живые. Какую плату выставит смерть за эту передышку? Ною казалось, что, если плата будет достойной, смерть может отпустить их, может позволить вернуться в мир живых, если нет — отложенный приговор будет приведен в исполнение. Каждый должен заплатить. Свою цену.

По дороге между мирами живых и мертвых ехал вездеход, и снежная пыль взметалась из-под колес.

Пытаясь отвлечься от давящих мыслей, Ной снова вернулся к занятиям с Принцессой. Он называл ей разные слова: дерево, столб, машина, снег. Принцесса схватывала на лету — теперь она почти сразу повторяла без ошибок. Она очень быстро привыкала к речи, и Ной подозревал, что уже через несколько дней, она сможет произносить простые фразы. Ей не хватало глаголов, и он принялся размышлять, как преподать ей науку описания действий.

— У нее удивительная память, — заметил Колотун. — Как у умной машины.

— Она гораздо умнее машины, — возразил Ной.

— Не уверен. Память — это хорошо, но здесь нет никакого фокуса. Голова у нее пустая, вот и оседает в ней все на свете. Умеет ли она думать — это вопрос.

Ной решил не спорить с ним. Не было настроения, только глухая злость.

— Мы едем по той же дороге, что и в прошлый раз? — спросил он, меняя тему.

Принцесса тихо произнесла за ним эту фразу, глядя в окно.

— Не совсем. Мы едем вкруг. Хочу обогнуть Голенищево, и вообще держаться подальше от поселков. Мало ли что. Тараканы шли оттуда, вдруг еще кто-то остался.

Ной взял карту, которую Колотун положил между сидениями и развернул ее.

— Где мы сейчас?

Колотун быстро скосил глаза и ткнул пальцем в лист.

— Здесь.

Дорога плавной дугой отходила от Города, ответвляясь от главного северо-западного направления на Голенищево и вела дальше к Волокушам. Путь, выбранный Колотуном, пересекал большой лесной массив — километров сорок, а потом снова выбирался на открытое место. Там он вливался в другую дорогу — на север.

Дороги. Ной все еще думал о них по-старому, как городской житель. В Городе их расчищали снегоуборщики, по ним ходили люди и ездили легковые машины, их было видно. Здесь, в Пустой Земле, не было дорог — были направления. Снег укрывал все пути толстым, одинаковым во всех направлениях одеялом, только тяжелый многоколесный вездеход мог одолеть его.

Теперь на многое предстояло смотреть иначе, не только на дороги. Не было больше стен, только лес и хмурое небо над головой, не было денег, чтобы купить еду и ночлежки, чтобы согреться. Не было права на ошибки и слабости. То, что прощал обжитой Город, оборачивалось гибелью на Пустой Земле. Жизнь становилась сложной и, одновременно, очень простой. Теперь на поверхность выступала самая суть ее — тепло, еда и забота о том, кто рядом. Нехитрая правда.

Ной больше не испытывал того тошнотворного ужаса, парализующего страха перед пространством вокруг, как это было во время первой поездки. В тот день Город не отпускал его, лишь растягивалась пуповина. Наверное, и у других было точно так же, только они научились терпеть, а Ной еще нет. Но пуповина оборвалась. Не осталось больше связи с домом. Дом отныне — здесь. Мать Ноя, его друзья, его любовь, его надежды теперь свернулись тугим комком, зародышем чего-то нового в нем самом. Они ждали. Развернутся ли они, чтобы задушить его, задавить своим весом, или он успеет найти опору, и тогда они станут для него фундаментом новой жизни. Ной не знал.

— А что там у твоего отца было про Большой Город? — спросил Колотун. — Откуда он вообще это взял?

— Большой город, — вяло проговорила Принцесса. Она засыпала, убаюканная теплом и плавным ходом машины.

— Эти слова были нашиты на комбинезон человека, которого нашли в Могилах.

Ной пересказал Колотуну те крохи, которые извлек когда-то из отчетов отца. Рассказал о странном материале костюма черного человека, о необычном устройстве из тонких блестящих трубочек.

— С техникой у тех ребят было все в порядке, — сказал Колотун. — Нам — дикарям, даже не понять, что это такое.

— Знаешь, может быть, ты и не совсем прав, — неуверенно возразил Ной. — Когда Ушки ранили, он просил меня взять коробку из своего шкафчика и дал подробную инструкцию, как собрать то, что лежало в ней.

— И что там лежало?

— Такая же штука, как и у того, в комбинезоне. Я не сразу сопоставил, но теперь уверен — это одно и то же устройство. И оно принадлежало Ушки. Мамочка отнесла ему это, а на следующее утро он исчез.

Некоторое время Колотун молчал, переваривая информацию.

— Однако.

— Ты не знаешь, откуда взялся Ушки? Кто его родители?

— Нет, не знаю. Ушки — парень загадочный. О нем вроде никто ничего толком не знал. Да в Поиске и не особо интересовались прошлым сотрудников. Жил он один, как

перст. В башке не все было на месте. Это ведь он нам всем прозвища приклеил. Мне, Танку, Мамочке. Станный парень. Думаешь, он оттуда? Из Большого Города?

— Не знаю, — сказал Ной. — Оттуда или нет, но он как-то с ним связан. Другого объяснения я не нахожу.

— Подался домой, как жареным запахло, — медленно проговорил Колотун. — Интересно, как? Не пешком же. Да. Караско все искал Большой Город, а рядом ходил Ушки. Вот ведь как бывает, вроде знаешь человека, через столько всего с ним прошел, а копнешь чуть... О, черт!

Ной поднял голову. Метрах в ста от вездехода, двигались собачьи упряжки. Их было много, они занимали всю ширину дороги и тоже направлялись на северо-запад. Колотун ударил по тормозам. Задремавшая Принцесса скользнула с кресла и упала под приборную доску. Она вскрикнула и вскочила на четвереньки, быстро озираясь. Ее взгляд упал на окно. Она оскалилась.

Люди в упряжках оборачивались. Они что-то кричали.

Распахнулась дверца пассажирского отсека, и в дверном проеме появилось заспанное лицо Мамочки.

— Что случилось?

Она замолчала, глядя вперед, и крепко вцепилась в спинку кресла, на котором сидел Ной. Принцесса тихо шипела.

— Пастушата, — сказал Колотун.

Глава 22. Трое

— Ружье в пассажирском. Под первой скамьей. Неси его сюда.

Мамочка скрылась за дверью. Колотун, не отрываясь, смотрел вперед. Пастушата выбирались из саней. Один из них, невысокий мужчина с широченными плечами, что-то прокричал остальным и, подняв руки вверх, пошел к вездеходу.

— Вот собаки, — процедил Колотун. — Это ж надо так вляпаться!

В двери снова появилась Мамочка. Она сунула Колотуну ружье и коробку с патронами.

— Вот. Только одну нашла.

— Одна и есть.

Колотун принялся быстро заряжать ружье.

Узкая дорога, забитая санями с людьми, среди которых виднелись маленькие детские фигурки, сводила на нет преимущества вездехода. Неузвимая на ходу, остановившись, машина превращалась в тюрьму. Отложив ружье, Колотун медленно тронул вездеход вперед, навстречу идущему человеку.

— Люди, — тихо сказал Ной.

— Пусть расступаются.

Увидев, что вездеход тронулся с места, встречающий, не опуская рук, побежал ему навстречу.

— Ты уверен, что это Пастушата? — спросил Ной. — В прошлый раз вожак бородатый был. И мало их как-то.

— Да хоть лысый, — проворчал Колотун. — Второго шанса я им не дам.

Парламентер добежал до кабины и забарабанил в дверь, одну руку оставляя поднятой.

— Черт, — сказал Колотун и нажал на тормоз. — Смотрите за остальными. Зашевелятся — сразу говорите.

Он взял ружье, опустил стекло и высунул наружу ствол.

— Отойди от машины. Скажи своим, чтобы санки убрали, если не хотят, чтобы я тебе башку отстрелил.

Человек отступил и энергично замотал головой.

— Нет-нет-нет! Не нужна машина. Уйдете спокойно. Пастушата пропустят. Вы из города на восходе? Нужны новости!

— Ишь ты, новости тебе нужны, — проворчал Колотун. — Кто у вас главный?

— Я Пастух, — с достоинством ответил человек.

— В прошлый раз, вроде, другой был.

— Его нет. Он был глуп-глуп. Его нет.

— Ясно.

— Звери из земли пришли в город?

Колотун быстро глянул на Мамочку и ответил неохотно.

— Да.

Пастух возбужденно закричал.

— Мы думали! Мы знали! Мы видели, они шли под землю. Далеко на востоке, там, где видно город. Они шли к городу по нам. Много-много-много. Мы бежали на закат. Они не гнались. Шли к большому городу. Вашему городу. Теперь нас мало-мало. Мало слабых. Мало детей. Мало женщин, чтобы рожать. Пастушата исчезнут!

— Я не очень расстроено выгляжу? — спросил Колотун.

Пастух не понял сарказма.

— Нет.

Он указал пальцем на Колотуна.

— Я вижу. У вас две женщины. Молодые. Ваш город умер. Пастушата примут. Снова. Не как раньше. Раньше мы были сильными. Сейчас — слабые. Примем вас, как слабые. Дадим еду и собак. Оставайтесь. Звери из земли уйдут. Мы придем в город.

— Город умер. Поищите себе людей в других местах.

— Нас мало. Пастушата станут стадом. Люди на снегу сильные. Люди в городе слабые. Пастушата придут к сильным и станут стадом. Нет. Мы пойдем к слабым. В город.

— Счастливого пути, — сказал Колотун и мотнул стволом. — Уводи своих, или я их передавлю.

— Ты глупый-глупый, — разочарованно сказал Пастух, отступая еще на шаг. — Ты уедешь, кончится еда, будешь голодать. Кончится черная вода, останешься на снегу. Ты замерзнешь и умрешь на снегу. Твои люди замерзнут и умрут.

— Отводи людей, — зло повторил Колотун. — Живо!

Пастух несколько секунд смотрел на него из-под нахмуренных бровей, потом резко развернулся и быстро пошел назад, размахивая руками вверх-вниз. Колотун поднял стекло и передал ружье Мамочке.

— Давайте все в пассажирский.

Никто не пошевелился.

— Ну, быстро!

Вездеход тронулся. Пастушата спешно растаскивали сани к обочинам, освобождая дорогу. Прыгали собаки, метались люди, плакали испуганные дети. Теперь Колотун и сам видел, как тех мало — всего пять, все на центральных санях. Женщин тоже мало. Не врал Пастух.

Вездеход беспрепятственно миновал Пастушат и, набирая скорость, поехал дальше.

Спустя четверть часа в кабину забралась Мамочка. Она уселась в пассажирское кресло и стала смотреть в окно.

— Дешево отделались, — сказал Колотун. — Я уж боялся, что влипли. Надеюсь, больше у нас не будет теплых встреч.

Мамочка не ответила. Она сидела, сцепив руки на животе, погруженная в себя, хмурая. Колотун тоже замолчал.

Вездеход продвигался вперед, сквозь нарастающую метель. Над дорогой сгущались сумерки. Колотун включил огни. За окнами гудел ветер, плотная снежная взвесь застилала обзор. Несколько раз колеса соскальзывали с дороги, и Колотуну приходилось ловить сползающую на обочину машину. Через час борьбы он остановил вездеход.

— Все, приехали. Жаль подальше уйти не удалось, но в такую пургу и темень двигаться нельзя.

Он посмотрел на Мамочку.

— Ты как?

Она повернулась к нему.

— Нам надо поговорить, Колотун.

— Нам с тобой?

— Нам всем.

В течение всего ужина Мамочка молчала. Колотун не торопил ее, предчувствуя нехорошее. Когда с едой было почти покончено, она сказала, глядя в маленькое окон-
бойницу:

— Я много думала в последнее время. О нашем будущем.

Она умолкла. Надолго, минут на пять. Никто не вступил в разговор, все сидели молча и ждали.

— Я вот что поняла — нет у нас будущего. По крайней мере, у меня. Что мы хотим? Куда мы едем? В город, которого нет. Слушаем... ее. Глупо. Даже не смешно. Мы ставим на кон свои жизни, а что взамен — слова таракана. Да, может быть, она и права. Может быть, и есть Большой Город, и стоит рискнуть жизнью, чтобы добраться до него...

— Большой город, — пробормотала Принцесса, пальцем выскребая дно своей миски.

Мамочка не обратила на нее внимания. Она посмотрела на Колотуна.

— Но я рискую не только своей жизнью, понимаешь? Мне скоро рожать. Мне страшно, понимаешь? Я не хочу умереть где-нибудь в глуши, не хочу, чтобы умер мой ребенок. Я очень боюсь за себя и за него. Если мы пойдем дальше, что будет со мной? Что будет с ним?

— Ну... — замялся Колотун. — Тебе когда рожать?

— Через четыре недели.

— Мы можем успеть.

— Или не успеть. И потом, как ты видишь мои передвижения без вездехода? Я не смогу идти. Мне и по Городу было не просто ходить, а по снегу... А что будет, если мы ничего не найдем? Кто примет роды? Ты?

Колотун сжал руками голову.

— Не надо вам было меня вытаскивать. Куда вам с беременной?

— Да не говори ты ерунды! Справимся. Останемся в вездеходе или найдем какое-нибудь место получше. Ты родишь. Рожают же люди сами, не такое это хитрое, наверное, дело. Мы будем на подхвате. Что за чушь тебе в голову лезет?

— Это не чушь, Колотун. Это очень, очень серьезно. Все, что ты говоришь — мило, конечно, но это глупости. Даже если я и ребенок останемся живы, если мы найдем какое-нибудь место, то я... Я не смогу оставить ребенка рядом с этой людоедкой. Никогда, Колотун! Никогда-никогда!

Мамочка не посмотрела на Ню. Он опустил голову.

— Ты подожди, все можно решить, — сказал Колотун. — Надо подумать.

— Я очень много думала, — повторила Мамочка. — Но все как-то безнадежно. Сегодня я увидела выход. Настоящий, реальный. Мне он очень не нравится, но, мне кажется, это единственное для меня решение.

— Какое?

— Я уйду к Пастушатам. Ты сам слышал, им нужны женщины. Им нужны дети. Они меня примут.

Колотун вскочил с места, едва не стукнувшись головой в низкий потолок отсека.

— Ты с ума сошла! Даже не думай! Идти к этим зверям, это... Это...

— Даже звери любят своих детенышей, — возразила Мамочка. — Пастушата знают, как жить вне города. Они помогут мне родить. Уберегут, потому что и я, и мой ребенок им нужны. А здесь мы только барьер между вами и этой тварью.

— Да что ты говоришь! Какой барьер? Что за ерунда? Ной, не сиди сиднем, скажи ей, что она ошибается. Скажи, что выгонишь девчонку, если надо. Скажи ей! Что за дикость!

Ной молчал. Принцесса, настороженная громкими криками Колотуна, прижалась к его ноге.

— А может она права?

— Что? Что ты сказал?

Ной не ответил. Колотун шагнул к нему.

— Я сейчас сам вышвырну твою девку. И тебя, если будешь дергаться.

Принцесса зашипела. Мамочка схватила Колотуна за руку.

— Сядь! Еще только драки между вами не хватало! Он сказал честно, за это я ему благодарна. Хуже нет, чем молоть языком, а потом...

— Ты мне не веришь? — спросил Колотун.

— Верю. Я верю, что ты сам веришь в свои слова. Я люблю тебя, Колотун, но я не могу принять этого, понимаешь? Не могу. У меня нет сил.

— Черт знает, что такое!

Колотун неохотно сел на место.

— Давайте спать, — сказала Мамочка. — Все мы очень устали. Завтра будет не простой день.

— Ты ложись, а нам с Ноем надо поговорить.

— Только не лезь в драку. Не делай хуже, чем есть. На самом деле, я уже все решила.

Колотун кивнул и встал. Посмотрел на Ноя.

— Пойдем. Подышим.

На улице мело. Ной и Колотун встали с подветренной стороны, укрывшись за вездеходом от летящего снега. Принцесса уселась на корточки возле колеса и с беспокойством крутила головой.

— Значит, говоришь, она права? — спросил Колотун. — Хочешь отдать ее этим выродкам?

— Не преувеличивай. Они ее примут, как свою. Я действительно считаю, что они позаботятся о ней и ребенке лучше нас.

— Нет, Ной. Не так ты думаешь. Я скажу тебе, как ты думаешь. Ты хочешь сохранить свою зверушку любой ценой, даже ценой жизни Мамочки. Я не знаю, зачем она тебе: самолюбие свое хочешь потешить, или ты на дырку ее планы строишь — мне, честно, наплевать. Я вот что знаю — она с нами не поедет. И клал я на большой город и всю остальную хрень. Мамочка останется здесь. С тобой или без тебя. Вот такая моя мысль. Решай. Выгоняешь девку и едешь с нами, или уходишь с ней. Прямо сейчас решай, потому что в вездеход она больше не залезет.

Ной почувствовал, что его трясет. От холода или от ярости, он не знал — ему было все равно. Он замотал головой.

— Нет!

— Ну, тогда не обижайся. Ты мне нравился. Ты хороший парень, но, извини уж, в последнее время тебе здорово свело мозги. Вали отсюда. Кое-какие припасы я тебе оставлю. Подберешь, когда мы уедем.

— Мамочка не даст тебе нас бросить.

— Извини, друг, но ее разрешение мне нужно меньше всего.

— Я никуда не пойду.

— Пойдешь. А не пойдешь, так полетишь.

Колотун двинулся на него. Он был выше Ноя почти на голову и гораздо тяжелее. В драке с ним Ной не имел шансов на победу, но терять ему было нечего, и отступать было некуда. Жить дальше ничтожеством он уже не мог.

Колотун схватил его за плечо, Ной отступил и скинул его руку. Колотун поднял кулак, собираясь ударить.

В этот момент, громко завизжав, Принцесса бросилась вперед, словно выброшенная пружиной. Она сбила Колотуна с ног, повалила на землю и обхватила руками его голову. Раскрыла рот.

— Нет! — закричал Ной. — Принцесса, нет! Не смей!

Он рванулся к ним. Вцепился в спину девушки и, падая назад, потянул ее на себя, пытаясь оторвать от Колотуна. Ему удалось приподнять ее. Воспользовавшись моментом, Колотун высвободил руки и изо всех сил отпихнул Принцессу. Вместе с Ноем она повалилась в снег. Колотун начал подниматься, но она опередила. Через секунду она уже снова была на ногах, готовая к броску. Барахтаясь в снегу, Ной уже понимал, что не успеет ее перехватить. Успеет только крикнуть.

— Принцесса, нет! Нельзя!

Слово «нельзя» она знала, и на секунду замерла.

— Нельзя! — снова закричал Ной. — Нельзя!

Колотун встал на ноги и шагнул к ней. Глядя на его лицо, Ной понял, что сейчас произойдет убийство. Принцесса убьет или Колотун, он не знал, но понимал, что, схватись они, выживет лишь один. Колотун потерял контроль, а Принцесса умела драться только насмерть.

— Колотун, стой! Вы убьете друг друга!

— О да! — прокричал он в ответ.

В этот момент распахнулась дверь пассажирского отсека и оттуда выглянула встревоженная Мамочка. Одного взгляда на поднятые кулаки Колотуна и напружиненную фигуру Принцессы, было достаточно, чтобы оценить ситуацию.

— Не смейте драться! — крикнула Мамочка. — Не смейте!

— Она напала на меня! — ответил Колотун, не поворачивая головы. — Она мне чуть морду не скусила!

— Ты ее спровоцировал!

— Немедленно разойдитесь! Вы с ума сошли! Если вы не прекратите, я уйду! Прямо сейчас! Вы поняли?

Колотун опустил руки и отступил. Ной обхватил Принцессу за плечи и прижал к себе. Она не сопротивлялась, только быстро-быстро дышала.

— Для тебя же стараюсь, — сказал Колотун, повернувшись к Мамочке. — Глупая ты. Она поманила его рукой.

— Иди ко мне.

Колотун бросил последний взгляд на Ноя с Принцессой и, увязая в глубоком снегу, побрел к открытой двери.

— Ной, — сказала Мамочка. — Посидите в кабине до утра. Ладно?

— Хорошо.

Мамочка дождалась, когда Колотун поднимется в отсек и закрыла дверь. Ной повернулся к Принцессе.

— Идем, — сказал он.

К утру снег прекратился. Вездеход стоял, окруженный молчанием нового дня, и ничто вокруг не напоминало о событиях ночи. Ной и Принцесса спали в кабине, опустив спинки кресел. Было холодно.

Внутренняя дверь открылась и в ней показалась голова Колотуна. Некоторое время он молча рассматривал спящих, потом протянул руку и тронул Ноя за плечо. Тот проснулся моментально.

— Вставайте, — сказал Колотун. — Мы завтрак готовим.

В пассажирском было гораздо теплее. Мамочка сидела возле печки и грела жестянку с маккой. Колотун устроился подле нее с миской в руках.

— Доброе утро, — сказал Ной.

— Доброе утро, — отозвалась Мамочка. — Берите тарелки, а то стынет.

Ной взял две миски и перебрался в противоположный угол отсека. Увидев еду, Принцесса нетерпеливо вытянула руки. Ной сунул ей ложку, но она отпихнула ее. Тогда он вложил ложку ей в пальцы и, не отпуская их, зачерпнул кашу. Поднес к губам. Принцесса осторожно слизнула.

— Теперь сама.

Девушка принялась старательно тыкать ложкой в миску. Некоторое время Мамочка наблюдала за ней.

— Сколько ей лет, интересно?

Ной пожал плечами.

— Четырнадцать, — сказала Мамочка. — Или пятнадцать. Думаю, не больше. Еще ребенок.

— В таких условиях рано взрослеют, — отозвался Ной. Помолчал немного и добавил. — И умирают, тоже, рано.

— Да, ты прав.

Они замолчали. Скрябала ложка Принцессы. Доев свою порцию, Ной взял у Мамочки кружку с маккой, вернулся на место и спросил:

— Какие у нас планы?

Мамочка посмотрела на Колотуна. Тот цедил сквозь зубы из кружки и угрюмо молчал. Заметив ее взгляд, он сказал неохотно:

— Сидим и ждем. Через несколько часов Пастушата нас нагонят. Тебя надо собрать, как следует, — добавил он, обращаясь к Мамочке.

Она кивнула.

— Я видела удобную сумку. Там — за ящиками.

После завтрака Колотун с Мамочкой приступили к сборам, а Ноя и Принцессу отправили в кабину наблюдать в зеркала за дорогой. Сидя там, засунув ладони в рукава, Ной снова занялся ее обучением.

Пастушата появились около полудня. Ной увидел в зеркале головные сани и сразу же поспешил в отсек.

— Едут! — сказал он.

Колотун и Мамочка сидели друг напротив друга, разделенные большой сумкой. Колотун встал.

— Так. Ной, возьми ружье, пойдешь следом за нами. На всякий случай. Девчонка твоя пусть посидит здесь.

— Колотун, насчет ружья...

Он махнул рукой.

— Да это не важно. Никто не просит тебя палить по ним. Просто постоишь. Давай.

Ной вернулся в кабину за ружьем. Несколько минут он потратил на объяснения с Принцессой, хлопая ладонью по креслу и говоря:

— Ты сидишь. Я иду. Я вернусь. Не страшно. Я вернусь.

Наконец, Принцесса поняла. Сказала:

— Да, Ной.

И устроилась в кресле.

Ной выбрался на улицу. Снега навалило много, ноги вязли в нем. Он обошел вездеход, краем глаза поглядывая на Пастушат. Они остановились метрах в пятидесяти от машины и суетились вокруг своих саней. У двери в отсек уже стояли Колотун и Мамочка.

— Я готов, — сказал Ной.

— Идем.

Колотун взвалил на плечо сумку, взял Мамочку под руку, и они пошли к остановившемуся посреди дороги табору. Ной, направив ствол ружья в хмурое небо, последовал за ними.

Пастушата уже успели развернуть сани поперек дороги и, увидев процессию, попрятались за ними, выставив вперед редкие ружейные дула. Колотун поднял руку, повторяя вчерашний жест Пастуха. Когда до саней оставалось метров десять, они с Мамочкой остановились.

— Я хочу говорить с Пастухом! — крикнул Колотун.

— Говори, — донеслось из-за баррикады.

— С нами женщина. Она ждет ребенка.

— Я вижу это. Что вы хотите?

Колотун молчал целую минуту. Встревоженная Мамочка обернулась к нему и слегка дернула за руку.

— Примите ее к себе! Мы не сможем ухаживать за ней, как нужно.

Над санями появилась голова Пастуха.

— Что у тебя на плече?

— Ее вещи.

— Вещи — хорошо. Дай ружье.

— Нет. Ружье нужно нам самим.

Пастух задумался. Они стояли, утопая в снегу, посреди дороги и ждали. «Что им нужно больше? — подумал вдруг Ной. — Мамочка или ружье? Впрочем, сейчас они могут взять и то и другое сами».

— Мы берем вашу женщину, — сказал, наконец, Пастух.

Он обернулся, махнул рукой и стал перебираться через баррикаду. За ним последовали три женщины. Люди с ружьями поднялись, продолжая держать экипаж вездехода под прицелом.

Процессия направилась к выступившему вперед Колотуну. Мамочка вздрогнула и зябко повела плечами. Пастух остановился. Мамочка шагнула к ним, посмотрела на Колотуна. Потом обернулась, быстро глянула на Ноя.

— Сколько ей лет? — спросил Пастух.

— Двадцать один, — сказал Колотун.

— Это хорошо-хорошо.

Мамочка медленно подошла к нему, и он вытянул руку, собираясь коснуться ее живота. Она отступила, потом снова шагнула вперед, позволяя ему себя ощупать. Ной поморщился. Закончив осмотр, Пастух взял Мамочку за плечо и легко подтолкнул к стоящим за его спиной старухам. Те сразу же обступили ее, и тоже стали ощупывать и оглаживать.

— Мешок, — сказал Пастух.

Колотун снял с плеча сумку и протянул ему. Тот поставил ее на снег, расстегнул и принялся копаться внутри, перебирая вещи. Ной мог только догадываться, чего стоила эта сцена Колотуну. Он не мог видеть его лица, но видел напряженную спину и сжатые в кулаки пальцы.

«Только бы он не бросился на них. Тогда конец».

Колотун не бросился.

— Хорошо-хорошо, — повторил Пастух, застегнул сумку и взвалил ее на плечо.

— Мы будем о ней заботиться. Вторая женщина?

Сердце Ноя прыгнуло в груди. Колотун помотал головой.

— Нет. Только эта.

Пастух пожал плечами, кивнул и пошел прочь. Старые вороны повлекли за собой Мамочку, но она остановилась и обернулась.

— Храни вас Бог.

— Я тебя заберу, — сказал Колотун.

Она кивнула, вытерла варежкой слезы и позволила старухам увести себя к саням.

Колотун долго стоял, глядя, как Пастушата устраивают Мамочку и разворачивают сани. Ной подошел к нему.

— Идем. Она же смотрит на тебя.

Они вернулись к вездеходу. Из окошка кабины высовывалась голова Принцессы. Ной увел ее в пассажирский отсек, Колотун занял свое место, загредел двигатель, и вездеход тронулся.

Глава 23. Сказка на ночь

Топлива хватило на семь дней. Когда стрелка датчика опустилась на нулевую отметку, все собрались в кабине. Вездеход все еще шел, вычерпывая последние капли нефти, пробивая дорогу в глубоком снегу.

После расставания с Мамочкой не произошло никаких значимых событий. Путешественники миновали пару разрушенных поселков, в которых ничем существенным поживиться не удалось. В последнем из них, на окраине, Колотун наткнулся на большую братскую могилу, разрытую зверьем. Только сильнейшие выживали на снегу — так говорили Пастушата.

Колотун сильно изменился. Он говорил гораздо меньше, его речь утратила былую экспрессию, исчезли из нее шутки и афоризмы. Как и Мамочка, он почти не замечал Принцессу, хотя и не проявлял к ней открытой вражды; с Ноем же заговаривал только по необходимости. Он вел машину или спал, и почти не появлялся в пассажирском отсеке. Только тогда, когда топлива осталось совсем ничего, они снова собрались вместе в кабине, словно выполняя прощальный ритуал.

Вездеход вздрогнул, упали обороты, потом двигатель вновь загудел. Машина прошла еще с десятков метров, снова дернулась и встала окончательно. Людей разом опутала тишина, такая густая, что заболели уши. Только редкие стихающие щелчки под капотом словно озвучивали агонию машины. Последнее стоны жизни в этом механическом теле.

До Могилок оставалось шестьдесят километров.

— Приехали, — сказал Колотун.

Он открыл дверцу и выбрался наружу. Спустя минуту, к нему присоединился Ной, оставив Принцессу в кабине. Они стояли бок о бок и смотрели на снежную гладь уходящей дальше дороги.

— Теперь пешком? — спросил Ной.

Вопрос звучал глупо, но все лучше, чем эта мертвая тишина вокруг. Ной подумал, что сейчас ему очень не хватает шума вездехода. Молчание машины, окончательное и непоправимое, шокировало его почти так же, как и первая поездка за пределы Города. Вдруг накатила тоска, к глазам подступили слезы.

— Пешком, — сказал Колотун.

Он смотрел в небо. День выдался довольно ясный, за пеленой серых облаков можно было угадать размытый солнечный диск.

— Сейчас три часа, времени не так много. Нужно подготовиться к завтрашнему утру.

Колотун повернулся и пошел к двери пассажирского отсека. Ной последовал за ним.

— Надо изготовить нарты. Поклажу пристроим на них, будем тянуть по очереди. Так мы больше унесем, чем на плечах. Я сам ими займусь, а вы пока сортируйте все, что у нас осталось. Кладите на полу — коробки с концентратами в один угол, одежду в другой. Таким образом. Понял?

— Да, — сказал Ной.

— Хорошо.

Колотун взял с собой нож, топор, моток кожаных ремней и направился к деревьям у обочины.

Возня с припасами заняла неожиданно много времени — Колотун запасся основательно. Ной с Принцессой ползали по отсеку с коробками и узлами и, не смотря на то, что температура в нем постепенно падала, они взмокли и запыхались.

Колотун сидел перед вездеходом и ремнями связывал деревянный каркас самодельных саней. Насколько мог судить Ной, конструкция была довольно простой и на вид хлипкой. Она напоминала шаткий птичий скелет, положенный на два широких полоза из тонкой стали.

— Мы все, — сказал Ной, останавливаясь перед ним.

— Хорошо. Я почти закончил.

— Жидковато выглядит.

— А ты не гляди. На эту штуку можно столько нагрузить, что нам троим не сдвинуть, и она выдержит. При этом — легкая. Если понадобится, без труда понесем на руках.

— Думаешь, понадобится?

— Вполне возможно.

Колотун посмотрел на него.

— Я не о нартах беспокоюсь.

Ной опустил глаза.

— Сейчас закончу и сделаю снегоступы. Снег плотный, но недостаточно. Кстати, — он перевел взгляд на Принцессу. Впервые за несколько дней посмотрел на нее прямо. — Как думаешь, сколько девчонка сможет нести?

— Не знаю. Мне кажется, много.

— Хорошо, коли так. Нарты будем тащить по очереди. Было бы неплохо, если бы и она присоединилась.

— Она поможет, — убежденно сказал Ной.

— Вот интересно, что они жрут, когда на свободе? Нам придется охотиться по дороге, если она это умеет — вот это настоящее подспорье.

— Наверное, умеет.

Колотун махнул рукой.

— Наверное. Что ты вообще о ней знаешь?

Ной не ответил. Колотун приладил к саням веревочную упряжь, обмотал ее в несколько слоев тряпкой и поднялся на ноги.

— Ладно, давай в пассажирский. Перекусим.

Устроившись на низкой скамье рядом с печкой, Колотун говорил:

— Так, первым делом насчет одежды. Обувку оставляем, она пойдет. Вот только носок нужно двойной. Возьмешь и себе, и ей. Дальше. Тот, кто тянет нарты — надевает тонкую куртку. Потеть нельзя. Если будет жарко, снимай перчатки или шапку чуть сдвинь. Если вспотеешь, придется сушиться, а это непросто, и еще — с потом теряешь воду. Пить на холоде не получится, так что беречь влагу очень важно. Смотрите друг за другом — щеки, лоб, нос — чтобы не было обморожений.

— А как их определить? — спросил Ной.

Колотун поднял голову от снегоступов, которые плел в этот момент и нахмурился.

— Ну, как? Кожа бледнеет. Белесой такой становится. И чувствительность плохая. Если заметишь — грей руками. Можно потереть немного, но не сильно.

Ной кивнул.

— Так, в мокрых носках не спать. Для этого возьмем запасные. Мокрые вокруг пуза на ночь оборачиваешь, к утру будут сухими. Ну и главное — на морозе не стоять, все время двигаться. Пока все. Вопросы есть?

— Вроде нет.

— Ну и хорошо.

Колотун снова поднял голову.

— Ты девчонке это тоже объясни. Доступно, чтобы поняла.

— Постараюсь.

Ной подвинулся ближе к Принцессе и положил ладонь ей на руку. Она посмотрела на него ословевшими после ужина глазами и ухмыльнулась.

— Мне кажется, из нас троих она к холоду лучше всего готова. Они голышом ходят, — сказал Ной.

— Не знаю я, как они там ходят, но теперь она — наш компас. Если замерзнет или заболит, все вообще тогда будет без толку, к чертям собачьим. Так что, ты уж за ней присматривай.

— Ладно.

Колотун отложил снегоступы и развернул на коленях карту. Света от печки было мало, и ему пришлось низко склониться над ней, чтобы разобрать изображение.

— Пойдем к Могилкам, — сказал он. — Думаю, дня за три доберемся. Посмотрим, что там. После них с дороги придется сойти, она уходит на запад, а нам надо держаться севернее. Лесом пойдем. Вот тут как раз река, двинем по руслу. Там с нартами будет удобно. Главное, чтобы лед был хороший. По реке можно идти до самого конца, а дальше, — он постучал пальцем по краю карты, — дальше будет видно.

Утро пришло морозное. Поскрипывал под ногами снег, когда Колотун, Ной и Принцесса перетаскивали припасы на нарты. Время от времени Колотун прерывал погрузку, заставлял Ноя впрягаться и спрашивал насколько ему тяжело.

— Только не геройствуй. Тащить это придется на самом деле, и тащить далеко. Если доведешь себя до изнеможения, ничего хорошего у нас не выйдет.

Ной кивал и старательно таскал нарты вперед-назад, пока, наконец, не объявил, что с него довольно.

Покончив с погрузкой, Колотун тщательно запер вездеход и отпустил металлические жалюзи.

— Ну вот и все. Теперь — пешком.

Он потащил первым. Ной и Принцесса пристроились рядом.

Идти на снегоступах с непривычки оказалось тяжело и неудобно. Ной никак не мог приноровиться к ним так, чтобы не тратить слишком много сил. Он с завистью поглядывал на Колотуна и Принцессу, которым снегоступы, казалось, нисколько не мешали. Особенно удивляла девушка — ей-то никогда прежде не приходилось носить такую обувь. Да и обувь вообще.

Боясь вспотеть, Ной пытался контролировать каждое свое движение и начал отставать. Тогда он стянул перчатки и поднажал, время от времени отогревая замерзшие руки в карманах. Примерно через час, он, все-таки, вошел в ритм и тогда пожалел, что, занятый борьбой со снегоступами, так и не обернулся и не взглянул последний раз на вездеход. Оставил позади огромный пласт жизни и даже не попрощался.

Лес вокруг дороги казался совершенно безжизненным: ни звука, ни следа зверя, только вороны изредка пролетали над головой — слишком далекие и слишком маленькие цели для ружья. Полчаса Ной потратил на попытки объяснить Принцессе, что она должна охотиться, чтобы пополнить общие запасы пищи. Успехом попытки не увенчались, Ной только запыхался и наглотался холодного воздуха. Нельзя сказать, что девушка не понимала его, она непрерывно кивала и повторяла: «Да, да», но на призыв Ноя приступить к делу, неизменно тыкала пальцем в нарты и восклицала: «Еда!». Принцесса не понимала, зачем нужно охотиться, когда рядом такое изобилие. Видимо, понятие «запаса» было чуждо тараканам. В конце концов, Ной сдался и замолчал.

Скрипел под ногами снег, облачка пара срывались с приоткрытых губ, непрерывно лопотала Принцесса. Она раз за разом произносила все слова, которым научил ее Ной.

Он никак не мог понять, зачем ей это — все новое она запоминала сразу же без каких-либо усилий. Наверное, ей просто нравилось говорить.

Спустя три часа, Колотун остановился и объявил, что пришел черед Ною тащить нарты. Он отдал ему свою легкую куртку, помог закрепить на плечах и груди упряжь и легко подтолкнул вперед.

Ной сразу же замерз и крупно задрожал. Рассчитывая согреться, он изо всех сил налег на веревку и быстро зашагал вперед, оставив Колотуна и Принцессу позади. Дыхание тут же сбилось, пришлось дышать через рот; холодный воздух обжигал гортань.

Колотун нагнал его.

— Носом дыши. Простудишься.

— Не могу.

— Да ты не гони так. Нет нужды бежать.

— Холодно.

— Погоди-ка.

Колотун нашел среди вещей шарф и обернул его вокруг носа и рта Ноя.

— Когда восстановишь дыхание, снимешь.

Один шаг, другой, третий. Молчание и размеренное движение, когда тело работает само по себе — лучшее время для размышлений. Но, едва Ной вошел в ритм, все мысли загадочным образом вылетели из головы. Он сделался пустым и легким. Не давать веревке ослабевать, не дергать — шаг, шаг, шаг. Поле зрения сузилось до нескольких метров перед ногами. Это было похоже на растягивание бесконечной податливой тетивы. В сознании мелькнула фраза: «Раздвигать границы мира». Ной не помнил, где слышал ее, а через несколько секунд не помнил и самих слов. Никаких размышлений, никаких мыслей — просто переставлять ноги и не давать упряжи ослабеть.

Дорога казалась неизменной, словно картинка: белый нетронутый снег, от которого болели глаза. Ной не видел идущего рядом Колотуна, не слышал бормотания Принцессы, он словно погрузился в сон, в котором не было ничего.

Когда Колотун остановил его, выведя из транса, оказалось, что минуло уже два с половиной часа. Ной не заметил, как пролетело время, ему казалось, что он впрягся в нарты лишь несколько минут назад. Он отдал Колотуну куртку, снова надел теплое и только тогда почувствовал, как болят плечи и ноги.

— Еда, — раздалось над ухом.

Ной обернулся и увидел Принцессу, указывающую на сани.

— Еда! — требовательно повторила она.

Он перевел взгляд на Колотуна, но тот лишь покачал головой.

— Рано еще. Потом. Остановимся на ночлег, тогда и о еде подумаем.

Он двинул нарты, а Ной принялся объяснять обеспокоенной Принцессе значение слова «потом». Она слушала его сначала внимательно, потом рассеянно и, наконец, отошла в сторону. Она двинулась вдоль обочины, внимательно всматриваясь в лес. Ной подошел к ней и снова попытался заговорить, но девушка лишь мотала головой, как ребенок, который хочет показать, что не желает слушать.

— Оставь ее в покое, — сказал Колотун, заметив их маневры. — Пусть проголодается. Глядишь, и делом займется.

— Ты думаешь, она хочет есть?

— Конечно.

Они молча шли с полчаса, пока не наткнулись на поваленное дерево — здоровую высохшую сосну. За время поездки они встречали такие не раз, но то, что было незначительным препятствием для вездехода, теперь предстало настоящей преградой.

Колотун остановился и некоторое время задумчиво осматривал дерево.

— Может быть, вырубим проход? — спросил Ной. — Топором.

Колотун покачал головой.

— Нет. Топором мы еще намашемся. Так перелезем. Положим лапник с двух сторон и присыплем снегом. Будет горочка, по ней и перетащим.

Работа оказалась не очень тяжелой, но требующей постоянного внимания. Они наломали веток, сложили их с обеих сторон ствола и принялись тащить сани, полозья которых то и дело проваливались в пустоты. Переругиваясь и кряхтя, они кое-как перелезли через дерево. Когда нарты оказались на другой стороне, Ной огляделся. Принцессы нигде не было.

— Куда она делась? — спросил он.

— Охотится, — предположил Колотун. — Пошла порезвиться.

Оставив его укреплять груз, Ной перебрался через упавшую сосну, и принялся осматривать снег с той стороны. От вытоптанной площадки, которую они сделали с Колотуном, уходила в сторону леса цепочка следов и терялась между деревьями. Ной пошел по ним.

— Ты куда? — окликнул его Колотун.

— За ней!

— Не глупи! Тебе за ней не угнаться. Нагуляется и вернется, может еще и принесет чего.

— А если она потеряется?

— Не потеряется.

— А вдруг она совсем ушла?

Колотун распрямился. Посмотрел на Ноя, потом на небо, перевел взгляд на деревья.

— Вот зараза, — сказал он громко. Немного помолчал и добавил. — Ладно.

Останавливаемся здесь и ждем до утра. Если к утру не объявится, поворачиваем оглобли.

Он взял теплую куртку и принялся переодеваться.

Ной уныло потоптался на месте, ему и в голову не приходило, что она могла уйти. В первый же день. Взять и уйти. Он вернулся к Колотуну. Тот распаковывал нарты.

— Сколько зверя ни корми, он все в лес смотрит.

— А мы ее и не кормили. Она же есть хотела.

— Если дело только в этом — придет. Запах почует и придет.

— А если не в этом?

— Если не в этом, то хорошо, что она ушла сейчас. Ты не воображай, что ее удержишь. Все думаешь, что она человек — зря. Не все, что ходит на задних лапах может называться человеком. Ладно, что говорить. Надо устраиваться.

Колотун взял топор, сошел на обочину и, подойдя к кромке леса, срубил себе длинную палку. Затем принялся ходить между деревьями, тыкая ей в снег возле стволов и налегая всем весом. У толстой ели он задержался, потом повернулся и крикнул:

— Тащи лопаты. Будем дом делать.

Они принялись копать вокруг дерева большую яму глубиной до самой земли и радиусом около полутора метров. Снег был твердым, уплотнившимся за многие годы, но довольно хорошо резался штыком лопаты. Подражая Колотуну, Ной делал перпендикулярные разрезы — получались большие снежные блоки; он откидывал их в сторону. Когда яма была закончена, Колотун велел Ною наломать лапника и выстлать пол, а сам занялся наведением крыши, наклоня вниз тяжелые еловые ветви. В конце концов, у них вышла вполне приличная нора, в которой можно было переночевать, не боясь ветра и мороза. Колотун обошел убежище, удовлетворенно покивал и сказал:

— Сойдет. Теперь надо костром заняться.

— Я соберу веток на растопку, — с готовностью отозвался Ной.

— Не надо. Они сырые. Ты лучше найди несколько бревен потолще и тащи сюда.

Сгодятся для помоста.

— Для чего?

— Для помоста. Чтобы наш костер под снег не ушел.

Ной пошел за бревнами, а Колотун принялся колоть паленья на растопку. Первые несколько штук он порубил на мелкие щепки и выбрал из них самые сухие, остальные просто разбивал надвое. Когда он вернулся к убежищу с первой партией, Ной как раз подтаскивал третье бревно.

— Хорошо, только их не сюда надо.

Колотун отошел от ели метров на пять и кивнул себе на ноги.

— Сюда.

— А не далеко?

— Нормально. Если устроимся ближе, тепло от огня подтопит снег на ветвях, и нас завалит. Здесь сделаем.

Он помог Ною устроить помост из толстых сырых бревен и занялся костром, послав Ноя за парой снежных блоков, которые предполагал растопить.

Запылал огонь. В котелке, чуть в стороне от пламени, плавился снег. Ной притащил еще одно бревно и уложил возле костра в качестве скамьи. Устроившись в круге тепла и света, он стал смотреть в лес, надеясь уловить среди деревьев движение. Но тихо было в лесу. Сумерки подкрадывались со всех сторон, кусок за куском отхватывая видимое пространство.

Колотун встал с корточек и воткнул перед Ноем толстую прямую палку, которую использовал в качестве кочерги.

— Сиди здесь и следи за огнем. Я пойду, поставлю несколько силков. Может попадется что. Когда снег растает, поставь посудину на огонь. Пусть вода покипит.

— Ты надолго?

— Нет. Скоро приду.

Колотун сходил к нармам и вернулся с куском бечевки. Надев перчатки, он подержал ее над дымом, потом закрепил на поясе возле ножа и ушел. Пару минут его силуэт еще угадывался в скудном свете между деревьев, а потом пропал из виду. Ной остался один.

Потрескивали дрова, в ветвях шумел ветер. Время от времени доносилось глухое «фfum!» — падали с ветвей снежные шапки. Несмотря на ружье, лежащее поперек колен, Ной чувствовал себя неуютно в вечернем лесу. Кто знает, какие звери ходят здесь? Никогда, за всю свою жизнь, он не видел дикого зверя. Только слышал раз — волков, в той первой экспедиции. Или это были пастушата? Со школы Ной знал, что волк — существо опасное. Сказки подтверждали эту информацию: опасный, серый, сильный, вечно голодный зверь, неизменно проглатывающий героя истории. За очень-очень редким исключением.

Ной подложил полено в огонь. Костер задымил и защелкал с новой силой. Звук показался ужасно громким, почти как выстрелы. Такой мог разноситься очень далеко. Ной затаил дыхание и прислушался, стараясь за шумом костра различить шорохи леса.

Скрип деревьев, торопливый треск крыльев взлетающей птицы, свист ветра, между стволов.

Хруст снега.

Хруп, хруп, хруп. Размеренный, механический звук.

Ближе. И ближе.

Ной встал на ноги. Кто-то шел по снегу, направляясь к костру. Шаги раздавались со стороны нарт, Колотун ушел в противоположном направлении.

Он поднял винтовку, и, стараясь не шуметь, вогнал патрон в ствол. Медленно обошел костер, встав так, чтобы пламя разделило его и незваного гостя. Присел и направил винтовку вперед.

Среди стволов показалась темная фигура.

— Те-ло!

Ной вздрогнул и поспешно опустил ствол вниз. Принцесса вошла в круг света от костра и нерешительно остановилась, крутя головой. Ной поднялся на ноги и пошел ей навстречу.

— Ной! Ной! Ной!

— Господи, я уже думал, ты совсем ушла!

— Еда ходить лес!

— Иди сюда. Не бойся.

Снег в котелке растаял, и Ной повесил его над огнем кипятиться. Они с Принцессой устроились на бревне. Девушка смотрела на костер, не отрываясь, напряженная, будто готовая в любой момент вскочить и броситься в темноту, откуда пришла. Левая щека у нее была испачкана — мазок крови, от угла губ почти до самого уха, будто она небрежно вытерла окровавленный рот. Ной зачерпнул снег и стал осторожно оттирать ей лицо. Девушка почти не реагировала, целиком отдавшись созерцанию пламени.

Колотун был прав: она охотилась. И охота, видимо, прошла успешно. Ной представил, как она ела сырое, еще теплое мясо и с горечью покачал головой. Зверь. Во многом все еще зверь.

— Покажи руки, — попросил он.

На пальцах и под ногтями тоже были следы крови. Смазанные, будто она облизывала их. Хотя, скорее всего, облизывала.

— Нельзя так делать, — наставительно сказал он, обтирая ей пальцы. — Понимаешь? Нельзя!

— Чего нельзя? — раздалось из темноты.

Ной поспешно повернулся за винтовкой, схватил ее за ствол и увидел, как из темноты выходит Колотун.

— Фу, господи! Я думал чужак.

Колотун подошел к костру, сложил на снег свой скарб и, стянув перчатки, стал греть ладони над огнем.

— Да нет здесь никого. Смотрю, вернулась наша охотница. Ну как, успешно?

— Да уж, — сказал Ной. — Вся крови перемазалась.

— Значит, нашла что-то... Ты ее не одергивай. Пусть делает так, как знает. Своими запретами ты ее только запутаешь. Эх, как бы ей объяснить, что и нам мясо не помешает?

— Она как зверь охотится. Я не уверен, что нужно это поощрять.

— А здесь только зверю и выжить. Ты погоди, мы и сами скоро такими будем.

Оставив Принцессу возле огня, Колотун с Ноем подтащили нарты ближе к убежищу. В воду кинули несколько угольков и, выдержав ее пару минут, засыпали концентрат. Несмотря на удачную охоту, от своей порции Принцесса не отказалась. Мало того, даже потребовала ложку, чем вызвала саркастическую усмешку Колотуна.

Потом он вдруг как-то сразу потух, умолк. Сидел и, не отрываясь, смотрел на огонь. Ной поерзал на бревне и неожиданно для себя самого спросил:

— Ты правда до Поиска священником был?

Тот усмехнулся уголком рта и сказал:

— Да. Был.

— А что ушел?

Колотун вытянул ноги ближе к огню и, все еще не отрывая от него пустого взгляда, заговорил:

— Я, между прочим, вел исповедальную группу. Ни много, ни мало. Недолго правда, но для парня двадцати лет отроду — это огромная удача. Начало будущей карьеры. У меня отец преподавал в семинарии, он и протолкнул. Группка была так себе, но и не было. Ребята всего на несколько лет меня моложе. Я проработал с ними почти год, а потом пришла Мамочка.

Ной присвистнул.

— Так она была в твоей группе!

— Была. Только тогда Мамочки еще не существовало. Эти прозвища Ушки потом приклеил. Для всех она была Марией. А для нас в группе — Скороговоркой.

— Почему?

— Она довольно сильно картавила, особенно на собраниях. В последнее время стало лучше, а тогда совсем плохо было. Все время бормотала про себя скороговорки, думала, что это поможет.

— Помогало?

— Почти нет, а когда волновалась, ее вообще трудно было понять. Часто она волновалась. Беспокойная была. Все к сердцу принимала. Ко мне в группу она попала после того, как устроилась общественной нянкой. Возилась с малышами, которые сами едва только начинали говорить. Родители любезны, для своего ребенка ничего ведь не жаль, так что она не бедствовала. Хорошая работа. И многие это понимали. К несчастью для Мамочки.

— Почему к несчастью?

Ной знал ответ на этот вопрос, но чувствовал, что Колотун ожидает его. Тому хотелось выговориться, это ясно читалось в его голосе, в том, с какой горечью он произносит слова.

— Ты знаешь такое выражение: «Место под солнцем»?

— Да. Растению нужно место под солнцем, чтобы расти.

— Не только растению. Всем. Но вот проблема всегда возникает одна и та же: мест таких мало, а желающих занять их — много. За место под солнцем нужно бороться, потому больше шансов всегда имеют те, кто пробивается к нему самостоятельно. Мамочка была не такой.

— Да уж...

— Да уж. Ее с самого начала там травили. Стали на нее жаловаться, дескать, не подходит для работы. Сама говорить не может, чему детей научит. А с детьми-то у нее все нормально было, это с коллегами сволочами она срывалась. Очень ее доставали. Каждый день. Все время. Ее у нас в группе жалели, но что поделать?

— Мамочку поперли?

— Конечно. Добились комиссии, та назначила ей срок аттестации. Дали Мамочке две недели на подготовку. Черт, я как вспоминаю, у меня до сих пор внутри все клокочет. Она повторяла свои скороговорки бесконечно, она училась правильно дышать, она читала на собраниях стихи, а мы все перебивали ее, заставляя сбиваться и начинать снова. Групповые исповеди превратились в тренировки. Ей очень трудно это давалось, но прогресс был просто удивительный.

Колотун немного помолчал, ковыряя в костре кочергой.

— В тот вечер собралась вся группа. Мы сидели и ждали. Мамочка пришла как обычно. Вовремя. Села. Посидела немного и разрыдалась.

— Прокололась на комиссии?

— Не просто прокололась. Она туда пришла, ей стали задавать вопросы, а она молчит. Молчит и все. Чувствует, что не может сказать. Рот открывает, и не может.

Завозилась Принцесса. Она отставила в сторону свою тарелку, придвинулась к Ною, прижалась к нему потеснее и закрыла глаза.

— И ничего нельзя было сделать? — спросил Ной.

Колотун покачал головой.

— Некоторое время я рыпался. На самом деле, Церковь в Городе может сделать очень много. Но не в этом случае.

— Тебя не послушали?

— Слушали. Очень внимательно. Очень сочувственно. А потом начинали нести такую ахинею, что я просто терялся. Выходил в полной уверенности, что все правильно, что с Мамочкой поступили справедливо, а я идиот... За словами можно упрятать все,

Ной. Любую подлость — все. Только, видя Мамочку, я снова приходил в себя. Вот в то время я и подумал: на кой ляд мне нужна такая Церковь, которая способна оправдать все, что угодно? Я увидел, для чего нас готовят — вылизывать дерьмо тех, кто нас кормит. Вот так... С отцом разругался. Вдрызг.

Колотун усмехнулся и снова покачал головой.

— И ты ушел в Поиск?

— Да. Хотя, вобщем-то, случайно. Попалась на глаза вакансия священника в оперативном. Пошел ради интереса узнать и встретил Ушки. Тот как раз группу набирал. Вот я, недолго думая, подписал и себя, и Мамочку.

— Все-таки священником.

— Это из-за отца. Так и не успел я с ним помириться. Его лопастью ветряка задавило. Они с матерью возвращались с группового, когда эта штука завалилась. Отца насмерть, а мать еще двое суток прожила.

Колотун помолчал, пошуровал кочергой.

— Вот такая сказка на ночь.

Ной не ответил.

— Поганое ощущение. Вроде и поступаешь правильно, а чувствуешь себя полнейшей сволочью... Ладно. Хватит сидеть. Уже поздно, спать надо. Завтра новый переход.

Он подложил еще полено.

— Идите. Я пока подежурю.

Ной повернулся к Принцессе. Она беззвучно спала, уткнувшись ему в плечо.

— Давай сначала мы.

— Хорошо. Вы так вы. Вот возьми, — Колотун протянул ему механический хронометр. — В два разбудите.

— Ага.

Колотун поднялся и выгнул затекшую спину.

— Сейчас тулуп вам принесу.

Ночь была темная и тихая. Тьма обступила костер, и как ни всматривался Ной, он ничего не мог разобрать за пределами освещенного круга. Холод постепенно пробирался под тулуп, и Ной крепче прижимал к себе Принцессу, чувствуя, как ее тепло гонит прочь ночной озноб. Вокруг них раскинулся черный, пустой и враждебный мир — многие километры стылой земли. Если они не удержатся вместе, эта земля поглотит их, превратив, как и многих других в снег и лед под снегом.

Глава 24. На снегу

Могилки

Ной стоит посреди разгромленной прихожей. Обвалившаяся часть крыши лежит перед ним грудой заснеженных обломков. Наметенные за много лет сугробы поднимаются в половину человеческого роста, под ними угадываются тумбочки и остатки шкафа. Возле самой двери снега нет. Ной осторожно перебирается через завал и оказывается на кухне. И там все то же самое: провалившаяся крыша; гнилые обои, кусками отстающие от стен; упавшей балкой разломанный надвое обеденный стол; грязный, но неплохо сохранившийся холодильник. Ной не собирается в него заглядывать — ему хватило впечатлений в предыдущем доме.

В Могилках царит полное запустение — мертвые дома, мертвые вещи, ржавые железные кровати, битая посуда, истлевшая, смерзшаяся в ле комья одежда. Принцесса отказывается заходить в дома, ничего не говорит, только мотает головой.

Ной тычет носком ботинка в перевернутый стул и слышит голос Колотуна с улицы.

— Эй, иди-ка сюда!

Колотун ведет их на край поселка. Там, подпертый с одной стороны домами, а с другой замерзшей речкой возвышается пологий холм. На его вершине — черный крест. Они поднимаются и останавливаются возле него.

Крест поставлен недавно. Скорее всего, несколько лет назад. Дерево, из которого он сделан, все еще в относительном порядке. По контрасту с домами, крест кажется живым.

— Сверхдальняя номер девяносто один, — говорит Ной. — Они поставили?

Колотун кивает.

— Все найденные тела надлежит придавать земле, — говорит он. — Немало могил мы выкопали в свое время.

Ной замечает на перекрестии какие-то знаки. Приглядывается, и узнает в них две цифры: «3» и «1».

— А это что?

— Души. Тридцать один человек.

— В общей могиле?

— В общей могиле. Не копать же для каждого.

Они еще несколько минут стоят на холме, оглядывая окрестности. Замерзшая река, плавным изгибом минует Могилки и обширную вырубку и скрывается в заснеженном лесу. Дорога забирает в сторону, на запад, туда, где угадывается за хмурыми небесами заходящее солнце.

Они спускаются с холма и, уговорив упрямую Принцессу, устраиваются на ночь в одном из домов. Он сохранился лучше других: у него еще есть крыша. Ной с Колотуном завешивают окна одеждой и одеялами, и разводят огонь в печи.

Ночь проходит спокойно.

Ной открывает глаза и видит Колотуна. Тот сидит за столом на трехногом табурете и что-то пишет на листе бумаги. Морщась от холода, Ной вылезает из-под одеяла и, потирая шею, подходит к нему. За спиной возится Принцесса.

— Что делаешь?

— Отмечаю маршрут.

Перед Колотуном карта. Могилки обведены жирным кружком, от которого поднимается на северо-запад стрелка. Они уже у самого края листа. Еще сантиметр, и все.

— Мы у края.

— Точно.

— Какой смысл рисовать?

— Оставлю карту здесь. На всякий случай.

Колотун не поднимает головы, говоря это. Ною хочется спросить, какой еще может быть случай, когда вокруг на многие десятки километров ни одной человеческой души? Но он сдерживается. Вместо этого идет готовить завтрак.

Стоя у теплой еще печи, Принцесса вытягивает спину.

Они долго не решаются продолжить путь. Стоя посреди реки возле нагруженных нарт, они смотрят на черный крест. Ной не знает, о чем думает Колотун. Сам он борется с навязчивым чувством, очень похожим на тоску. Такое бывает, когда что-то теряется навсегда. Знать бы только — что это?

Колотун отворачивается первым. Он впрягается в упряжь и тянет нарты прочь. Ной идет за ним, время от времени, бросая через плечо взгляды на холм и поселок, пока они не скрываются за поворотом.

Кровь одежда плохо

Ной тащит нарты. Теперь это не так тяжело, как раньше — не мешают больше снегоступы, нужный ритм удастся поймать почти сразу. Он больше не отключается, как это было в первый день. Он все видит и слышит, он может думать о чем-нибудь, но не думает ни о чем, просто крутит головой по сторонам, оглядывая пологие берега реки, мертвый молчаливый лес и слушает, как скрипит под ногами снег.

Сзади раздается восклицание Колотуна:

— Эй, ты что?

Следует короткая пауза, а потом яростно шипит Принцесса. Ной сбрасывает упряжь и быстро оборачивается.

— Что такое?

Он замирает на месте, открыв от удивления рот.

Принцесса раздевается.

Перед ней стоит Колотун, держа в руках ее куртку, а она стягивает свитер.

— Что происходит? — спрашивает Ной.

— А пес знает! — раздраженно отвечает Колотун. — Шла-шла, а потом вдруг скинула куртку и швырнула ее на нарты. Я ей обратно сую, а она шипит.

Ной подходит к Принцессе. Улыбаясь, она протягивает ему свитер. На ней только серая футболка, тонкую ткань топорщат твердые соски.

— Зачем ты снимаешь одежду? — спрашивает Ной.

Он мотает головой, показывая, что не возьмет свитер.

— Ты замерзнешь.

— Одежда тепло охотиться плохо, — скороговоркой отвечает Принцесса.

Она пихает скомканным свитером его в грудь, заставляя отступить на шаг. Ной автоматически подхватывает его, не давая упасть в снег. Забросив руки за спину, Принцесса тянет футболку наверх.

— Ну дает, — говорит Колотун. — Психованная девка!

Непроизвольно Ной отмечает, как девушка похорошела. Ее тело немного округлилось, ребра и ключицы уже не так выступают, как раньше. И грудь, вроде, стала больше.

Принцесса кидает в него футболку. Это приводит Ноя в чувство.

— Стой! Если тебе неудобно в куртке, оставь хоть свитер!

— Кровь одежда плохо! — заявляет Принцесса. — Ной говорит.

Она поводит плечами, улыбается, а потом срывается с места и несется в сторону леса. Через минуту ее голая спина уже мелькает между покрытых снегом еловых лап, а потом скрывается из вида.

— Да... — говорит Колотун, бросая куртку в нарты. — Тебе над ней еще работать и работать.

— Простудится, — тоскливо замечает Ной. — Она отвыкла от холода.

— Хочешь догнать и одеть?

— Ее догонишь...

— Будем надеяться, что обойдется. С этой полоумной ничего другого не остается.

Ладно, идем. Нечего стоять.

Они складывают одежду Принцессы под ворохом одеял, затем Ной снова впрягается в нарты.

Сдохни, сука!

Ной с Принцессой сидят на берегу возле костра. Колотун роется в поклаже — проводит инвентаризацию припасов. Еда расходуетеся пугающе быстро, а в ловушки, которые он исправно расставляет каждую ночь, почти ничего не попадаетеся. Пара тощих белок и заяц — вот вся недельная добыча.

Принцесса продолжает свои охотничьи вылазки, и дела у нее идут гораздо лучше, чем у Колотуна. Она возвращается довольная, почти всегда вымазанная в крови, и Ною приходится тратить часть растопленной воды на то, чтобы отмыть ее. Эти процедуры смущают его и злят. Он сам не понимает, почему злится на нее — сидящую в темноте, как статуя, пока он обтирает ее мокрой тряпкой; на Колотуна, который ожидает снаружи, пока Ной не позовет его и не скажет, что кончил. Особенно на Колотуна. Каждый раз, когда тот спускается к ним после этого, Ной чувствует смущение, будто делал что-то постыдное. Ему хочется оправдываться, хочется напомнить Колотуну, как умерла Лайла, объяснить, как неприятно ему самому то, что он вынужден делать.

Принцесса смотрит на огонь. Как и всегда, вид пламени лишает ее воли, пугает и парализует. Она может сидеть так часами, не двигаясь и не отрывая взгляда.

К ним подходит Колотун и усаживается рядом с Ноем.

— Ну как?

— Плохо. Пайки придется срезать, пока не сможем добывать еду сами. Да и урезанных хватит недели на три. Если ты не уговоришь ее носить нам добычу, то скоро мы будем голодать.

— Да я каждый день с ней об этом говорю! Не понимает. Или не хочет понять. Не знаю, в чем причина.

— Сама-то она пожрать не промах.

Колотун смотрит на неподвижную Принцессу. В котелке над огнем закипает вода.

— Вот что я думаю: надо снять ее с довольствия.

— То есть как это — снять? Ты что?

— А что? Она сама себе все добывает. Ты ее что ни вечер от крови отмываешь. Замучался поди.

— Нет, так нельзя! Я не могу этого позволить!

— Позволить... Не могу... Ты перестань смотреть на ее сиськи и глянь в наше грешное будущее. Через три недели мы будем голодать. Голодать, Ной. По-настоящему. Без нее мы сможем протянуть на неделю дольше. Не получая нашей жратвы, может быть, она хоть так догадается.

— Неделя ничего не решит.

— Почему знать. Где это место, куда мы идем? Может быть, именно этой недели нам и не хватит. В нашем положении любая экономия хороша.

Ной молчит. Думает.

— Ты не дуйся. Не съест же я ее предлагаю. И не голодом морить. Она себе пропитание сама достанет, и побольше нашего. Уж не знаю, как она это делает.

Вода выплескивается из котелка. Шипя, капли падают в огонь. Колотун встает.

— Объясни ей все. Доступно. С завтрашнего дня она обеспечивает себя сама. На наше пусть не рассчитывает. Если захочет горячего, мы на костре сготовим. Костер — для всех.

Пока Колотун возится с концентратом, Ной пытается объяснить с Принцессой. Она слушает его аргументы очень внимательно, почти с комической сосредоточенностью. Кивает. Очень забавно кивает — часто-часто. Она переняла эту манеру у Мамочки, всегда так торопившейся высказать свое мнение. У Ноя появляется надежда: ему кажется, что Принцесса поняла его мысль. Но стоит ему завести разговор об отлучении от общего котла, она взвизгивает:

— Нет-нет-нет! Еда!

Колотун раскладывает готовую кашу по тарелкам. Принцесса, не отрываясь, следит за его руками, нетерпеливо отмахиваясь от Ноя, который все говорит и говорит о необходимости, о крайних мерах, о целесообразности. Колотун кладет последнюю порцию. Принцесса тут же выхватывает тарелку у него из рук и, отвернувшись ото всех, шарит в мешке в поисках ложки. Найдя ее, принимается торопливо есть.

Колотун качает головой и смотрит на Ноя. Тот лишь разводит руками.

— Завтра ничего ей не дам! — заявляет Колотун.

Бухает кашу в новую тарелку и протягивает ее Ною.

На рассвете Принцесса снова занимает позицию у костра, пристально наблюдая за действиями Колотуна. Над ухом его гудит Ной.

— Она не понимает. Ты посмотри, как она сидит. Она ведь ждет еду. Видишь? Думаешь, она смирится с твоим решением?

Колотун отмалчивается, ожесточенно перемешивая в котелке кашу. В этот раз концентрата он положил на треть меньше. Он не уверен, осознает ли это Принцесса, но надеется, что осознает. Пусть видит.

Он кладет в тарелку первую порцию. Принцесса вытягивает руки, намереваясь выхватить у него тарелку, но, на этот раз, он готов. Колотун быстро поворачивается к ней спиной и сует тарелку Ной, который молча и удивленно принимает ее. Принцесса ощутимо толкает Колотуна в спину.

— Принцесса еда! — возбужденно выкрикивает она.

— Нет, ты не еда, — отвечает Колотун.

Он берет ложку и зачерпывает прямо из котелка.

Некоторое время Принцесса молча наблюдает, как он ест, а потом, поняв, что накладывать кашу в тарелку он не собирается, она тоже хватается за ложку и замирает перед пламенем. Нерешительно протягивает ложку к котелку, но тут же отдергивает руку. Голод не позволяет ей преодолеть страх перед огнем.

— Боишься? — спрашивает Колотун, отправляя в рот очередную порцию. — Конечно, боишься. Думаешь, все можно силой решить? А вот не все. Иди и ищи себе еду сама.

— Принцесса, — подает голос Ной.

Она поворачивается и впивается взглядом в его порцию. На лице ее угадывается жестокая внутренняя борьба. Ной невольно напрягается, не уверенный в том, что призрачное чувство, которое она к нему почему-то испытывает, удержит ее, когда речь идет о еде. Принцесса скалится, держа ложку перед собой, как нож.

— Иди на охоту, — говорит Ной. — Найди еду.

Она мотает головой.

— Ной еда. Ка-тун еда. Принцесса?

— Принцесса найдет сама, — встревает Колотун.

Она поворачивается к нему. Медленно. Ее лицо словно окаменело, оно превратилось в маску.

— Смотри-смотри, я уже все сказал.

Молниеносным движением рук, она хватается за его голову и поворачивает лицом к себе. Колотун роняет ложку, обхватывает ее, пытаясь вырваться, но она не пускает. К нему присоединяется Ной, но даже вдвоем не удается им разжать эти руки-тиски.

— Оттащи ее от меня! — кричит Колотун.

Она сжимает несильно, просто не дает ему отвернуть голову. Ловит взгляд и удерживает его.

Ее лицо изменяется. Почти незаметно. Неуловимо. Острые черты смягчаются, линии становятся более плавными, изменяются губы и глаза. Ной и Колотун одновременно перестают бороться. Они смотрят ей в лицо и не могут поверить тому, что видят. Меняется форма носа, изгибаются брови. Она уже не похожа на себя, на ту Принцессу, что шла с ними по снегу, и, одновременно, в ее чертах остается что-то знакомое, смутно узнаваемое, на самой грани воспоминания. Не Принцесса уже — кто-то еще.

— Боже ты мой... — вырывается у Ноя.

Он узнает. Сквозь исчезающие, отходящие на второй план черты Принцессы, проступает лицо Мамочки. Он готов поклясться в этом. Неуловимое вначале сходство становится все отчетливее. Ной опускает руки. Это похоже на колдовство.

Неожиданно Колотун отрывает ее от себя, падает на бок, но тут же вскакивает на ноги и бросается к нартам. Все еще меняясь, Принцесса тоже поднимается. Она, словно приходя в себя, мотает головой. Мамочка все еще здесь, она все еще смотрит на Колотуна.

Слышится металлический лязг. Потом крик:

— Не подходи, тварь!

Ной поворачивается. В руках у Колотуна винтовка. Принцесса, которой уже приходилось видеть, как действует эта штука, замирает на месте. Колотун поднимает ствол. Ной открывает рот, пытаясь кричать. Колотун стреляет.

— Сдохни, сука! — вопит он. — Сдохни!

Принцесса падает на бок. Колотун шагает вперед. Она вдруг вскакивает и бросается бежать. Прочь от реки, к лесу.

— Так тебе мало?

Колотун снова скидывает винтовку.

Ной, наконец, соображает, что первый выстрел прошел мимо, и бросает к стрелку.

Винтовка грохает.

Оглушенный, Ной не понимает, попал он или нет. Крика, вроде, не последовало, а оборачиваться некогда. Он настигает Колотуна в тот момент, когда тот готовится стрелять в третий раз, и хватается винтовку за ствол.

— Сууука! — орет Колотун. — Я тебя достану!

Потом поворачивается к Ною и с размаху бьет его в зубы. Перчатка смягчает удар, но, не смотря на это, в глазах Ноя вдруг темнеет. Свободной рукой он хватается Колотуна за воротник и, падая, тянет за собой.

Тепло

Сквозь дырку в зубах в горло проходит холодный воздух. Ной старается дышать носом.

Он только что развел костер. Все сделал сам, не отвлекая Колотуна от обустройства берлоги. Принцесса сидит чуть в стороне. Она все еще боится огня, хотя и тянется к теплу, исходящему от него. Больше огня она боится только Колотуна и его винтовки. Пару раз она пыталась украсть ее, и теперь Колотун всегда таскает винтовку с собой.

Он извинялся перед ней. Ной до сих пор не мог в это поверить. Извинялся, как перед обычным человеком. Но Принцесса не поняла или не приняла его извинений. Теперь они снова не разговаривают и относятся друг к другу настороженно.

Ной смотрит на небольшой, почти круглый залив, образованный рекой. Снег там не такой плотный и глубокий, а по берегам даже растет еловый молодняк — редкость для этих мест. Там же, возле берега, стоят нарты.

Этим вечером к опостылевшей каше у них будет мясо. Колотуну удалось подстрелить зайца. Тот провалился в ловушку, образованную упавшими стволами, запутался и наделал шума.

Патронов осталось мало.

Колотун подходит к костру, устало отдувается и садится, ставя винтовку между ног. Принцесса отодвигается.

— Умаялся, — говорит он. — Передохну. Сходи пока за нашим зайцем.

Ной кивает, передает ему кочергу и идет к заливу. По дороге ему попадает цепочка маленьких звериных следов, они тоже ведут к реке. Он становится на них, сам не зная зачем — тот, кто их оставил, наверняка уже далеко: следы почти занесло снегом. Но идти по ним все равно приятно, по следам хоть какого-нибудь живого существа.

Он думает о преображении Принцессы. Он понимает теперь, что для нее это был своеобразный способ сказать: «Пожалуйста», на который Колотун отреагировал тоже своеобразно. Ной попытался объяснить ему это, и тот, вроде, согласился. Даже извинялся перед ней.

Но как она смогла?

Вот что, на самом деле, не дает ему покоя. Наваждение? Но можно ли навести его сразу на двоих? Или она оборотень? То, чем пугали их в школе, рассказывая о Пустой Земле. Ной еще помнил слова из записок отца, из той прошлой жизни, когда он сидел в теплой комнате перед умной машиной. Как там было? «Изменение геометрии тела. В определенных пределах»

Ной выходит на лед залива. Следы пересекают его по диагонали и тянутся дальше, к противоположному берегу. Несколько метров Ной проходит по ним, погруженный в собственные мысли, потом останавливается и оглядывается.

Красиво.

Окружающая природа кажется ему красивой, чистой и простой. От вида старого мертвого леса по берегам реки, освещенного тусклой луной, его охватывает тоска. Приятная, тихая тоска по тому, что никак не удастся вспомнить. Ной выдыхает облако пара и поворачивает к берегу, к нартам. Впереди, метрах в трех, намело небольшой сугроб. Ной подходит к нему и бьет ногой. Снежинки взмываются в воздух красивым блестящим облаком. Откуда он здесь взялся, этот сугроб?

Внезапно Ной оскальзывается, падет, раздастся громкий треск, и лед уходит у него из-под ног.

Ной успевает коротко вскрикнуть, а потом холодная вода перехватывает дыхание. Он хрипит и хватается руками за край льда. Толстые перчатки скользят. Голову сжимает тяжелый обруч. Больно.

Принцесса, стоящая на берегу видит это. Она срывается с места, и громко верещит: «Ной! Ной!», бежит к заливу. Колотун вскакивает и бросается вслед за ней.

Принцесса успевает первой. Ной все еще цепляется за края полыньи, но его движения беспорядочны, он больше бьет руками по снегу, чем старается вытащить себя из воды. Его круглые испуганные глаза находят Принцессу. Он хрипит, пытаясь крикнуть. Она хватается за руку и тянет на себя. Лед под ней скрипит и трещит.

Почувствовав ее руку, Ной хватается за нее мертвой хваткой.

— Ной! Ной! — кричит она.

— Ложись! — голос Колотуна доносится у нее из-за спины. — Ложись!

Провалишься!

Ной не видит Колотуна — склонившаяся над ним Принцесса загораживает обзор. Она подтаскивает его вплотную к краю и тащит, медленно вытягивая тяжелое тело из холодной воды. Вдруг она падает на живот, распластавшись на льду, быстро оборачивается и шипит.

За ней стоит Колотун. Он держит ее за ногу обеими руками и тянет к берегу. Ной выпускает руку Принцессы и упирается в край льда, пытаясь подтянуть себя вверх. Колотун рывками тащит девушку на себя, выдергивая Ноя из полыньи до пояса.

— Опирайся на край! — кричит он. — Держись! Не соскальзывай!

Ной опирается. Лед скрипит. Принцесса перестает шипеть и, отталкиваясь свободной рукой, тянет Ноя к себе. Колотун снова дергает. На этот раз Ной почти целиком оказывается на льду, только ноги все еще в воде. Снова рывок.

Принцесса высвобождает ногу, вскакивает и, схватив Ноя под мышки, оттаскивает его дальше от полыньи. В этот момент подсакивает Колотун, сбивает Ноя с ног и, не обращая внимания на девушку, изготовившуюся к броску, обкатывает его в снегу. Принцесса прыгает, опрокидывает его, потом хватается Ноя, взваливает на себя и, пригнувшись под тяжестью тела, бежит к костру. Колотун устремляется следом.

Он перегоняет их, минует костер и останавливается возле убежища. Несколько движениями он освобождает вход и машет подбегающей Принцессе.

— Сюда! Сюда неси!

Она меняет направление. Колотун тычет в темный провал их берлоги.

— Сюда!

И бросается обратно к нартам. Летят на снег вещи и остатки припасов. Он находит одеяла и с ними спешит обратно.

Ной и Принцесса уже в убежище. Она расстегивает ему куртку. Он, дрожа и непрерывно кашляя, пытается ей помочь. Колотун бросает одеяла.

— Все снимай! Слышишь? Совсем раздевайся и в одеяла! Я сейчас теплого принесу!

Тяжелую, мокрую одежду, уже частично схваченную льдом, Принцесса выбрасывает через выход наверх. На снег летят куртка, свитер, ботинки. Потом штаны, носки и мокрое белье. Трясущимися руками Ной пытается развернуть одеяло. Принцесса помогает ему, одновременно быстро избавляясь от собственной одежды. Это занимает всего пару минут. Раздевшись донага, она сворачивает кокон из одеял и прижимается к Ноеу всем телом.

Горячим, обжигаящим. Он обхватывает ее и прижимает к себе изо всех сил, их ноги сплетаются. Он чувствует, как жар ее тела проникает в него, закрывает глаза и замирает.

Колотун подходит к убежищу. В руках у него дымящийся паром котелок. Он наклоняется ко входу, заглядывает вниз и застывает. Он стоит так несколько секунд, потом разгибается и закрывает вход лапником. Возвращается к костру, ставит котелок возле огня и принимается мастерить из палок сушилку для вещей Ноей.

Быстро темнеет. Поднимается ветер. Пламя бросается из стороны в сторону, словно попавшийся в ловушку зверь. Колотуна обдает то теплом, то холодом. Он снова поднимается и идет к убежищу. Возле входа останавливается и, склонив голову, некоторое время прислушивается к шуму возни и вскрикам, доносящимся снизу. Он поднимает руку, намереваясь отодвинуть лапник, но качает головой и возвращается к костру.

Ной чувствует жар, но на этот раз исходящий не от тела Принцессы. Жар возникает у него внутри. Он все еще дрожит, но не от холода — неодолимое, болезненное возбуждение охватывает его целиком. Ной хватается за голову Принцессы, тянет к себе. Она подается — слишком быстро, слишком резко. Их губы сталкиваются, Ной чувствует привкус крови. Он вскрикивает, и целует ее. Жадно, поспешно, наваливаясь на Принцессу всем телом, прижимает ее к стволу посреди берлоги.

Ее рука скользит вниз, толкая его в бедро. Принцесса сжимает его, отклоняет и, извиваясь, дергая в стороны ногами, насаживается, как муха на иголку. В Ное взрывается внезапное и злое ощущение власти, заходящегося восторга и тепла. Она цепляется за его спину, царапая ногтями кожу. Ему больно, он подается вперед. Принцесса шипит и кусает его за подбородок. Он хватается за волосы и впивается ртом в ее соленые губы. Еда

Колотун почти не разговаривает, день за днем он молчит, замкнувшись в себе. Запасы продовольствия иссякают, пришлось снова срезать пайки. Голод и усталость идут за нартами рука об руку, они еще молчат, но уже вот-вот готовы заговорить. Большой Город постепенно превращается в миф, неясную цель, которая все еще заставляет их идти. Но не для того, чтобы достигнуть ее. Каждое утро Принцесса задает направление, и они идут. Река осталась позади, они продираются через лес.

Горит костер, Ной и Колотун занимаются убежищем. Обоим холодно. Они кутаются в теплые вещи, но одежда и движение не согревают так, как раньше. Оба тяжело дышат, откидывая снежные блоки. Они часто останавливаются, чтобы передохнуть. Ной налегает на застрявшую в плотном снегу лопату, дергает ее изо всех сил, потом отталкивает от себя черенок. Пар плотными облаками вырывается из открытого рта, он дышит часто и тяжело. Неожиданно, он бьет по лопате рукой, потом начинает пинать ее ногами, все больше и больше распаляясь.

— Сволочь! Мразь! Гнида железная! Дрянь! Дрянь!

Колотун смотрит на него несколько секунд и снова возвращается к работе. Ной успокаивается так же быстро, как и разошелся. Он задирает голову и смотрит в небо. Острые вершины елок устремлены вверх, словно стрелы, готовые вырваться из промерзшей земли и взмыть к облакам. Снег на них поедает цвета, делая все вокруг серым или белым. Ной поднимает лопату.

Принцесса возвращается с охоты. Она подходит к нартам и начинает одеваться. Колотун первым замечает ее, и добычу, лежащую у ног девушки. Он бросает лопату и идет к костру. К нему присоединяется Ной.

Принцесса держит в руке тушку зайца. Заяц маленький и тощий. Она улыбается и смотрит на Ноя с диким восторгом.

— Еда Ной! — говорит она. — Еда Ной!

Протягивает ему зайца. Ной берет. Тушка еще теплая, от нее пахнет мясом и кровью. Ной поворачивается к Колотуну.

— Его... — голос прерывается, Ной с трудом глотает холодный ком в горле, — его нужно приготовить.

Колотун снимает с пояса нож и тянет руку, но Принцесса тут же выхватывает зайца и отступает на шаг.

— Еда Ной! — строго повторяет она. — Еда Ной!

Колотун нерешительно замирает. Он глядит на Принцессу, потом на Ноя. В его глазах проскакивает что-то такое, от чего Ною становится не по себе. Он не узнает Колотуна, и это его пугает.

— Ему тоже надо! — кричит Ной. — Ему надо!

— Еда Ной! — безжалостно повторяет Принцесса.

— Я не буду есть без него!

Принцесса думает. Она смотрит на Ноя строго и недоверчиво, смотрит долго, прижимая к куртке остывающего зайца. Наконец мотает головой.

— Еда Ной! Ка-тун потом.

— Давай, ешь, — говорит Колотун.

— А ты?

— Оставишь. Видишь, как уперлась. Только ты скажи ей, что мясо приготовить нужно.

Освежеванная тушка висит на импровизированном вертеле. От мяса исходит невообразимый запах, от которого у Ноя и Колотуна громко урчит в животах. Колотун тычет в мясо ножом, выступает сок.

— Можно есть.

Принцесса хватается за вертел и сует его Ною.

— Ешь!

Колотун отворачивается. Он смотрит на темный частокол деревьев. Кашляет и обхватывает ладонью горло. Ной начинает есть.

Мясо вкусное. Оно вкуснее всего на свете. Оно лучше всего на свете — горячее, жесткое, сочное. Ной впивается в него зубами, чавкает, отрывает куски и глотает их почти целиком.

— Жуй, — говорит Колотун. — Иначе не впрок.

Ной останавливается. Руки и подбородок вымазаны жиром. Он смотрит на зайца — от тушки осталась едва половина. Он почти сыт, но может съесть еще, он хочет есть еще.

Ной протягивает остатки мяса Колотуну, но тут снова вскакивает Принцесса.

— Ешь!

— Я наелся. Теперь пусть он ест.

— Нет! Ешь! Ной!

— Я правда сыт! Я не хочу больше!

— Нет!

Ной чувствует, как внутри вскипает ярость. Он тычет вертелом в сторону Колотуна.

— Бери!

Принцесса перехватывает его руку, вырывает вертел и отступает за костер.

— Уйду!

— погоди. Ты же сама говорила, что я могу отдать ему часть!

— Уйду!

— Да жри ты, — говорит Колотун. — Унесет же. Вообще ничего не останется.

Он отворачивается. Деревья, когда-то большие и сильные, лежат перед ним, занесенные снегом. Все вокруг занесено снегом. Все мертвое — деревья, трава, и он сам. Только эти двое, спорящие за его спиной, еще живы.

— Если я съем еще, ты дашь потом Колотуну?

Принцесса кивает. Ной снова ест.

Оставшийся кусок совсем маленький, остались потроха, которые варятся в котелке. Колотун ест медленно. Идут минуты. Ной встает и кладет руку ему на плечо. Колотун не оборачивается. Ной и Принцесса уходят.

Игра в прятки

Принцессы нет третий день. Она ушла на охоту и не вернулась. Ушла, взяв с собой куртку. Ной так измучен, что даже не причитает. Еда закончилась, больше нет ничего. Три дня они остаются на месте, ставят силки, ходят по лесу с ружьем. Если бы им удалось добыть хоть что-нибудь, достать хоть немного еды, они могли бы повернуть обратно. Но им не везет, и они остаются на месте.

Ной смотрит на руку Колотуна. В зазоре между рукавом и перчаткой видна часть предплечья. Оно тонкое, как у подростка. И лицо его заострилось, вытянулось. Изменилось его выражение. Оно больше не живое, неподвижное. На нем тупая усталость. Ной думает, что и сам выглядит не лучше.

Они ложатся спать, накрываясь всем, что есть. Никто не дежурит у костра. Утром Колотун берет ружье и снова уходит. Один. Весь день Ной занят поддержанием огня. Он сушит вещи, топит снег. Вечером Колотун возвращается. Опять пустой. Они садятся у костра и пьют горячую макку.

— Зря ты в нее стрелял, — говорит Ной. — Если бы не стрелял, она бы не ушла. И тебя кормила бы.

Колотун не отвечает.

Они ложатся спать и спят почти до полудня. От голода болит голова и желудок, очень трудно сосредоточиться. Ной надевает вторую куртку и лезет вверх к костру.

— Ной?

Ему трудно сфокусировать глаза, и он не сразу узнает ее. Принцесса бежит к нему, хватая и поднимает в воздух. Она смеется. У костра темной массой лежит ее добыча. Ной начинает вырывать.

— Дура! Безмозглая дура! Никогда так больше не делай! Мы могли погибнуть, пока ты шлялась черт-те где!

Ему не приходит в голову, что слова эти звучат странно и даже нелепо, он слишком зол на нее и слишком рад, что она вернулась.

Она с готовностью кивает и тащит Ноя к костру. Усаживает на бревно и принимается свежевать свою добычу, как это делал Колотун. Ее ноги скрещены в лодыжках, колени торчат в стороны. Ной вдруг замечает темное пятно у нее в промежности. Он застывает с поленом в руке и показывает пальцем.

— Что это?

Принцесса вскидывает голову, оскаливается и отталкивает его руку.

— Ты ранена?

Она быстро сводит ноги и возвращается к своему занятию, время от времени бросая на Ноя быстрый взгляд.

— Огонь, — напоминает она.

— Что?

Ной кидает в костер полено. Пламя обвивает его множеством ярких рук.

— Ты ранена? У тебя кровь.

Она снова обнажает зубы и тихо угрожающе шипит.

— Колотун! Колотун!

Принцесса принимается нанизывать мясо на вертел.

Колотун выглядит страшно — его лицо приобрело серый оттенок, губы почти исчезли, превратившись в две бледные полоски. Кажется, что появление Принцессы его нисколько не удивляет. Он садится возле Ноя и протягивает ладони к огню.

— Она ранена! Ее так долго не было, потому что кто-то ее ранил!

Колотун с трудом отрывает взгляд от костра.

— Ранена? Где?

— Здесь!

Ной показывает ему.

— Там кровь!

— Дурак, — говорит Колотун и отворачивается.

Принцесса поднимает вертел.

— Ной, Ка-тун!

— Снова уйдешь? — спрашивает ее Колотун.

Она не отвечает. Отдает ему вертел. Он пристраивает его над огнем.

— Ты уйдешь?

— Нет.

— Пойдешь с нами?

— Да.

— Далеко еще идти?

Принцесса молчит.

— Ной, спроси ее. Меня она не понимает.

— Нет далеко, — говорит Принцесса.

Колотун кивает.

— Дай ей чистые штаны и белье, — говорит он Ною. — А эти выброси.

— Ты уверен, что с ней все в порядке? А кровь?

— Уверен. Она женщина, парень. С ними такое бывает. Ты ей скажи, что для этого не обязательно прятаться.

— Что бывает? Для чего прятаться? Ты толком скажи!

— Иди к черту. И смени ей штаны.

Они сидят возле костра сонные и сытые. Принцесса дремлет, прижавшись к Ною.

— И что теперь делать? — спрашивает тот тихо.

— Не знаю. Дальше идти. Поворачивать нет смысла.

— Думаешь, дойдем?

— Нет, не думаю. Но это не важно. Сглупили мы. Не нужно было уходить с дороги.

Нашли бы место, устроились... Теперь поздно.

— Ты так спокойно об этом говоришь.

Колотун посмотрел на Принцессу.

— Спит?

— Вроде, да.

— Сиди тихо.

Ной замирает. Колотун собирает остатки мяса, обглоданные кости и потроха, складывает все это в котелок, встает и идет к нартам.

Нет Ка-тун

Принцесса все-таки украла винтовку. Где та теперь, никто не знает.

Третий день Колотун не встает. Он очень слаб, почти не двигается. Высокая температура поедает его, путает слова и мысли. Тяжелая простуда и плохой кашель.

Колотун говорит, что это лечится. В Городе. В больнице. На снегу лечить его нечем. Закрыв нос и рот шарфом, Ной спускается к нему; он принес горячую макку. Колотун пьет с трудом. Он так кашляет, что больше проливает. Почти совсем не ест. Теперь

Принцесса не отказывает ему в свежем мясе, но он не может проглотить ни куска — его тут же выворачивает.

Третий день Ной и Принцесса ночуют в соседней берлоге, которую построили сами. Колотун не разрешает спать возле себя. Принцессу Ной к нему не пускает, ему не нравится, как она на него смотрит.

Больной лежит с закрытыми глазами, дышит тяжело и хрипло через открытый рот. Он заснул. Перед этим он снова говорил о Мамочке. С тех пор, как слег, он почти не говорит ни о чем другом. Часто он принимает за нее Ноя. Тот слушает сбивчивую речь с залитыми краской щеками. Он не решается поправлять Колотуна, только в такие минуты тот оживлен. Все остальное время он мертвый.

Так говорит Принцесса.

— Нет Ка-тун! — убеждает она Ноя.

Нет Колотуна. Для нее уже нет.

Ной осторожно шупает его лоб. Горячий. Настолько, что смоченная в воде тряпка высыхает за несколько минут. Но он еще есть. И будет до самого конца, когда бы тот ни пришел и каким бы ни был. Ной берет чашку и осторожно выбирается наружу.

Ветрено. Пламя костра мечется и гудит. Темно. В темноте Ной не сразу различает фигуру Принцессы. Она оттащила бревно подальше от огня и устроилась на нем, обхватив руками колени. Ной поднимает воротник, пытаясь укрыться от пронизывающего ветра. Садится рядом с ней и смотрит на беснующееся пламя.

Принцесса долго молчит, ковыряясь в зубах, потом поворачивается и задает вопрос:

— Ка-тун болеет?

Она упрямо зовет его Ка-тун, хотя может выговорить имя без ошибки. Просто не хочет. Колотун был неправ, называя ее зверем. Не зверем она была — ребенком. А отношение к чему-либо у ребенка формируется раз и навсегда. Взросление может только сгладить, но не может изменить заложенное в детстве.

— Ка-тун болеет? — повторяет она вопрос.

Ной отворачивается от огня.

— Да.

— Нет Ка-тун. Завтра нет Ка-тун?

— Типун тебе на язык! Сегодня он выглядит немного лучше. Меня узнал.

— Завтра-завтра нет Ка-тун?

— Прекрати!

Принцесса умолкает и снова принимается задумчиво ковырять в зубах. Ной погружается в собственные мысли.

Он врет ей, а, прежде всего, врет самому себе. Колотуну не стало лучше, и не станет лучше завтра. Если бы не упрямство Принцессы, во многом спровоцированное пренебрежительным отношением к ней Колотуна, она бы кормила его. Ной уверен, что в болезни повинен голод и, вызванная им, слабость. В последнее время Принцессе удавалось раздобыть очень мало, и Колотуну почти ничего не перепало. Он жутко ослаб, он больше не ходил на охоту, не тянул нарты. Шел рядом с ними и смотрел под ноги. Иногда падал, и тогда Принцесса помогала ему подняться. Если ее не было, Ной сажал его на нарты и тащил, сколько мог. Он снова и снова говорил с девушкой, убеждал ее — Колотуну нужно есть, иначе он умрет. Но она не хотела ничего слышать. Она поддерживала в них жизнь так, как считала нужным.

Ной вдруг подумал, что она могла намеренно приносить мало мяса.

— Ка-тун еда, — говорит Принцесса.

— Что?

— Нет Ка-тун. Ка-тун еда. Много еда.

— Ты что, хочешь, чтобы мы съели Колотуна?

Принцесса улыбается и быстро-быстро кивает. Она до боли напоминает Мамочку — ее сестру-близнеца из ночного кошмара.

Не поднимаясь с места, Ной бьет ее по лицу. Девушка не успевает отклониться, она не ожидала нападения. От пощечины на щеке проступает красное пятно.

— Не смей этого говорить. Никогда не смей так говорить о Колотуне! Он не да, и никогда ей не будет. Он человек. Ты поняла, дура?

Она вскакивает с бревна.

— Ной плохо! Ка-тун еда! Там, — она указывает рукой на темные деревья, — мало еда. Ка-тун много еда.

Она наклоняется к нему. Настороженно. Желание объяснить, убедить Ноя слишком сильно.

— Еда Ной. Еда!

Он отталкивает ее.

— Убирайся. Уйди с глаз моих.

Она недоверчиво смотрит. Она не понимает. Снова подступает, пытается обнять, прижаться.

— Принцесса любит Ной. Принцесса Ной жить.

— Уходи. Уходи спать.

Она отстраняется, но не уходит совсем. Этой ночью снова и снова она будет говорить: «Еда Ной. Еда!».

— Господи, дай мне сил не сойти с ума, — шепчет он.

«Колотун» — короткое слово. Но, если вырезать его ножом по дереву, кажется, что очень длинное. Не обращая внимания на боль в пальцах, Ной старательно заканчивает букву «н».

Колотун.

На перекрестии деревянного креста вырезано:

Колотун

Ной поднимает крест и устанавливает во главе вырытой могилы. Он копал ее два дня. Принцесса помогала, как могла. Ной непременно хотел вырыть могилу в земле — твердой, смерзшейся, плотной от переплетенных корней. Почти метр слежавшегося снега и еще полметра холодного камня земли, которая должна была стать Колотуну пухом.

Некоторое время он стоит и смотрит в черную дыру под ногами, потом возвращается к убежищу.

У входа расстелено одеяло, возле которого ждет Принцесса, хмурая и сердитая. Ной спускается вниз, к телу, просовывает ему руки под мышки, приподнимает, прислоня к стене.

— Давай! — кричит он.

Принцесса хватается Колотуна за шиворот и вытягивает наверх. Следом выбирается Ной. Они устраивают тело на одеяле, берутся за углы и тащат его к пустой могиле. Там Ной снова берет его под мышки, Принцесса — за ноги. Кряхтя от натуги, они опускают его в яму. Перегнувшись через край, Ной устраивает мертвеца ровнее, складывает ему руки на груди. Встает и некоторое время стоит на краю, глядя на острое незнакомое лицо человека, который так и не стал ему другом. На глазах выступают слезы. Принцесса молчит.

«Нужно что-то ему сказать, — думает Ной. — Последнее слово. Но какое?»

Он размышляет над этим.

Сказать здесь, посреди мертвого леса, сказать Принцессе и птицам, каким он был? А каким он был? Ной не знает. Он почти ничего не знает о Колотуне, даже имени его не знает. Он был добрым человеком? Он вытащил Ноя, когда тот пришел к Андрею после аварии, но так велел ему Караско. Он взял с собой Принцессу, но только потому, что она говорила: «Большой город» и тыкала пальцем в никуда. Он отдал Мамочку. Каким он был?

Пожелать ему что-то? Что-то обещать? Но желать и обещать Ною нечего. Просто сказать: «Прощай»?

Ной смотрит на крест. Тот перечеркивает хмурое небо. Ной переводит взгляд на Колотуна и начинает говорить:

— Помяни, Господи, в вере и надежде жизни вечной преставившегося раба твоего, брата нашего...

Он на секунду замолкает, смутившись, но тут же продолжает твердо.

— ...Колотуна. Прости все вольные и невольные прегрешения его, избавь его от вечных мук и геенны огненной...

Голос звучит все тверже, все громче. Высыхают слезы. Ной ловит себя на том, что просит — истово просит того, от кого отрекся и кого проклял — просит взять к себе этого человека, который так и не стал ему другом, но сделался дорог, как отец или брат. И от этой просьбы Ною становится легче. Тоска и злоба сменяются печалью. А с печалью в сердце уже можно идти.

Засыпанная могила — это точка. Всегда точка. Все остальное — лишь запятые. После точки можно начать новый абзац, или новую главу, или новую книгу, но никогда уже нельзя будет продолжить фразу. Она закончится тем, что успел сказать.

Принцесса трогает Ноя за плечо. Он оборачивается. Она держит в руке котелок с вареным мясом. Он не заметил, как она уходила, чтобы приготовить его. Приготовить для Ноя, потому что сама до сих пор ела мясо сырым.

Она гладит его по голове, по руке и тянет за собой к костру. Тянет мягко, но настойчиво, и Ной, наконец, подчиняется. Он подбрасывает дров в угасающий огонь, садится. Принцесса устраивается рядом, склоняется к нему, прижимается головой к его груди. Потом берет кусок мяса и подносит ко рту Ноя. Он отводит ее руку, но она настойчива. Принцесса трясет головой и касается мясом его губ. Ной отворачивается. Она поворачивает его к себе и снова сует мясо. Он откусывает кусок, начинает жевать, а она гладит его лицо, щеки и шею.

Nec plus ultra

День незаметно сменяет день. Ной и Принцесса идут, поочередно таща полегчавшие нарты. Двигаться через лес трудно, это забирает много сил, но Принцесса уходит на охоту и каждый день они едят свежее мясо. Они разводят костры, строят убежища и снова идут.

— Где Большой Город? — спрашивает Ной Принцессу.

Она показывает направление.

Бессмысленность похода давно перестала беспокоить Ноя. Привычка — та сила, которая изменяет мир легко и незаметно. Он привык к монотонному ежедневному пути, когда ничего не происходит. Дни полнят лишь тяжелая работа, еда и сон.

Принцесса ушла два часа назад, и будет отсутствовать еще примерно столько же. Потом вернется, положит добычу на нарты и впряжется в них сама, давая Ною передохнуть.

Он останавливается на минуту, чтобы глотнуть воды. Фляга лежит под слоем одеял, он переворачивает их и замечает топор. Лезвие затупилось, на нем появились зазубрины.

«Нужно придумать способ заточить его, найти большой булыжник и...»

Ной нащупывает флягу и откручивает колпачок.

— Ной!

Он быстро поворачивается. Холодная вода проливается на перчатку.

— Черт.

— Ной!

Принцесса где-то неподалеку. Ной испуганно крутит головой: голос девушки звучит встревожено.

— Я здесь! — кричит он и замечает ее фигуру между деревьев. Принцесса торопится.

— Ной!

Она подбегает к нартам. Ее лицо горит от возбуждения. Она останавливается, а потом вдруг начинает прыгать на месте, повторяя скороговоркой:

— Ной, Ной, Ной!

Это раздражает его.

— Что случилось? Что с тобой?

Принцесса прекращает свои прыжки. Останавливается и вытягивает руку.

— Большой Город, — говорит она. — Там.

Глава 25. Черные небеса

Ной отшвырнул флягу.

Этот жест, словно сигнал, заставил Принцессу встрепенуться.

— Там! — крикнула она и побежала.

Ной бросился следом — напролом, перескакивая через поваленные стволы — вперед, падая и поднимаясь.

«Все было не зря! Все не зря! Не зря!».

Они бежали около получаса, пока не достигли кромки леса. Он обрывался резко, без малейшего перехода, а за ним простиралось большое снежное поле. Далеко впереди, там, где край поля касался облаков, Ной заметил неясное темное пятно.

Маленькое темное пятно.

Он повернулся к Принцессе.

— Ты уверена, что это и есть Большой Город?

Та быстро закивала.

— Большой Город! Там!

— Какой-то странный этот город. Хотя, отсюда все равно ничего не видеть.

Принцесса нетерпеливо схватила его за руку и потянула за собой.

Они шли, увязая в глубоком снегу. Ветра не было, но мороз на открытом месте казался особенно злым. Холод сковывал лицо и руки, постепенно пробирался сквозь легкую куртку, в которой Ной тащил нарты.

«Это была ошибка, — подумал он. — Дурак. Расслабился»

По мере приближения к темному нечету, Ной все больше укреплялся в мысли, что видит перед собой какую-то башню. Огромное, массивное сооружение, напоминающее толстый конус темно-серого цвета со срезанной верхушкой. Постепенно он различил высокую стену, которая окружала постройку. Становясь ближе, башня словно пряталась за ней, пытаясь укрыться от взгляда чужака.

За башней показались еще несколько строений — невысокие, не больше четырех этажей, дома, а чуть в стороне от них — большие ажурные железные вышки, на которых в Городе устанавливали лопасти ветряков. На этих лопастях не было, но, даже не смотря на это, Ной снова почувствовал воодушевление.

«По крайней мере, Большой Город — не химера и не ее фантазия, — думал он, поспешно передвигая уставшие ноги. — И, как ни крути, она знала, куда идет, она точно знала направление. А что до непонятной башни — если вспомнить того человека в Могилках, которого нашла сверхдальняя, его костюм и странный прибор, то — что еще можно ожидать от места, из которого тот пришел? Тоже, чего-нибудь странного».

Дорога к башне заняла почти три часа. Небо понемногу начало гаснуть, готовясь выпустить на землю ночь. Мороз усилился. Обхватив руками плечи, Ной снова и снова ругал себя за безалаберность. Такая ошибка на снегу может стоить жизни.

«И, наверняка, будет стоять, если только..., - он посмотрел на темные коробки домов вокруг башни, — если только не найти хорошего убежища».

С поверхности башни в небо смотрели несколько круглых «тарелок», с какими-то штуками посередине. Ной не понял что это такое. Еще он отметил, что с недоделанных ветряков за забор опускаются толстые провода, они спускались и к небольшому одноэтажному домику, притулившемуся между башней и остальными строениями.

Провода, это хорошо, но без ветряков от них нет пользы. Ной подумал о неподвижном воздухе здесь, возле башни, и покачал головой — в таком безветрии нет пользы и от самих ветряков.

Чем ближе он подбирался к домам, чем лучше мог разглядеть поврежденные снегом и временем стены, тем явственнее проступало чувство скрытой угрозы.

«Где-то здесь, — думал он. — Среди домов. Опасность исходит от них, от мертвых ветряков, и от башни. Да — особенно от башни...»

Он тряхнул головой, отгоняя, непонятно откуда взявшиеся опасения.

«Глупости! Здесь ничего нет. Здесь все давным-давно заброшено, как в тех мертвых поселках в Пустой Земле. На снегу».

Последние метры до башни Ной прошел с задранной головой. Башня поражала своими размерами — высотой она была метров сорок, никак не меньше. Ее монолитные бока оказались удивительно гладкими, словно время позабыло о ней. Другого объяснения Ной не находил — он знал этот материал, и знал, как обходится с ним время. Это был бетон, они проходили его в школе. Материал, который использовали для строительства еще до Армагеддона. Теперь он уже не шел в дело, куда удобнее были вынутые из старых стен кирпичи. Ной помнил бетонные сооружения в Городе. Почти все они выглядели плохо, покрытые глубокими трещинами, из которых, как гнилые ребра, торчали обломки балок и арматуры.

Ной остановился. Высокая, в два человеческих роста, стена скрыла башню. Одновременно он услышал слабый низкий гул, который показался ему очень знакомым. Он задрал голову и увидел на вершине этого гладкого высокого забора змеящуюся кольцами проволоку. Звук исходил от нее. Точно такой же звук был в домике под ветряком в Квартале. Алон всегда гонял оттуда детей.

«Не лезьте туда, — говорил он. — Там смерть». И, поднимая значительно палец, добавлял: «Ток!»

«Ток, — подумал Ной. — А откуда здесь ток без ветряка?»

Он поглядел на остановившуюся рядом Принцессу.

— И где твой Большой Город?

— Там, — Принцесса показала на забор.

— Какой же там Город? Там — непойми что.

— Большой Город там! — упрямо повторила Принцесса.

Ной с сомнением посмотрел на стену.

«Нет, такую не одолеть. Даже с лестницей».

Он медленно пошел вдоль стены, опоясывающей башню большим кругом. Метров через двадцать он остановился перед закрытыми одностворчатыми воротами, достаточно широкими для того, чтобы в них мог пройти вездеход. Слева от ворот висела сильно поврежденная табличка из черного, сплошь в трещинах, пластика. На табличке было что-то написано. Ной подошел к ней вплотную и, водя пальцем по истершимся буквам, медленно прочел:

«Проект Большой Город».

И все.

Он усмехнулся.

«Надо же. И в голову даже не пришло. Обалдеть»

Ной снова хихикнул, но усилием воли подавил смех, опасаясь, как бы тот не перешел в истерику.

«Большой Город, оказался не городом, а названием какого-то проекта или что-то в этом роде. О переносном смысле никто из нас даже не подумал. Мы все ждали город — дома, людей, машины. А это, всего лишь, старый, заброшенный, проект»

Ной почувствовал жгучее, почти физически осязаемое разочарование. Он посмотрел на закрытые ворота. Они подходили к стене плотно, без малейшей щели. Открыть их, видимо, можно было только изнутри.

«Если вообще можно, ведь это место мертво. Давным-давно мертво, и никого здесь нет. Могила. Памятник. Мы искали город, а нашли памятник. Смешно».

Он глянул вверх на проволоку. Проволока гудела.

«Хотя, видимо, не совсем могила. Ток. Если есть ток, значит, эта машина функционирует. А как? Без ветряков, без людей? Должны быть люди. Но где они?»

Он повернулся к Принцессе.

— Пошли.

Она замотала головой.

— Нет! Ной! Большой Город — там!

— Мы не сможем войти, — сказал Ной. — Дверь заперта. А наверху проволока с током.

— Ной открыть дверь нет? — спросила Принцесса. Она выглядела удивленной и озадаченной, будто Ной не мог сделать какую-то очевидно простую вещь.

— Нет. Я не могу ее открыть. Даже не представляю, как.

Она разочарованно поджала губы, поглядела на чернеющее небо, потом подошла к воротам и упрямо стала толкать их, налегая всем телом.

«Интересно, она уже была здесь когда-нибудь? — думал Ной, глядя на ее усилия. — И чего ради она так рвется туда, если там ничего нет? Она что-то знает? Караско что-то знал. Наверняка. Не зря он так сюда стремился, когда умнее было, как говорил Колотун, найти место ближе. Он что-то знал. И след от ожога у него на щеке — это не игра света и тени — нет! Колотун должен был привести нас сюда, а Караско — открыть дверь».

Ной невесело усмехнулся.

«А дошел я, который ничего не понимает, и Принцесса, которая не понимает того, что знает».

Он посмотрел на небо. День истончался, сквозь него уже явно проглядывали сумерки. Очень скоро станет совсем темно. Ной подумал было, что надо вернуться к нартам за теплой одеждой, но тут же отбросил эту мысль. Гораздо умнее укрыться в одном из зданий рядом с башней. Переночевать там, а завтра решить, что делать дальше.

— Эй! — крикнул он Принцессе, все еще тщетно борющейся с воротами. — Оставь. Скоро ночь. Идем искать укрытие.

Несмотря и не сразу девушка подчинилась. Они направились к домам.

На фоне серого неба впереди, уходила к самому горизонту цепь ажурных металлических опор.

«Обычно они ведут к какому-нибудь населенному месту, — подумал Ной. — Может быть, попробовать пойти вдоль них? Может быть, настоящий Большой Город там, а не здесь?»

Дом, к которому они подошли, сохранился относительно неплохо. Все стены, сложенные из бетонных плит оказались целы, во многих окнах даже были стекла. Ной толкнул дверь ближайшего подъезда. Жутко скрипя петлями, она отрылась, явив темный ветхий коридор. Пахло сыростью и землей. И какой-то еще запах густо пропитывал спертый воздух. Какой-то составной, сложенный из многих других. Ной подумал, что так могло пахнуть время, пойманное здесь когда-то и умершее среди старых цветочных горшков, разбитых ламп и облезлых стен.

Никаких дверей в коридоре не было, наверх уводила узкая лестница. Они поднялись.

Первая же квартира, в которую они заглянули, полностью удовлетворяла их запросам: две комнаты с застекленными окнами, полно мебели, которую можно было бы разломать для костра, книги на растопку. Пол покрывал линолеум или нечто на него похожее, только сохранился он гораздо лучше, чем в Городе. Ни дырочки, ни трещинки.

— Переночуем здесь, — сказал Ной Принцессе. — Нужен костер.

В ванной они нашли большой жестяной таз, поставили его в комнате на полу и принялись ломать на дрова старую мебель.

Запылал огонь. Ной открыл форточку, и некоторое время простоял возле нее, наблюдая, как дым плывет через комнату к окну и исчезает в темноте подступившей к домам ночи. Довольно быстро комната нагрелась, и ему даже пришлось расстегнуть куртку, чтобы не вспотеть.

Оставив Принцессу возиться с мебелью, Ной занялся осмотром второй комнаты, видимо, когда-то служившей хозяину квартиры кабинетом. На нескольких полках стояли книги. Время не пощадило их — большинство расползлось в руках Ноя, стоило ему взять их. Условно, книги можно было разделить на две категории — справочники и художественная литература. Причем первые явно преобладали.

В названиях справочников Ной ничего не понял, отметив только часто мелькавшее словечко «нано» — нано-то, нано-се. Вобщем, ничего не понятно.

С художественной литературой была примерно такая же ситуация: ни имен, ни названий Ной не узнавал. Только одна книга — «Колыбель для кошки» — оказалась ему знакомой. Он подбросил ее на ладони и усмехнулся: автор, наверное, и не предполагал, как близко подойдет к правде.

На столе под полками Ной обнаружил тонкую панель умной машины. Она, конечно, уже давно не работала — экран, словно перечеркивая его, пересекала косая трещина. В ящике стола обнаружилась распухшая от сырости и плесени тетрадь. Ее страницы густо покрывали математические формулы, среди которых Ной почти ничего не разобрал. Он положил тетрадь на место и вернулся к костру.

Принцесса сидела нахохлившись и смотрела на огонь своим обычным застывшим взглядом. В животе было пусто, но зато вокруг — тепло. Ной подумал, что надо будет отправить ее завтра на охоту, пока он сам обойдет дома и убедится, что в них ничего нет.

— Завтра нужно достать еду, — сказал он.

— Еда. Да, — отозвалась Принцесса.

— Еды нужно много. Я думаю, мы проведем здесь несколько дней — пополним припасы. Потом возьмем нарты и попробуем пройти вдоль линии недоделанных ветряков

— Мы уйдем? — спросила Принцесса, повернувшись к нему. Она выглядела обеспокоенной. — Большой Город!

— Да вижу я, какой он большой. Здесь нам нечего делать — здесь ничего нет.

— Есть Город! — убежденно заявила Принцесса.

Она нахмурилась, словно собираясь с мыслями и медленно, тщательно подбирая слова, заговорила:

— Есть город. Дверь. Далеко-далеко. Приходить и уходить. Большой, большой Город. Тут. Дверь.

— Какая дверь? — спросил Ной.

— Тут дверь Большой Город, — старательно объяснила Принцесса.

— Я тебя не понимаю...

Она встала и подошла к окну. На улице совсем стемнело, по стеклу плясали отблески пламени.

— Ной, — позвала она.

Он нехотя встал и присоединился к ней. Принцесса указала на едва различимый силуэт башни.

— Дверь! — снова сказала она.

— Дверь закрыта, — ответил Ной. — Да и нет за ней ничего, кроме старой башни.

Она яростно затрясла головой.

— Дверь есть! Большой Город есть!

Ной положил руку ей на плечо.

— Пошли спать. Завтра поговорим.

— Дверь есть, — прошептала Принцесса.

Она улеглась в соседней комнате. Ной спать не спешил. Он сидел у костра и смотрел, как пламя пожирает обломки мебели.

Колотун был прав: путешествие к Большому Городу не имело смысла. Если бы не настаивал на нем Караско, если бы не заразил всех своей прихотью, этот вариант даже не рассматривался бы. Но он сумел убедить, как-то сумел. Наверняка он знал о Большом Городе больше, чем говорил. Знал нечто такое, что помогло бы ему открыть дверь, о которой говорила Принцесса.

«Он мог знать способ открыть дверь, Принцесса знала, где искать дверь, и оба они могли... скажем так, делать странные вещи. Они рвались сюда, как к небесам обетованным»

«Караско — таракан? Да нет — глупость! Принцесса — таракан, таких видно сразу. Тогда, что он такое?»

«Принцесса — наполовину животное, по сути своей — монстр, машина для выживания и убийств; Караско, обыкновенный житель Города, человек. Разные и одинаковые, одновременно. Уж не из тех ли ворот возле башни, они явились на этот свет?»

Ной потер лоб.

«Провода и электричество — не забывай об этом. Это важно»

Он глянул в темное окно. Вопросов в голове крутилось множество, а все ответы, похоже, сосредоточились там, за забором.

«Может быть, рано еще уходить? Может быть, стоит поискать способ проникнуть в эту башню?»

Ной почувствовал, что глаза его слипаются. Он встал, притушил пламя, разбив поленья на куски тлеющих углей, и прошел в соседнюю комнату. Принцесса тихо спала, свернувшись в клубок. Он устроился рядом и прижался к ее спине.

«Будет день и будет пища».

Ной проснулся моментально, словно вынырнул из воды. Яркий белый свет бил прямо в глаза. Ной сел и заслонил лицо ладонью. Рядом зашевелилась Принцесса. Луч света переместился к ней, и Ной увидел три темные фигуры у входа в комнату. Люди. Один из них держал в руке яркую лампу.

— Так, так, — протянул он.

Ной напрягся, лихорадочно соображая, кто они и откуда взялись здесь. Угрожающе зашипела за спиной Принцесса.

— Silence, — произнес человек с фонарем. — Мы не причиним вам вреда.

— По-русски говори, — вступил другой голос. — Они не понимают.

— Я и говорю.

— Кто же разводит огонь в доме? — укоризненно заметил третий. — Так и угореть можно. И дом спалить.

Ной заметил, что каждый из них держал что-то в руке. Оружие. Пистолеты. Стволы смотрели в пол, но сам факт появления вооруженных людей, настораживал, не смотря на их слова.

Тот, что держал лампу, сказал, мотнув стволом:

— Вставайте.

Принцесса вздрогнула. Ною показалось, будто она готовится к прыжку. Он быстро обернулся и схватил ее за плечи.

— Тихо, тихо, — успокаивающе произнес он. — Не надо. Вставай.

Они поднялись на ноги. Вспыхнула еще одна лампа.

— Оружие есть?

Ной покачал головой.

— Нет.

— Хорошо. Так, kids. Вы идете с нами. Спокойно и послушно.

Он поднял пистолет.

— Знаете, что это такое?

Ной кивнул.

— Ну и прекрасно. Тогда вы понимаете, что сопротивляться не стоит. Сейчас мы ваши друзья, пусть так будет и дальше. Ок?

— Что?

— Вы меня поняли?

— Да.

— Тогда идите вот за этим человеком, а мы двинемся за вами следом. Очень спокойно. Давайте.

Они пошли к выходу из квартиры. Яркие белые лучи освещали пол, стены и широкую сутулую спину одного из конвоиров. На нем была форменная одежда, немного напоминающая комбинезон Поиска, но сделанная из незнакомого светло серого гладкого материала. Когда конвоир поворачивался, Ной успел заметить эмблему у него на груди. Надпись он не разобрал — знакомые буквы в ней чередовались с непонятными символами, но сделал вывод, что пленили их не одиночки, промышляющие на снегу, а какая-то организация.

Они спустились по лестнице и вышли на улицу.

На востоке угадывались первые вестники зари. Было холодно и тихо.

У подъезда ждала машина. Ной еще никогда не видел таких: длинная, приземистая и массивная, с маленькими окнами и широко разнесенными колесами. Фары горели таким же ярким белым светом, как и лампы в руках у конвоиров. Она казалась совсем новой и едва слышно гудела.

Сутулый остановился возле нее, нажал ручку и отодвинул в сторону широкую дверь, открыв освещенный салон.

— Садимся, — сказал он. — Сначала я, потом вы, потом мой товарищ. Тихо и спокойно. Ок?

Снова это словечко. Ной не знал, что оно означает, но хорошо понимал, чего от него хотят. Он кивнул. Бежать в такой ситуации глупо, их просто пристрелят и все дела. Лучше подчиниться и посмотреть, что будет дальше. Похоже, разгадка тайны Большого Города сама нашла их.

Сутулый влез в кабину. Ной посмотрел на Принцессу. Теперь она выглядела спокойной и с любопытством рассматривала салон машины.

— Садись, — сказал Ной.

Они заняли свои места. Один из троицы уселся за руль, и машина беззвучно тронулась с места.

«Наверное, электрическая», — подумал Ной.

У водителя из-под шапки торчали длинные с проседью волосы. Ведя машину, он немного пригнулся вперед, словно пытался лучше рассмотреть дорогу и без того хорошо освещенную ярким светом фар. Они направлялись к башне, следуя по собственным следам на снегу.

Возле ворот машина остановилась, длинноволосый водитель вытащил из кармана маленькую черную коробочку и направил вперед. Ной не успел рассмотреть ее как следует, потому что в следующую секунду в стене появилась темная трещина, которая стала быстро расти: тяжелая створка ворот плавно отползала в сторону. Водитель убрал коробочку в карман, подождал, постукивая пальцами по рулю, пока проем не станет достаточно широким для машины, и завел ее внутрь.

Башню окружало внушительное кольцо пристроек, занимающее почти все свободное пространство за забором. Они подъехали к одной из дверей и остановились.

— Выгружаемся, — сказал водитель.

Повернулся к Ною и Принцессе и добавил с улыбкой:

— Welcome to Большой Город!

Они шли по залитому мягким светом коридору, мимо светло-коричневых матовых стен, светящихся панелей и экранов умных машин. Все здесь выглядело новеньким, будто недавно сделанным и так контрастировало со всем, что Ной видел раньше. Он смотрел вокруг и пытался представить, чему может служить такое необычное здание и почему оно сохранилось так хорошо. Упругий пол пружинил под ногами, и будто сам подталкивал их вперед.

— Ну вы и попахиваете, ребята, — сказал длинноволосый. — Аж глаза режет.

— Ртом, ртом дыши, — посоветовал ему коллега, молодой, небольшого роста парень с широким, словно расплюснутым лицом. Гоготнул и затряс головой.

— А ты не скалься, — заметил сутулый. — Сам попробуй сюда пешком из заповедника добраться.

«Заповедника? — подумал Ной. — Какого заповедника?»

Они остановились перед небольшой дверцей. Длинноволосый нажал несколько кнопок на пульте возле нее, створки разошлись, пропуская их в просторную комнату с огромным экраном во всю стену. На экране крутилось объемное изображение какой-то сложной конструкции.

Длинноволосый указал на стоящие напротив экрана кресла.

— Садитесь.

Ной и Принцесса сели. Он посмотрел на девушку. Ее глаза светились восторгом, как у ребенка в комнате, полной игрушек. Сам он восторга не испытывал. Ему не нравились эти люди, не нравилось их пренебрежительное отношение и оружие в их руках.

Длинноволосый подошел к пульту перед экраном.

— Куртки можете снять, — бросил он. — Здесь тепло.

Он нажал комбинацию кнопок, и экран погас.

Ной стал медленно стягивать куртку. В комнате, действительно, было жарко. Он ощутил капли пота на лбу и провел по нему ладонью. Принцесса быстро скинула куртку и потянула свитер. Ной сжал ее руку.

— Достаточно.

Экран снова загорелся. На нем появилось изображение. Комната. Стены все из того же светло-коричневого материала, длинный стол посередине, за которым сидели двое. Один, средних лет человек в очках и безукоризненно белой водолазке, второй — в форменном комбинезоне с эмблемой на груди, светловолосый, сероглазый...

— Ушки!

Ной попытался встать, но молодой удержал его, положив руку на плечо.

— Не надо!

— Эти двое, — сказал длинноволосый. — Больше никого.

Ушки улыбнулся и приветливо помахал рукой.

— Ну, здравствуй, Ной. Честно скажу — не ждал.

— Ушки... — повторил Ной. Он не мог поверить своим глазам. — Твоя рука...

— Прошу прощения за то, что исчез так внезапно. Нужно было торопиться. Даже здесь медицина отнюдь не всесильна.

Он пошевелил пальцами.

— Биопротез. Немного непривычно, но уж лучше той клешни, что мне слепили в Городе.

— Города больше нет, — сказал Ной.

— Я знаю.

Человек в белой водолазке прервал их.

— Вижу, что вы знакомы. Тем лучше. Можно считать, что контакт установлен.

Саймон, представь, пожалуйста, наших гостей.

«Саймон? — подумал Ной. — Никогда не слышал такого имени. Саймон...»

— Молодой человек — Ной Коштун. Представитель потомственной научной элиты Города. Некоторое время работал в Поиске.

Ушки перевел взгляд на Принцессу.

— Девушку я не знаю.

Ной посмотрел на нее. Принцесса разглядывала светящуюся панель возле кресла.

— Кто она, Ной?

— Она... Принцесса.

— Это я вижу. А немного конкретнее?

— Она таракан, — сказал Ной зло, глядя прямо в экран.

Ушки и человек в очках переглянулись.

— Вот как?

— Ушки, где ты?

— Об этом позже, Ной. Сейчас расскажи нам про девушку. Это очень важно. Как можно подробнее.

— Я хочу знать, где ты находишься!

— Давай так: ты расскажешь о своей Принцессе, а я отвечу на твои вопросы. Баш на баш — идет?

Ной покосился на провожатых, молча следивших за разговором. Пистолеты они все еще держали в руках.

— Хорошо. Ладно.

Он заговорил. Не сводя глаз с большого экрана, не сводя глаз с Ушки, он стал рассказывать о том, как попал на Склад Готовой Продукции; о смерти Танка и Караско; о гибели Квартала и Города; о том, как нашел Принцессу; о том, как она повела их к Большому Городу; о Мамочке, оставшейся у Пастушат; о Могилках и кресте; о голоде и охоте; и о том, как умирал Колотун. Ной говорил подробно, каждое свое слово, направляя Ушки прямо в лицо. Он хотел, чтобы тот понял, осознал цену, отданную за то, чтобы два человека сидели здесь перед экраном.

Ушки ни разу не отвернулся, и Ною показалось, что он чувствует за словами рассказа слова, обращенные к нему лично. Он хотел, чтобы Ушки почувствовал, не только осознал, но и ощутил всем своим сердцем ту боль, то отчаяние и усталость, которые вели их к Большому Городу.

Когда Ной, наконец, остановился, человек, сидевший за столом рядом с Ушки, сказал:

— Если вас не затруднит, подведите девушку ближе к камере.

Один из сопровождающих — молодой, встал и положил руку Принцессе на плечо. Она ощерилась и тут же вывернулась, готовая вскочить.

— Тише, — сказал Ной.

Взял девушку за руку и посмотрел на конвоира.

— Не трогайте ее. Даже не прикасайтесь.

— Он прав, — согласился человек на экране. — Ной, будьте любезны...

Ной встал и подвел Принцессу ближе к экрану.

— Спасибо.

Человек в белом свитере долго смотрел на нее, потирая подбородок и хмурясь. Потом повернулся к Ушки.

— Удивительно!

Тот кивнул.

— Б-17. Во всей красе.

— И в хорошем состоянии.

— Отлично!

— О чем вы говорите? — спросил Ной.

— А юноша? — не обращая на него внимания, спросил человек в очках.

— Обязательно! — сказал Ушки. — Только обоих, иначе вообще нет смысла ее брать. Слишком много проблем.

— Ок... Жаль, что упустили этого Самсона. Другой вид. Было бы очень интересно!

— Ушки, — сказал Ной.

— Да?

— Почему ты не взял с собой других? Почему ты заставил нас идти через снег?

Он поджал губы.

— Я не волен распоряжаться чужими судьбами, Ной.

— Не верю.

— Ты согласишься. Когда мы встретимся, ты поймешь.

— Где ты?

— Ушки the sky with diamonds, — ответил за него молодой конвоир и загоготал.

— Заткни пасть, — сказал Ушки.

Он крепко сжал пальцы рук — настоящей и искусственной. Молодой затих. Не давая ему времени ответить, человек в белом свитере приказал:

— Грузите их. Бережно. Вам ясно?

— Да, шеф.

Человек на экране встал и направился вон из комнаты. Стал подниматься и Ушки.

— До скорой встречи, Ной, — сказал он и махнул рукой.

И этот жест почему-то вывел Ноя из себя — эта новая рука и небрежное движение.

Перед глазами возникла картина: Ушки на койке в больнице и жуткая, чудовищная клешня, которую он медленно сводит; люди с оружием, которые позволяют себе шутить здесь; голод и жажда; ясно ощутимое пренебрежение — все это нахлынуло вдруг и затопило голову.

— Иди к черту! — крикнул Ной.

Экран погас. На месте комнаты снова появилась вращающаяся конструкция.

— Гады...

Ной почувствовал себя ужасно усталым. Он повернулся к Принцессе. Она обвила его руками за плечи и заглянула в глаза. Глупая, взволнованная, трогательная.

— Ладно, ребята, — сказал длинноволосый водитель. — Вы все слышали. Идем.

Пора домой.

Ной подошел к креслу и взял куртку.

— Брось, это тебе не понадобится.

Они снова оказались в коридоре, и долго шли по нему, мимо закрытых дверей.

Остановились перед небольшими воротцами. Длинноволосый подошел к панели возле них и нажал несколько кнопок. Створки разошлись. За ними оказался узкий коридор, упирающийся в новые воротца.

— Сюда.

В середине коридора они опять остановились. Яркие лампы на потолке потухли. Остались лишь редкие светильники на уровне пола. Над ними загорелись длинные светло-зеленые полосы.

— Встаньте в ряд, — сказал длинноволосый.

Они выстроились цепочкой. Зеленые полосы стали ярче и медленно поползли вверх, скользя по человеческим фигурам тонкими линиями, добрались до потолка и остановились. Несколько секунд ничего не происходило, потом зажегся свет.

Воротца впереди открылись.

— Готово. Идем.

За воротами оказалась просторная цилиндрическая комната. В центре ее, кругом стояли кресла. Ноя и Принцессу усадили и пристегнули ремнями.

— Ничего не трогайте. Сидите и смотрите.

Двери закрылись. Стены засветились тусклым серым светом.

«Это экраны, — подумал Ной. — Такие же, как в первой комнате».

Послышался низкий гул, пол мелко завибрировал. Вибрация продолжалась несколько секунд, потом прекратилась. На экранах загорелась надпись: «Omega Research Corp. North territory #2: Reserve». Надпись мигнула и уплыла вниз экранов.

— Ну, — сказал длинноволосый. — Поехали.

Ной напрягся, не зная, чего ожидать. Он вдруг почувствовал тяжесть, будто его тело потянула куда-то вниз неведомая сила. Вцепился в ручки кресла. Рядом вскрикнула Принцесса. В этот момент зажглись экраны, и на них появилось изображение.

Ной увидел внутренний двор возле башни, забор — все это плавно уходило вниз, будто кабина, каким-то неведомым образом поднималась над землей. Потом он увидел дом, в котором они ночевали. Скорость подъема постепенно возрастала. Ширилась перспектива. Заснеженная равнина, с одной стороны к ней подходил сплошной лесной массив. Где-то там остались нарты. Еще выше, еще быстрее. Экраны усиливали чувство полета, проявляющее себя лишь возрастающей тяжестью. У Ноя заложило ухо. Он снова дернулся.

— Что это? — хрипло прошептал он.

Земля проваливалась вниз с пугающей быстротой. Дома превратились в игрушки, забор сделался жирным кругом, нарисованным на снегу. Обрывки тумана заскользили перед экранами. Они делались все чаще, гуще, и, наконец, белесая мгла полностью скрыла вид внизу.

Снова задергалась Принцесса. Она что-то неразборчиво бормотала. Ной не смотрел на нее. Его взгляд был прикован к слепым экранам.

— Облака, — сказал кто-то. — Скоро поднимемся над ними.

«Это какое-то колдовство, — думал Ной в панике. — Над облаками? Как? Люди не могут летать!».

— Тише, тише девочка! Ты себя поранишь.

Облака обрушились вниз, и кабина наполнилась ярким солнечным светом.

Ной сжался в комок. В невообразимой безбрежной синеве восходило желтое ослепительное, как пламя, солнце. Облака быстро удалялись. То, что раньше было небом, стало землей, а над ней раскинулся голубой океан, прекрасный и страшный, бесконечно чужой.

Громада облаков обрела границы и стала быстро сжиматься, из-за ее краев появилась темно-синяя, блестящая гладь воды. Воды, не скованной льдом; воды, в которой плавала земля — бурая, зеленая, охряная. Часть ее скрывала темнота, и в этой тьме горели огни.

Где-то там, невообразимо далеко остался захлебнувшийся кровью Город; где-то там, под серым небом, Мамочка готовила на костре ужин; где-то там, крошечной черной точкой на живой карте, стояла башня.

— Большой Город, прием. Челнок готов. Ждем вас, — раздался голос в динамиках.

— Челнок, вас поняли.

— Что у вас за шум?

— Эти две обезьяны совсем рехнулись. Взбесились просто!

— Ок. Принято. Готовим транквилизатор. Держитесь.

— Спасибо. Черт, кто бы знал, что они такие дикие!

Ной кричал. Он извивался в кресле и кричал, но не слышал своего крика. Земля у него под ногами изгибалась, словно хотела свернуться сама в себя и исчезнуть, оставив его болтаться в чудовищно огромном нигде. Синий свет таял и истончался, и сквозь него, предвестником вечной ночи, проглядывала чернота. Чернота, лишенная света и тепла, мертвая и непроницаемая — Ад, развернувшийся не под ногами, а над головой. Ад втягивал их в себя, и не было силы, способной побороть его притяжение.

Кто-то догадался отключить экраны. На черном фоне остался лишь белый текст.

«Северная территория № 2.

Антропологический заповедник компании Omega Research Corp.

Обслуживание перевозки: вторая земная станция „Orbital Elevators“.

Добро пожаловать! Welcome!»

Ной и Принцесса кричали и бились в своих креслах, брызгая слюной. Их пытались удержать, орали на них, обзывали животными. Они хрипели и рвались.

Маленькая белая капсула, словно камень, выпущенный из пращи, неслась вверх и вверх — в черные небеса.

